

ТАЙНЫ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

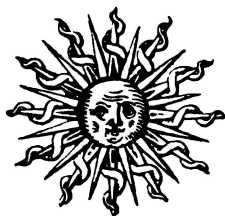
РОЖЕ
КАРАТИНИ

КАТАРЫ

БОЕВОЙ
ПУТЬ
АЛЬБИГОЙСКОЙ
ЕРЕСИ

**ТАИНЫ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

РОЖЕ
КАРАТИНИ

КАТАРЫ

ЭКМО
МОСКВА
2010

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4
К 29

Сканирование: vstakhankov
Обработка: Vitautus

Roger Caratini
LES CATHARES
De la gloire à la tragédie (1209—1244)

Перевод с французского А. Васильковой

Оформление Е. Савченко

Каратини Р.

К 29 Катары / Роже Каратини ; [пер. с фр. А. Васильковой]. — М. : Эксмо, 2010. — 400 с. — (Тайны древних цивилизаций).

ISBN 978-5-699-40585-5

Катарская ересь, распространившаяся во Франции в Средние века, едва не стала причиной самого драматичного раскола христианской церкви. Альбигойский крестовый поход, предпринятый католиками против Окситании, по территории которой победоносно шествовало учение катаров, стал самой масштабной и кровопролитной междоусобицей в средневековой Европе. Огромное количество людей было вырезано и погибло на кострах инквизиции из-за разночтений в тексте Святого Писания, некогда цветущий край Южной Франции был обращен в дымящуюся пустыню.

Один из крупнейших ученых-энциклопедистов нашего времени, автор множества исторических исследований Роже Каратини предлагает свою версию войны Церкви с катарами, основанную на документах, хрониках и свидетельствах современников этих кровавых событий. По мнению французского исследователя, невероятная бойня альбигойского крестового похода стала результатом не только религиозного рвения, но и более приземленных причин — алчности, глупости и жестокости средневековых феодалов.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

© L'Archipel, 2005
© Василькова А., перевод на русский язык, 2009
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-40585-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, что традиционно — и ошибочно — принято называть *альбигойским*¹ *крестовым походом*, на деле представляло собой религиозный и политический конфликт, в ходе которого все Тулузское графство и весь Лангедок с 1208 по 1255 год были обогрены кровью. Конфликт этот в конце концов привел к тому, что независимое государство, каким были в то время владения графа Тулузского, вассала короля Франции, 24 августа 1271 года перешло в руки монарха Филиппа Смелого. Все подробности этой захватнической войны, которая велась под религиозным предлогом, дошли до нас в пересказе двух летописцев, свидетелей тех событий: Пьера де Воде-Серне (или де Во-Серне) и Гильома де Пюилорана.

Первый из них был монахом из принадлежавшего к Шартрской епархии монастыря, настоятелем которого был его дядя Ги. В 1202 году Пьер вместе с ним присоединился в Венеции к войскам IV крестового похода. Он участвовал во взятии Зары (ныне город Задар в Венгрии), но вернулся во Францию после того, как крестоносцы отказались идти в Святую землю, решив прежде завладеть Константинополем, выбить оттуда греческого

¹ Сеньория Альби играла весьма незначительную роль в этой долгой и недостойной религиозной войне, на самом деле охватившей весь юго-запад Франции. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.)

императора и основать там в 1204 году латинскую империю. Затем, в 1206 году, Пьер де Во-Серне вместе с дядей отправился в Лангедок, чтобы проповедовать, призывая на борьбу с катарской ересью, и провел там несколько лет с армией Симона де Монфора, которому поручено было эту ересь пресечь. Этот монах написал «Альбигойскую историю»¹, в высшей степени ценную для нас, поскольку она является рассказом о событиях, очевидцем которых был автор; и все же к тексту следует относиться с осторожностью из-за чрезмерного пристрастия Пьера де Во-де-Серне к крестоносцам. Эти хроники впервые были напечатаны в Труа в 1615 году, в этой книге мы цитируем их по переводу, сделанному Паскалем Гебенем и Анри Мезонневом² и обозначаем аббревиатурой АИ. Вероятнее всего, Пьер де Во-де-Серне начал писать свою «Альбигойскую историю» в 1213 году и завершил ее после смерти Симона де Монфора в 1218 году, поскольку он упоминает об этом событии в своей поэме (ПКП, 205, стих 128).

Кроме того, два окситанских клирика, один из Наварры, другой из Тулузы, составили хронику крестового похода на провансальском языке в виде героической поэмы, состоящей из без малого десяти тысяч рифмованных (александрийских) стихов, распределенных по 214 *лессам*, и известной под названием «Песни о крестовом походе против альбигойцев» (здесь мы будем обозначать ее аббревиатурой ПКП, за которой будет следовать номер *лессы*³). Нам известно имя первого из этих двух авторов, поскольку он представился в начале

¹ В русских текстах упоминается также под названием «История альбигойцев». (Примеч. переводчика.)

² *Histoire albigeoise*, Paris, J.Vrin, 1951.

³ *Chanson de la Croisade albigeoise*, adaptation de Henri Gougaud, Paris, LGF, 1989.

«Песни о крестовом походе»: это некий Гильем из Туделы, поселившийся в Монтобане и вставший на сторону крестоносцев, то есть, учитывая его окситанское происхождение, оказавшийся «предателем» альбигойского дела и пользовавшийся покровительством Симона де Монфора, наводящего страх военачальника, который действовал по приказу папы и короля Франции. Гильем написал первые сто тридцать лесс поэмы, составляющие 2749 стихов. Он повел свой рассказ с 15 января 1208 года, с убийства на берегах Роны тулузским дворянином папского легата Пьера (или Пейре) де Кастельно — это преступление стало поводом к началу военных действий крестового похода, — и завершил его отчетом о собрании в Памье, в Арьеже, устроенном Симоном де Монфором 1 декабря 1212 года. Совершенно ясно, что Гильем из Туделы, пользующийся покровительством графа Бодуэна (брат графа Раймонда VI Тулузского, предавший дело альбигойцев и перешедший на сторону крестоносцев), был непримиримым врагом еретиков, но, как и полагается истинному любителю двойной игры, он тем не менее почитал графа Раймонда VI Тулузского, называя его «доблестным графом Раймондом». Этой двойственной принадлежностью к двум враждующим лагерям объясняется то, что в первой части «Песни о крестовом походе» не чувствуется особого пыла и страсти.

Совсем другим человеком был его анонимный преемник, продолживший сочинение поэмы. Этот второй автор, ортодоксальный католик, нигде ни словом не упоминает о катарской ереси, почтительно относится к папе и его окружению и рассматривает альбигойский крестовый поход как гражданскую войну между баронами севера и окситанскими баронами: первые с благословения короля Филиппа II Августа стремились захватить владения вторых. Безымянного соавтора «Песни о крестовом походе против альбигойцев», похоже, зани-

мает не столько судьба еретиков, сколько восстановление феодального права, политической спайки, скреплявшей христианскую Западную Европу, довольно сильно расшатанную крестовым походом.

Об этом можно прочесть в лексах со 143 по 147, в которых пересказываются споры на IV Латеранском соборе¹ по поводу запутанных юридических последствий крестового похода: что станет с присвоенными крестоносцами-победителями наследственными владениями окситанских графов, павших в бою или отлученных папой от Церкви? Должны ли ни в чем не повинные наследники утратить их по вине отцов? Самым трудным и волнующим был случай Раймонда VII, сына отлученного от Церкви графа Тулузского Раймонда VI: должен ли он распротиться с причитающимся ему наследством? Он еще не принес клятву феодальной верности королю Франции; должен ли он тем не менее поступать так, как если бы был связан с королем таким же клятвенным обещанием, как его отец? А какому сеньору должны служить вассалы отлученных от Церкви или убитых графов? Прислушаемся к безымянному поэту, который александрийским стихом рассказывает нам об этом прославленном соборе:

Вот собрался двор папы,
нашего благочестивого господина. Шумом голосов
прелатов, кардиналов, епископов, аббатов, приоров,
примасов, принцев крови и могущественных рыцарей,
прибывших из многих стран, наполнился большой зал,
где все собралось на совет.

¹ Собор, созванный Иннокентием III, инициатором крестового похода, проходил в Латеране с 11 по 30 ноября 1215 года. На этом соборе папа заставил епископов присоединиться к выступлению против катарской ереси и установил предписания Церкви, вменявшие прихожанам в обязанность исповедоваться и причащаться по меньшей мере один раз в год.

Здесь граф Тулузский¹, здесь и его сын,
красивый и славный юноша, тайно прибывший
из Англии в сопровождении немногих верных,
[...]

Папа встретил его с распростертыми объятиями и
благословил.

И впрямь, никогда еще столь пригожий юноша
к нему не являлся. Он статен,
благоразумен, и кровь его чиста: Англия, Тулуза
и Франция великолепно слились в его жилах.
Он преклонил колени перед его святейшеством
(рядом с ним стоял славный сеньор де Фуа)
и попросил вернуть по праву ему принадлежащие
земли его отцов.

Папа долго смотрел на юношу.

[...]

Увы, он был бессилен. Наши графы это предчувствовали.
Конечно, папа искусно объявил
в торжественных посланиях и речах
перед служителями Церкви и собравшимися баронами:
тулузские графы — не еретики.
Они — добрые католики. Они не заслужили
бедствий, постигших земли их предков.
Но можно ли отменить договоренность?
Конечно, нет: духовенство не согласится.
Отныне этот край принадлежит Церкви.
Она поручила Монфору править им.
И это так. Никто не смеет возражать.

(ПКП, 143)

Эти вопросы неотступно преследуют нашего Анонима, но не меньше они, должно быть, тревожили прелатов и сеньоров того времени, и позже мы еще к этому вернемся. То обстоятельство, что проблема стабильно-

¹ Раймонд VI, граф Тулузский с 1194 по 1222 год.

сти феодальной системы была поставлена так отчетливо, само по себе ясно показывает, что крестовый поход против альбигойцев был главным образом политическим предприятием, а не религиозным конфликтом, как утверждал ничего не понявший во всем этом Вольтер.

В самом деле, не следует упускать из виду, что Франция при Филиппе II Августе была далека от единого королевства, сопоставимого с нашим сегодняшним «Шестиугольником»¹. Разумеется, короли из династии Капетингов — первый из которых, Гуго Капет, завладел короной Каролингов при помощи ловкого обмана, благодаря удачному политическому перевороту, подстроенному совместно с епископом Адальбероном, — присвоили славу Карла Великого и Роланда, так что жонглеры², труверы³ и менестрели вволю будут менять историю страны франков, доходя даже до того, чтобы перенести в Париж дворец древних императоров (которые на самом деле жили в Экс-ла-Шапель) и превратить область, расположенную между нашей столицей и Орлеаном, в колыбель Каролингов⁴! Глупая и тщеславная ложь, повторявшаяся даже в реваншистских официальных школьных программах Третьей Республики.

Так вот, Филипп II был коронован в Париже 1 ноября 1179 года, при жизни отца, Людовика VII, в соответствии с капетингским обрядом, и было ему тогда четыр-

¹ «Шестиугольником» (Hexagone) называют Францию в ее европейских границах. (Примеч. переводчика.)

² Жонглеры — средневековые бродячие сказители и певцы, часто также музыканты, фокусники, выступавшие не только перед сеньорами и рыцарями, но и перед горожанами и даже крестьянами. (Примеч. переводчика.)

³ Труверы — средневековые поэты-певцы в северной Франции. (Примеч. переводчика.)

⁴ Ср. Georges Duby, *Histoire de la France*, Larousse-Bordas, rééd. 1997, p. 270.

надцать лет (он родился в 1165 году в Гонессе); годом позже Людовик VII умер, и Филипп II, который позже получит прозвище Август, сменит его на престоле. Его царствование будет долгим — до 1223 года. Маленький, с виду медлительный и неуклюжий, одноглазый, по-умному скрытный, отличный полководец, этот король, которому немало помогали его верный гофмаршал Робер Клеман и граф Радульф (Родольф) де Клермон, выстроит, прибавляя по кусочку, первое объединенное французское монархическое государство.

Как всякий хороший и уважающий себя сеньор, Филипп прежде всего позаботился о том, чтобы увеличить собственную территорию, королевский домен, ядром которого был Иль-де-Франс; его владения простирались от Компьеня до Буржа и от Нормандии до Санса, со столицей в Париже. Королю принадлежали самые плодородные земли Франции, пересеченные большими и малыми дорогами, с многочисленными городами и деревнями, и земли эти приносили немалый доход. Из этих роскошных владений король извлекал большую выгоду, ему принадлежала монополия на пекарни, кузницы, давальни и мельницы, он взимал разнообразные налоги, что делало его самым богатым сеньором королевства и давало возможность посылать в провинции своих представителей, бальи на севере и сеншалей на юге, которые надзирали за прево¹ и ведали судами, и содержать небольшое войско в три тысячи человек. Земли этого королевского домена были окружены владениями знатных сеньоров, из которых самыми могущественными были трое: герцог Нормандский (он был еще и ко-

¹ Прево (prévôt) — должностное лицо в средневековой Франции. С XI века — королевские чиновники, обладавшие судебной, военной и фискальной властью в пределах административно-судебных округов; в XIII веке были поставлены под контроль бальи и сеншалей. (Примеч. переводчика.)

ролем Англии, известным под именем Генриха II Плантагенета), граф Шампани Генрих Щедрый и граф Фландрский.

Оказавшись у власти в пятнадцать лет, Филипп II стал проводить свою политику экспансии. Для начала он женился на Изабелле, дочери графа Эно, она принесла ему в приданое города Аррас и Сент-Омер — этот брак вызвал недовольство семьи графа Шампанского и породил конфликт. Король разрешил его с оружием в руках. Затем он, пользуясь уловками феодального права, путем переговоров или через судебные инстанции заполучил прекрасные и богатые земли Артуа, Валуа, Амьенуа и Вермандуа. После чего, прислушиваясь к продуманным советам, Филипп Август предпринял удачную попытку завоевания Нормандии (1202—1204), а также земель по берегам Луары. Уже тогда можно было предположить, что после того, как король отнимет владения Иоанна Безземельного (1202), после завоевания Пуату (1204), затем Турени и Анжу (1205), он распространит свою захватническую политику на юг Франции и после того, как он благодаря действиям Ги де Дампьера присоединит к королевским владениям Овернь, Филипп Август повернет оружие против Лангедока, то есть против графа Тулузского: распространение на тулузских землях альбигойской ереси послужит ему предлогом.

В самом деле, для Капетинга велико было искушение завладеть сенешальствами Лангедока, ядром которого было богатое и могущественное графство, изначально объединявшее лишь прилегавшие к Тулузе области. Первым известным нам сеньором этих земель был некий Фределон (849—852), его преемником стал его младший брат, Раймонд I (852—864), основатель рода графов Тулузских. В 924 году пятый граф Тулузский, Раймонд III Понс, прославился тем, что прогнал за Альпы венгров,

захвативших Прованс и Лангедок. В 932 году он получил от короля Франции Рауля Бургундского (923—936) герцогство Аквитанское и графство Овернское и, присоединив к своим владениям диоцезы Безье, Нарбонн, Агд, Магелонн и Ним, навязав свое господство лангедокским сеньорам, распространил границы своих земель от Луары до Пиренеев и Средиземного моря.

Преемники Раймонда III будут поддерживать процветание графства и прославятся своими подвигами в Святой земле — вплоть до Альфонса I Иордана, который, кроме всего прочего, станет маркизом Прованса.

С 1148 года графы Тулузские больше не выступали в крестовые походы, посвятив себя управлению своими землями. Раймонд V (1148—1194) противостоял нашествию на Лангедок графов Барселонских, в то время королей Арагона, и стал сюзереном виконтов Каркассонского и Нарбоннского. Раймонд VI (1194—1222) преобразовал управление графством, имея в виду создание в Лангедоке независимого государства. Распространение на его землях катарской ереси и страшный крестовый поход, за этим последовавший, помешали ему осуществить свои намерения. Раймонд VI умрет в 1222 году отлученным от Церкви, а ересь даст французским королям¹ великолепный предлог для вторжения — посредством крестоносцев — в тулузские земли и присоединения их к королевским владениям. Сенешальства Бокер и Каркассон станут собственностью короля в 1229 году (Парижский договор), тогда как прочие земли Лангедока останутся в руках графа Раймонда VII Тулузского до его смерти, затем перейдут к его зятю, Альфонсу де Пуатье, брату Людовика Святого, и в конце концов, после его кончины, достанутся королю.

¹ Филиппу II Августу (1180—1223), Людовику VIII (1223—1226) и Людовику IX, называемому Людовиком Святым (1226—1270).

Стало быть, в действительности альбигойский крестовый поход был феодальной завоевательной войной, развязанной королем Франции Филиппом II Августом с целью присоединить богатое Тулузское графство и соседние территории к королевским владениям. Многочисленные и неравнозначные причины этого крестового похода можно объединить в три группы:

1. Глубинная и основная причина не имела никакого отношения к религии; крестовый поход против катаров был неизбежным следствием политики территориальной экспансии, которую вел Филипп Август и результатом которой стал Парижский договор, подготовленный Бланкой Кастильской и подписанный 12 апреля 1229 года на паперти собора Парижской Богоматери будущим Людовиком Святым, Людовиком IX — ему было тогда четырнадцать лет — и графом Раймондом VII Тулузским.

2. Второй глубинной причиной, объясняющей, в частности, жестокий характер этой войны под религиозным предлогом, была алчность северных баронов. Они увидели в этом крестовом походе средство получить в качестве феодалов земли графа Тулузского и его вассалов, и произошло это в тот момент, когда материальная и территориальная выгода от крестовых походов в Святую землю начала уменьшаться.

3. Побочной причиной — можно даже сказать, предлогом для него — стало распространение на юго-востоке начиная с 1150 года катарской ереси, что привело к разрыву между королем и лангедокскими баронами.

ЗАРОЖДЕНИЕ КАТАРСКОЙ ЕРЕСИ

(II век по Р.Х. — 1179 год)

На протяжении первых пяти веков нашей эры мы видим, как вырабатывается определение христианской религии и догматов Церкви, изложенных в теологических решениях первого Никейского собора (20 мая — 25 июля 325 г.), созванного по инициативе императора Константина и осудившего арианскую ересь¹. Тем не менее интеллектуальное сопротивление христианским убеждениям еще долго проявлялось в романо-христианском мире в виде двух ересей: *манихейства* и *гностицизма*.

Манихейство было разработано персом, родившимся в Месопотамии, близ Ктесифонта (нынешний Багдад), которого звали Мани (или Манес, или Манихей), годы жизни приблизительно с 216 по 277. Он был сыном мандея (мандеи — маленькая палестинская секта, члены которой почитали Иоанна Крестителя и совершали в течение своей жизни многочисленные крещения). Он начал проповедовать свое учение около 242 года в Цен-

¹ Эта ересь, которую проповедовал епископ Арий, расколола зарождающееся христианство. Арианство по-своему трактовало божественную природу Христа. Согласно Арию Христос, вторая ипостась Троицы, не совечен Отцу, но был им порожден, а до этого порождения не существовал: Сын имеет начало, учил Арий, но Отец, причина всех вещей, безначален. Это учение, называемое *арианством* по имени его создателя, было осуждено как еретическое Никейским (325 г.) и Константинопольским (381 г.) церковными соборами.

тральной Азии, Индии и даже Китае; вернувшись в 270 году на родину, он подвергся преследованиям со стороны зороастрийских жрецов, был брошен в тюрьму, а затем казнен: с него заживо содрали кожу.

Основное утверждение манихейства состоит в том, что мир делится на две различные области: Царство Света на Севере, где правит Великий Отец, и Царство Тьмы на Юге, нетронутая бесформенная материя, владения Демона, Князя Тьмы. В давние времена, в «миг Прошлого», Демон, увидев Владения Света, попытался их захватить; для того чтобы с ним бороться, Бог Света создал «первоначального человека», но тот был побежден силами Тьмы, и Великому Отцу пришлось создать другого Посланца, которому в конце концов удалось победить злые силы и подчинить их себе. Однако во время этой грандиозной схватки демонам удалось захватить большое количество светлой субстанции; начиная с этой катастрофы, Мани истолковывал мироздание и легенды Библии в связи с этим противопоставлением: Адам был порождением Демона Тьмы, сосредоточившим в нем всю светлую субстанцию, похищенную у Бога Света; обольстительница Ева заключала в своей телесной оболочке меньше Света, чем ее супруг, а потомство Адама и Евы — иными словами, род людской — являются, таким образом, материальными оболочками (телами), удерживающими в себе плененную частичку изначальной светлой субстанции, то есть душу. С этого начался «миг Настоящего», второй период мировой истории, в течение которого частички света должны освободиться из своей плотской темницы. Это освобождение совершают посланцы Князя Света: Ной, Авраам (но не Моисей), Будда, Иисус (не тот, о котором говорят христиане, а другой, его современник) и, наконец, Мани, последний из пророков, *Параклет*. Когда совершится полное освобождение всего мирового Света, на-

станет «миг Будущего»; Апокалипсис, который продлится 1468 лет, разрушит нынешний мир, образовавшийся при случайном и прискорбном смешении Света и Тьмы, и восстановится изначальное положение: два Царства этих противоположных субстанций вновь будут разделены.

У манихейства были многочисленные последователи в римском мире. Одни — *слушатели* — были простыми мирянами, которые должны были соблюдать несколько общих нравственных правил (избегать идолопоклонства, разврата, колдовства, убийства и т.д.), другие — *избранные* — были священнослужителями, изучавшими тексты Мани и обязанными соблюдать весьма суровый монашеский устав (совершенное целомудрие, отказ от всякой личной собственности, строгое вегетарианство и т.д.) и стремившимися распространять учение по всему свету. В связи с этим можно напомнить, что блаженный Августин до того, как принять христианство, в течение девяти лет был манихейским слушателем. Впоследствии эта религия подвергалась гонениям со стороны всех властей того времени (персидской, византийской, затем папской) и легла в основу множества христианских ересей, таких как ересь *каинитов* или *кайян* (в III в.), *пфисциллианство* (IV—V вв.), а позднее, как мы вскоре увидим, ересей *богомил*ов и *катар*ов.

Что касается *гностицизма*¹, это философское направление зародилось до начала христианской эры в иудейских краях и в Сирии. Затем оно распространилось до Антиохии и Александрии и, наконец, дошло до Рима, где христианские ученые, встретившись с ней, принялись с ней бороться: святой Иустин и святой Ириней во II веке, Климент Александрийский в конце II века и в начале III, а позднее, в IV веке, святой Епи-

¹ От греческого слова «гнозис» — «знание».

фаний. Именно они и познакомили нас с гностическим учением. Мы знаем, что гностическая литература на греческом или коптском языках была весьма обширной, но до наших времен от нее не дошло ничего или почти ничего. Мы располагаем лишь немногими обрывочными сведениями об авторах-гностиках, почерпнутыми исключительно из христианских источников: Симон Волхв (Симон Гиттонский), Досифей, Менандр и Керинф были по происхождению палестинцами; Алкивиад, Кердон и Бардесан — сирийцы; Василид, Валентин и Карпократ прибыли из Антиохии и Александрии; Маркион был уроженцем Синопа Понтийского.

Предметы гностической философии были весьма разнообразны. Здесь можно было встретить рассуждения о положении человека в мире, более или менее фантастические толкования Библии и Евангелий, ссылки на Каббалу или герметизм. Некоторые гностики, такие как Симон Гиттонский (упоминаемый в Деяниях Апостолов под именем Симона Волхва), похоже, развивали неканоническую по отношению к Библии мифологию; другие старались соединить гностицизм с христианством, подобно Карпократу, включившему в свой пантеон Платона, Сократа и Иисуса; наконец, третьи, подобно Маркиону, не доходя до таких крайностей, предлагали дуалистическую интерпретацию иудео-христианской теологии, согласно которой Яхве, Бог евреев, представлял Богом карающим, а Иисус, зримое проявление бога христиан, воспринимался как добрый и милосердный Бог. Тем не менее у всех гностиков мы неизменно встречаемся с равным и общим для всех пессимизмом по отношению к земной участи человека. Этот пессимизм был связан с ощущением бессмысленности происходящего (к примеру, болезни, смерти) и желанием выбраться из этого положения при помощи очистительных обрядов. В конечном счете устремления такого рода доста-

точно близки к христианским размышлениям о спасении, и именно благодаря тому, что гностики предлагали грешникам средство победить бессмысленность человеческого существования, они соблазняли многих христиан-рenegатов; этим и объясняется суровая борьба, которую вели с ним первые Отцы Церкви. Тем не менее гностицизм оказался живучим: учение Валентина, наиболее прославленного из гностиков, действовавшего около 150 года н.э. и основавшего секту в Риме, еще находило на Востоке сторонников в IV веке.

Если на Западе манихейские положения и гностическая философия начиная с V века мало-помалу исчезали, то в византийской империи дело обстояло по-другому. В частности, в Малой Азии разрасталась неоманихейская секта, основанная около 660 г. Константином из Мананалиса¹ (в 687 году византийский император приговорил его к смертной казни как еретика); ее приверженцы особенно почитали писания святого Павла, и оттого их называли *павликианами*. Как и последователи учения Мани, павликиане были дуалистами: они считали, что Творение исходит от двух начал, божественного Духа и материи, порождения Дьявола; а потому они отвергали унитарный догмат Ветхого Завета и — на чисто религиозном уровне — некоторые части Нового Завета (к примеру, писания апостола Петра). С другой стороны, павликиане осуждали культ Пресвятой Девы, поскольку Мария, на их взгляд, была всего лишь «средством», «путем», по которому тело Иисуса пришло в мир. Это тело могло быть лишь видимостью, поскольку состояло из материи, а значит, являлось созданием Дьявола: в нем не мог быть заключен божественный Дух. Павликиане отвергали главные христиан-

¹ Селение неподалеку от города Самосата в Сирии.

ские таинства крещения и евхаристии, не было у них и священников.

Само собой разумеется, византийские власти осуждали павликиан, которые выступили против них с оружием в руках и даже сумели ненадолго создать в Малой Азии независимое государство — оно было уничтожено в 752 году императором Константином V, правившим с 741 по 755 год. Тем не менее секта уцелела, и ее влияние на население (в особенности на жителей Армении) оставалось сильным вплоть до полного ее искоренения императорами македонской династии: в 872 году павликиане по приказу византийского императора Александра, правившего с 871 по 913 год, были высланы на Балканы, на территорию нынешней Болгарии.

Та местность к югу от Дуная, где они оказались, была тогда занята тюркско-монгольскими всадниками, с легкостью подчинившими себе коренное население, обитавшие в этих краях славянские племена; вскоре эти кочевники получают имя болгар. Грозным воителям, прибывшим в эти места в начале VI века после того, как они долго не давали покоя Константинополю, удалось около 680 года построить болгарскую империю, ставшую христианским государством в 865 году, в правление императора Бориса I. С самого своего прибытия в Болгарию переселенные павликиане начали проповедовать свое манихейское учение и воспитали духовных наследников, которых называют *богомилами*, а их религиозное учение — *богомилством*.

Нам неизвестно, действительно ли основателя этой секты звали Богомилом, или речь шла только о прозвище (славянское слово «богомил» означает «любимый Богом»), или же этим словом обозначался символический персонаж, но от греческих и латинских летописцев мы знаем, что, несмотря на преследования, богомилы в X и XI веках становились все более многочислен-

ными, все более активно действовали на территории Булгарии и рассылали миссионеров по всем балканским землям (в особенности — в Боснию и Сербию) и по Средиземноморью вплоть до Северной Италии и юга Франции. Богомилы следом за павликианами утверждали, что значительную часть Ветхого Завета и истории Христа следует толковать аллегорически, опираясь на манихейское учение. Они считали, что у Бога-Отца было два сына, Люцифер и Иисус. Первый из них, став орудием Бога, создал человеческие тела, в которые Отец вдохнул жизнь. Но его погубили гордыня и жажда могущества: завидуя славной участи, обещанной Адаму, он соблазнил Еву, и та, забеременев от него, родила Каина, который принес в мир зло и раздор. Вот так и началось противостояние Добра и Зла, воплощенных соответственно в Авеле и Каине. Затем появился Моисей, невольный сделавшийся орудием Каина: он посеял в людях такое смятение своим Законом, что Богу пришлось послать к ним второго своего Сына. Тот проник в лоно Девы Марии и родился в облике Иисуса, а потом принялся сражаться со злом, которое распространил по миру его брат Люцифер, после чего вновь поднялся на Небеса к Отцу, на земле же остался Святой Дух, который должен был представлять его в человеческих сердцах.

Если говорить о религиозных обрядах, богомилы не признавали никаких христианских таинств (крещение и т.д.), отвергали культ Пресвятой Девы, не признавали святых и их изображений, однако, подобно христианам, совершали богослужения, дополняя их тайными религиозными собраниями, во время которых посвящали новообращенных. Византийский император и константинопольский патриарх победили ересь при помощи традиционного средства, которым располагала Церковь на такой случай, а именно — костра: первым мучеником

секты стал византийский врач по имени Василий, сожженный заживо в 1119 году. Тем не менее богомилство продолжало укореняться в Боснии и Сербии, где оставалось государственной религией до прихода турок в XV веке; в начале XI века оно распространилось по югу Франции, дав начало ереси, которую современные авторы называют *катарской*, учению катаров.

Первых последователей этой ереси (в Германии, в Италии, затем во Франции) в сочинениях католических епископов XI века называли «манихеями» или попросту «еретиками» (на латыни — *manichei* или *heretici*); сами же они, говоря о себе, использовали для обозначения слово «чистые» (по-гречески — *catharos*, во множественном числе — *catharoi*); французское слово *cathare* появляется впервые лишь незадолго до 1214 года во французском тексте, «Хронологии» Робера Оссерского (1156—1212).

* * *

В первой половине XI века учение богомилов начало беспорядочно распространяться не только по Провансу и Лангедоку, но и по Фландрии, Шампани, и тому французскому королевству, которое создавали тогда первые Капетинги и где о присутствии еретиков впервые сообщалось в 1049 году на Реймском соборе: в то время их обозначали на латыни словом *manichei* («манихеи»). Тем не менее на этот раз, похоже, речь не шла о настоящей организованной секте: для западных епископов эти *manichei* были прибывшими с Востока заблудшими христианами, где цезаро-папизм византийских императоров, соединившись с желанием константинопольских патриархов утвердить свое главенство по отношению к римскому епископу, то есть к папе, медленно, но верно отделял восточную (греческую) Церковь от римско-католической Церкви. Пять

лет спустя, в 1054 году, и в самом деле случился первый «Великий раскол» христианства: патриарх Кируларий порвал с папой Львом IX и, будучи отлучен им от Церкви, в свой черед отлучил от Церкви его самого. Впоследствии точно так же поступят патриархи Иерусалимский и Александрийский, равно как и митрополит Киевский; таким образом, разрыв между христианскими Востоком и Западом совершился. Обе Церкви начнут сближаться только... в 1965 году, после второго Ватиканского собора.

Отныне все теоретические новшества, пришедшие с Востока, будут восприниматься как подозрительные и неизменно осуждаться Римом и государями Западной Европы, а паломников, идущих с Балкан или из южной Германии и пришедших во Францию через фламандские земли и исповедующих манихейские взгляды, нередко станут посылать на костер. Один из первых смертных приговоров, о которых сохранились упоминания, был вынесен в 1077 году в Камбре, где манихей был обвинен в ереси и погиб на костре; полвека спустя, в 1114 году, в Суассоне толпа схватила нескольких узников, обвиненных в ереси, и сожгла их. Первый лангедокский костер запылал в Сен-Жиле¹, где был сожжен в 1126 году манихейский ересиарх Пьер де Брюи, прибывший из Малой Азии.

И все же в 1159 году, в момент восшествия на престол папы Александра III (он будет занимать папский престол до 1181 года), каждый из таких еретиков представлял собой особый случай. Разумеется, они были многочисленны, но их выступления оставались одиночными, пока еще не существовало никакой организованной манихейской «церкви» ни в северной Франции, где

¹ Сейчас — главный город кантона в департаменте Гар, округ Ним.

правил Людовик VII (с 1137 по 1180 год), ни в обширном и могущественном тулузском графстве, владениях решительного Раймонда V (правил с 1148 по 1194 год). Этот правитель объединил свои земли, заставил непокорных вассалов служить при дворе и правил, опираясь на тулузскую торговую буржуазию, для которой установил режим благоприятствования; он расширил свои владения, сделавшись сюзереном рода Тренкавель, правившего Альби, Нимом, Безье и Каркассоном.

Этот религиозный мир будет недолговечным. Начиная с 1148 года с Востока начали возвращаться побежденные крестоносцы, участвовавшие во II крестовом походе¹; проходя по северной Италии, они встретили там первых еретиков (богомилы), и им не терпелось разделаться с этими «неверными» нового рода, к которым прибавились теперь другие еретики, *вальденсы*, последователи богатого лионца Пьера Вальдо или Вальденса (1141—1217), который с 1170 года проповедовал, призывая возвратиться к этике Евангелий (в 1173 году он заказал перевод на разговорный язык Евангелий, а также изречений Отцов Церкви), призывал к апостолической бедности².

Епископы юга Франции встревожились, и в 1163 году, на Турском соборе, в присутствии папы Александра III они решили принять суровые меры с целью положить конец ереси, которая распространялась в то время от Тулузы до Средиземного моря. Затем, два года спустя,

¹ Первый крестовый поход (1095—1100) победоносно завершился взятием Иерусалима (1099) и основанием христианского Иерусалимского королевства (1100); второй, вдохновителем и организатором которого в 1147 году стал святой Бернар Клервосский, завершился позорным провалом в 1148 г.

² Секта, основанная Вальдо, подвергалась гонениям, но ее члены нашли убежище в Савойе и Любероне; война вальденсам была объявлена в 1487 году, в царствование Карла VII.

в 1165 году, они устроили в Ломбере¹ публичный диспут с участием южных прелатов и представителей катаров, преследуя при этом двойную цель: обличить последних как еретиков и подготовить выступление против этих манихеев, которые сами себя именовали *boni homines* («добрые люди») и не стеснялись теперь в открытую признавать себя Церковью. В самом деле, в 1167 году болгарский епископ Никетас, прозванный «папой» катаров, отправился из Константинополя в Лангедок для того, чтобы полуподпольно создавать там общины; он созвал собор катарских проповедников и епископов в Сен-Феликс-де-Карамане близ Тулузы с тем, чтобы определить основные положения культа, обряды и иерархию того, что представало уже не сектой, но Церковью, притязавшей на всемирность наподобие римской, хотя число ее прихожан (несколько тысяч или десятков тысяч) было пока невелико в сравнении с миллионами европейских католиков.

Законные власти, столкнувшись с такой дерзостью, должны были как-то на нее ответить. Раймонд V, граф Тулузский, подумывал о крестовом походе, в котором приняли бы участие два величайших монарха западнохристианского мира, то есть короли Франции (Людовик VII, 1137—1180) и Англии (Генрих II Плантагенет, 1154—1189); он не начинал к нему призывать, ожидая решения папы Александра III, однако тот предпочел сначала осведомиться о положении дел и отправил в Тулузу легата, кардинала Петра Сен-Хрисогонского, в сопровождении внушительной делегации, состоявшей из епископов и богословов. Кардинал, обнаружив немалое число еретиков, долженствующих подвергнуться гонениям, решил наказать одного в назидание прочим: он велел арестовать и прилюдно бичевать тулузского горо-

¹ Город, расположенный в нынешнем округе Альби (Тарн).

жанина Пьера Морана, не скрывавшего своего расположения к еретикам, после чего отправил его в Святую землю¹, а сам вернулся в Рим отчитаться перед папой. Последний, как ни странно, не ответил на происходящее отлучением от Церкви, чего вполне можно было ожидать, а удовольствовался тем, что предоставил лангедокским епископам и графу Раймонду V Тулузскому самим улаживать проблему. Они же, должно быть, сознавая, насколько значительно это зарождающееся в тулузском графстве еретическое движение и насколько серьезные беспорядки может вызвать любая попытка борьбы с ним, предоставили ереси возможность распространяться по своим землям.

Совсем не так все происходило на севере Франции, где обосновались несколько еретических общин катарского направления. Там, неподалеку от Везеле, где в 1146 году святой Бернар собирал второй крестовый поход (против сарацин), некий Юг де Сен-Пьер, прибывший из Лангедока, основал в 1154 году тайное религиозное общество, привлекавшее к себе здешних жителей, жаждавших избавиться от опеки городских аббатов. В 1167 году местное церковное собрание приговорило к смертной казни семерых руководителей этого общества. Они были сожжены, что нисколько не помешало ереси и дальше распространяться по Ниверне и Бургундии. Но в этой части Франции два прочно укоренившихся монашеских ордена — старый каролингский клюнийский орден и более молодой цистерцианский (основанный святым Робером в 1098 году в Сито близ Дижона) — успешно противостояли распространению ереси, и мы увидим, что именно монаху-цистерцианцу Пьеру де Кастельно папа Иннокентий III сорок лет спустя по-

¹ Моран вернется из Святой земли три года спустя и будет торжественно встречен согражданами.

ручит «огнем и мечом» истреблять катарские заблуждения.

А пока, в 1167 году; если не считать нескольких не имевших продолжения начинаний вроде того, которое завершилось публичным бичеванием горожанина по фамилии Моран, светские (граф Раймонд V Тулузский) и церковные (папа Александр III) власти проявляли удивительную терпимость, если сравнить их поведение с действиями лютой Инквизиции, которая вскоре будет учреждена¹ для того, чтобы бороться с ересью; катарская Церковь процветала в своем полуподпольном положении. Первый (официальный) сигнал тревоги подал граф Раймонд V, который в 1177 году известил капитул монастыря в Сито об «ужасном распространении» катарской ереси, но немедленного ответа не последовало. Для того чтобы катары были преданы анафеме, пришлось ждать III Латеранского собора (5—22 марта 1179 г.; это был одиннадцатый вселенский собор римско-католической Церкви).

Этот собор, который возглавлял папа Александр III и на котором присутствовали триста епископов, а также большинство католических государей, на самом деле был связан с начавшимся за двадцать лет до того, в 1159 году, конфликтом между папой и императором Фридрихом Барбароссой, не пожелавшим признать его избрание; конфликт завершился в 1177 году победой Александра III. Собор 1179 года был созван главным образом для того, чтобы подтвердить мирное соглашение и окончательно установить правила избрания папы (большинством в две трети кардиналов), а уже во

¹ Суд католической Церкви, в чьи обязанности входило отыскивать и искоренять ереси, будет создан Тулузским синодом в 1229 году, после успешно завершившегося крестового похода против альбигойцев.

вторую очередь — чтобы предать анафеме катарскую ересь. Впрочем, обе эти задачи были между собой тесно переплетены: совершенно ясно, что состояние войны между властителями препятствовало искоренению ереси; собор равно обличил преступления солдат (ландскнехтов), осквернявших храмы и имущество духовенства, и дерзость еретиков, и устав собора налагал на них одинаковую кару.

Стало быть, на этот раз ставки были сделаны. Еретиков скопом отлучили от Церкви и поставили вне гражданского общества, но речь пока не шла об истребительном крестовом походе. Кровь в Окситании пока не пролилась.

УЧЕНИЕ КАТАРОВ

«В Нарбонне¹, где некогда расцвела вера, враг веры начал сеять плевелы: народ утратил разум, осквернил таинства Христа, соль и мудрость Господню; обезумев, он отвернулся от истинной мудрости и побрел неведомо куда извилистыми и путаными путями заблуждения, по затерянным тропам, свернув с прямого пути».

Так начинается «Альбигойская история» монаха-цистерцианца Пьера де Во-де-Серне (ок. 1193 — после 1218). Этот автор, перед тем как начать повествование о крестовом походе против катарской ереси, с 1209 года заливавшем кровью Лангедок, дает краткие сведения об учении катаров²: «*вера*», некогда расцветавшая — это христианская католическая вера, с давних времен укоренившаяся на юге Франции; «*заблуждение*», в которое впал народ Окситании — не что иное, как учение

¹ Речь идет о территории, соответствующей тому, что римляне называли «Нарбоннской Галлией»: ее северная граница шла по приблизительной дуге от Лозанны до Тулузы, а южная граница (средиземноморская, затем пиренейская) — от Ниццы до Нарбонна; две трети этой территории составляло Тулузское графство, с востока на запад окруженное графством Арманьяк, виконством Безье, графством Фуа и графством Жеводан.

² Это и в самом деле очень краткие сведения; для того, чтобы составить представление: современный перевод хроники Пьера де Во-де-Серне насчитывает 235 страниц, из которых только семь посвящены описанию ереси и поведения еретиков, а остальные 228 — собственно крестовому походу.

катаров, почти тайно появившееся на этой земле вскоре после начала тысячелетия (первые катарские еретики были сожжены на кострах Орлеана и Тулузы в 1022 году: речь идет о десяти канониках).

Глубочайшим заблуждением, главной ошибкой этих еретиков, по мнению римско-католической Церкви, была их дуалистическая теология, которую Пьер де Во-де-Серне излагает следующим образом:

«Еретики верили в существование двух создателей: один был невидимым, они называли его «добрым» Богом, другой был видимым, и они называли его «злым» Богом. Доброму Богу они приписывали Новый Завет, злему Богу — Ветхий Завет, который они, таким образом, полностью отвергали, за исключением нескольких отрывков, вставленных в Новый Завет, считая их по этой причине достойными быть сохраненными в памяти. Они считали «лжецом» [неизвестного] автора Ветхого Завета: в самом деле, он сказал о наших прародителях Адаме и Еве, что в день, когда они вкусят плод с дерева познания добра и зла, умрут смертью¹, однако же, вкусив плода, они не умерли, как он предсказал. Эти еретики говорили на своих тайных собраниях², что Христос, который родился в земном и видимом Вифлееме и умер распятым, был дурной Христос и что Мария Магдалина была его сожительницей: она и была той женщиной, взятой в прелюбодеянии, о которой говорится в Евангелиях. На самом деле, говорили они, добрый Христос никогда не ел и не пил и не облакался настоящей плотью: он явился в мир лишь чисто духов-

¹ Бытие, 2, 17.

² Различные церковные соборы, которым пришлось говорить о катарской ереси, не уставали обличать «тайные собрания, на которые сходились еретики»; то, что собрания были тайными, представлялось им «дьявольским».

ным образом, воплотившись в теле святого Павла. Вот потому мы и написали «в земном и видимом Вифлееме», ведь еретики представляли себе иную землю, новую и невидимую, где, по мнению некоторых из них, добрый Христос был рожден и распят. Еще они говорили, что у доброго Бога были две жены, Оолла и Оолиба, родившие ему сыновей и дочерей. Другие еретики говорили, что творец один, но что у него было два сына, Христос и Дьявол [...]»

(АИ, 5)

Катарские проповедники и впрямь утверждали, что Богов было два, добрый Бог, чистый, непорочный дух, и Бог Зла, которого они именовали Сатаной или Люцифером, создавший материальный и нечистый мир — солнце, звезды, землю, тела животных и людей; последний, соответственно, оказывался миром сатанинским, и из этого следовало, что добрый Бог не был всемогущим. Что касается людей (потомков Адама и Евы), они также были двойственными созданиями: как существа из плоти, а значит, материальные, они были творениями Дьявола, и каждый из них заключал в себе душу, которую добрый Бог вдохнул в каждое тело и которую он жаждал освободить, чтобы вернуть ее в небесный мир. К несчастью, Бог не мог сам освободить эти души, поскольку пропасть отделяет божественный дух от материального мира, сотворенного Люцифером: и тогда для того, чтобы сделать это, он создал Посредника, Иисуса, который был одновременно Его сыном, Его образом и прекраснейшим, самым безупречным и совершенным из ангелов (катарские богословы не признавали догмата Святой Троицы). Иисус сошел в нечистый мир материи, чтобы освободить человеческие души из их плотской темницы и вернуть в небесную чистоту; но Сатана узнал в нем Божьего Вестника и захотел его погубить,

оттого и случились Страсти Христовы и распятие божественного Посланца. Тем не менее неплотское тело Христа не может на самом деле ни страдать, ни умереть; указав Апостолам путь к спасению, Христос вновь поднялся на небеса, оставив на земле Свою Церковь, душа которой — Дух Святой. Однако Властелин Зла, оставшийся в земном мире, продолжает увлекать людей на путь заблуждения: он разрушил чистую Христову Церковь и подменил ее ложной Церковью, римской, которую называли «Христианской», но в действительности это Церковь Дьявола, и то, чему она учит, противоположно тому, чему учил Иисус: она и есть нечистый зверь Откровения, вавилонская блудница, тогда как истинная и чистая Церковь, владеющая Святым Духом, — это катарская Церковь.

Из этих теологических построений следует: 1) что таинства римско-католической церкви (крещение, причастие, брак, соборование) — всего лишь материальные обряды, ловушки Сатаны; вода крещения — всего лишь вода, облатка не может быть телом Христа, это только тесто, кресту не должно поклоняться, его следует ненавидеть и проклинать, поскольку он был орудием унижения и мучений Иисуса; 2) что Пресвятая Дева не могла быть матерью Иисуса, поскольку у него никогда не было тела, он, подобно доброму Богу, является чистым духом; 3) что человеческая душа до тех пор, пока в нее не снизошел Святой Дух, пока она не получила спасительного озарения, делающего человека чистым, остается под властью сатаны и переходит в каждой следующей жизни в одно из множества тел людей или животных (учение о переселении душ); 4) что тому, кто сделался чистым, смерть несет окончательное избавление души и что в конце времен, когда все души будут освобождены из Мрака тел, Свет вновь будет полностью отделен

и спасен от нестерпимого господства материи. И тогда материальный мир исчезнет, солнце и звезды погаснут и огонь поглотит души демонов: продолжаться будет лишь вечная жизнь в Боге.

На это путаное учение о предназначении души накладывался свод молитв и обрядов, известных нам под названием «Катарского требника»¹, два варианта которого, относящиеся к XIII веку, один на латыни, другой на окситанском языке, избежали общей участи — почти полного уничтожения всего, что было связано с учением катаров, после так называемого альбигойского крестового похода. Катарская Церковь, учившая, что брак есть проституция, отрицавшая воскрешение плоти и сочинявшая, по словам Пьера де Во-де-Серне, «странные небылицы», в действительности была устроена по образцу римско-католической Церкви.

Она включала в себя две категории верных: священников, которые вели аскетическую, полную лишений жизнь, и мирян, которые жили обычной жизнью, могли вступать в брак, заниматься каким-нибудь ремеслом, иметь личное имущество и только стараться при этом жить праведно и честно. Первых называли *совершенными*: неизменно одетые в черное, они соблюдали безупречное целомудрие; отказывались от мяса, поскольку в теле любого животного могла быть заключена человеческая душа; яиц, молока, масла и сыра они тоже не ели, потому что все эти продукты получались от сексуальной деятельности живых существ, однако употреблять

¹ «Катарский требник» был переведен французским лингвистом и диалектологом Леоном Кледа; мы цитируем его по сокращенному варианту этого перевода, предложенному Зоей Ольденбург в книге «Костер Монсегюра» («Le Bûcher de Montségur», Paris, Gallimard, 1959). См. также Приложение I наст. соч.

в пищу рыбу им было позволено. Такой образ жизни, если вести его без малейших отклонений, обеспечивал совершенным освобождение души после смерти тела. Вторых называли *верующими*: они не стремились подражать жизни совершенных, но надеялись, что вера последних принесет спасение и им, и должны были вести жизнь честную, праведную и достойную уважения.

Совершенные, как мужчины, так и женщины, которых можно было бы назвать воинствующими катарами, чаще всего были странствующими отшельниками, они шли от деревни к деревне, от замка к замку и повсюду вызывали уважение благодаря своей строгости, доброте, нравственной силе и аскетизму, поскольку неукоснительно соблюдали посты; их бледные, изможденные лица, их худоба, должно быть, нисколько не уступавшая истощенности почтенных *гуру* и восточных факиров, ласковый тихий голос, которым они проповедовали, — во всем этом народ видел доказательства их святости, называя их *добрými людьми*. Те катары, что оставались в городах, вели не менее монашеский образ жизни в общинах, селясь в особых домах, которые враждебно настроенная часть населения называла «домами еретиков»; в таком доме неизменно имелся большой суровый зал с голыми стенами, чаще всего выбеленными известью, где верные собирались для молитвы. Всю обстановку этого зала составляли накрытый белой скатертью деревянный стол, на котором лежало Евангелие, и другой стол, поменьше, на котором стояли кувшин и лохань для омовения рук; в зале постоянно горели белые свечи, пламя которых символизировало пламя Святого Духа.

Мы не знаем, как была устроена катарская Церковь, чье зарождение и развитие происходили в основном

подпольно. Один только Пьер де Во-де-Серне дает нам немногие и краткие сведения об этом в начале своей «Альбигойской истории»:

«У еретиков совершенных были представители власти, которых они называли «диаконами» и «епископами»; их просили о наложении рук, дабы всякий умирающий полагал возможным спасение своей души, но в действительности, если они налагали руки на умирающего, какая бы вина на нем ни была, если только он в состоянии был прочитать *Pater Noster*¹, они считали его спасенным и, пользуясь их выражением, «утешенным» до такой степени, что без всякой епитимьи, без какого-либо другого искупления своих грехов он поднимался на небеса. По этому поводу нам довелось слышать следующую забавную историю: некий верующий, лежа на смертном одре, получил от своего учителя *consolamentum*² посредством наложения рук, но не смог прочитать *Pater Noster* и испустил дух. Его утешитель не знал, что и сказать: покойный был спасен, поскольку принял наложение рук, но он был проклят, поскольку не смог прочитать молитву! [...] И тогда еретики отправились за советом к рыцарю по имени Бертран де Сессак³ и спросили у него, как им следует рассуждать. Рыцарь дал им такой совет и ответ: «Про этого человека мы будем говорить и утверждать, что он спасен. Что касается всех прочих, если они в последнюю минуту не прочитают *Pater Noster*, мы будем считать их проклятыми».

(АИ, 7)

¹ «Отче наш». (Примеч. переводчика.)

² Главный катарский обряд, по-французски его называли «*batême spirituel*» — «духовное крещение». См. Приложение I.

³ Бертран де Сессак был опекуном виконта Раймонда-Роже де Безье; в 1194 году он в присутствии епископа Безье обязался изгнать катаров из виконтства.

Этот отрывок прекрасно свидетельствует о духе времени. Люди той эпохи и тех поколений, что пришли следом за ними, были одержимы мыслью о спасении своей души после смерти, и у христиан римско-католической Церкви было средство, помогающее справиться с этой неотвязной тревогой: смерть на кресте Иисуса, Сына человеческого, и его воскрешение как Сына Божия вскоре после казни были для них залогом вечной жизни и спасения при условии, что эти христиане при жизни были приобщены к таинствам Церкви (в особенности и прежде всего получили крещение — необходимое и достаточное условие для того, чтобы человек был принят в лоно Церкви, — а затем, перед смертью, отпущение грехов и соборование).

Со своей стороны, катары, утверждавшие, что католическая теогония неверна и что ее следует заменить дуалистической теогонией, той самой, которую мы вкратце изложили выше, считали обряды и таинства римско-католической Церкви лишенными всякого смысла и ценности. Иными словами, христиане, которых мы будем называть традиционными, — для того, чтобы отличить их от катаров, которые также именовали себя «христианами», — были глубоко убеждены в истинности поговорки «Вне Церкви (подразумевалось — римско-католической) нет спасения» и видели в адептах новой Церкви (катарской) приспешников Сатаны, обреченных вечно гореть в аду. И наоборот — эти последние были не менее глубоко убеждены, что их долг в земной жизни состоит в том, чтобы возвращать заблудшие души христиан-католиков на правильный путь чистой религии истинного Бога — доброго Бога, — с которого их заставил свернуть Властитель Зла.

Если не считать этих скудных сведений о еретическом учении катаров и об упоминавшемся выше «Треб-

нике», нескольких намеков на их догмы, содержащихся в уставах соборов, созванных для того, чтобы бороться с этой ересью между 1179 (III — вселенский — собор в Латеране) и 1246 годами (собор в Безье), а также нескольких приговоров, вынесенных катарам судом Инквизиции, мы почти ничего не знаем об учении катаров. Зато из текстов уже упоминавшихся летописцев и из намеков, сделанных двумя окситанскими поэтами, сочинившими «Песнь о крестовом походе против альбигойцев», следует, что ересь распространилась по всему югу Франции, от Гаронны до Средиземного моря. Эти авторы единодушно называют Тулузу очагом ереси; так, Пьер де Во-де-Серне в первых же строках своей «Альбигойской истории» заявляет:

«[...] Тулуза, главный источник яда ереси, отравлявшего народы и отвращавшего их от познания Христа, Его истинного сияния и божественного света. Горький корень так вырос и так глубоко проник в сердца людей, что вырвать его стало крайне трудно: жителям Тулузы не раз предлагали отречься от ереси и изгнать еретиков, но лишь немногих удалось уговорить — настолько они, отказавшись от жизни, привязались к смерти, настолько они были затронуты и заражены скверной животной мудростью, приземленной, дьявольской, не допускающей той мудрости свыше, которая призывает к добру и любит добро».

(АИ, 3)

Нелишним будет уточнить здесь, что Пьер де Во-де-Серне писал эти строки между 1213 и 1218 годами (крайние даты), два столетия спустя после того, как в Лангедоке появилась катарская ересь; стало быть, мы можем заключить из его слов, что к этому времени катарское учение широко распространилось в тех краях. При-

близительно за полвека до того, как прозвучал призыв к крестовому походу против альбигойцев, в 1145 году, сам святой Бернар, посланный настоятелем Клерво с миссией на тулузскую землю, такими безрадостными словами описывал состояние религии в этой местности:

«Церкви стоят без прихожан, прихожане обходятся без священников, священники утратили честь. Здесь остались лишь христиане без Христа. Таинства втоптаны в грязь, больших праздников уже не отмечают. Люди умирают в грехе, без покаяния. Детей лишают жизни во Христе, отказывая им в благодати крещения».

(Послания, ССХLI)

Примерно тогда же, когда Пьер де Во-де-Серне писал свою «Альбигойскую историю», окситанский поэт Гильем из Туделы приступил к сочинению своей «Песни о крестовом походе против альбигойцев», в которой звучит тот же тревожный тон:

Начнем же. Ересь поднялась, как гад со дна морей
(Господь ее да поразит десницею своей!),
Попал весь Альбигойский край в охват ее когтей —
И Каркассон, и Лорагэ. Легли по шири всей —
От стен Безье до стен Бордо — следы ее путей!
К неложно верящим она пристала как репей,
И были там — я не совру — все под ее пятой.

(ПКП, 2, 4—10)¹

¹ Здесь и далее — все стихотворные фрагменты «Песни о крестовом походе против альбигойцев» приведены в переводе со староокситанского Елены Морозовой и Игоря Белавина. Цит. по: «Новая юность», 2000, № 5 (44), сс. 160—191 и Ж. Брюнель-Лабришон и К. Дюамель-Амадо «Повседневная жизнь во времена трубадуров XII—XIII века». М., «Молодая гвардия», «Палимпсест», 2003, с. 377—386. (Примеч. переводчика.)

С другой стороны, огромное число местностей, на которые обрушились войска крестоносцев под предводительством их не знающего жалости полководца, Симона де Монфора, наводит на мысль о том, что катары обосновались повсюду к югу от Гаронны: Пьер де Вод-Серне перечисляет около полутора сотен населенных пунктов Окситании, пострадавших во время альбигойского крестового похода. Наиболее значительные из них (в хронологическом порядке) — Безье, Каркассон, Кастр, Памье, Ломбер, Альби, Лиму, Монреаль, Монже, Монферран, Кастьельнодари, Каюзак, Нарбонн, Муасак, Кастьельсарразен, Отрив, Мюре, Марманд, Родез и, разумеется, Нарбонн и Тулуза, не считая провансальских городов (Бокер, Ним, Монтелимар). Во всех этих городах, где жили и проповедовали совершенные, было множество катаров, и можно предположить, что из-за их внешнего облика, из-за тайны, окружавшей «дома еретиков», а также благодаря своим делам милосердия и проповедям они привлекали внимание и, должно быть, часто пробуждали любопытство у народа, вызывая тем самым недовольство местного духовенства.

* * *

До нас не дошло ни одного ни официального, ни тайного документа, в котором речь шла бы о структуре катарской Церкви, кроме уже упоминавшегося «Требника». Однако нам известно из сочинений Пьера де Вод-Серне и Гильома де Пюилорана, что она состояла из двух ступеней: в каждой области был свой катарский епископ, которому помогали «старший сын» и «младший сын». Перед смертью этот епископ передавал свой епископский сан посредством ритуального наложения рук старшему сыну, которого сменял в этом звании младший сын, чьи обязанности перепоручались новому

младшему сыну, избранному из числа местных совершенных. Каждый город или другой крупный населенный пункт был поручен заботам диакона, которого назначал епископ и которому помогало более или менее значительное число совершенных, в том числе — необходимо это подчеркнуть — и совершенных женщин: не будем забывать о том, что Окситания была страной трубадуров и куртуазной любви и женщина пользовалась там куда большей моральной независимостью, чем во французском королевстве. В то же время сама природа катарской религиозной системы понятий не сочеталась с обращенной к внешнему миру культурной жизнью, равно как и с золотом, и роскошью католической Церкви; у катаров не было ни обедни, ни вечерни, ни совместной молитвы, ни крестного хода, ни открытых, доступных для всех таинств (крещения, причастия, брака); все у них происходило при закрытых дверях, в тишине и тайне «домов еретиков», как их обыкновенно называли посторонние.

Что касается катарского учения, оно частично опиралось на Евангелия (но отвергало догмат Троицы, сближаясь в этом вопросе с арианской ересью, о которой говорилось выше), а также на учение Апостолов и манихейство богомилов; весьма скромные обряды катаров, связанные с принятием мужчины или женщины в катарскую Церковь в качестве верующих или переход из состояния верующего в состояние совершенного (или совершенной) были подчинены строгим правилам, известным нам из свода молитв и ритуалов посвящения, обычно упоминаемого под названием «Катарского требника».

Вот как в этом «Требнике» описан обряд, предвещающий вступление в катарскую Церковь:

«Если верующий [*католик*] пребывает в воздержании [*в ожидании, пока его примут в ряды катаров*] и

если христиане [это слово употребляли совершенные для обозначения самих себя, поскольку считали себя единственными истинными последователями Христа, отказывая в этом католикам] согласны дать ему молитву [принять его в свои ряды], пусть они умоют руки, и верующие [катары, не принадлежащие к числу совершенных], если таковые есть среди присутствующих, тоже это сделают. Затем один из совершенных, тот, кто следует за Старейшиной [катарский священнослужитель, принимающий допущенного к посвящению], должен трижды поклониться Старейшине, затем приготовить стол, а затем снова трижды поклониться. Затем он должен произнести: «Benedicite, parcite nobis»¹. Затем верующий должен совершить *melioramentum*² и взять книгу [Евангелие] из рук Старейшины. А Старейшина тогда должен прочесть ему наставление с подобающими случаю свидетельствами [прочесть соответствующие места из Нового Завета].

После Старейшина должен произнести молитву, а верующий повторить ее за ним. Затем Старейшина должен ему сказать: «Мы даем вам эту святую молитву, примите ее от Бога, от нас и от Церкви, теперь вы можете произносить эту молитву во всякий час своей жизни, днем и ночью, в одиночестве или с другими, и никогда не прикасайтесь ни к еде, ни к питью, не сказав этой молитвы. И если вы не сделаете этого, должны будете покаяться». А верующему следует ответить: «Я по-

¹ Благослови и помилуй нас (лат.). (Примеч. переводчика.)

² Ритуальное приветствие, с которым следовало обращаться к совершенным: оно состояло в том, чтобы трижды склониться перед тем совершенным, к которому обращался верующий, трижды преклонить колени и сказать ему: «Молитесь за меня Богу, чтобы он сделал меня добрым христианином и даровал праведную кончину». Тогда совершенный благословлял верующего со словами: «Господь да содеет тебя добрым христианином и дарует тебе праведную кончину».

лучаю молитву от Бога, от вас и от Церкви». Затем он должен совершить *melioramentum* и поблагодарить, после чего христиане [совершенные] дважды сотворят молитву с поклонами и коленопреклонениями, а верующий сотворит ее следом за ними».

После совершения этого обряда катары-неофиты, находившиеся в положении обычных «верующих» в том смысле, который был дан этому понятию выше, продолжали вести обычную жизнь, стараясь жить праведно и честно. Некоторые занимались каким-либо достойным и прибыльным ремеслом, что позволяло им обеспечивать финансовое управление организацией, покупать и содержать «общинные дома» (такие дома существовали почти во всех городах Окситании, где служили одновременно и школами, и больницами, и приютами, и монастырями), и платить за работу простым людям, исполнявшим при них обязанности сторожей, проводников или гонцов. Были и другие — молодые люди, доверенные совершенным родителями, или же обращенные в катарскую веру люди всех возрастов, которые надеялись в один прекрасный день получить *consolamentum* и в свой черед сделаться совершенными. Тем не менее, за исключением этих воинствующих катаров, большинство верующих в городах или деревнях юга Франции жили так же, как и христиане-католики, довольствуясь тем, что посещали богослужения и почитали «добрых людей», этих суровых, одетых в черное совершенных, которые ходили по всему краю, проповедуя катарское учение.

Главным обрядом, необходимым условием спасения души, был *consolamentum*, обряд, делавший верующего (или верующую) полноправным членом катарской Церкви — совершенным — отчасти так, как христианское крещение символически вводит новорожденного младенца в римско-католическую Церковь, но с тем суще-

ственным различием, что для катара этот обряд был не просто символическим действием: он обладал властью превращать обычного человека, чья душа оставалась пленницей, заточенной в теле, в человека, в котором действительно обитает Дух Святой (откуда и определение обряда как *духовного крещения*, как его иногда называют). Получившая такое «утешение» душа мужчины или женщины в день его или ее смерти избегала переселения в другое тело и присоединялась на небесах к божественному Духу при условии, что со дня своего крещения обладатель этой души вел святую и добродетельную жизнь, то есть без малейших уступок и без малейших оговорок подчинялся строгим правилам катарской религии. Верующий, получивший *consolamentum*, благодаря этому делался новым существом, совершенным, и его душа успокаивалась: по смерти тела, в котором она обитала, она будет освобождена и вновь обретет Свет, который утратила при рождении.

И все же, получив обещание вечного блаженства, душа подвергалась большой опасности: после этого духовного крещения самый мелкий грешок совершенного обернется святотатством, и он утратит Святой Дух, который пребывал в нем. Для того чтобы вернуться в состояние совершенного, надо снова получить *consolamentum*. Именно по этой причине некоторые верующие ждали, пока не окажутся при смерти, чтобы быть «утешенными»: тогда они могли быть уверены в том, что не утратят в последние мгновения жизни пользы от этого обряда, который, таким образом, соответствовал одновременно католическим таинствам крещения (делающего окрещенного христианином, то есть хранителем Святого Духа) и причастия (возобновляющего этот союз с Богом) с рукоположением (превращающим мирянина в священнослужителя) и соборованием.

Торжественный обряд «духовного крещения» проис-

ходил в большом молитвенном зале описанного выше катарского дома, куда верные приходили молиться; в зале были зажжены все белые свечи, они должны были символизировать Свет Святого Духа, сошедший на Апостолов в день Пятидесятницы¹, после Вознесения Христа на небо. Старейшина дома для начала обращался к верующему, желающему стать членом катарской Церкви, с вступительной речью, напоминая ему о сверхъестественном значении обряда, который должен был вскоре совершиться. «Катарский требник» сохранил для нас содержание этой речи:

«Петр [*предполагаемое имя верующего*], ты хочешь принять духовное крещение, через которое дается Святой Дух в Церкви Божией, со святой молитвой, с наложением рук добрых людей [*совершенных*]. Об этом крещении Господь наш Иисус Христос говорит в Евангелии от Матфея своим ученикам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века»². А в Евангелии от Марка Он говорит: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет»³. А в Евангелии от Иоанна Он говорит Никодиму: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие

¹ «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе.

И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились;

И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.

И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать». (Деяния Апостолов, 2, 1—4.)

² 28; 19—20.

³ 16; 15—16.

Божие»¹. [...] Это святое крещение, через которое дается Святой Дух, Божия Церковь сохранила от времен апостолов до сегодняшнего дня, и оно передается от одних добрых людей другим добрым людям, и так дошло до нас, и так будет, пока стоит свет; также вам следует знать, что Церкви Божией дана власть связывать и развязывать, прощать грехи и оставлять их. [...] И в Евангелии от Марка Он говорит: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы»². А в Евангелии от Луки Он говорит: «Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов, и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам»³. [...]

После этого Старейшина рассказывал верующему о догматах катарской религии, о том, какими обязательствами он будет связан до конца своей жизни, и читал *Pater Noster*, объясняя каждую строку этой молитвы, которую готовящийся к вступлению должен был за ним повторять. Затем верующий торжественно отрекался от католической веры, в которой пребывал с самого детства, обещал, что отныне не прикаснется ни к мясу, ни к яйцам, ни к какой-либо другой пище животного происхождения, будет воздерживаться от плотских утех, никогда не солжет, никогда не произнесет клятвы и никогда не отречется от катарской веры. Затем он должен был произнести такие слова: «Я получаю эту святую молитву от Бога, от вас и от Церкви», а затем громко и внятно объявить, что хочет принять крещение. После этого он совершал *melioramentum* (трижды преклонял колени и просил благословения) перед Старейшиной и просил Бога про-

¹ 3; 5.

² 16; 17—18.

³ 10; 19.

стить ему все, в чем он согрешил мыслью, делом или упущением. Тогда присутствующие при этом *добрые люди* (совершенные) хором произносили формулу отпущения грехов: «Именем Господним, нашим и именем Церкви да будут отпущены тебе твои грехи». И, наконец, наступала торжественная минута совершения обряда, который должен был сделать верующего совершенным: Старейшина брал Евангелие и возлагал его на голову нового члена Церкви, а сверху он и его помощники возлагали каждый свою правую руку и молили Бога о том, чтобы на этого человека снизошел Святой Дух, между тем как все собравшиеся вслух читали *Pater Noster* и другие подобающие случаю катарские молитвы. Затем Старейшина читал семнадцать первых стихов Евангелия от Иоанна, снова произносил, на этот раз один, *Pater Noster*, и новый совершенный получал от него, а затем от других совершенных *поцелуй мира*, который он затем передавал тому из собравшихся, кто стоял к нему ближе всех, а тот передавал поцелуй соседу, и так, от одного к другому, этот поцелуй обходил всех собравшихся¹.

«Утешенный», сделавшийся отныне совершенным, облачался в черную одежду, означавшую его новое состояние, передавал все свое имущество в дар катарской общине и начинал вести бродячую жизнь милосердного проповедника по примеру Иисуса и его апостолов. Городской диакон или катарский епископ провинции должен был выбрать для него среди других совершенных спутника, который именовался *socius* (или *socia*, если речь шла о женщине), с которым ему, окруженному почитанием и поклонением крестьян, горожан и знати, предстояло отныне делить свою жизнь, свои труды и невзгоды.

¹ Если в число совершенных вступала женщина, обряд поцелуя мира заменяли символическим жестом: старейшина или его помощник притрагивался к плечу новой совершенной Евангелием и касался своим локтем ее локтя.

* * *

Крестовый поход против катаров, так называемый «альбигойский крестовый поход», на самом деле был предлогом, выдуманым Филиппом Августом для того, чтобы захватить земли графа Раймонда VI Тулузского, то есть собственно тулузское графство и относившиеся к нему владения, такие как виконтства Безье и Альби, с единственной целью: расширить территорию французского королевства. Не помешает сказать здесь несколько слов об этом человеке. Он родился в 1156 году и умер в 1222 году в Тулузе, женат был пять раз, его жены — Эрмессинда де Пеле (скончалась в 1176 г.), Беатриса, сестра виконта Безье (на ней он женился до 1193 г.), Бургинда де Лузиньян (свадьба состоялась в 1193 г.), Жанна, сестра Ричарда Львиное Сердце (она принесла ему в приданое Ажене) и, наконец, в 1211 году он взял в жены Элеонору, сестру арагонского короля.

Раймонд VI, граф Тулузский и Сен-Жиля, герцог Нарбоннский и маркиз Прованса, стал преемником отца, Раймонда V, в 1194 году. Заключенный им выгодный договор положил конец войне, которую последний вел с английскими Плантагенетами (с Генрихом II, затем с его сыном, Ричардом Львиное Сердце), у которых он отобрал Керси. В 1198 году он объединился с шурином, Ричардом Львиное Сердце, и несколькими крупными вассалами против Филиппа Августа; в последующие годы он то и дело вступал в вооруженные конфликты с разными сеньорами юга. Когда же Раймонд VI не был при оружии и не воевал, он держал блестящий двор, куда стекались трубадуры, и проявлял участие к катарам, которые, пользуясь его покровительством, обосновались на его землях. В 1205 или 1206 году граф, напуганный действиями папы Иннокентия III, который уговаривал Филиппа Августа начать крестовый поход против этих еретиков (то есть на его, Раймонда, землях), пообещал папскому легату Пьеру де Кастельно, о котором мы по-

говорим позже, что не потерпит долее катаров в своих владениях; однако обещания своего он так и не сдержал, и в дальнейшем мы увидим, каким образом миссия Пьера де Кастельно, папского легата, завершится страшным альбигойским крестовым походом.

Эти краткие сведения позволяют нам наметить два следующих обстоятельства, которые, в свою очередь, помогут нам понять смысл этой недостойной религиозной войны: 1) могущество Раймонда VI, графа Тулузского, чьи владения были почти столь же обширны и богаты, что и владения его сюзерена, короля Франции, и то, что он, кроме всего прочего, доводился шурином Ричарду Львиное Сердце (с ним он, как мы уже говорили, объединился против Филиппа Августа, который приходился графу дальней родней), делали его естественным противником короля; 2) свобода его нравов и расположение к катарам, о чем всем было известно, делали графа Раймонда VI и врагом Бога (а стало быть, папы Иннокентия III), что в 1207 году привело к его отлучению от Церкви по решению Пьера де Кастельно, подтвержденному папой в мае следующего года.

Вследствие всего этого граф Раймонд VI как для папы, так и для французского короля был человеком, с которым следовало разделаться. Крестовый поход против катаров предоставил для этого предлог и обоснование преступления, поскольку еретиков было полно как в графстве Тулузском, так и по всей Окситании. Пьер де Во-де-Серне, ожесточенно преследовавший катаров с единственным оружием — крепким гусиным пером в руке, объясняет это нам с нескрываемой страстностью, но живо и ярко, а попутно дает и некоторые драгоценные сведения, на которые мы будем обращать внимание читателя по ходу дела:

«Заметим для начала, что он [*граф Раймонд VI*], можно сказать, с колыбели любил еретиков и благоволил им, тех же, кто жил на его землях, он почитал, как толь-

ко мог¹. До нынешнего дня [до 1209 года; убийство папского легата, ставшее поводом для крестового похода, произошло в 1208 году], как рассказывают, повсюду, куда ни отправится, он ведет с собой еретиков, одетых в обычное платье, для того чтобы, если ему придется умереть, он мог бы умереть у них на руках: в самом деле, ему представлялось, что он может быть спасен без всякого покаяния, если на смертном одре сможет принять от них наложение рук². Он всегда носил при себе и Новый Завет для того, чтобы, в случае необходимости, получить от еретиков наложение рук с этой книгой. [...] Граф Тулузский, и это нам доподлинно известно, однажды сказал еретикам, что хотел бы растить своего сына [будущего Раймонда VII] в Тулузе, среди еретиков, чтобы он воспитывался в их вере³. Граф Тулузский однажды сказал еретикам, что охотно дал бы сто серебряных монет за то, чтобы обратить в веру еретиков одного из своих рыцарей, которого часто уговаривал перейти в эту веру, заставляя его слушать проповеди⁴. Кроме того, когда еретики присыла-

¹ Картулярий Магелона, маленькой деревушки коммуны Вильневле-Магелон в Эро, близ Фронтиньяна, датируемый 1209 годом, содержит (не исчерпывающий) список из двадцати шести названий местностей в окрестностях Тулузы, где были замечены «еретики» (катары): Авиньон, Арифа, Базьеж, Верфей, Гроле, Кадален, Караман, Кастельнодари, Кастельсарразен, Каюзак, Ланта, Марсель, Монмор, Монтегю, Монтобан, Монтобрен, Монтескье, Монферран, Орьяк, Рабастан, Сенегаст, Сен-Мартен-Лагепи, Сен-Мартен-ла-Ланд, Сен-Поль-Кап-де-Жу, Сен-Феликс, Сестероль.

² Больше всего катары боялись умереть внезапно, в состоянии греха, не успев получить *consolamentum*, — этот обряд может исполнить лишь совершенный (см. выше).

³ Это побочное наблюдение дает основания предполагать, что в Тулузе, скорее всего, было множество катарских домов.

⁴ Замечание такого рода, исходящее от столь серьезного летописца, каким был Пьер де Во-де-Сэрне, не носит клеветнического характера: оно напоминает нам о том, что в тулузском графстве, а скорее всего и во всей Окситании не велась «охота на ведьм».

ли ему подарки или съестные припасы, он принимал все это с живейшей благодарностью и сохранял с величайшей заботой: он не позволял к ним притрагиваться никому, кроме него самого и нескольких его приближенных. И очень часто, как узнали мы с большой достоверностью, он даже поклонялся еретикам, преклоняя колени, и просил у них благословения¹, и давал им поцелуй мира. [...] Однажды граф находился в церкви, где служили обедню: его сопровождал мим, который, по обычаю шутов такого рода, насмехался над людьми, кривляясь и делая притворные движения. Когда священник повернулся к толпе со словами «*Domini vobiscum*»², мерзкий граф велел своему гистриону передразнивать священника и насмехаться над ним. В другой раз этот самый граф сказал еще, что предпочел бы походить на некоего опасного еретика из Кастра, в епархии Альби, у которого не было ни рук, ни ног, и жил он в нищете, чем быть королем или императором³».

(АИ, 16)

¹ Это последнее замечание сомнительно: мы плохо представляем себе такого вельможу, каким был граф Тулузский, постоянно окруженного свитой, сопровождаемого капелланом, а то и епископом, преклоняющим колени перед совершенным!

² Господь с вами (лат.).

³ Пьер де Во-де-Серне грубо истолковывает замечание графа Тулузского; на самом деле поведение *добрых людей*, скитавшихся по дорогам тулузского графства и отказавшихся от всего — семьи, богатства, уюта и даже безопасности — ради того, чтобы жить в своей вере, внушало уважение, и даже их противники — к примеру, папа или святой Доминик — восхваляли их самоотверженность. Еще более достоверно нам известно, что за те десять лет, что длился крестовый поход, сотни, а может быть, и тысячи катаров были убиты или сожжены, но приводятся лишь три или четыре примера отречения; нам понятно, какое восхищение могли вызывать эти люди даже у тех, кто не признавал их мировоззрения — именно в таком смысле следует истолковывать восхищенное замечание Раймонда VI Тулузского.

Эти последние слова графа Тулузского, возможно, и верны, но они нисколько не свидетельствуют о «мерзости» Раймонда VI — они скорее служат доказательством того, что этот правитель, каким бы распутником он ни был, способен был восхищаться, а то и завидовал почти мистической чистоте веры совершенных, обреченных взойти на костры, которые ему, может быть, когда-нибудь придется для них зажечь. И в самом деле, катарам не потребовалось и двух веков на то, чтобы в конце концов создать в Окситании, и главным образом в тулузском графстве, Церковь, прочно укоренившуюся во всех его округах и во всех его городах, и Церковь эта не была ни тайной, ни подпольной и находила приверженцев как среди деревенского простонародья, так и среди горожан, и среди членов ее, а также сочувствующих ей, были могущественные бароны и знатные вельможи Лангедока.

Впрочем, катарское учение было не единственной ересью Лангедока. В самом деле, Пьер де Во-де-Серне сообщает нам о существовании христианской секты, зародившейся на юге Франции около 1170 года и начавшейся с проповедей некоего Пьера Вальдо, богатого лионского купца, отказавшегося от всего нажитого ради того, чтобы призывать к возвращению к изначальной этике Евангелия; его последователей называли вальденсами, образуя это название от имени основателя секты.

«Эти люди, несомненно, были дурными, — пишет он, — но если сравнить их с катарскими еретиками, они были куда менее испорченными. В самом деле, во многих вопросах они были с нами согласны, а в других расходились. Их заблуждение относилось главным образом к четырем положениям: они должны были, подобно апостолам, носить сандалии, говорили, что ни в каком случае нельзя ни давать клятвы, ни убивать, и утвержда-

ли, что любой из них может, в случае необходимости и при условии, что носит сандалии, совершать таинство евхаристии, даже если этот человек не был священнослужителем и не был рукоположен епископом».

(АИ, там же)

Вальденсы подвергались гонениям со стороны Рима, в 1487 году против них был начат крестовый поход, но им удалось уцелеть и найти приют в альпийских деревнях Пьемонта, Савойи и Люберона. Когда их снова начали преследовать в XVII веке (при Людовике XIV), они примкнули к кальвинистской реформированной Церкви. Уточним, что вальденсы не имели никакого отношения к катарам: в частности, они никогда не поддерживали никаких манихейских теорий.

ОТНОШЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ К КАТАРСКОЙ ЕРЕСИ

(1049—1209)

Учение катарской Церкви, обосновавшейся и развивавшейся с начала нового тысячелетия на юге Франции, не несло в себе прямой угрозы ни официальному религиозному порядку (установленному римско-католической Церковью), ни общественному порядку, ни политическому строю, ни социальному строю. Конечно, в своих проповедях катары выступали против многих догматов католицизма, однако ни на какие ортодоксальные установления они не посягали даже на словах, проповедуя, и уж тем более не совершали никаких насильственных действий. Кроме того, их Церковь укоренилась во владениях, сюзерен которых, Раймонд V, граф Тулузский, правивший с 1148 по 1194 год, более всего занят был своими распрями с английским королем Генрихом II, требовавшим отдать ему его земли от имени его супруги Алиеноры (или Элеоноры) Аквитанской; что же касается его преемника, его сына Раймонда VI (правил с 1195 по 1222 год), более терпимого к учению катаров, как мы уже говорили выше, то он, несмотря на то что сохранил католическую веру, заботился главным образом о том, чтобы помешать своему дальнему родичу Филиппу Августу (королю Франции с 1180 по 1223 год) распространять свое могущество. В конечном счете катарская Церковь никому не мешала, кроме римско-католической Церкви: она наносила ущерб ее иерархии,

ее традициям, посягала на ее мистическую и воспитательную роль, а также, и более всего, на самые священные ее положения, заявляя, что католический Иисус не был настоящим Иисусом, что римско-католическая Церковь — Церковь Дьявола, что кресты на кладбищах только на то и годны, чтобы служить насестами голубям или воронам, и что облатка в ходе таинства причастия не претворялась в тело Христово.

Фактически ересь катаров ставила под угрозу великое духовное и просветительское творение, которое апостольская Церковь строила веками после разрушения рационалистической и индивидуалистической греко-римской цивилизации. Церковь усеяла западный мир часовнями и соборами, она открывала школы, устраивала приюты и больницы, чтобы лечить и пригревать многочисленных бедняков, возрождала искусства и науки, основанные прежде язычниками, насаждала в умах новый порядок ценностей, при котором к людям следовало относиться с уважением как к творениям Божиим и главной заповедью была заповедь: «Любите друг друга»¹. Кроме того, она освятила власть королей и прочих правителей. А стало быть, неизбежным и даже закономерным было то, что католическая Церковь возмущалась «нападками» и «посягательствами» со стороны этих еретиков, которые были, в некотором роде, ее чадами, поскольку именно она внушила им ту систему ценностей — чистота, милосердие, прощение, любовь к ближнему, — во имя которой сражались катары.

Не менее естественным было и то, что епископы, монахи и католическое духовенство в целом стремились защитить свое творение, как вполне естественным представляется в наши дни, что аналогичные международные

¹ «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Иоанн, 15; 12). (Примеч. переводчика.)

организации защищают во всем мире основные права современного человека, если потребуется — с применением силы. И Церковь обладала оружием, необходимым для того, чтобы это делать: она располагала судебной инстанцией, к сожалению, столь же безжалостной, а порой и столь же скорой на расправу, сколь и соответствующие мирские общественные учреждения, которые в те времена приговаривали мелких воришек к повешению, а отцеубийц — к сожжению. Тем не менее в случае, когда речь шла о ереси, у Церкви было в запасе и другое, собственное средство воздействия помимо телесных наказаний (заклечения, пыток или смертной казни): устрашение, самой слабой степенью которого были наставления миссионеров, старавшихся отвратить христиан от ереси, а высшей мерой — угроза отлучения от церкви, влекущего за собой осуждение грешника на вечные муки.

Вот только отлучение от церкви могло быть действительной мерой лишь тогда, когда отлучаемый воспринимал отлучающего — будь то проповедник, епископ или сам папа — как законного представителя религии. Конечно, в христианских странах у отлучения от церкви были и светские, гражданские последствия: отлученный не только лишался права быть приобщенным к церковным таинствам (это ему было совершенно безразлично, поскольку он отрицал законность этой церкви), но, кроме того, он оказывался поставленным вне общества и отрезанным от собственной семьи; родные и друзья от него отворачивались, хозяева постоялых дворов не пускали его на порог, булочники отказывались продавать ему хлеб, и, если только он не покается, у него не было будущего, ему оставалось лишь сделаться жалким бродягой или мелким воришкой, которого, скорее всего, когда-нибудь повесят. Тем не менее на землях, захваченных ересью, эти последствия не проявлялись, поскольку невозможно было, да и бесполезно отлучать от церкви

всех жителей целого города или области. И тогда епископам приходилось обращаться за помощью к светской власти. Это было вполне допустимо, поскольку действующим законодательством предусматривалось, что лица, открыто высказывающие мнения, явно противоречащие учению римско-католической церкви, должны быть истреблены огнем. Другими словами, гражданское общество было таким же нетерпимым, как и церковные власти. В истории человечества это было не ново: ведь Иисуса в соответствии с принятой в те времена традицией осудил сначала иудейский синедрион, представлявший собой религиозный суд, а потом он был предан мирскому суду Пилата, который, хотя в его власти было помиловать осужденного, приказал его распять.

Катарское учение впервые официально упоминается во Франции на Реймском соборе 1049 года, в понтификат папы Льва IX. А в 1077 году в Камбре был вынесен первый смертный приговор обвиненному в ереси катару, и тот был сожжен на костре. Но тогда речь шла об особом случае, и лишь век спустя, в 1163 году, на Турском соборе французские епископы заговорят о пугающем распространении в Лангедоке катарского учения. Затем, в 1165 году, в Ломбере, в сердце окситанского края (нынешний департамент Жер), местными епископами и богословами будет созван другой собор с целью пресечь деятельность катарских «добрых людей». Тем не менее пришлось ждать понтификата Александра III (папа с 1159 по 1181 год) и вселенского собора, созванного последним в Латеране в 1179 году, чтобы предать анафеме «еретиков, коих одни именуют катарами, другие богомилами, а иные мытарями», не только тайно совершавших еретическое служение в своих «домах», но и открыто свою ересь проповедовавших, совращая слабые души. Двадцать седьмой канон, оглашенный на этом соборе, совершенно определенно говорит на эту тему:

«Мы предаем анафеме их самих и всех тех, кто разделит их точку зрения и станет ее защищать; мы запрещаем, под страхом анафемы, давать им приют и вести с ними дела. [...] Тот, кто присоединится к этим еретикам, будет отлучен от причастия [...] Все верные должны решительно выступить против этой заразы, и даже с оружием в руках. Имущество этих людей будет конфисковано, и правителям будет позволено обращать их в рабство. Всякий, кто, последовав совету епископов, выступит против них с оружием в руках [...] будет находиться, подобно крестоносцам, под покровительством Церкви».

Это епископское осуждение на самом деле было признанием своего бессилия: Церковь, неспособная бороться с ересью собственными средствами, призывала верных к оружию для того, чтобы попытаться ее истребить. Луций III (папа с 1181 по 1185 г.), преемник Александра III, приказал лангедокским епископам преследовать еретиков в своих епархиях и предписал сеньорам и рыцарям-католикам Лангедока оказывать вооруженную поддержку епископам; но стратегия феодалов состояла в том, чтобы давать обещания и немедленно после того о них забывать. Раймонд V, полновластный хозяин тулузского графства, охотно и открыто встал на сторону Церкви. Что касается его сына, будущего Раймонда VI, то если бы тот осознал, что еретики добьются в графстве преобладающего положения, он предпочел бы мир беспокойной и разорительной гражданской войне. И потому в течение десяти лет понтификата Луция III катарская ересь будет быстро распространяться, в городах станут множиться безмолвные «дома» еретиков, а «добрые люди», одетые в черное, неустанно будут шагать из города в город и от селения к селению, дабы одних лечить, а других наставлять, и обещать всем тем, кто последует их примеру, вечное блаженство.

* * *

В один из последних дней 1194 года Раймонд V, граф Тулузский, мирно скончался в своем замке, проведя большую часть жизни в войнах против короля Генриха II Английского. Его преемником стал сын, Раймонд VI, которому к тому времени было тридцать восемь лет.

Новый граф был многогранной личностью, ему отведено значительное место в «Песни о крестовом походе против альбигойцев». Уже в 1195 году он начал свое правление с того, что выгодным договором положил конец войне против английского короля Ричарда Львиное Сердце, захватившего тулузское графство в 1181 году. По условиям этого договора ему возвращали Керси (семь лет назад эти земли были захвачены англичанами) и он получал Ажене, область, также до тех пор остававшуюся в руках англичан как приданое Жанны, сестры Ричарда, на которой Раймонд VI женился, разведясь с третьей женой. В 1198 году он объединился с несколькими крупными вассалами против своего сюзерена, короля Франции Филиппа Августа, и в том же году Иннокентий III снял отлучение от церкви, наложенное на него папой за то, что он нанес ущерб аббатству Сен-Жиль (поблизости от Нима). В последующие годы у Раймонда VI было множество ссор с различными сеньорами юга, он лично принимал участие в нескольких феодальных войнах; когда же графу Тулузскому случилось на время отложить оружие и перестать воевать, он собирал вокруг себя великолепный двор, куда устремлялись прекрасные дамы и трубадуры, привлеченные его рыцарской славой... и его щедростью. Раймонд VI, разделявший либеральные обычаи своего времени, интересовался, кроме всего прочего, верованиями и деятельностью катаров, которым позволил поселиться в своих владениях, и, похоже, не побуждал своих вассалов и рыцарей откликаться на анафему, которой предал Алек-

сандр III катаров и богомилов шестнадцатью годами ранее, призывая выступить в крестовый поход против этих еретиков.

В 1198 году, спустя четыре года после восшествия на престол графа Раймонда VI, кардинал Конти, которому едва исполнилось тридцать восемь лет (следовательно, он был четырьмя годами моложе графа Тулузского), был избран папой под именем Иннокентия III. Среди срочных и трудных дел, с которыми предстояло разбираться главе всех христиан, помимо разногласий папства с германским императором Отоном, развода короля Франции Филиппа Августа, прогнавшего с супружеского ложа свою супругу Ингеборгу ради того, чтобы жениться на Агнессе Меранской, и призыва к IV крестовому походу против турок, в первую очередь его заботило дело тех, кого в Риме называли «еретиками с юга Франции» и чья деятельность расширялась, несмотря на анафему, которой предал их Александр III. И все же, несомненно, в этом отношении Иннокентий III проявил себя куда более сговорчивым, чем его предшественник, и пастырские послания, с которыми он обращался к епископам и архиепископам Лангедока, требуя от них беспристрастного расследования и доказательств вины этих еретиков, свидетельствуют об умеренности и сдержанности. В определенном смысле новый папа одобрял нравственный образ действий «добрых людей», близкий к тому, который два десятилетия спустя изберет для себя святой Франциск Ассизский и который представлял собой осуждение личным примером воинствующей Церкви; но верно и то, что он никак не мог примириться с тем, что сторонники катарского учения опровергают два основных догмата католицизма — о Святой Троице (пресуществление Отца, Сына и Святого Духа) и о Слове, ставшем плотью.

Стремясь вернуть этих заблудших овец в лоно Церк-

ви, Иннокентий III будет посылать к ним не легатов-«обвинителей», уполномоченных карать виновных, но легатов-проповедников, которым поручено было показать еретикам, насколько они заблуждаются, и наставить на истинный путь. Он станет выбирать этих легатов из числа монахов-цистерцианцев, членов монашеского ордена, созданного около 1100 года в аббатстве Сито поблизости от Дижона и распространившегося в Клерво (где первым настоятелем был святой Бернар), Ла Ферте, Понтины и Мормон. Этим легатам предписывалось не вещать *ex cathedra*¹, но диалектически убеждать противника; им позволено было выступать против еретиков в публичных спорах, чего никогда не случалось прежде в истории Церкви. Вот как Гильем из Туделы в своей «Песни о крестовом походе против альбигойцев» описывает один из таких богословских диспутов, состоявшийся в феврале 1204 года в Каркассоне по предложению короля Педро II Арагонского; в присутствии суда, состоявшего из тринадцати католиков и тринадцати еретиков, катарский епископ города, Бернар де Симорр, спорил с папскими легатами Пьером де Кастельно и братом Раулем:

Немало пастырей святых отправилось на бой
 С Великой ересью! И все пошли туда толпой...
 Цистерцианский орден был там первой головой.
 Там проповедовал Осма (старик, прелат святой),
 А супротив болгарин² был, поклонник веры злой,
 На каркассонских площадях перед толпой людской.
 Из Арагона сам король там был со свитой всей,
 Но удалился он, едва почуял смысл речей.
 И о коснеющих во лжи, узнал он гонор чей,

¹ Авторитетно, непререкаемо; буквально — «с кафедры, с папского престола» (лат.).

² Имеются в виду «булгары», к которым приравнивали катаров.

Послал в Ломбардию письмо — в Рим, для святых властей.

[...]

«Аббат цистерцианцев (тот, кого Господь любил),
Носивший имя брат Арнаут¹, опорой братьям был
(Тем, что отправились пешком или на мулах пыл
Сбивать с упорствующих в лжи и с тех, кто в ересь впал).
Но хоть словами каждый брат упрямец побивал,
Сей люд свою неpravоту ни в чем не признавал!

(ПКП, 2—4)

Среди церковников, составлявших «войско легатов» и сопровождавших брата Арнаута, был Пьер де Кастельно, которого наша «Песнь о крестовом походе» именует «добрым монахом». В 1204 году, по окончании каркассонского диспута, этот легат вынес приговор графу Раймонду Тулузскому и отлучил его от Церкви, обвинив в том, что он помогает и покровительствует еретикам; для того чтобы приговор мог быть приведен в исполнение, папа должен был подтвердить суровое решение своего легата, но он еще колебался, не зная, стоит ли исключать из христианской общины настолько знатного сеньора, чей сюзерен — Филипп Август — был самым могущественным из монархов христианского мира. Иннокентий III и в самом деле считал, что истинно виновными в этой истории были не еретики, обманутые искусными проповедниками, но местные епископы, оказавшиеся неспособными удержать свою паству на верном пути католицизма. Иннокентий III пребывал в сомнениях три года, прежде чем утвердить приговор своего легата Пьера де Кастельно (или Пейре, как называет его автор «Песни о крестовом походе»). Папа решился на это лишь 29 мая 1207 года и, подписав буллу с подтверждением, тем самым подписал смертный приговор своему пред-

¹ Речь идет об Арнауте Амори, который возглавит крестовый поход против катаров в 1209 году и умрет в 1225 году.

ставителю, который восемь месяцев спустя пал на берегах Роны жертвой катарской *вендетты*, о чем мы расскажем чуть позже.

Но пока святотатственное преступление, которому предстояло стать той искрой, от которой разгорится пожар в Лангедоке, еще не совершилось и папа Иннокентий III в начале августа 1205 года в последний раз попытался переубедить еретиков. Он отозвал своих любящих роскошь миссионеров с их великолепными экипажами (из-за которых катары говорили, что эти христиане явились в раззолоченных каретах защищать своего Бога, чей Сын ступал по дорогам Галилеи босыми ногами) и позволил молодому, но уже успевшему прославиться испанскому проповеднику Доминго де Гузману, известному нам под именем святого Доминика и прибывшему во Францию, сопровождая епископа Осма, Диего де Асебеса, остаться там, чтобы бороться с катарской ересью, проповедуя вместе с уже находившимися на месте цистерцианскими монахами.

Несмотря на то что участие Доминика в подготовке крестового похода против катаров не было решающим, — впрочем, этот поход, начатый в 1206 году, был прерван вторжением в Лангедок католических крестоносцев в июле 1209 года, через полтора года после убийства легата Пьера де Кастельно, — оно заслуживает того, чтобы вкратце о нем рассказать.

Для начала монах и его испанский епископ вступили в переговоры с цистерцианцами (братьями Ги и Ренье), которых папа отправил с поручением в Нарбонн. Поскольку монахи из Сито разъезжали повсюду не иначе как в богатых экипажах с возницами и многочисленными слугами, Доминик с епископом предложили им отослать прочь слуг, лошадей и все роскошное, громоздкое и совершенно лишнее снаряжение, которое возмущало еретиков; однако монахи и слушать их не стали, как не

стали слушать и еретики, когда их попытались вновь обратить в католическую веру во время публичных диспутов в Осма, Монпелье, Сервиане, Безье, Каркассоне, Верфее или Памье, где была устроена последняя «беседа» с дискуссией в замке графа де Фуа (единственным, о ком доподлинно известно, что святому Доминику действительно удалось его обратить, был Понс Роже де Тревиль). Гильом де Пюилоран в своей «Альбигойской истории» также дает понять, что монах Доминик сам призывал к всеобщему крестовому походу против альбигойцев и что он сделался личным советником зловещего Симона де Монфора, который, как мы увидим дальше, станет одним из полководцев этой кровавой религиозной войны, но в нашем распоряжении нет ни одного документа, который бы это доказывал.

Фактически единственным, что святому Доминику, бесспорно, удалось сделать полезного и долговременного для католицизма в Лангедоке, было создание в 1206 году монастыря Пруй (поблизости от Кастельнодари), первоначально предназначавшегося для того, чтобы принимать молодых девиц, которые, будучи воспитанными в еретической вере, под влиянием проповеди брата Доминика вернулись бы в лоно Церкви. «Молите Господа Бога, — попросили они, — чтобы Он открыл нам истинную веру, в которой мы хотим жить и умереть, и чтобы мы были спасены». Если верить легенде, святой ответил им: «Не бойтесь ничего, Господь Бог покажет вам и прогонит того хозяина, которому вы служили до сего дня». И когда он произнес эти слова, демон явился им в образе ужасного черного кота. Святой Доминик основал для юных жительниц Лангедока, возвратившихся к католицизму, этот монастырь, которому годом позже архиепископ Нарбоннский отдал церковь святого Мартина в Лиму и которому впоследствии предстояло обогатиться за счет имущества, конфискованного у местных сеньоров-еретиков.

* * *

Если значительная часть лангедокских горожан и крестьян и посещала, открыто или тайком, «тихие дома» катаров, местная католическая церковь не утратила из-за этого ни своих прихожан, ни своей силы, ни... своих недостатков, из которых самым серьезным была торговля церковными должностями или духовным саном, греховная практика, носившая название *симонии*, которой охотно предавалась немалая часть высшего лангедокского духовенства (чем, среди прочего, и объясняется успех ереси «чистых» — катаров — в этой области французского королевства). Сам папа Иннокентий III сурово относился к нравам своих епископов. Вот, например, как он говорит о них в одном из своих посланий:

«Это слепцы, безгласные псы, разучившиеся лаять [*понимай: разучившиеся сражаться с грехом*], виновные в симонии, отпускающие грехи богатому и осуждающие бедного. [...] Они набирают бенефиции [*церковные должности, приносящие определенный доход*] и доверяют священство и духовный сан недостойным священникам или не знающим грамоты детям [*тем, кто сам купил их или чьи семьи это сделали*]. Отсюда идет и дерзость еретиков, отсюда и пренебрежение сеньоров и народа к Богу и Его Церкви. В этих местах прелаты стали посмешищем для мирян».

(Иннокентий III, *Послания*, т. VII, с. 79)

Легко представить, как могли вести себя стремящиеся к монашеской жизни миряне, какими были катары, по отношению к продажному, распутному, опустившемуся католическому духовенству и насколько тем самым была облегчена задача совершенных, переходивших из города в город и из деревни в деревню: они, как и католические епископы, проповедовали любовь к Бо-

гу и следование безупречной евангельской морали, но делали это, подавая пример собственной жизнью, а не просто произносили слова, которым противоречили экипажи, нравы и богатство церковников. Тем не менее, если катарская Церковь и отказалась от золота и пышности Церкви католической, она все же была устроена по ее образцу: в каждом церковном округе Лангедока был свой катарский епископ, которому помогали «старший сын» и «младший сын», избранные собранием совершенных этого округа; перед смертью епископ передавал сан старшему сыну, который делался его преемником, младший сын становился старшим сыном, и собрание избирало нового младшего сына; кроме того, в каждом населенном пункте был свой диакон, подчинявшийся катарскому епископу соответствующей провинции, которому оказывали административную и финансовую помощь верующие-миряне, а наиболее богатые из них (как правило, торговцы) обеспечивали содержание общинных домов, одновременно служивших жильем, школами, больницами и монастырями. Таким образом, за несколько лет в юго-западной феодальной Франции, на территории которой появлялось все больше этих монастырей нового типа, сложилось новое общество на религиозной основе, которого, казалось, не могли поколебать ни проповеднические кампании, проводившиеся католическими епископами, ни старания папы, отправившего в катарский край святого Доминика, чье поведение было столь же строгим и безукоризненным, сколь и у самих проповедников-еретиков. Последняя попытка восстановить свою власть в тулузском графстве была предпринята папой в 1206 году, когда он лишил сана за симонию недостойного епископа Тулузского Раймонда де Рабастана, заложившего земли епархии, чтобы расплатиться с займодавцами, и заменил его провансальским монахом по имени Фульк из Марселя, который

прежде был трубадуром и бегал за каждой юбкой (при условии, что она была надета на знатную даму).

Новый епископ начал с того, что выплатил долги своего предшественника, а затем взялся насаждать католические порядки в тулузском графстве, где вместе с испанским епископом Осма, святым Домиником и настоятелем Сито, Арнаутом Амори, участвовал в кампании «собраний-споров» с катарскими проповедниками; но единственным результатом было то, что им удалось довести до фанатичного исступления нескольких лангедокских католиков и затем в течение пяти лет, впрочем, безуспешно, пытаться натравить их на еретиков, о чем напоминает читателям Гильем из Туделы в самом начале своей «Песни о крестовом походе»:

Скажу, коль Бог благословит, что эти люди злей,
Чем яблоко грызущий червь, гнилых плодов гнилей,
Ведь слышим мы уже пять лет их непотребный лай.
Совсем у Господа от рук отбился этот край!
Чем в схватке яростней глупцы, тем ближе бездны край,
Ведь им, пока идет война, не будет, так и знай,
Пощады на земле.

(ПКП, 2)

В течение этих пяти лет Церковь не решалась дать начало трагедии, которой обернулся бы истребительный крестовый поход против еретиков, теоретически предложенный папой Александром III в его анафеме 1179 года: стратегия «собраний-споров» ни к чему не привела, если не считать того, что она дала возможность окситанским епископам понять, насколько еретики многочисленны и насколько велики те средства защиты, коими они располагают. Теперь папа Иннокентий III, равно как и те легаты, которых он держал в графстве Тулузском и на других землях юго-западной Франции, отступали перед моральной ответственностью за войну.

Но что это могла быть за война, с кем на деле предстояло воевать? Против кого следовало выступить в поход? Против сеньоров-католиков, приютивших еретиков в своих владениях? Это не имело бы ни малейшего смысла: воевать следовало хозяевам этих земель, например графу Раймонду VI Тулузскому... Но каким образом принудить его к этому? Под угрозой отлучения в случае, если он этого не сделает? Или призвать к крестовому походу против лангедокских еретиков? Этого нельзя было делать, поскольку все лангедокские сеньоры были вассалами короля Франции, который никогда не допустил бы присутствия каких бы то ни было чужеземных войск в их владениях: окситанская часть Франции не была турецкой провинцией, подобно Палестине. А главное и прежде всего — какой *casus belli*¹ здесь можно было отыскать?

Случай и человеческая жестокость позаботились о том, чтобы его предоставить. Мы помним, что в 1204 году легат Пьер — или Пейре — де Кастельно отлучил от церкви графа Тулузского. Этот приговор был подтвержден папой три года спустя, 29 мая 1207 года. И вот что случилось с легатом через несколько месяцев после этого папского подтверждения, 15 января 1208 года:

[...] Пейре де Кастельно тогда Господень путь привел
В Прованс, где он своим трудам последний счет расчел
С Тулузским графом и того от Церкви отлучил,
Ведь граф соседей разорял и грабежи чинил.
Но графский конюший один все в темноте бродил
И, сердцем злобу возлюбя, от графа милость ждал.
Он свой предательский кинжал прелату в бок всадил,
Убил де Кастельно, затем, дурных наделав дел,
Избрал убежищем Бокэр, лен графа и удел.

¹ Повод к войне (лат.).

Но перед смертью к небесам всё руки возводил
 Благочестивый Кадельно и Господа просил,
 Чтоб неразумному слуге тот смертный грех простил;
 И перед Богом и людьми убийство отпустил.
 Он причастился, лишь петух вновь утро возвестил;
 Его душа слетела с уст, лишь край небес зардел, —
 И всемогущий наш Господь ее в раю призрел.
 Над мертвым телом в Сен-Жиле всю ночь огонь горел,
 И на святых похоронах весь клир молитвы пел.

(ПКП, 4)

На этот раз решение было принято. Когда папа Иннокентий III весной 1208 года узнал об убийстве своего легата, он находился в Латеранском дворце, где как раз и беседовал о положении Церкви в Лангедоке с дюжиной кардиналов и братом Арнаутом, настоятелем Сито, с чьими суждениями весьма считался. Война всем казалась неизбежной, и несколько дней спустя с папских уст слетел краткий и сухой, отданный на латыни приказ: «Истребить всех мятежников от стен Монпелье до ворот Бордо!» Брат Амори тотчас и решительно разъяснил этот приказ в словах, донесенных до нас автором «Песни о крестовом походе», который рассказывает, какие безжалостные меры были приняты в тот день папой Иннокентием III для того, чтобы, по просьбе цистерцианца, покончить с лангедокскими еретиками:

Когда, потупив взор, аббат Арнаут с колен
 Поднялся после всех и встал возле колонн,
 Он рек такую речь: «Будь благ, святой Мартин!
 Живущим на земле ты, папа, господин...
 Пошли скорей приказ на языке латин¹,
 Чтоб с ним и я бы мог уйти от этих стен

¹ В подстрочном французском переводе он обращается к папе еще более дерзко: «[...] довольно болтовни». (Примеч. переводчика.)

В Гасконь и Перигор, Овернь и Лимузен,
 И славный Иль-де-Франс, сам королевский лен,
 Поскольку время мстить, поставив злу заслон.
 Пускай ничьей души не тронет вражий стон
 От той земли до той, где правил Константин¹.
 А если в ратный строй не встанет паладин²,
 На скатерти он есть не будет и в помин,
 Ни пробовать вина, ни одеваться в лён,
 И гроб его вовек не будет освящен».
 И согласились все с тем, что промолвил он,
 Советчик умудренный.

(ПКП, 6)

Теперь папа должен был принять окончательное решение. После того как каждый из присутствующих кардиналов высказал свое мнение, в латеранском дворце воцарилось молчание, затем послышался твердый, властный голос святого отца:

«Брат мой, отправляйся в путь. Иди прямо в Каркассон и великую Тулузу на берегах Гаронны, иди и веди войско против отступников. Во имя Господа отпусти крестоносцам их грехи и попроси от моего имени безжалостно вырывать колючий кустарник неверных из наших христианских земель»,

[...]

Он [*настоятель Сито*] поспешно покинул город.
 С ним отправилась толпа епископов:

¹ Эта формула (дословно — «От нашего святого края до Константинополя») была принята применительно к отправлявшимся в Иерусалим крестоносцам, к которым были приравнены воины, отправлявшиеся в Лангедок.

² В подстрочном переводе — «*croisé*», то есть крестоносец; тем самым подчеркивается, что речь идет о крестовом походе, а не о феодальной войне, и наградой воинам будет рай. (*Примеч. переводчика.*)

епископ Лериды, епископ Таррагоны, также из Барселоны, и из Монпелье, и те, что пришли из более далеких земель, из Бургоса, Памплоны и Таразоны, все сопровождали настоятеля.

(ПКП, 7)

Заметим, что и брат Арнаут, настоятель Сито, и папа — оба используют слово «крестоносец» для обозначения воинов, которым следовало изгнать из Лангедока мятежников, которых они не называли «неверными». Итак, дело было решено: против еретиков начинался крестовый поход, крестоносцам будут отпущены грехи, как и тем рыцарям, которые бились в Святой земле; оставалось лишь объявить о начале похода и дать сигнал к выступлению если не всем баронам французского королевства, поскольку Филиппу Августу никто не мог приказывать — даже папа римский, то, по крайней мере, северным сеньорам, тем, чьи земли лежали к северу от Гаронны.

Нам ничего не известно о том, при каких обстоятельствах произносилась проповедь о крестовом походе, но похоже, что крест взяли все сеньоры Лангедока, в том числе и наиболее могущественный среди них, граф Раймонд VI Тулузский, который был отлучен от церкви в мае 1207 года по приговору, вынесенному легатом Пейре де Кастельно. Впрочем, это было в его же собственных интересах: вступить в ряды крестоносцев было для Раймонда VI лучшим способом уберечь собственные земли от нашествия их полчищ. Однако для того чтобы он мог это сделать, надо было еще, чтобы папа согласился отменить вынесенный ему 29 мая 1207 года приговор, по которому его отлучили от церкви; и потому Раймонд VI, не теряя времени даром, поспешил в Обене, где собрались высшие духовные лица его графства, и бросился в ноги брату Арнауту, настоятелю Си-

то, умоляя простить ему грехи. «Лучше бы вам отправиться со своим покаянием в Рим, — ответил ему настоятель, — только папа и его прелаты могут отпустить вам грехи». Граф в бешенстве покинул зал, вскочил в седло, и вот как Гильем из Туделы рассказывает нам о том, что было дальше:

Он отправился, пришпорив коня,
к своему племяннику Тренкавелю, виконту Безье.
«Нам надо прекратить наши распри, сказал он,
объединимся, иначе нам не выстоять
против крестоносного войска». Тренкавель не стал его
слушать
и повернулся к нему спиной. Раймонд, кипя от ярости,
возвратился в Арль и Авиньон.

[...]

Граф Тулузский ярился и бесновался.
Он остался один: Тренкавель отказался от союза,
и толпа крестоносцев уже колотилась
в двери края [*графства Тулузского*].

[...]

«Лишь один человек, подумал он, может мне помочь:
это архиепископ Оша, мой благословенный друг».
Он тотчас велел передать ему прошение:
«Брат мой, идите в Рим. Возьмите с собой
настоятеля Приюта, Раймонда де Рабастана [*бывшего
епископа Тулузского*] и настоятеля Кондома. Один — хо-
роший врач, другие — златоусты. Вы вместе заступитесь
за меня перед папой, и пусть Господь поможет вам
смягчить его суровость».

(ПКП, 9—10)

Четверо послов Раймонда VI немедленно выехали из Тулузы, но путь до Рима долог, и уже началась зима, когда они добрались до папы и выступили перед ним в защиту графа. Раймонд, как уверяли они, был готов изъяснить покорность папскому престолу в присутствии

легата, менее враждебно настроенного против него лично, чем Арнаут Амори, настоятель Сито. Иннокентий III, решивший пощадить графа Тулузского из опасения, как бы тот не вступил в ряды еретиков, уступил их просьбам и послал к Раймонду в качестве легата своего нотариуса Милона.

Был ли Раймонд искренен в своем раскаянии или же попросту старался уберечь свое графство от нашествия папских крестоносцев, сделавшись крестоносцем сам? Ни один историк не смог ответить на этот вопрос, приведя убедительные аргументы, но несомненно, что граф Тулузский предложил изъявить покорность папе не ради того, чтобы доставить удовольствие последнему: он сделал это для того, чтобы заручиться поддержкой собственных подданных, из которых большинство остались католиками, несмотря на усиленную катарскую пропаганду в тулузских землях, и для того, чтобы им не пришлось испытать на себе нашествие крестоносцев. Впрочем, теперь этого нашествия опасаться не приходилось, поскольку подчинение графа Раймонда Церкви обязывало его *ipso facto*¹ самому изгнать еретиков из своих владений. И наоборот, папа Иннокентий III согласился послать к графу Тулузскому другого посредника, а не настоятеля Сито, вовсе не для того, чтобы проявить великодушие по отношению к раскаявшемуся грешнику — скорее он сделал это ради того, чтобы иметь возможность использовать войска этого могущественного правителя не только против еретиков, обосновавшихся на тулузской земле, но и против тех, кто не переставал расселяться на землях других, менее могущественных баронов.

Другими словами, оба противника взаимно разыгрывали комедию друг перед другом — Раймонд VI изобра-

¹ Тем самым (лат.).

жал покорность, Иннокентий III делал вид, будто простил обиду, — и финал этой с размахом поставленной комедии был сыгран в Сен-Жиле 18 июня 1209 года в присутствии двадцати двух высших сановников Церкви, в числе которых были три архиепископа, вассалов графа и всего духовенства графства. Пьер де Во-де-Серне так описывает это в своей «Альбигойской истории»:

«Мэтр Милон назначил графу встречу в определенный день в городе Валанс. Граф прибыл в назначенный день. Этот жестокий, непостоянный и вероломный человек пообещал легату, что во всем будет подчиняться его воле, но он был неискренен. Легат, как человек осторожный и рассудительный, согласился с мнением прелатов: он захотел и потребовал, чтобы граф Тулузский отдал ему в залог семь своих замков [...] Вот как происходила церемония возвращения в лоно церкви и отпущения грехов. Граф был приведен [в Сен-Жиле] к входу в церковь. Там, в присутствии архиепископов и епископов, числом два десятка, он поклялся перед порталом на облатке и на святых мощах [в *факах*], что во всем будет повиноваться заповедям святой католической Церкви. Затем легат обернул своей епитрахилью шею графа и, держа эту епитрахиль в руке, отхлестал его розгами и втащил в церковь. [...] Затем граф должен был спуститься в крипту и пройти нагим мимо усыпальницы блаженного мученика, брата Пейре де Кастельно, убитого по его приказу. Это был праведный Божий суд. Ему пришлось почтить мертвое тело того, кто при жизни испытал на себе его презрение».

(АИ, 77)

Торжественной и унижительной церемонии возвращения графа Тулузского в лоно Церкви все же было недостаточно для того, чтобы подавить в зародыше крестовый поход против еретиков, объявленный Иннокен-

тием III. Армия крестоносцев, отозвавшихся на призыв папы, была приведена в боевую готовность. Большая часть паломников-воинов уже собралась в Лионе; они горели нетерпением вступить в битву, защищая свою веру, и дата их выступления в Тулузу и в окситанские земли была назначена на день святого Иоанна (24 июня 1209).

Война в то время состояла не из сражений в чистом поле, а из осад, порой очень долгих, и целью, которую преследовали полководцы, было покорение города или взятие крепости, так что войска, которые тогда собирали, не были теми огромными армиями, какие появятся позже. Они насчитывали относительно небольшое число всадников (как правило, несколько сотен) и их спутников (вассалов, воинов, щитосцев, офицеров и немногочисленных рядовых), сражавшихся в первую очередь ради славы и чести сеньора, за которым следовали; к ним присоединялись наемные войска, — «ландскнехты» или «бродяги», — которые шли воевать, привлеченные лишь возможностью поживиться.

Однако — и это было новым явлением — армия, собиравшаяся в Лионе по призыву папы, была, наверное, самой большой из всех, какие топтали до тех пор землю Франции, если не считать германских полчищ, захвативших ее несколькими веками раньше; эта армия насчитывала несколько тысяч воинов, самые богатые из них взяли с собой жен и детей. Когда это войско, за которым следовала толпа разношерстного сброда (бродяги, воры, жонглеры и мелкие торговцы-разносчики), тронулось по дорогам Прованса к Монпелье, при его появлении пустели деревни, покинутые жителями, крестьяне уходили с полей. Деревенское население спешило укрыться за стенами соседних замков или укрепленных городов, спасаясь от набегов солдатни. В «Песни о крестовом походе против альбигойцев» наваррский клирик

Гильем из Туделы показывает нам эту армию, которая на своем пути преисполняла горожан и деревенских жителей одновременно восторгом и ужасом:

Господь в небесах, какое удивительное полчище!
Двадцать тысяч рыцарей, закованных в латы,
двести тысяч солдат, потрясающих косами и вилами
(я уже не говорю о священниках и горожанах)
хлынули толпой. Они прибыли из Бургундии, из Франции,
из Оверни и Лимузена, из Сентонжа и Руерга,
из Гаскони, из Пуату, отсюда — и из очень дальних краев:
из швабского королевства и из тевтонских земель.

[...]

От ущелий Ломбардии и до ворот Родеза
они шли сплоченными рядами, развернув знамена,
храбрые, пылкие, счастливые, свободные от всякого греха.
«Кто может против нас выстоять? — думали они. — Ни-
кто!»

(ПКП, 13)

Было ли это войско и впрямь таким многочисленным, каким описывает его поэт? Не обязательно. В самом деле, не следует забывать о том, что автор первой части «Песни о крестовом походе» — наваррец, а значит, оказался на стороне побежденных: несомненно, националистическая окситанская гордость подталкивает его к тому, чтобы преувеличить численное превосходство этой «северной армии», с которой предстояло сразиться катарам и которая летом 1209 года под командованием безжалостного Симона де Монфора уничтожит еретиков юга сначала в Безье, затем в Каркассоне, а потом, между 1210 и 1214 годом, завладеет всеми крепостями и всеми городами вокруг Тулузы, Арьежа, Нарбонна и другими областями юго-запада, где распространилась катарская ересь.

КРОВАВОЕ ЛЕТО 1209 ГОДА
И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ
АЛЬБИГОЙСКОГО КРАЯ

(1209—1210)

Восемнадцатое июня 1209 года: граф Раймонд VI Тулузский, обретя уверенность в прощении, дарованном ему Церковью, но опасаясь, как бы армия крестоносцев, пришедшая с севера с целью истребления еретиков юго-запада и выступившая из Лиона в конце мая, не предала его графство огню и мечу, поспешил выйти ей навстречу. Он соединился с крестоносцами, покидавшими Валанс, влился в ряды этого Христова воинства, попросил папского легата Милона дать ему крест, чтобы он мог сам ими руководить, как сообщает наш летописец, и занял место среди предводителей крестового похода. В их рядах можно было увидеть, в числе прочих духовных особ высокого сана, епископа Безье, «города весьма примечательного, но целиком пораженного ядом ереси, и обитатели его — самые настоящие воры, преступники, прелюбодеи и плуты, вместилище всех грехов», — пишет, должно быть, несколько преувеличивая, Пьер де Во-де-Серне (АИ, 84), приведя вслед за этим два точных и определенных примера того, что он называет «испорченностью» жителей Безье. Первый пример связан с нападением, совершенным ранним утром на священника, шедшего в свою церковь, чтобы

служить обедню; вторым было убийство 15 октября 1167 года виконта Безье, Раймонда Тренкавеля I (ок. 1098—1167):

«Однажды ночью, перед рассветом, священник из этого города шел в церковь, собираясь отслужить мессу, и нес в руках потир; несколько горожан Безье, выскочив из засады, с крайней жестокостью его избили и тяжело ранили, сломав ему руку; затем они взяли потир, открыли его и туда помочились, надругавшись над телом и кровью Христа.

В другой раз в церкви Магдалины, расположенной в самом центре города, жители Безье, совершив чудовищное предательство, убили своего сеньора Раймонда Тренкавеля и выбили зубы своему епископу, который пытался заступиться за графа».

(АИ, 85—86)

После короткой передышки в Монпелье армия крестоносцев 21 июля 1209 года подошла к стенам Безье. Виконт Раймонд-Роже де Тренкавель, племянник графа Тулузского, клятвенно пообещал жителям этого города, что никогда их не покинет и будет вместе с ними ждать прихода крестоносцев... Но когда войско приблизилось, виконт, забыв свои клятвы, поспешил укрыться за стенами Каркассона (еще одного принадлежавшего ему города), прихватив с собой нескольких еретиков с тем, чтобы защитить их, поскольку они были его подданны-

¹ Не следует путать между собой различных представителей этой династии тулузских католических сеньоров, допустивших, чтобы катарская ересь укоренилась в их графстве: Раймонд I Тренкавель (ок. 1098—1167); Роже II Тренкавель (1167—1194), виконт Безье и Каркассона; Раймонд-Роже Тренкавель I (1194—1209), сын предыдущего и наследник двух этих феодалов, отобранных у него крестоносцами; Раймонд-Роже Тренкавель II (1209 г. — ок. 1263), сын предыдущего, виконт Безье, возглавивший мятеж в 1240 году.

ми: хотя сам он оставался добрым католиком, но был терпимым и либеральным. Стало быть, в городе не было никакой официальной военной власти, с которой можно было бы вступить в переговоры, и представитель крестоносцев, которым был их собственный епископ, его преосвященство Рено де Монпейру, обратился непосредственно к проживавшим в городе католикам. Пьер де Во-де-Серне передает нам слова, с которыми он обратился к своей бывшей пастве, собравшейся ради такого случая в соборе¹:

«Когда наши подошли к Безье, они направили туда епископа этого города, метра Рено де Монпелье [*называемого также «де Монпейру»*], вызывавшего уважение своим возрастом, своим образом жизни и своей ученостью [...]. Наши заявили: «Мы пришли сюда, чтобы прогнать еретиков. Мы просим здешних католиков, если таковые найдутся [*эта оговорка показывает, что население города было по преимуществу еретическим*], выдать нам еретиков, имена которых назовет вам достопочтенный епископ, поскольку он хорошо их знает и даже составил список². В случае, если это сделать невозможно, пусть католики покинут город, оставив там еретиков, чтобы не разделить их участь и не погибнуть вместе с ними».

(АИ, 89)

¹ По тому, как Пьер де Во-де-Серне рассказывает о взятии Безье, сразу видно, что он на стороне крестоносцев, которых называет «наши»; в целом его рассказ более лаконичен, чем в «Песни о крестовом походе», за исключением того отрывка, в котором речь идет о начале осады, перешедшей в резню.

² Этот список состоит из 222 имен еретиков, среди которых мы встречаем по преимуществу ремесленников (кузнецов и т.д.), есть также двадцать буржуа и четыре врача. Ср.: L. Domairon, «Rôle des hérétiques dans la ville de Béziers», *Le cabinet historique*, Paris, 1863, pp. 95—123 et 326—329. (Л. Домефон. «Положение еретиков в Безье», сс. 95—123 и 326—329.)

Это послание было предупреждением в форме ультиматума; еретики на него даже не ответили, если не считать ответом то, что они осыпали стрелами крестоносцев, на чьей стороне был и Пьер де Во-де-Серне (в своей «Альбигойской истории» он неизменно называет их «нашими»): осажденные предпочитали умереть еретиками, не изменив своей катарской вере, а не христианами, рассказывает наш автор, и принялись осыпать стрелами осаждающих, *«не дожидаясь, пока те двинутся на штурм»*.

Автор первой части «Песни о крестовом походе», Гильем из Туделы, более красноречив и высказывается более ясно и определенно. Если верить ему — а вполне возможно, что он прав, — католики в Безье жили в добром согласии со своими земляками-катарами, и они видели в крестовом походе нападение на окситанский народ под религиозным предлогом, за которым скрывалась попытка подчинить Окситанию французской монархии. Стало быть, его преосвященство епископ Монпейру не строил иллюзий насчет того, как откликнутся католики Безье, ревниво оберегающие национальное самосознание и стремящиеся к независимости, но не обольщался и насчет могущества, каким обладал чуждый Окситании монарх — французский король. Как бы то ни было, насчет своих способностей вести переговоры епископ заблуждался: катары, к которым он обратился с угрозами, заявили, что никогда не отрекутся от чистой религии и предпочтут умереть в своей вере. Что же касается жителей Безье вообще, то они, независимо от того, были или не были катарами, хорошо относились к своему епископу, однако больше всего дорожили собственным спокойствием.

Так вот, они отказались открыть ворота города крестоносцам и ответили епископу такими словами:

Впустить этих наемников? Отдать им наш город?
Лучше сдохнуть. Богом клянемся, крестоносцы ничего
не получат,
даже обрезка сала, чтобы начистить свои башмаки.
Они думают, мы их испугались? И двух недель
не пройдет,
они отсюда уберутся. Смотрите, как их много:
и целого лье дороги мало, чтобы всех их вместить.
Им никогда не прокормить столько людей [...].
(ПКП, 17)

Прелат принял эти слова к сведению, снова сел верхом на мула и, «скача иноходью», как пишет поэт, желая тем самым подчеркнуть царственное спокойствие священнослужителя, пересек подъемный мост, выехал из города и в сопровождении нескольких жителей Безье в тревожных раздумьях направился к лагерю крестоносцев. Там, среди шатров и знамен, епископ обратился с серьезной речью к предводителям крестового похода и завершил свое истолкование положения в таком духе. «Глупее этих несчастных людей я еще не видывал, — сказал он. — На что они могут рассчитывать, если не на страшные мучения и смерть?»

Вскоре стемнело, ночь, казалось, таила в себе угрозу. В лагере крестоносцев руководство действиями взял на себя непреклонный брат Арнаут Амори из Сито, о котором мы уже говорили. «Поскольку жители Безье отказываются открыть нам ворота города, — решил он, — мы войдем в него силой!»

После этого настоятель Сито приказал выкатить и расставить по местам боевые машины и готовиться взять город приступом по всем правилам военного искусства: он намеревался начать штурм на следующее же утро. Но — к несчастью для Безье — брата Амори опередают «бродяги», армейский сброд, и штурм города-кре-

пости обернется чудовищной резней, о которой Пьер де Во-де-Серне (его «Альбигойская история», как мы уже не раз говорили, благосклонна к крестоносцам) стыдливо умалчивает.

Утром 22 июля 1209 года, в день святой Магдалины, летнее солнце сияло вовсю, заливая светом городские стены и вспыхивая бликами на воде Орба, лениво катившей свои волны у их подножия. С высоты дозорного пути осажденные не без некоторой опаски поглядывали на бесчисленные шатры крестоносцев, суетившихся среди окружавших город холмов, с тревогой присматривались к оживлению в рядах оборванных наемников, тех, кого рыцари того времени презрительно называли «бродягами»: они вопили и дрались, производя адский шум. Тем временем осаждающие, укрывшись в шатрах от палящего июльского солнца, совещались и решали, каким образом лучше начать штурм крепости, а гарнизон Безье готовился защищаться. В первой части «Песни о крестовом походе» Гильем из Туделы описывает возбуждение, охватившее город, когда крестоносцы, которых повел на штурм настоятель Сито, приблизились к стенам Безье:

Под праздник, что дарует нам святая Магдалина,
Войсками, что привел аббат, была полна долина
У стен Безье и вдоль реки с ее песчаным лоном.
Зашлись сердца у горожан, к тому досель не склонных,
Ведь в годы древних битв и свар, чему виной — Елена,
Такого войска Менелай не собирал в Микенах,
Столь пышной знати не могла иметь ничья корона
Кроме французской, не нашлось ни одного барона,
Кто б здесь не пробыл сорок дней (лишь кроме
графа Брена).

Удар судьбы для горожан был словно в сердце рана,
Лишились разума они, столь поступая странно.

Кто им советовал? Кому вручили жизнь мужланы¹?
 Бедняги были, видит Бог, глупы определенно
 И не разумнее Кита, в чьем чреве плыл Иона,
 Пошли на вылазку они, держась такого плана:
 На пики вздернув белый холст, как белый флаг, смутьяны,
 Горланя, мчались на войска. Так от межи овсяной
 Гоняют птиц, пугая их маханьем тряпки рваной
 При свете утренней зари.

(ПКП, 18)

Конечно, учитывая, насколько значительна была численность осаждающей город армии, в которой насчитывалось несколько тысяч воинов (пусть даже названное в «Песни о крестовом походе» число в пятнадцать тысяч кажется нам преувеличенным), подобная вылазка горожан Безье, которые на самом деле просто-напросто отправились на разведку, представляла собой величайшую неосторожность и привела к поражению. Автор «Песни о крестовом походе», бесспорно, пристрастный («бунтарями» жителей Безье называет «антикатар»), рисует нам волнующую картину:

Встав поутру, вожак всех слуг² себе сказал: «Смотри!»
 Как раз напали на войска, горланя, бунтари,
 И в ров барона одного, обсев, как детвора,
 Всем скопом сбросили с моста, отважны несдобра.
 Вожак собрал своих людей, босых по той поре.
 «Пойдем на штурм!» — вскричали те, собравшись на бугре.
 Потом готовиться пошли подрачься мастера.
 Я полагаю, не имел никто и топора:
 Босыми шли они сюда от своего двора,
 Пятнадцать тысяч было их — и вор был на воре!
 Пошла на город рать в штанах с дырою на дыре,
 С собою лишь дубинки взял и палки поострей,

¹ Жители Безье. (Примеч. переводчика.)

² То есть ландскнехтов. (Примеч. переводчика.)

Одни устроили подкоп, другие — голь храбра! —
Ворота начали ломать, затеяв бой с утра.
Всех горожан прошиб озноб, хоть и была жара.
Кричала чернь: «Идем на штурм! Оружие бери!»
Была такая кутерьма часа два или три.
Ушли защитники в собор и спрятались внутри,
Детей и женщин увели, укрыв за алтари,
И стали бить в колокола, как будто им пора
Звонить за упокой.
Безьерцы видели со стен весь лагерь боевой
И чернь, к воротам городским валившую толпой,
Бесстрашно прыгавшую в рвы, потом под ор и вой
Долбившую дыру в стене, рискуя головой.
Когда же зазвучал сигнал к атаке войсковой,
Заговорило сердце в них, что час настал лихой.

(ПКП, 19—20)

Пьер де Во-де-Серне не менее определенно высказывается о роли пресловутых «бродяг», вспомогательного состава армии крестоносцев. Драма разыгралась всего-навсего за несколько часов:

«[...] без предупреждения и даже не подумав спросить мнения дворян, состоявших в войске, бродяги начали штурм и — как это ни удивительно — мгновенно овладели городом. Едва войдя в него, они вырезали все население от мала до велика и подожгли город. Безье был взят в день святой Марии Магдалины».

(АИ, 90)

Наш автор видит в этой быстрой победе знак Провидения: разве катары не говорили, будто Мария Магдалина была сожительницей Иисуса Христа, да к тому же разве не в храме, посвященном святой Марии Магдалине, жители Безье за сорок два года до того убили своего виконта и выбили зубы своему епископу, который попытался его защитить? И Пьер де Во-де-Серне заключает:

«Стало быть, вполне справедливо, что семь тысяч этих мерзких псов [еретиков-катаров] были схвачены и убиты в праздник святой Марии Магдалины, которую они оскорбили и чью церковь они запятнали кровью своего виконта и своего епископа».

(АИ, 91)

Итак, Безье, захваченный «пятнадцатью тысячами бродяг» (число явно невероятное, взятое с потолка: в те времена такой город, как Безье, едва насчитывал десять тысяч жителей, в нем не было ни широких проспектов, ни бульваров, по которым могли бы пройти крупные войска, и мы плохо представляем себе пятнадцать тысяч солдат, один за одним разоряющих его дома), — Безье был объят страхом. Солдатня рассыпалась по городу, ландскнехты громили лавки, вышибали двери домов, убивали хозяев, грабили, напивались, насиловали, разрушали. Рыцари-крестоносцы, хотя и тщетно, пытались вмешаться, преследовали грабителей и даже убивали их, чтобы отнять награбленное. Прошло всего несколько часов после начала штурма, и улицы красивого и богатого города были завалены мертвыми телами; автор «Песни о крестовом походе» описывает нам этот грабеж и эти убийства (лессы 20—22), которые не были, как ложно утверждают, делом рук солдатни, поддавшейся своим дурным инстинктам, но, заверяет нас он, плодом зрелого, обдуманного решения баронов, организаторов крестового похода:

Вся знать из Франции самой, оттуда, где Париж,
 И те, кто служит королю, и те, кто к папе вхож,
 Решили: каждый городок, где угнездилась Ложь,
 Любой, который ни возьми, сказать короче, сплошь,
 На милость должен сдаться им без промедленья; те ж
 Навек закаются дерзить, чья кровь зальет мятеж.
 Всех, кто услышит эту весть, тотчас охватит дрожь,
 И не останется у них упорства ни на грош.

Так сдались Монреаль, Фанжо и остальные тож!
Ведь силой взять, я вам клянусь, Альби, Тулузу, Ош
Вовек французы не смогли б, когда бы на правез
Они не отдали Безье, хоть путь сей нехорош.
Во гневе рыцари Креста велели черни: «Режь!» —
И слуг никто не удержал, ни Бог, ни веры страж.
Алтарь безьерцев уберег не больше, чем шалаш,
Ни свод церковный их не спас, ни крест, ни отче наш.
Чернь не щадила никого, в детей вонзала нож,
Да примет Бог те души в рай, коль милосерд к ним все ж!
Столь дикой бойни и резни в преданьях не найдешь,
Не ждали, думаю, того от христианских душ.

(ПКП, 21)

Завершился этот мрачный и кровавый фейерверк, не имеющий никакого отношения к вере, пожаром, охватившим Безье. Когда резня зашла уже достаточно далеко, рыцари, которые — это необходимо подчеркнуть — до тех пор не вмешались достаточно властно, чтобы ее остановить, решились наконец действовать, и тогда «знать воришек и бродяг изгнала вон» (лесса 21), говорит нам первый из авторов «Песни о крестовом походе», описавший страшное разорение Безье в таких словах:

Пьяна от крови, чернь в домах устроила грабеж
И веселилась, отхватив себе изрядный куш.
Но знать воришек и бродяг изгнала вон, к тому ж
Ни с чем оставив босяков и в кровь избив невеж,
Чтоб кров добыть для лошадей и разместить фураж.
Лишь к сильным мир сей благ.
Сперва решили босяки, чернь и ее вожак,
Что век им горя не видать, что стал богатым всяк.
Когда ж остались без гроша, они вскричали так:
«Огня, огня!» — ведь зол на всех обманутый дурак.
Они солому принесли, сложив костры вокруг,
И разом вспыхнул город весь от этих грязных рук,
И шел огонь во все концы, сжимая страшный круг.

[...]

Вся рать, спасаясь от огня, бежала в дол и лог,
 Французской знати не пошла ее победа впрок,
 Ведь все пришлось оставить им, а был там не пустяк.
 Все, чем богат подлунный мир — и Запад, и Восток! —
 Вы там смогли бы отыскать, не будь пожар жесток.
 Собор, что строил мэтр Жерве уж, верно, долгий срок,
 Внезапно треснул, что каштан, который жар допек,
 Лишь камни собирай.

(ПКП, 21—22)

Заметим здесь, что печально известный приказ, якобы отданный во время штурма Безье («Убивайте всех, а Господь своих признает!») и приписываемый цистерцианцу Арнауту Амори, не упоминается ни в «Песни о крестовом походе», ни кем-либо из свидетелей событий. В самом деле, впервые эту фразу мы встречаем у немецкого доминиканца Цезаря Гейстербаха (родился в Кельне около 1180 г., умер в том же городе в 1240 г.), автора множества богословских сочинений, за всю свою жизнь ни разу не побывавшего во Франции; повествуя в своих «Диалогах о чудесах» («Dialogi di miraculis», книга V, глава 21) о трагедии Безье, он рассказывает, будто брат Арнаут тогда сказал: «*Caedite eos, novit enim Dominus qui sunt ejus*», что можно было бы перевести так: «Убивай их, ибо Господь своих знает». Гильом де Пюилоран пишет проще (и, должно быть, это более достоверно), что крестоносцы сообщили жителям города через посредство епископа Безье, что они явились с целью истребить одних только еретиков. Брат Цезарь, который, похоже, вел летопись своего ордена изо дня в день, истолковал на свой лад «инструкции», данные крестоносцам братом Арнаутом Амори, а та антиклерикальная обстановка, которая сложилась во Франции во время отрядного учреждения государственных школ в конце XIX века, способствовала распространению этого заме-

чания. Речь шла не об «учении», а всего лишь об ответе, в котором, впрочем, участники резни (в данном случае — наемники и прочая присоединившаяся к ним чернь) нисколько не нуждались для того, чтобы пустить в ход свои преступные таланты.

Взятие Безье армией крестоносцев, массовые убийства находившихся там еретиков и уничтожение города пожаром, который устроили в нем бродяги, стали первыми и весьма прискорбными событиями предпринятого Церковью в начале лета 1209 года крестового похода против катаров юго-запада Франции, который некоторые епископы в своих письмах начали тогда именовать «альбигойским».

* * *

После этой кровавой и не слишком благородной «победы» крестоносцев монах-доминиканец Арнаут Амори решил отправиться вместе с ними в другие владения виконта Безье, то есть в каркассонское виконтство, поскольку, как пишет Пьер де Во-де-Серне, его жители были «худшими еретиками и величайшими грешниками перед Богом» (АИ, 92). Мы помним, что, когда папа Иннокентий III, «нахмурив брови», принял в январе 1208 года решение начать крестовый поход, он поручил настоятелю Сито «идти в Каркассон», который еще не был тогда большим городом, но его стены считались неприступными и он вполне мог сделаться оплотом катарской ереси. В самом деле, город был окружен мощными стенами с тридцатью одной башней, возвышавшимися над долиной Оды¹, с севера и с юга к нему примыкали два предместья — Бург и Кастеллар, в свою очередь огражденные стеной из больших камней, вокруг которой шел широкий и глубокий ров, защищавший подступы к

¹ Время пощадило эти стены, они стоят до сих пор.

городу. Так вот, в те времена Каркассон был маленьким городком, площадь которого (с обоими предместьями) не превышала пятнадцати тысяч квадратных метров; численность его населения, среди которого было немало еретиков, была намного меньше, чем в Безье. Тем не менее для брата Амори взятие Каркассона не было простой операцией по наведению религиозного порядка — это было предупредительным стратегическим мероприятием церковной политики. В самом деле, ему следовало как можно быстрее и любой ценой овладеть этим городом, пока Тренкавель, сын и наследник виконта Безье, не превратил его в неприступную крепость ереси, которую папа приказал победить и истребить в Лангедоке; вот потому, пишет Пьер де Во-де-Серне, «наши, после взятия и разрушения Безье, решили идти прямо на Каркассон» (АИ, 92).

И вот войско из «пятисот тысяч крестоносцев» (такое число называет наш автор, но оно явно завышено) вышло первого августа 1209 года в обширную долину, над которой высились знаменитые каркассонские стены. Рыцари спешили, оруженосцы повели коней поить, пехота рассыпалась во все стороны, принялась устраиваться на новом месте. В течение двух или трех дней полководцы расхаживали взад и вперед, осматривая местность, примечая дороги, источники питьевой воды и огороды на случай осады, которая рисковала затянуться, а слуги тем временем ставили шатры, точили мечи, рогатины и тесаки хозяев, конюхи ухаживали за верховыми лошадьми, а плотники изучали окрестные леса. Наконец, лекари устроили в шатре лазарет, а монахи принялись распевать гимны. С высоты городских укреплений Раймонд-Роже, виконт Безье и Каркассона, которого называли также Тренкавелем, наблюдал за этой непрестанно растущей армией. Вокруг него собрались его лучшие воины, и вечером второго августа 1209 года

состоялся короткий совет, о котором рассказывает нам «Песнь о крестовом походе» (лессы 23—25; мы переводим и кратко пересказываем их современным языком).

«Я считаю, — начал Тренкавель, — надо, чтобы четыреста из нас, скача по-арабски [*то есть без доспехов и распластавшись по спине коня, чтобы избежать вражеских стрел и дротиков*], напали на них до наступления темноты; у этих рыцарей тяжелое вооружение, мы сможем захватить их врасплох, победить и, вернувшись без потерь, снова укрыться за нашими стенами».

«Я полагаю, — сказал Пьер-Роже, сеньор замка Кабаре, — что не следует торопить события. Завтра крестоносцы будут стоять лагерем у наших стен, и о чем же они позаботятся в первую очередь? Разумеется, о том, чтобы занять дорогу, ведущую к реке, чтобы лишить нас воды: именно тогда мы должны появиться, напасть на них и биться насмерть. До тех пор станем выжидать, не трогаясь с места».

Другие рыцари присоединились к его мнению, которое показалось им наиболее разумным; вдоль стен расставили часовых, и ночь прошла мирно и безмятежно. На рассвете Тренкавель проснулся первым и первым поднялся на укрепления. Его люди внизу пробуждались, кони били копытами, пехотинцы зашевелились, теперь и в Каркассоне начищали оружие...

Утром третьего августа 1209 года крестоносцы, прежде чем подступиться к могучим крепостным стенам самого города и его башням, из осторожности решили заняться двумя примыкавшими к нему предместьями, которые были защищены всего-навсего стеной из крупных камней, возвышавшейся над довольно широким рвом. Первую атаку они направили на северное предместье (Бург), полагая, что смогут овладеть им, не прибегая к помощи громоздких боевых машин. Они медленно двигались вперед, все вместе — епископы, аббаты, монахи,

рыцари и солдаты, усердно распевая гимны. Первым — и даже единственным, если верить Пьеру де Во-де-Серне, — из рыцарей, кто решился спрыгнуть в окружающий предместье ров, не побоявшись града стрел и дротиков, сыпавшихся на него со всех сторон, был Симон де Монфор. По мнению автора «Альбигойской истории», он больше всех прочих сделал для того, чтобы взять предместье, которое крестоносцы затем подожгли и разрушили. На следующее утро, после недолгого ночного отдыха, католическая армия напала на Каstellар, южное предместье, укрепленное куда лучше (стена, поднимавшаяся надо рвом, была очень высокой и толстой). Предместье защищал сам Тренкавель со своими людьми, они отбивали нападения крестоносцев, осыпая их градом камней. Во время боя один католический рыцарь, раненный в бедро, скатился в ров и не мог оттуда выбраться; Симон де Монфор, не обращая внимания на снаряды, сыпавшиеся на него дождем, отважно бросился вниз лишь с одним оруженосцем и сумел таким образом спасти жизнь Божия воина (надо сказать, Монфор был атлетически сложен и потому смог поднять раненого и, взвалив его на плечи, вытащить из рва).

После этой первой стычки к стенам, ограждавшим Каstellар, подвели осадные машины, которые назывались *каменетами*, нечто вроде катапульт, при помощи которых можно было издали стрелять тяжелыми каменными снарядами по стенам или укреплениям с тем, чтобы их разрушить. Но усилия оказались напрасными: толстая крепостная стена, сложенная из больших, прочно скрепленных каменных глыб, казалась неприступной. Справиться с ней удалось лишь саперам армии крестоносцев: к подножию стены подкатили повозку, завешанную бычьими шкурами, и под ее прикрытием саперы целые сутки подкапывались под стену. Пьер де Во-де-Серне, подробно описывающий нам первые военные

действия во время осады, сказал о дальнейшем так: «Что я могу прибавить? На рассвете подрытая стена, в конце концов, обрушилась, и наши с грохотом ввалились через пролом в крепость» (АИ, 97). Тогда каркассонские солдаты стали отступать к верхней части города. Затем, видя, что крестоносцы, убив несколько защитников предместья, оставили Каstellар и вернулись к своим шатрам, вновь спустились, вышли за стены Каркассона и, поджигая дома, прогнали из предместья немногих замешкавшихся там осаждавших, после чего снова укрылись за крепкими стенами города... чтобы час-другой отдохнуть, в чем они крайне нуждались.

На следующий день боев не было. На Каркассон опустилась ночь, теплая летняя окситанская ночь, озаренная полной луной, чей свет затмевал мерцание звезд. Безмолвие этой прекрасной августовской ночи 1209 года нарушали лишь тяжкие шаги часовых, расхаживавших вдоль крепостных стен уснувшего города, да кваканье жаб и лягушек, плескавшихся в прудах на равнине. За городскими стенами хозяин этих мест, Раймонд-Роже де Тренкавель, погрузился в раздумья. Лето в этом году выдалось особенно жарким, не было еще ни одной грозы, ручьи почти пересохли, и город вот-вот начнет испытывать нехватку воды: стало быть, виконту Каркассона вскоре придется вступить в переговоры с врагом. Возможно, он уже предполагал обратиться за посредничеством к своему сюзерену, его католическому величеству Педро II, королю Арагона, когда внезапно, как сообщает нам «Песнь о крестовом походе», этот монарх ранним утром появился у стен Каркассона в сопровождении большого вооруженного эскорта — появился неожиданно, словно угадав желание своего вассала:

Прекрасным августовским днем Педро, король Арагона, прибыл к крестоносцам с сотней хорошо снаряженных рыцарей. Бароны, принцы, прелаты

в это время ужинали там, у стен Каркассона, вином и бараньими ногами, расстелив длинные белые скатерти.

Все они, едва завидев его и его небольшой отряд, встали, раскинув руки с утиральниками.

«Добро пожаловать», — сказали они ему, и король Педро вежливо их приветствовал.

(ПКП, 26)

Прибытие арагонского короля на место сражения в ту самую минуту, когда он понадобился Тренкавелю, — слишком красивый исторический эпизод для того, чтобы быть правдой, и вполне возможно, что окситанский поэт из чистого патриотизма приукрасил ситуацию *a posteriori*. Тем не менее осада Каркассона крестоносцами, начавшаяся после разрушения Безье, конечно, не могла оставить равнодушным Педро Арагонского. Хотя, если верить автору «Песни о крестовом походе», его поведение по отношению к баронам с севера Франции и к крестоносцам, осаждавшим столь значительную крепость юго-запада, каким был город его вассала Тренкавеля, не было враждебным:

Король Педро и сотня его рыцарей
вошли, беседуя, в пышную рощу
на берегу реки. Там был шатер
графа Тулузского, шитый золотом и серебром.
Король поел мяса и опустошил несколько кубков,
затем снова сел в седло, и вот он едет
к городу, без всякого оружия и без щита.

(ПКП, 27, 1—7)

И все же заметим, что Педро II, отужинав, не стал мешкать (из предосторожности ли? опасался ли он армии крестоносцев, несмотря на то что был добрым католиком?) и спокойно продолжил путь к замку своего вассала

ла. Тот, узнав о прибытии сюзерена, приказал опустить подъемный мост и поспешил ему навстречу в сопровождении ликующих рыцарей. Тренкавель, едва встретившись с королем, изложил ему положение дел и описал чудовищную резню, обagrившую кровью его город, Безье¹.

«Крестоносцы, — сказал он ему, — несут повсюду разорение, бедствия и огонь. Наш край гибнет. Нам надо их прогнать, они хуже дикарей».

(ПКП, 27)

Арагонский король попытался успокоить своего вассала, затем слегка побранил его, после чего стал убеждать вступить в переговоры:

«Богом клянусь, — ответил король, — лишь вы повинны в этом грязном деле. Если бы вы выгнали из своего виконтства этих негодяев-еретиков, как я приказал вам сделать, до этого бы не дошло.

Как мне горестно, какая ярость меня терзает при виде того, в какой вы опасности и в какой беде из-за того, что позаботились об этой шайке безумцев! Я вижу лишь одно средство от ваших нынешних горестей: договаривайтесь, сын мой. Достойное соглашение — единственная ваша надежда. Если бы будете упорно напрашиваться на побои, звенеть щитами, вскоре черви заведутся в ваших глазницах. Поверьте мне, крестоносцы слишком сильны: я пересек их лагерь, вам их не победить. Ваши укрепления, не спорю, достойны доверия, они высоки, широки и крепки. И все же подумайте:

¹ Напомним, что Тренкавель был виконтом Каркассона и Безье.

ваш город обременен женщинами и детьми,
долго ли еще вы сможете их кормить?
Ваше несчастье мешает мне жить,
ибо я очень люблю вас. Позвольте мне вас спасти.
Говорите. Я сделаю все, что не нанесет ущерба чести,
чтобы снова увидеть вас радостным.

(ПКП, 27—28)

Тренкавель дал себя уговорить и склонился перед
волей сюзерена:

Хорошо, сир, я вступлю в переговоры. Примите,
прошу вас,
ключи от моего города и все, что в нем есть, и
позаботьтесь о нем.
Ваш отец когда-то очень любил моего.
В память о нем вверяю себя вам.

(ПКП, 29)

Король Арагона снова сел на коня и вернулся к ар-
мии крестоносцев, стоявшей лагерем у стен Каркассона.
Его окружили французские рыцари, а настоятель Сито,
Арнаут Амори, руководитель крестового похода против
катаров, принялся его расспрашивать: ему хотелось
знать все о встрече короля с Тренкавелем. Педро II
Арагонский пересказал ему разговор, который состоял-
ся у него с последним, и вступился за несчастного кар-
кассонского виконта. Но что бы он ни говорил, суро-
вый Арнаут Амори и слышать не хотел о предложениях
мира и сухо ответил королю Арагона:

Чтобы доставить вам удовольствие, — сказал он, —
мы сохраним ему жизнь.
Большого не просите. И пусть идет к черту
без оружия и обоза, с десятком людей,
оставив Каркассон в наших руках.

(ПКП, 29)

Педро II побагровел от ярости и процедил сквозь зубы, что скорее ослы станут летать по небу, чем он допустит подобное бесчестье, после чего вернулся в осажденный Каркассон, чтобы передать Тренкавелю категорический и презрительный ответ настоятеля Сито. Выслушав его, тот ответил кипящему от гнева и волнения сюзерену:

Лучше пусть со всех моих родных заживо сдерут кожу,
я обниму их мертвые тела и умру последним!
В жизни моей, ваше величество, я не покину
вот этих вот моих людей, так и знайте. А теперь, сир,
возвращайтесь в свои арагонские земли и
предоставьте мне сражаться.

(ПКП, 29)

Арагонский король удалился, понурый и пристыженный: он был хорошим сюзереном и пришел в отчаяние оттого, что ничем не мог помочь своему вассалу. Крестоносцы тем временем сновали вдоль стен Каркассона, изучали местность, засыпали рвы, выставляли посты у родников с питьевой водой, охраняли подступы к рекам. Понемногу, как пишет автор «Песни о крестовом походе», осажденный город начал приходить в упадок:

Каркассон умирал. Заживо гниющие раненые
лежали вдоль улиц и бредили, обезумев от жажды.
Зловоние их ран мешалось с вонью
от ободранных туш во дворах и на площадях.
Женщины, старики, дети, покрытые гноем,
грязные, скучились в открытых домах,
сонные, измученные, облепленные мухами.

(ПКП, 30)

Судя по приведенным стихам, недалеко была та минута, когда осажденный город-цитадель сам упадет в руки крестоносцев подобно тому, как срывается с ветки смоковницы зрелая винная ягода. К сожалению, мы рас-

полагаем лишь немногими сведениями о капитуляции виконта Раймонда-Роже де Тренкавеля, и нам приходится вновь обращаться к тексту «Песни о крестовом походе». Если верить этому драгоценному источнику, Каркассон и в самом деле вот-вот мог перейти в руки крестоносцев, но выходит, что именно они, а не осажденные, первыми предложили прекратить битву:

Так прошла неделя [*в описанном выше положении*].

Тогда один из главных полководцев крестоносной армии предложил осажденному виконту встретиться вне стен города.

Тренкавель появился, гордо восседая в седле.

Его сопровождала сотня рыцарей,

а у сеньора из крестоносной армии было лишь тридцать.

(ПКП, 30)

Не названный по имени «сеньор», о котором идет речь, предложил виконту Раймонду-Роже де Тренкавелю достойно сдаться, чтобы Каркассон не постигла участь Безье:

Мессир, — сказал он ему, — я вам родня,
храни вас Господь, и меня да хранит он. Я очень хочу,
чтобы вы целым и невредимым вышли из этой беды.

Для этого вам надо пойти на соглашение.

Если бы вы могли рассчитывать на какую-либо быструю
помощь,

я одобрил бы ваше намерение сражаться,
но мы с вами знаем, что всякая надежда тщетна.

Смиритесь же с волей нашего папы
и крестоносцев. Правду сказать, мессир,
если вы нас принудите взять вас силой,
резня будет такая же, как была в Безье.

Так что довольствуйтесь тем, что спасете вашу жизнь.

По крайней мере, у вас останется кое-что от ваших

богатств.

(ПКП, 31)

Что же касается подробностей сдачи Каркассона, о которых поведал нам Пьер де Во-де-Серне в своей «Альбигойской истории» (АИ, 98—99), они не всегда совпадают с теми, которые приведены в «Песни о крестовом походе». Противоречия, существующие между этими двумя источниками, были с величайшей проницательностью исследованы Зоей Ольденбург в книге «Костер Монсегюра»¹: она задает по этому поводу множество вопросов, заслуживающих пристального изучения — такой анализ поможет яснее видеть в историческом тумане, которым окутана эта капитуляция.

1. В противоположность тому, что произошло во время взятия Безье, Каркассон не подвергся разграблению; предводители крестоносного войска наложили своего рода запрет на добычу, поручив ее охрану рыцарям, прославившимся храбростью и непреклонностью. Настоятель Сито, Арнаут Амори, глубоко потрясенный разорением Безье, дошел даже до того, что пригрозил отлучением от церкви тем крестоносцам и прочим воинам, которых уличат в грабежах. И высказал он это в таких словах:

«Крестоносцы, слушайте меня.

С вами Иисус, Царь Небесный. Доказательство тому — нет здесь никого, кого вы не могли бы победить.

И я приказываю вам, во имя Господа, не прикасаться к добру, какое есть в этом городе.

Всякий грабитель, всякий, кто украдет хоть соломинку (слышите ли вы меня?), будет тотчас отлучен от церкви.

На самом деле следовало бы доверить Каркассон кому-нибудь из великих крестоносцев, способных

сохранить

¹ *Zoé Oldenbourg*. «Le Bûcher de Montségur» (Paris, Gallimard, 1959); на русском языке книга была издана в 2001 году издательством «Алетейя» (СПб) в переводе О.И. Егоровой. (Примеч. переводчика.)

в чистоте свою душу. Надо, чтобы никогда больше нечестивые разбойники не смогли ее запятнать». Всякий кивнул, и все собравшиеся одобрили его слова.

(ПКП, 33)

2. Было решено, что все жители Каркассона покинут город «нагими», не взяв с собой ничего, кроме своих грехов, и что они останутся свободными. Так что горожане ушли «в одних рубахах и штанах» при следующих обстоятельствах, описанных в «Песни о крестовом походе»:

Тренкавель сдался! Молва об этом разошлась
По Каркассону. Тогда горожане и рыцари,
солдаты и слуги, нищие калеки и девственницы
покинули город. В нем не осталось ни души.
Устрашенный народ бежал куда глаза глядят.
Ни одного узла на согнутых спинах;
рубахи и штаны, ничего более. Одни
ушли в Арагон, другие в Тулузу.
Все скоро обратятся в дорожную пыль.
Войско тотчас вошло в опустевший город,
разместившись в башнях, в донжоне,
жилище виконта. Пехотинцы и наемники
хватали добычу, там было множество мулов
и славных лошадей, они делили трофеи,
а глашатаи тем временем надрывали глотки на улицах:
«Крестonosцы! все идите слушать проповедь настоятеля
Сито!»

(ПКП, 33)

Тренкавель, прежний виконт, был брошен в тюрьму, а вся добыча, которую, как мы уже говорили, уберегли от грабителей и на которую «наложили секвестр», предназначалась новому виконту, коего должен был назначить Арнаут Амори, настоятель Сито.

3. Победившие крестоносцы тем не менее отобрали земли каркассонского виконтства у отлученных от Церкви баронов; теперь следовало передать эти владения другим баронам. Комиссия, состоявшая из двух епископов и четырех рыцарей, также назначенных вездесущим настоятелем Сито, решила отдать виконтство никому не ведомому капитану, обладавшему небольшим феодалом в долине Шеврез, графу Симону де Монфору, и вот об этом выборе следует поговорить подробнее.

* * *

Если крестоносцам и удалось, взяв такие крупные города как Безье и Каркассон, сократить в Лангедоке и Провансе число местностей, где угнездилась катарская ересь, все же они не смогли искоренить ее во всех южных провинциях Франции. Кроме того, к сентябрю 1209 года у безжалостного гонителя еретиков, благородного графа де Монфора, возглавившего к этому времени крестовый поход, осталось лишь двадцать шесть рыцарей, с которыми он должен был поддерживать религиозный порядок в Лангедоке... Впрочем, в марте следующего года он, должно быть, с радостью встретил нескольких высокопоставленных особ, прибывших с севера, дабы помочь ему истреблять катаров; в числе этих особ были монсиньор Пьер, его преосвященство епископ Парижский Пьер де Куртене, граф Осеррский, пришедший из Иль-де-Франса с крестоносным войском, а главное — подкрепление (несколько сотен воинов), которое привела ему его собственная жена, Алиса де Монморанси. У священной войны действительно существовали свои правила, установленные во время первых крестовых походов против турок — походов, устроенных с целью освобождения Гроба Господня. Рыцари, бравшие крест, были добровольцами, которые обязывались сражаться ради Церкви в течение по меньшей мере сорока дней,

но они вольны были вернуться домой, как только истечет срок этой «сорокадневной службы». Следовательно, необходимо было предусмотреть постоянное пополнение численного состава крестоносных войск и обеспечить смену воинам. Армия крестоносцев, сеявшая страх повсюду, где она проходила, была временной армией, добровольцы которой обязаны были служить лишь в течение сорока дней, после чего могли беспрепятственно ее покинуть.

Представители папы в Каркассоне, знавшие об этом, разумеется, были обеспокоены. Вскоре все эти бароны, эти рыцари, эти паломники, взявшиеся за оружие по призыву проповедников, вернутся каждый в свой край или феод, и от армии крестоносцев останутся лишь несколько гарнизонов, разбросанных по тем городам Окситании, где особенно пышным цветом расцветет ересь. Для того чтобы защитить христианский мир от повторения этой напасти, Церкви следовало отдать Каркассон, только что завоеванный крестоносцами, какому-нибудь знатному сеньору. Выбор был, как мы догадываемся, трудным, поскольку ни один благородный барон не желал унизиться до того, чтобы воспользоваться несчастьями сеньора Тренкавеля. Вот и «Песнь о крестовом походе» также рассказывает нам о том, каким образом выбор сурового настоятеля Сито, которому отныне принадлежала неоспоримая церковная власть в Лангедоке, пал на Симона де Монфора, каким образом «благородный граф» сделался преемником Тренкавеля.

Крестоносцы завоевали Каркассон.

По всему краю царил страх, все бежали.

Армия без боя взяла Монреаль и Фанжо:

их укрепления были брошены, ворота распахнуты

настежь.

Педро Арагонский, отъявленный разбойник,
прибрал к рукам опустевшие города.

После того как настоятель Сито прочел наставление
своим людям
на городской площади, он отслужил мессу,
сказал трогательную проповедь о новорожденном Иисусе,
затем без промедления захотел, чтобы город был отдан
какому-нибудь знатному сеньору, избранному равными
ему.

Первым был выбран граф Неверский,
но он отклонил предложение. Тогда был назван
граф де Сен-Поль. Он также уклонился.
«У нас, — сказали они, — достаточно прекрасных
владений
в французском королевстве, где родились наши отцы,
нам нет нужды грабить других». Самые знатные из крестоносцев сочли бесчестным
принять такой феодал.
На этом многолюдном собрании был один сеньор
весьма важный и доблестный.
Он был хорошим воином, искусным и мудрым,
статным мужчиной, благородным и отважным,
добрым, честным, любезным, одаренным живым умом.
Он был французом. Его звали Симон де Монфор.
Ему принадлежало, кажется, графство Лестер¹.
Наконец, ему единодушно предложили
нечестивый край [катарский] побежденного виконта;
Каркассон и Безье,
Минерв и альбигойские земли.

(ПКП, 34—35)

Монфор, чьи владения были все же не столь велики,
чтобы он мог считаться знатным вельможей, был вы-
бран под тем предлогом, что первым совершил героиче-

¹ В Англии; Монфор обладал также обширными владениями в долине Шеврез, среди его вассов насчитывалось немало владельцев поместий Иль-де-Франса.

ский поступок во время взятия города, бросившись в опоясывающий крепость ров, чтобы под градом стрел, сыпавшихся на него с городских стен, вытащить оттуда раненого рыцаря. Пьер де Во-де-Серне ухватился за этот подвиг, чтобы на все лады превознести графа:

«В первую очередь напомним о его прославленном роде, его непоколебимой храбрости и его великолепном умении владеть оружием. Роста он был высокого, волосы у него пышные, лицо тонкое, облик приятный, плечи развернутые, руки сильные, стан стройный, все члены гибкие и подвижные, движения живые и быстрые: даже враг или завистник не нашел бы, в чем его упрекнуть. Слова его были красноречивы, общество приятно, целомудрие безупречно, смирение необыкновенно. Решения его неизменно были мудрыми, советы дальновидными, суждения справедливыми, он был безупречно чист и удивительно смиренен, искушен в военном деле, осмотрителен в действиях, за дело брался неспешно, но упорствовал, доводя до конца все, за что ни брался, всецело был предан служению Господу. Сколь же предусмотрительны были избравшие его руководители, сколь рассудительны крестоносцы, единодушно признавшие, что истинную веру должен защищать именно такой верующий, решившие, что человек, так умеющий служить христианству, призван вести против зачумленных еретиков священное Христово воинство. Божие войско должен был возглавить такой полководец».

(АИ, 104)

Так кем же был в действительности этот граф де Монфор, оставивший по себе в истории память как о безжалостном убийце? Помимо двух процитированных выше литературных источников («Песнь о крестовом походе против альбигойцев» и «Альбигойская история»),

мы располагаем об этом человеке сведениями, почерпнутыми из «Хроники альбигойской войны» («Chronique sur la guerre des albigeois») Гильома де Пюилорана и «Новых хартий графов Раймонда VI и Раймонда VII» («Chartes inédites des comtes Raymond VI et Raymond VII»), сохранившихся в «Записках Тулузского университета». Можно сказать, что если нам известны некоторые подробности его родословной и события его биографии, то о его характере, о причинах, заставивших его действовать именно таким образом, мы почти ничего не знаем. Был ли он искренним, вступая в борьбу с ересью? Или же, напротив, им руководило желание расширить свои владения и завоевать новые феоды, отняв их у еретиков? Была ли война его главной страстью?

В соответствии с наиболее вероятными предположениями род Монфоров происходил от Бодуэна, графа Фландрского, и Юдит, дочери Карла Лысого. Первый из Монфоров, известный историкам, — Амори II, живший в первой половине XI века¹: возможно, он был приближенным французского короля Генриха I (1031—1060); его сын, Симон I де Монфор, вторым или третьим браком был женат на Агнессе д'Эвре, дочери графа Эвре, которую он похитил и которая подарила ему четверых сыновей: Амори III, Ричарда, Симона II и Амори IV, поочередно ему наследовавших (у последнего были долгие распри с английским королем Генрихом I из-за графства Эвре). Вероятно, преемниками Амори IV были Амори V, затем Симон III Лысый, граф Монфора и Эвре. Симон III женился на англичанке Амиции, дочери графа Лестера. От нее у него было два сына, старший из них, Амори VI де Монфор, унаследовал графство Эвре, которое уступил королю Франции, а младший и был граф

¹ См. генеалогическую таблицу в Приложении XIII.

Симон IV де Монфор, организатор крестового похода против катаров.

О первых пятидесяти годах жизни этого человека нам почти ничего не известно. Мы знаем только то, что в 1198 году Симон де Монфор повел в Палестину французское рыцарское войско и что, лишившись поддержки немецких рыцарей, которые, несмотря на его просьбы остаться, вскоре вернулись домой, он ничего не мог предпринять против сарацин и ограничился тем, что заключил с ними перемирие на три года. Четыре года спустя, в 1202 году, Монфор принял участие в Четвертом крестовом походе, устроенном на деньги богатых венецианцев, и отличился при взятии Зары, ставшем главным событием этого похода. Когда папа Иннокентий III запретил крестоносцам продолжать это предприятие, он во всеуслышание объявил, что намерен его оставить. Примеру Симона последовали другие рыцари, что привело в отчаяние венецианцев, небескорыстно вложивших средства в этот поход; когда же после того крестоносцы решили вернуть константинопольский престол византийскому императору Исааку Ангелу, Симон вместе со своим братом Ги ушел от них и поступил на службу к венгерскому королю.

Вскоре после этого Симон де Монфор вновь отправился в Палестину, где в течение пяти лет отличался самыми блестящими подвигами. А весной 1208 года, откликнувшись на призыв папы Иннокентия III, решившего применить силу для того, чтобы восстановить в Лангедоке католическую религию, Симон дал обет присоединиться к многим французским рыцарям, которые, загоревшись призывами нескольких проповедников, намеревались подчинить юг Франции власти Церкви; вскоре он делается ее безжалостным и грозным мечом. В следующем, 1209 году Симон де Монфор повелел графу Раймонду VI Тулузскому принять суровые меры против

катарской ереси, безнаказанно разраставшейся в его графстве, и передать в руки Милона, папского легата, семь надежных крепостей — это должно было явиться залогом искренности его усилий в борьбе с нею.

Когда в начале лета графу Раймонду VI Тулузскому сообщили о приготовлениях, которые делает против него Монфор, граф, в конце концов, сдался и в июне 1209 года передал легату семь крепостей, как требовал папа Иннокентий III. Но, как мы уже знаем, кровь все равно прольется. Несколькими неделями позже (22—24 июля 1209 года) католическая армия взяла Безье, затем, первого августа, подошла к Каркассону; город пал после двухнедельной осады, во время которой Монфор впервые отличился ярким подвигом. Король Педро II Арагонский, сюзерен виконта Тренкавеля, попробовал заступиться за него перед крестоносцами, взывая к их жалости, но жесткость предложенных легатом условий обрекла его попытку посредничества на неудачу. А сильнейшая летняя засуха вынудила город сдаться: это произошло 15 августа 1209 года. Для непреклонного цистерцианца, каким был Амори, и речи не могло идти о том, чтобы в Каркассоне повторились те ужасы, какие довелось испытать на себе населению Безье 22 июля. И настоятель Сито, похоже, полностью управлявший этим эпизодом альбигойского крестового похода, приступил к избранию наследника виконтства; выбор, как мы уже говорили, оказался в пользу Симона де Монфора. Тренкавель, которого держали под стражей, умер несколько месяцев спустя, и Монфора — похоже, небезосновательно, — обвиняли в том, что он его отравил.

Нам неизвестно, какими побуждениями в действительности руководствовался настоятель Сито, когда предложил отдать каркассонское виконтство Симону де Монфору. Возможно, он думал, что ему легче будет при-

смаатривать за ним, легче будет подчинить себе этого графа, не имевшего в Окситании никаких связей, чем одного из лангедокских сеньоров — все они были более или менее связаны с катарами. Один из примеров — могущественнейший граф Раймонд VI Тулузский, в чьих владениях открыто распространялась катарская ересь; он вел с Монфором сложную игру объединений «за» и «против», в основных линиях которой мы попытаемся разобраться, перечисляя главные события в хронологическом порядке. (Отметим, что в 1209 г., когда ситуация стала напряженной, Раймонду VI было пятьдесят три года, его сыну — будущему Раймонду VII по прозвищу «Раймонде»¹ — двенадцать, а Симону де Монфору — пятьдесят девять лет²).

1. Виконт Каркассона (Тренкавель) умер в своем замке через несколько месяцев после того, как потерпел поражение. Монфор, отныне сделавшийся бесспорным владельцем виконтства, начал с того, что стал взимать дань в пользу папского двора и предписал весьма суровые законы против еретиков.

2. Поскольку сорокадневный срок, в течение которого крестоносцы сражались бок о бок с Монфором, уже завершился, у того остались лишь горстка рыцарей и чуть больше четырех тысяч пехотинцев, бургундцев и немцев, которых он смог удержать, пообещав увеличить денежное содержание (средствами для этого он располагал). С этими довольно скромными силами Монфор взял несколько городов, в частности Кастр, Памье и Альби.

3. Затем Монфор начал предпринимать различные

¹ Raymondet; к имени прибавлен уменьшительный суффикс «et», то есть прозвище можно было бы перевести как «Раймондик». (Примеч. переводчика.)

² Раймонд VI (1156—1222); Раймонд VII (1197—1249); Симон де Монфор (ок. 1150—1218).

действия с целью добиться разрешения принести клятву верности арагонскому королю, стать его вассалом в качестве виконта Каркассона, который был завоеван им с оружием в руках; его сюзереном был Педро II, но последний отказался принять от него эту клятву. Следствие такого положения вещей: Монфор, в военном и экономическом отношении ставший хозяином каркассонского виконтства, по-прежнему не являлся его законным владельцем и, если бы у него родился сын, не смог бы оставить ему эти земли в наследство.

4. Папа в конце концов решил послать Монфору письмо, в котором подтверждал его владение Каркассонне и вместе с тем сообщал о тех усилиях, которые предпринимает, стараясь уговорить правителей соседних областей прийти ему на помощь. Новый виконт, получив кое-какое подкрепление, воспрянул духом и захватил два очень хорошо защищенных замка, Ми-нерв и Терм.

5. Тем временем граф Раймонд VI, стремившийся сблизиться с Симоном, попросил у него руки его дочери для своего сына Раймонда, будущего графа Раймонда VII Тулузского, однако Монфор это предложение отклонил и дошел даже до того, что произвел некоторое разорение во владениях Раймонда VI, после чего тот отправился жаловаться папе Иннокентию III на эти незаконные действия. Папа принял его с величайшими почестями, однако своего мнения о ссоре не высказал, передав дело графа Тулузского собору, который должен был вскоре, в сентябре 1210 года, состояться в Сен-Жиле¹.

6. На этом соборе папский легат ничего более определенного не сказал, сославшись на то, что одно из условий, поставленных перед графом Тулузским при от-

¹ Пoblзости от Нима, в нынешнем департаменте Гар.

пущении ему грехов, а именно то, что он должен изгнать из своих владений *всех* еретиков, по-прежнему не выполнено, а следовательно, Раймонд VI не может быть допущен к ответу на обвинения, выдвинутые против него.

7. Новый собор был созван в январе 1211 года в Монпелье¹: Церковь наконец предложила графу вернуться в ее лоно, но на таких жестких условиях, что после этого началась настоящая священная война, война до победного конца сначала между Церковью и Раймондом VI, а затем, после его кончины в 1222 году, продолженная его сыном и преемником Раймондом VII. Эта война завершится лишь в 1229 году торжественным подписанием Парижского договора на паперти собора Парижской Богородицы.

* * *

Перед тем как приступить к рассказу об этих событиях, напомним, что лето 1209 года повсюду, где сражался Симон де Монфор, было кровавым; в конце концов, у Монфора остался единственный, но серьезный противник — Раймонд VI Тулузский, в чьем графстве еретическая секта катаров развивалась быстрее всего. Должно быть, это связано с тем обстоятельством, что начиная со второй половины предшествующего века культура там достигла небывалого в Европе уровня: рыцарские обычаи, сложившиеся в лангедокской столице, породили там дух легкомыслия, куда лучше приспособившийся к катарским грезам, чем к суровым заповедям Церкви, а тулузская буржуазия, благодаря своему богатству освободившаяся от феодальной власти, разде-

¹ Этот собор в «Песни о крестовом походе» ошибочно называется «собором в Арле».

ляла индивидуалистические взгляды рыцарей и, подобно им, ненавидела господство прелатов. Все это привело к свободомыслию и религиозной терпимости даже по отношению к евреям (что в те времена встречалось крайне редко), каких нельзя было найти больше ни в одной христианской стране, и пример такого поведения подавали сами сеньоры: любые мнения могли быть высказаны беспрепятственно, и теми, кто извлек наибольшую пользу из этой свободы мысли — за пять веков до Вольтера, — были, разумеется, катары, чьи проповедники говорили о своем намерении вернуть сбившуюся с пути, развращенную римско-католическую Церковь к ее изначальной простоте.

ОТ КАСТРА ДО ПАМЬЕ:
ПУТЬ СИМОНА ДЕ МОНФОРА

(1209—1212)

Итак, Каркассон пал. Симон де Монфор отдыхал от трудов за стенами завоеванного им города и наслаждался победой. В конце августа 1209 года папский легат присудил ему виконтство побежденного Раймонда-Роже Тренкавеля со всеми городами и крепостями на тех самых условиях, которые были описаны выше. В сентябре «благородный граф» в сопровождении оставшихся у него двадцати шести рыцарей и значительной части своего войска покинул город, который теперь принадлежал ему, и вместе с герцогом Бургундским и его войсками «двинулся дальше», как пишет автор «Альбигойской истории». Что же касается крестоносцев, которые помогли ему взять Каркассон, то они вернулись домой, во Францию, равно как и граф де Невер со своей армией.

План графа был прост и сводился к двум пунктам: 1) подчинить себе все крепости виконтства до того, как противник вновь соберет войско; 2) добиться, чтобы вассалы Тренкавеля принесли клятву верности новому сюзерену, что обязало бы их в соответствии с феодальным кодексом к военному участию в завоевании различных городов Окситании, где еще жили катары: в частности, они стали бы снабжать его войсками, ведь собственные силы Монфора теперь были немногочисленны,

а у сопровождавшего его герцога Бургундского и вовсе почти никого не осталось.

Итак, покинув Каркассон, Монфор направился на юго-запад. Но к концу первого дня перехода он все еще не решил, какую крепость или какой город будет штурмовать в первую очередь. Он приказал разбить лагерь на подступах к маленькому городку под названием Альзон. На следующее утро герцог Бургундский, явно лучше Монфора знавший эти места, посоветовал ему остановиться в Фанжо¹ и разместить там гарнизон в ожидании подкрепления, которое должно было подойти. Подкрепление явилось в марте 1210 года — жена Монфора, Алиса де Монморанси, сама привела эти несколько сотен солдат; то, что подобный поступок совершила женщина, нисколько не удивляет Пьера де Во-де-Серне, написавшего в «Альбигойской истории»:

«В начале поста графу объявили о прибытии графини, его супруги, в сопровождении нескольких рыцарей. Он и в самом деле звал ее к себе с севера Франции. Выслушав эту весть, граф направился ей навстречу, добрался до Пезена на землях Агда, где она в то время была и, совершенно счастливый, вернулся в Каркассон».

(АИ, 141)

Автор хроники не уточняет, чему так сильно обрадовался Монфор — приезду ли жены, с которой несколько месяцев был в разлуке, или же прибытию сопровождавших ее рыцарей и солдат, с которыми он намеревался одну за другой подчинять себе крепости Окситании.

Первыми — не оказав ни малейшего сопротивления — в конце весны или летом 1210 года пали Монреаль и

¹ Скромный центр кантона в округе Кастельнодари (Од), этот город существует и сегодня; поблизости от Фанжо святой Доминик основал в 1206 году первый женский монастырь.

Фанжо, брошенные сеньорами и войсками. Монфор не стал задерживаться ни там, ни там, оставил в каждом из городов по гарнизону, а затем, прежде чем устремиться к Тулузе, которую представители папы считали главным рассадником ереси, решил очистить владения местных сеньоров от еретиков, перевешать тех сеньоров, которые предали папу, а там, где сеньоры остались ему верны, — жителей мятежных городов, вставших на сторону катаров. Теперь замки, крепости и города этих мест постепенно будут переходить в руки «благородного графа» Симона де Монфора, а по всему Лангедоку начнут вырастать виселицы, костры и эшафоты. Все это будет делаться с благословения непреклонного брата Арнаута Амори, настоятеля Сито, всемогущего духовного вождя этого так называемого «альбигойского» крестового похода, нисколько не напоминавшего крестовые походы против турок, когда в течение двух веков совершались грандиозные перемещения войск от Парижа до Иерусалима. В конце концов все свелось к лишенной всякого величия пятнадцатилетней «войнушке», в которой на одной стороне выступала небольшая армия папы и его сторонников, а на другой — войска не катаров, послуживших лишь предлогом, но графов Тулузских Раймонда VI и Раймонда VII.

Мы подробно расскажем обо всех событиях этой войны, начиная с того момента, как Симон де Монфор покинул Каркассон, намереваясь завоевать главные феоды и сеньории Окситании для себя и своих товарищей — и все это под предлогом истребления там катарской ереси. Поскольку все большие дороги, по которым могло пройти его многочисленное войско, шли вдоль пересекающих Лангедок рек (главным образом Гаронны и десятка ее притоков), большая часть крепостей, которые захватит Монфор, окажутся расположенными на берегах Гаронны, Эга, Ода, Арьежа, Тарна, Авейро-

на, Савы и Жера (заметим мимоходом, что Альби стоит на Тарне, то есть на севере той области, где происходил «крестовый поход против альбигойцев»).

* * *

После завоевания Каркассона всем окситанским сеньорам стало понятно, что крестовый поход, к которому призывал настоятель Сито, превратился в завоевательную войну, ведущуюся к выгоде «благородного графа» де Монфора; тогда они принялись усиленно готовиться к обороне и собирать войска. Стратегическое значение долины Ода, где находились пока еще оставшийся у них Лиму и утраченный ими Каркассон, побудило сеньоров этих мест укреплять оборонительные сооружения крепостей на севере (Пюисегье, Минерв, Кабаре, Монреаль) и на юге (Терм) этой долины. Совершенно естественно, что та же причина заставляла и Монфора стремиться к тому, чтобы овладеть этими крепостями — как к вящей славе Церкви, возложившей на него миссию истребить еретиков, так и для того, чтобы увеличить свои феодальные владения, присоединив к ним земли, которые соблаговолит пожаловать ему настоятель Сито, а там, как знать, может быть, и прибавить к виконствам Безье и Каркассонскому лучший, самый прекрасный и самый богатый из окситанских феодалов — графство Тулузское.

Этот крестовый поход против альбигойцев, таким образом, превратился в завоевательную войну в пользу Симона де Монфора и баронов из числа его союзников, которая велась без всякого определенного политического плана против мелких и крупных феодалов, никогда не объединявшихся в «блок противников»; вот потому эта война резко отличается от крестовых походов, которые велись в то же время на востоке и были связаны с политическими и экономическими планами. По этой

же причине мы можем лишь описывать развитие событий этой войны, единственной в своей роде в нашей истории и сводившейся к ряду налетов, устроенных Синомом де Монфором на владения крупнейших феодалов Окситании — разумеется, от имени Церкви, но единственно к территориальной выгоде «благородного графа».

1. КАСТР (весна 1210 г.)

В апреле или мае 1210 года, выехав из Фанжо лишь с небольшой свитой, Монфор направился поначалу на север и достиг Кастра-на-Агу в альбигойском крае, крупного города, где уже в те времена существовали *burgenses*, то есть буржуа, которые принесли ему клятву верности и сдали город. К графу привели двух еретиков: первый из них был совершенным, второй — одним из его последователей. Граф, созвав совет, приговорил обоих к костру. Ученик молил о пощаде, обещал отречься от ереси, исполнить все, что ему прикажут, и совет стал решать. Если он раскается, говорили одни, не следует обречь его на смерть, ведь он готов повиниться. Это всего-навсего еретик, возражали другие, и можно считать, что его обещания продиктованы в большей степени страхом перед неминуемой казнью, чем искренним желанием вернуться к христианской вере.

Монфор властно и ловко разрешил вопрос, отрезав: «Искренне он говорит или нет, пусть его сожгут. Если он действительно раскаивается, он искупит свои грехи в огне; если он лжет, костер станет справедливым наказанием за его вероломство».

Обоих приговоренных к смертной казни связали и отнесли на костер. Ученика спросили, в какой вере он хочет умереть, и тот ответил: «Я отрекаюсь от ереси, я хочу умереть в вере святой христианской Церкви и мо-

люсь о том, чтобы это пламя очистило меня от моих грехов».

После того как он произнес эти слова, палач развел большой костер у подножия столбов, к которым были привязаны совершенный и его ученик. Пламя мгновенно испепелило первого, но веревки, стягивавшие второго, тотчас упали, и он вышел из огня целым и невредимым, без малейших ожогов, разве только кончики пальцев опалив (АИ, 113).

2. МИНЕРВ

(июнь — июль 1210 г.)

Гильем из Туделы, автор первой части «Песни о крестовом походе», об осаде и взятии укрепленного замка Минерв повествует весело:

Когда настают теплые дни, когда
зима уходит и ветви вновь одеваются нежной листвой,
граф де Монфор отправляется через пустошь
со своим вооруженным войском к замку Минерв.

(ПКП, 48)

Этот замок в маленьком городке Минерв, где сегодня едва насчитывается сотня жителей, городке, расположенном в нынешнем департаменте Эро на равном расстоянии по прямой от Нарбонна и Каркассона, стоял на вершине холма (высотой 227 м) на краю долины Сессы, притока Ода; замок защищали два очень глубоких рва, выдолбленных в известняке — такое положение, казалось, делало его неприступным. За его стенами укрылись около ста сорока совершенных, мужчин и женщин. Похоже на то, что немногочисленные жители деревушки мирились с их присутствием, а может быть, и извлекали из него пользу, но для нарбоннцев и их сеньора, виконта Эмери, соседство этих еретиков было не-

стерпимо — они сами попросили Симона де Монфора избавить их от катаров. Граф согласился, но при условии, что Эмери Нарбоннский и его подданные станут помогать ему до конца, иными словами, до тех пор, пока Минерв не падет. Пьер де Во-де-Серне в своей «Альбигойской истории» (АИ, 151—162), равно как и Гильем из Туделы в своей «Песни о крестовом походе», подробно описывает события. Вот как это все происходило.

Подойдя к крепости, — которая, не будем об этом забывать, представляла собой маленький городок, две или три сотни душ, — Монфор расставил свои шатры с восточной стороны, а один из его рыцарей, по имени Ги де Люси, с гасконскими крестоносцами расставил свои с западной; на севере был Эмери III, виконт Нарбоннский, которого сопровождали его подданные, на юге — другие крестоносцы. Установили боевые машины — камнеметы, лестницы и пр. Людям, которые ими управляли, решили платить двадцать один ливр в день. В течение нескольких дней крепость Минерв была под непрерывным обстрелом: ядра рассекали воздух и ударялись в стены, повреждая их, хоть те и были сделаны из крепкого камня, — и потому поэт, воспевающий этот крестовый поход, сказал:

Если бы король Марокко и его черные сарадины
(клянусь святой Екатериной!) его осаждали,
они не обломили бы и одного зубца.

Но здесь сражается Христово войско, не какое-нибудь
другое.

Под его ударами рассыплется в пыль любая скала,
не устоит ни одна стена!

(ПКП, 48)

Но осажденные были находчивы и не лишены воображения. Как-то в воскресенье, когда в лагере крестоносцев все спали, защитники крепости предприняли

ночную вылазку, добрались до того места, где осаждающие установили свой грозный камнемет, который никто не охранял, и прикрепили к тыльной части орудия корзины, наполненные паклей, высушенными щепками и кусками жира, а потом все это подожгли. К небу тотчас взметнулось огромное пламя, все кусты и деревья, окружавшие крепость, мгновенно запылали — ведь стояла жара, был самый разгар лета, «канун праздника святого Иоанна Крестителя», уточняет автор «Альбигойской истории». Солдат из орудийной прислуги, отошедший в сторонку, чтобы справить нужду, заметил горящую машину и успел поднять тревогу прежде, чем упал на землю, тяжело раненный копьем одного из поджигателей. В лагере крестоносцев вскоре поднялась суета: камнемет в мгновение ока исправили, можно было возобновить обстрел стен Минерва. Обстрел продолжался еще несколько дней. Но в конце концов в осажденной крепости съестные припасы истощились, и мужество ее защитников начало слабеть. Что можно к этому прибавить? Осажденные молили своего сеньора, Гильома де Минерва, попросить перемирия, и тот вышел из города, чтобы вступить в переговоры с графом де Монфором.

Переговоры между двумя полководцами едва начались, и вдруг тот и другой заметили словно по волшебству показавшегося с первыми лучами рассвета брата Арнаута, настоятеля Сито и папского легата: он прибыл из Тулузы, где встречался с графом Раймондом VI. С ним был другой папский легат, мэтр Тедиз, и он явно знал обо всем, что происходило поблизости от Каркассона. Граф Гильом де Минерв, изворотливый, как все гасконцы, прервал переговоры с Монфором и заявил, что во всем, что касается условий капитуляции Минерва, он полностью полагается на решение брата Арнаута, высшего судьи в делах Христа в Окситании. Настоятелю ничего другого не оставалось, как присоединиться к

Гильому и поддержать его половинчатое предложение, но сделал он это скрепя сердце: в глубине души он страстно желал смерти всех «врагов Христовых», как он называл катаров и их мирских покровителей, но, поскольку был монахом и священником, не смел приговорить их к смертной казни — разве Христос не запретил в Евангелиях убивать? Он старался как-нибудь отделаться от этой дилеммы, и ему пришла в голову коварная мысль: приказать обоим противникам, Гильому де Минерву и Монфору, записать свои предложения и пообещать их рассудить, втайне надеясь, что составленный каждым из них план окажется неприемлемым для другого, что *ipso facto*¹ отменит для него необходимость решать.

Враждующие полководцы повиновались. Графу де Монфору зачитали предложения сеньора Минерва, и, как и предполагал брат Арнаут, граф их отверг. Он пошел даже дальше того: предложил Гильому вернуться в свой город и, укрывшись за крепостными стенами, защищаться как может. Гильом отказался и предложил, напротив, исполнить все, что прикажет «благородный граф», а тот захотел все уладить в соответствии с решениями, которые примет настоятель Сито в качестве папского легата. Тогда брат Амори составил условия договора: город Минерв останется владением своего сеньора, и всем его жителям, в том числе еретикам из числа простых верующих, будет сохранена жизнь, если они согласятся повиноваться Церкви; что касается еретиков «совершенных», их также пощадят при условии, что они перейдут в католическую веру. Последнее предложение насторожило одного из католических предводителей, Робера де Мовуазена, вернейшего спутника Симона де Монфора.

¹ Тем самым (лат.).

«Цель нашего крестового похода — истребить всех еретиков, — возразил он настоятелю Сито, — а те из них, кто сегодня перейдет в истинную веру, чтобы спасти свою жизнь, завтра вернуться к прежним заблуждениям: наши не потерпят таких мягких мер, какие предлагаете вы».

«Вам нечего опасаться, — ответил брат Амори, — думаю, очень мало кто из них сменит веру».

После этого обмена мнениями крестоносцы вошли в Минерв, впереди них несли огромный крест и знамена графа де Монфора, и все они, направляясь к церкви, пели *Te Deum laudeamus*.

Осада города длилась семь недель. Однако задача победителя еще не была выполнена: после того как Христос завоевал Минерв, графу и его воинам-крестоносцам надо было еще обратить жителей города в католическую веру; однако все их старания остались тщетными. Монфор послал к еретикам священника, аббата Пьера де Во-де-Серне¹, который встретился со многими из них, собравшимися в одном из городских домов, и стал кроткими словами уговаривать их вернуться в католическую веру. Катары в один голос ему ответили:

«Зачем было приходить к нам проповедовать? Нам не нужна ваша вера: мы отвергаем католическую церковь. Напрасно вы стараетесь. Ни смерть, ни жизнь не смогут разлучить нас с нашей верой».

(АИ, 155)

Потеряв надежду их убедить, почтенный аббат поспешил уйти из этого дома и отправился в другой дом, где собрались женщины, также еретички. Но они оказа-

¹ Автора «Альбигойской истории», который здесь сам выступает действующим лицом.

лись еще более твердыми в своей катарской вере, еще более упрямыми, чем мужчины. Вскоре после того Монфор, закончив военный осмотр окрестностей Минерва, в свою очередь въехал в город. Для начала он направился к дому, где собрались все еретики города, чтобы в последний раз попытаться вернуть их в католическую веру и спасти — нет, не от костра, на котором им предстояло погибнуть, но от вечного проклятия, ожидающего их в случае, если они не раскаются. Ему посчастливилось не больше, чем аббату, и куда менее злобно, чем в Безье, поскольку после своего страшного призыва к убийству он лучше узнал этих еретиков и теперь не столько ненавидел их, сколько жалел: он велел вывести их из города.

За городскими стенами складывали большой костер, первый, о котором точно известно, большой костер за время этого крестового похода — он предназначался для ста сорока совершенных Минерва. По словам Пьера де Во-де-Серне, их нечестивая вера была столь велика, что

«нашим даже не пришлось их туда толкать: все они настолько закоренели во зле, что сами бросились в огонь. Уцелели только три женщины, которых благородная дама, мать рыцаря Бушара де Марли, спасла от костра и вернула в лоно Святой Церкви. После того как еретики были сожжены, другие жители города отреклись от ереси и были возвращены в лоно Церкви».

(АИ, 156)

Автор «Песни о крестовом походе против альбигойцев» Гильем из Туделы куда более грубо и оскорбительно высказывается о еретиках, к которым не испытывает ни малейшего сочувствия:

Крепость была взята в конце весны.

Сто сорок еретиков точас отвели на костер.

Среди этих безумцев было несколько славных шлюх.

Едва они были сожжены, тела сбросили
в большую грязную яму, потому что эта пададь воняла
нестерпимо.
(ПКП, 49)

3. МОНРЕАЛЬ И ТЕРМ (август — ноябрь 1210 г.)

Вскоре после взятия Минерва жители соседнего городка Монреалья и их сеньор Эмери, «движимые страхом», как пишет Пьер де Во-де-Серне, послали к графу де Монфору гонца с просьбой пощадить их город на следующих условиях: Эмери де Монреаль предлагал отдать графу ключи от города¹ в обмен на другие равные по размеру и лишённые укреплений земли на равнине и обещал ему свою помощь в сражении с врагами. Соглашение было заключено, поскольку маленький городок Монреаль, как и Фанжо, стоял на дороге, ведущей к тулузскому графству, которое, как мы знаем, было объектом вождения «благородного графа» с тех пор, как он прибыл в Окситанию.

Тем не менее пока что для Монфора главным было завоевать последнюю, еще не перешедшую в его руки большую стратегическую крепость, расположенную между Каркассоном и Нарбонном, цитадель Терм² на юге долины Ода. Тогда руки у него будут развязаны, и он сможет подумать о походе на Тулузу. Вот как решилось дело.

Из Минерва, оставив там часть войска, чтобы восстановить город и разместить гарнизон, Монфор вернулся в Каркассонне. По дороге он сделал привал в Пеннотье, поблизости от Каркассона, где его принимал владелец местного замка. Оттуда он без промедления отправил

¹ В Черных горах (департамент Од, округ Каркассона).

² В горах Корбьер (департамент Од, округ Каркассона).

гонца в этот город, где оставил свою супругу, Алису де Монморанси, с кратким посланием: «Идите ко мне, я жду вас!» Два часа спустя Алиса появилась у ворот замка. «Бог свидетель! — пишет Гильем из Туделы. — Свет не видел более любезной супруги».

Жена полководца, уже не очень молодая (лет под пятьдесят, что в те времена считалось старостью), провела в лагере, среди войск Монфора, три дня. Ее муж тотчас созвал своих баронов и различных правителей-крестоносцев; двое из его вассалов, Ги ле Марешаль и Гильом де Контр, которым он отдал земли Тренкавеля, отнятые у того после взятия Каркассона двумя годами раньше, а также крестоносец Робер Мовуазен считали, что надо без промедления начать осаду считавшегося неприступным — «орлиное гнездо» на отвесной скале — замка Терм; другие присутствовавшие на совете рыцари их поддержали, и, поскольку настал час вечерней трапезы, все сели за стол.

Сытно поужинав и крепко выпив, рыцари собрались снова. Монфор тревожился, не зная, кому доверить охрану Каркассона на то время, пока будет длиться осада Терма. Одно за другим были названы два имени: Ламбер де Креси и Ренье де Шодрон. Оба крестоносца отказались: они боялись, как бы прежние подданные Тренкавеля не воспользовались случаем и не подняли бы мятеж, и откровенно в этом признались: «Слишком опасно, сеньоры, слишком опасно... Это развращенный край. Один только сеньор Гильом де Контр способен с ним справиться».

Выбор пал на этого последнего рыцаря из числа местных сеньоров. Гильем из Туделы, автор первой части «Песни о крестовом походе», описывает завершение совета (лессы 51—52) в словах, которые заслуживают того, чтобы привести их здесь, даже если поэт их попросту выдумал: они дают нам представление, пусть приукра-

шенное и пристрастное, о том, какой была обстановка этой военной вечеринки, увиденная глазами современника. Мы оценим «демократический» стиль обсуждения:

Тогда Гильом де Контр покачал своей могучей головой и ответил обратившимся к нему баронам:
«Во имя Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии я сохраню этот удел, раз все меня о том просят».
Граф де Монфор горько пожалел о том, что оставляет там этого человека. И все же пришлось уступить:

крестоносцы и графиня Алиса единодушно решили, что лучшего выбора сделать нельзя. Впрочем, все прочие отказались от этого коварного подношения. Тогда Монфор избрал в помощь Гильому Крепена де Рошфора (славный рыцарь!), Симона, по прозвищу Саксонец (храни его Иисус и наставляй!),

Ги, своего младшего брата с отвагой на лице и других добрых баронов, истинных воителей, французов из Парижа, бургундцев и нормандцев.

Вот и настал миг прощания:

Монфор и Гильом де Контр сердечно простились на большом цветущем лугу.

Один направился к Терму с крестоносным войском, другой ушел в Каркассон. Он прибыл туда в час,

когда встает луна.

(ПКП, 52)

Осада Терма, которая теперь была делом решенным, была нелегким предприятием, хотя бы из-за большого числа сражающихся. В самом деле, в ней собирались участвовать многие бароны из северной Франции, среди прочих — Гильом де Кайе и бретонское войско, которого Монфор не ждал, но его появлению обрадовался, поскольку бретонцы славились как могучие воины.

Пока сам он двигался к Терму, оставшиеся в Каркассоне крестоносцы стали вытаскивать за мощные крепостные стены все боевые машины, какие были в городе, чтобы предоставить их в распоряжение графа. Но когда вражеские рыцари¹, стоявшие в Кабаре, об этом узнали, они обезумели от ярости и среди ночи послали многочисленное и хорошо вооруженное войско, чтобы изрубить машины топорами. Но не тут-то было — не стоило и пытаться, потому что каркассонские крестоносцы, присматривавшие за своими машинами, вышли из города, напали на людей из Кабаре и обратили их в бегство. Те, обозлившись еще сильнее, вернулись к концу ночи, незадолго до рассвета, и снова набросились на машины. На этот раз крестоносцы рассердились не на шутку. Вторая их вылазка была еще более решительной, чем первая, они снова разогнали нападавших и даже чуть было не взяли в плен сеньора Кабаре. Тот, испугавшись, попробовал обмануть солдат Монфора, громко крича: «Монфор! Монфор!» — как будто был одним из них; ему удалось от них ускользнуть, но он заблудился в горах Каркассонне и вернулся в Кабаре лишь два или три дня спустя.

Что касается бретонцев, которые должны были встретиться с Монфором в Каркассоне и привести ему другие боевые машины, они сбились с пути и шли через Кастельнодари, расположенный в если и не вражеских, то по меньшей мере недружелюбных тулузских владениях; горожане Кастельнодари отказались впустить их в город, и крестоносцам пришлось заночевать в поле. Впрочем, ночевкой под открытым небом их трудно было испугать, и они в конце концов благополучно добра-

¹ Лангедокские рыцари, не участвовавшие в крестовом походе против еретиков и главным образом старавшиеся защитить свои земли от нашествия северных баронов.

лись до места, то есть до Каркассона, вместе со своими машинами, которые должны были послужить Симону де Монфору при осаде Терма.

Эта крепость, расположенная в двух дневных переходах от Каркассона, на нарбоннских землях, казалась неприступной, взять ее было не в человеческих силах, пишет Пьер де Во-де-Серне в «Альбигойской истории» (АИ, 171). Она стояла на вершине высокой горы; замок был выстроен на огромном природном утесе, окруженном рвами, по которым бежали неукротимые потоки, какими обычно бывают реки в Пиренеях, а вокруг стеной высились неприступные скалы. Нападающим, если бы они захотели проникнуть в замок, пришлось бы сначала вскарабкаться на скалы, затем соскользнуть по противоположному склону до самого дна рвов, а потом каким-нибудь образом подняться на каменную площадку, на которой возвышался замок, и все это под градом стрел и камней, которыми не преминут осыпать их защитники крепости.

Хозяин замка, рыцарь Раймонд де Терм, был пылким старцем, который, по словам Гильема из Туделы, укрывшись за стенами, которые и считал, и объявлял неприступными, не боялся ни Бога, ни людей (ПКП, 56). Пьер де Во-де-Серне, кроме того, сообщает нам, что он «предавался нечестивым чувствам» (то есть был гомосексуалистом), что он был «отъявленным еретиком», ни Бога, ни черта не боявшимся, и что он, если бы случай представился, без колебаний выступил бы против своего сюзерена, графа Тулузского. Узнав о том, что Монфор готовится начать осаду Терма, сеньор Раймонд собрал как можно больше рыцарей, велел наполнить подвалы и чердаки своего замка съестными припасами и боевым снаряжением и приготовился встретить презренных крестоносцев, посмевших вступить в его владения, так, как эти негодяи того заслуживали.

Первыми к Терму подошли Монфор и его крестоносцы, которые без промедления разместили у его стен свой лагерь и боевые машины. Многочисленных и хорошо вооруженных защитников крепости нисколько не испугали расшитые шатры одетых в парчу рыцарей, крепко державших свои длинные ясеневые копья и знамена; сеньор Раймонд надеялся на прочность своих неприступных стен, и его солдаты входили и выходили из замка, запасаясь водой, на глазах у пока еще малочисленных крестоносцев, насмехались над ними, крича с высоты укреплений:

— Чего вы ждете, почему не бежите, пока мы вас всех не перебили?

Вскоре после того как Монфор сам прибыл на место, к нему одно за другим стали подходить войска подкрепления: это были крестоносцы из северной Франции и германских земель. Увидев их, утверждает Пьер де Во-де-Серне, который — не будем об этом забывать — состоял в армии крестоносцев, осажденные испугались, присмирели, насмешки смолкли. По крайней мере, на какое-то время, поскольку вскоре защитники крепости Кабаре, которые, как пишет Пьер де Во-де-Серне, «были главными и жесточайшими врагами христианской веры» (АИ, 173), перешли Од и поспешили на помощь Терму: они днем и ночью рыскали по большим дорогам вокруг крепости, хватали всех солдат Монфора, какие им попадались, и убивали их, или же, отрезав нос, выколов глаза или причинив какое-нибудь другое увечье, отправляли обратно в лагерь.

Раймонд, сеньор Терма, с высоты своих стен аплодировал и посмеивался. Так все продолжалось до тех пор, пока к крепости не подошли прибывшие с севера Франции могущественные особы: шартрский епископ Бернар и епископ Бове Филипп, графы Дре и Пуатье, парижский архидиакон Гильом, а с ними большое войско но-

вых крестоносцев. Тогда Монфору показалось, что победа близка, и, пока его рыцари занимались осадными работами, он велел установить камнеметы и подверг первый пояс укреплений (тот, что был впереди рвов) безостановочному обстрелу; все были заняты делом, и — исключительный поступок для духовного лица — архидиакон Гильом деятельно участвовал в работе. Он не только каждый день служил мессу и проповедовал, — это само собой разумелось, — но шел вместе с крестоносцами в лес, окружавший крепость, за деревом для камнеметов, приказывал засыпать рвы вокруг замка, чтобы облегчить крестоносцам подступ, давал советы кузнецам, руководил работой плотников и превосходил всех специалистов по части осады неусыпной бдительностью и творческим подходом к делу.

Камнеметы несколько дней подряд беспрестанно обстреливали стены замка. Затем, когда крестоносцы заметили, что первый пояс укреплений начинает по кускам осыпаться, они вооружились, чтобы преодолеть его и занять первое окружавшее замок предместье. Увидев это, их враги подожгли это предместье и отступили в другое, расположенное ближе к замку и выстроенное на склоне горы, выше первого, по которому, несмотря на охватившее его пламя, рассыпались крестоносцы. Но защитникам крепости удалось яростным контрударом их оттуда вышибить. Бои продолжались несколько недель, каждый из лагерей поочередно оказывался то победителем, то побежденным, и наступила полная неясность.

В конце концов победу одержали не воины, но бактерии, размножившиеся в воде больших замковых водоемов, о чем сообщают нам оба наши источника в различных, более или менее мудреных выражениях. Более простое изложение принадлежит перу Гильема из Туделы, одного из двух авторов «Песни о крестовом походе», благосклонного к крестоносцам:

Известно ли вам сеньоры, как был взят Терм
и как Иисус Христос показался в своей славе?
Девять месяцев истекли¹, а Терм казался
неприступным, как никогда. Однако запасы воды иссякли.
У иных осажденных было вина на три месяца,
но, думаю, никому не выжить без простой воды.
Внезапно на замок обрушился потоп.
Ушаты и бочки переполнились. Спасены — так они думали!
Стали пить воду этого ливня, наполнили кувшины,
замесили новый хлеб, принялись варить похлебку.
И тут у них страшно скрутило животы.
Они пропали. Что делать? Решили, что лучше бежать,
чем умереть без покаяния, словно крысы
в ловушке. Под покровом ночи собрали жен
внутри донжона, затем подземным ходом,
без оружия и прочего покинули крепость.
Они бросили там все, кроме кошельков со звонкой монетой.
Раймонд де Терм уходил последним. Он спохватился.
«Подождите меня!» — сказал он. И вернулся назад.
Большая ошибка: французы уже обшаривали залы.
Он был схвачен, закован в цепи, приведен к Монфору.
Тогда его каталонцы и его арагонцы
разбежались, словно волки, страх схватил их за горло.
Граф де Монфор был весьма любезен
с захваченными в плен дамами: он запретил прикасаться
к их имуществу.
(ПКП, 57)

Зато автор «Альбигойской истории», находившийся
в лагере крестоносцев, ни слова не говорит об эпиде-
мии дизентерии, которая пришлась как нельзя более
кстати и привела к поражению еретиков; он приписы-

¹ Поэт преувеличивает или ошибается: на самом деле осада дли-
лась четыре месяца, и крепость была взята крестоносцами 25 ноября
1210 года.

вает победу своих успешному обстрелу крепости из *тан-донпеаи* (метательного орудия типа катапульты) особенной силы, установленного рядом с укреплениями, под защитой скалы, в практически недоступном месте: этим орудием на редкость искусно управляли артиллеристы (триста солдат и пять рыцарей), его храбро защищали рыцари:

«На следующую ночь небо словно прорвалось водопадом, с него внезапно хлынул столь обильный ливень, что осажденные, долго страдавшие от недостатка воды и готовые по этой причине сдаться, получили ее вдоволь [...]. Набравшись сил и вновь обретя желание сопротивляться, они мгновенно сделались дерзкими [...].»

(АИ, 183)

Епископ Бове и графы Дре и Пуатье, отчаявшись, покинули лагерь и вознамерились отправиться по домам. Монфор же тем временем предпринимал попытки добиться капитуляции графа Раймонда де Терма на любых условиях, только бы он отдал свой замок; чтобы вернее его уговорить, он даже отправил к нему своего окситанского соратника, епископа Каркассонского, чьи мать и брат, отъявленные еретики, находились среди осажденных. Однако ничего не помогало. Ни слова, ни мольбы, ни угрозы не действовали: Раймонд де Терм оставался непреклонным.

«Благородный граф» де Монфор, встревоженный и смущенный, уже не знал, что делать. Снять осаду? Об этом и речи быть не могло, это означало бы поражение папы. Продолжать ее? Если вспомнить о том, какими средствами защиты располагал замок и как мало солдат было в распоряжении Монфора, это означало бы стремиться навстречу собственной гибели; к тому же ледяные ноябрьские дожди и снежные бури, которые в горах всегда начинаются рано, вскоре должны были сде-

лать дальнейшее пребывание в лагере непереносимым. Однако непредвиденный приход подкрепления (крестоносцев, пешими добравшихся из Кельна и Лотарингии) придало мужества «благородному графу» и его войскам; новоприбывшие тотчас взялись за дело, подтащили катапульты поближе к укреплениям, и их выстрелы, куда более меткие, чем у артиллеристов Монфора, «словно каждое из каменных ядер направлял сам Господь», основательно повредили крепостные стены и донжон Терма. После нескольких дней непрерывного обстрела «в праздник святой Цецилии» (АИ, 188—189), то есть 22 ноября 1210 года, Монфор приказал выкопать траншею и покрыть ее решетками, чтобы его саперы смогли через этот крытый подступ подобраться к крепостным стенам и подрывать их основание, оставаясь защищенными от стрел и дротиков врага. Затем он удалился в свой шатер для поста и молитвы, готовясь к назначенному на завтрашний день сражению.

И вот тогда, как пишет автор «Альбигойской истории», «по милосердию Божию», осажденные, охваченные страхом, предприняли отчаянную вылазку. В лагере крестоносцев тотчас пробили тревогу, осаждающие рассыпались во все стороны, стараясь окружить беглецов, немногим нападавшим удалось спастись, но большую часть убили или взяли в плен. Раймонд де Терм, владелец замка, был схвачен бедным и незнатным крестоносцем, пришедшим из Шартра, и отведен к графу де Монфору. Тот принял это как драгоценный дар Провидения, но не приговорил графа к смертной казни: он велел заточить его в башне своего каркассонского замка, где старик и умер спустя несколько лет.

После этой великой победы, отдавшей в руки крестоносцев важную крепость катаров, Монфор решил вернуться в диоцез Альби и окончательно закрепить за собой города еретиков; он вернулся в Кастр, жители ко-

торого отдал ему город и подчинились его воле, затем отправился в Момбер и несколько других мелких городков, покинутых знатными особами — все они бежали, узнав о его приближении, — и разместил там свои гарнизоны.

4. СОБОР В СЕН-ЖИЛЕ (декабрь 1210 г.)¹ И СОВЕЩАНИЕ В НАРБОННЕ (январь 1211 г.)

Начавшийся захват Церковью окситанских крепостей и городов не без оснований тревожил крупных феодалов, в особенности наиболее могущественного из сеньоров Лангедока, графа Раймонда VI Тулузского, чей конфликт с папой в 1207 году привел к войне, более феодальной, чем религиозной, которая вот уже три года как обагряла кровью землю Окситании. Представлялось необходимым устроить совещание в верхах с тем, чтобы положить конец этой войне. Едва узнав о том, что Терм пал, граф Тулузский собрал свой двор и отправился в Сен-Жиль (город неподалеку от Арля в нынешнем департаменте Гар) в сопровождении ученого правоведа. Вездесущий настоятель Сито заверил, что граф вел себя как истинный христианин, отдал свои земли и заслужил доброе к себе отношение и прощение грехов. Однако, когда члены собрания заглянули в письма, присланные им папой Иннокентием III, суровость этих посланий их смутила, а граф разгневался. «Неужели я должен себе кровь из всех жил выпустить ради того, чтобы угодить папе? — вскричал он. — Даже продав Тулузу, я не смог бы выплатить тех денег, какие он от меня требует!»

¹ Здесь мы следуем хронологии «Песни о крестовом походе против альбигойцев», более логичной, чем в «Альбигойской истории».

И он покинул собрание, удрученный, согнувшись, «словно раб под вязанкой хвороста с шипами», пишет поэт (ПКП, 58), и отправился в Нарбонн, где бароны решили собраться, чтобы в присутствии настоятеля Сито, епископа Узесского и арагонского короля уладить между собой феодальные разногласия, связанные с падением Терма. Результат: «изморось слюны и сплошной туман», как пишет автор «Песни о крестовом походе», несмотря на присутствие множества просвещенных людей и такого ученого законника, как мэтр Тедиз, «самый ученый и самый кроткий человек на свете». Когда в Нарбонне мэтр Тедиз протянул лист пергамента, на котором был написан приговор, чтецу и тот прочел его вслух, граф Тулузский «страшно разозлился» и воскликнул, повернувшись к Педро II Арагонскому: «Слышали ли вы, ваше величество (тут он безрадостно усмехнулся), какому странному наказанию эти проклятые легаты хотят меня подвергнуть?» Король молча прочел протянутый ему свиток, несколько минут подумал и в свою очередь заявил: «Господь не потерпит подобной нелепости» (ПКП, 59).

Граф Раймонд VI, ни слова не сказав, удалился — багровый от ярости, ни с кем не простившись, потрясая свитком пергамента, на котором был написан приговор — и, пришпорив коня, поскакал в свой славный гасконский край. Во всех городах, куда бы он ни приезжал в Муассакке, в Ажане, в Монтобане, он в бешенстве показывал всем из своих рук приговор папы, а потом заставлял своего герольда читать его во всеуслышание:

Граф и его вассалы должны, дабы угодить Господу,
жить в мире, отослать бродяг [наемников], коим они
покровительствуют,
вернуть монахам их права, от чистого сердца отдать им
любую область, любое добро, какое они захотят получить,
перестать защищать проклятое жидовское отродье

и дурных верующих. Этих, всех до единого, следует выдать католическому духовенству, чей закон должен стоять выше всякого другого. Граф и его люди должны поститься шесть полных дней в неделю. Кроме того, они оденутся в плащи и рубахи грубого темного сукна. Укрепления, донжоны, замки будут снесены, рыцарям запрещается селиться в городах. Они будут жить в селах, как простые крестьяне. Граф и его вассалы лишаются права взимать дорожную пошлину.

[...]

Единственным господином для всех будет король Франции. Наконец, графу Тулузскому приказано идти в Святую Землю.

[...]

Если он во всем подчинится, ему вернут его имущество. Если же нет — горе ему: он будет ободран до костей, словно раб.

(ПКП, 60)

Повсюду чтение этой грамоты приводило слушателей в смятение. «Уж не считают ли нас рабами? — говорили в Окситании. — Лучше подохнуть от голода на дне каменного мешка!» Славные горожане Муассака и жители Ажене поклялись, что по реке убегут в Бордо, если им захотят навязать французского правителя с севера. «Если вы захотите нас увести, — говорили они своему доброму графу Раймонду, — мы отправимся в изгнание вместе с вами».

5. КАБАРЕ И ЛАВОР (март — май 1211 г.)

Когда морозы утихли и душистый пасхальный ветер напоил благоуханием поля Гаскони, в марте месяце 1211 года умы вновь охватило волнение. Священники возобно-

вили свои проповеди против катаров, стараясь вернуть в Лангедок «праведную веру» Церкви. Бароны снова принялись чистить оружие, и в Каркассон вошло большое войско крестоносцев, которых привели Робер де Куртене, Гийом де Немур (он был певчим в Париже), граф Оссерр и другие знатные сеньоры из северной Франции, а также, что может показаться неожиданным, из Гаскони: среди этих сеньоров, давным-давно покинувших свои замки из страха перед крестоносцами, были Пьер де Мир и Пьер де Сен-Мишель. Монфор встретил их радостно — после тяжелой осады Терма ему нужны были свежие войска для того, чтобы взять Кабаре, замок, в котором нашли убежище многие рыцари из Каркассонне, покинувшие собственные замки из страха перед крестоносцами с севера, которым, казалось, неизменно сопутствовала удача. В частности, два названных выше сеньора перед тем, как уйти на север, в течение нескольких недель укрывались в Кабаре.

«Благородный граф» устроил совет, на который пригласил новоприбывших рыцарей и сопровождавших их офицеров, и быстро организовал поход против сеньора Пьера-Роже де Кабаре. Последний, когда ему стало об этом известно, испугался, и особенно его тревожило то, что рядом с Монфором были два его прежних рыцаря: ведь они знали все тайные тропы, ведущие к замку, знали и то, какими довольно незначительными силами он располагает, и еще многое другое, что ставило его в невыгодное положение. А потому он заключил с графом соглашение, по условиям которого отдавал ему Кабаре без сопротивления и освобождал одного из рыцарей Монфора, взятого в плен во время сражения за несколько месяцев до того, некоего Бушара де Марли — в обмен на другие достойные его земли, какие Монфор обещал ему даровать. Освобождение рыцаря совершилось с чисто гасконским блеском и заслуживает того,

чтобы рассказать о нем подробно, поскольку являет собой один из многочисленных примеров рыцарских нравов того времени.

Сеньор Пьер-Роже пришел к Бушару де Марли в камеру, где его держали в цепях. «Вы доблестный, справедливый и мудрый рыцарь, — сказал он, — я знаю, что вы — человек чести, и я хочу поступить с вами так, как подсказывает мне сердце. Не все ли равно, что об этом скажут; вы свободны, рыцарь».

Бушар неверно истолковал его слова: он подумал, будто Пьер-Роже хочет его купить, собирается ему доверить некую военную тайну, и отказался от дарованной ему свободы. «Я никогда никого за все свое рыцарское существование не предавал, — ответил он сеньору Кабаре».

«Вы не поняли меня, рыцарь: я отдаю вам мой замок и, если вы согласитесь меня принять, стану вашим вассалом». Сказав это, Кабаре позвал кузнеца и велел разбить цепи, которыми Бушар де Марли был прикован к стене своей камеры, затем проводил рыцаря в донжон, где его ждала горячая ванна, подарил ему новую рыцарскую одежду, лучшего парадного коня, какой был в его владениях, отдал ему в услужение троих бойких пажей, сам проводил недавнего пленника до порога замка и простился с ним, снова повторив, что отныне считает себя его вассалом. Перед тем как вскочить в седло великолепного коня и взяться за поданные ему вожжи, Бушар де Марли сказал напоследок: «Знайте, Пьер-Роже, вы при любых обстоятельствах можете рассчитывать на мою полную и безраздельную дружбу. В моем присутствии никто не посмеет дурно о вас отзываться, даю вам клятву».

И Пьер-Роже улыбнулся, поскольку знал, что Бушар де Марли был честным человеком. Затем последний стремительно поскакал к своим, то есть к Монфору и французским баронам, двигавшимся к Кабаре. Все шумно бросились ему навстречу, принялись обнимать его и це-

ловать. Симон, трезво мысливший и прочно стоявший на земле, поинтересовался, чего потребовал Пьер-Роже в обмен на его свободу.

«Ничего, месье, ровным счетом ничего, — ответил Бушар де Марли. — Он отдал мне свои земли и свою крепость и объявил себя моим вассалом, а я пообещал ему, где бы он ни находился, мою помощь и поддержку. Благородный граф, надо дать ему новое владение, которое было бы его достойно».

«Мы позаботимся об этом в свое время, а пока сегодня вечером отпразднуем твое освобождение».

В ту ночь, если верить автору «Песни о крестовом походе», в Каркассоне крестоносцы пировали и во хмелю были радостны; затем, когда настал день, даже на час не прикорнув, крестоносцы во главе с Монфором, развернув знамена, весело направились к Кабаре. Пьер-Роже широко распахнул перед ними ворота своей крепости, и вот уже все собрались в самом большом зале замка. Бушар де Марли рассказал рыцарям и воинам об условиях соглашения, заключенного между «благородным графом» и сеньором Кабаре. Затем на всех башнях цитадели подняли флаги Монфора, чтобы все знали: крепость сдалась, — после чего, не теряя времени даром, граф и его крестоносцы направились к Лавору, большому укрепленному городу на левом берегу Агу, приблизительно на полпути между Кастром и Монтобаном, в нескольких лье от Тулузы. Город принадлежал вдове по имени Гирода де Лавор. Автор «Альбигойской истории» называет ее «отъявленной еретичкой». Эта дама обратилась за помощью в обороне города к брату, Эмери де Лавору, который прежде состоял в армии крестоносцев, но без колебаний предал Монфора ради того, чтобы устремиться на помощь сестре.

Едва добравшись до места, крестоносцы тотчас приступили к осаде города, но он был так велик, что им не

удалось полностью его окружить, и пришлось ограничиться нападением на него только с одной стороны. Дня за три или четыре напротив крепостной стены расставили камнеметы и прочие машины, и начался обстрел стен Лавора; осажденные, которых было больше, чем осаждающих, поскольку Лавор был весьма многонаселенным городом, попытались совершить крупную вылазку, и им удалось захватить в плен вражеского рыцаря, которого они тотчас предали смерти. Прошло еще два или три дня, за которые положение нисколько не изменилось, затем на помощь крестоносцам пришли свежие войска из северной Франции, во главе которых были епископы Байе и Лизье и граф Оссерр. Теперь осаждающих было достаточно много для того, чтобы перебросить через Агу деревянный мост и окружить Лавор со всех сторон. Однако крестоносцы не могли надеяться взять осажденную крепость голодом, поскольку жители соседнего большого города, Тулузы, тайно встали на сторону еретиков и снабжали их съестными припасами, а граф Тулузский, который, по словам Пьера де Во-де-Серне, вел двойную игру, закрывал на это глаза. Вот как этот автор, современник тех событий, и современник весьма пристрастный, описывает то, что назвал «лицемерием графа Тулузского»:

«В город Лавор, который не принадлежал графу Тулузскому и даже вел прежде войну против жителей Тулузы, граф Тулузский, непримиримый враг и жесточайший гонитель Христа, движимый ненавистью к христианской вере [*весьма спорное утверждение Пьера де Во-де-Серне; граф Тулузский не впадал в катарскую ересь*]» тайно послал своего сенешаля¹ и нескольких

¹ Его звали Раймонд де Рико; его зять был «со-сеньором» Лавора вместе с госпожой Гиродой.

рыцарей с тем, чтобы помочь защищать город от наших [от крестоносцев]. Наш граф [Монфор] схватил их после взятия города и долго держал в цепях. О, неслыханное предательство! Граф Тулузский провел своих рыцарей за крепостные стены, чтобы помочь осажденным, в то время как вне этих стен, притворяясь, будто помогает осаждающим, он позволял им пополнять свои запасы в Тулузе. И все же если он пропускал съестные припасы, предназначенные для крестоносцев, то подвозить к городу осадные машины наотрез запрещал. Около пяти тысяч жителей Тулузы пришли к осажденному городу, чтобы помочь крестоносцам, по совету их достопочтенного епископа Фулька, который, будучи изгнан из города графом тулузским, присоединился к нашему графу во время осады Лавора».

(АИ, 221—222)

После различных событий, описанных Пьером де Во-де-Серне, прекрасный город Лавор был взят; это произошло 3 мая 1211 года. Крестоносцы вывели оттуда Эмери, пришедшего защищать город сестры, а также восемьдесят сопровождавших его рыцарей и решили, что всех их следует повесить.

Сеньор Эмери де Монреаль первым был подведен к виселице. Ему накинули на шею петлю и повесили, но, поскольку роста он был высокого, а виселица была плохо закреплена, она рухнула вместе с уже испутившим дух казнимым; другим рыцарям тут же перерезали горло, «и времени на это потребовалось меньше, чем на то, чтобы рассказать об этом», пишет Пьер де Во-де-Серне (АИ, 227). Что же касается госпожи Гироды де Лавор, она была брошена в колодец, и Монфор приказал засыпать ее тело камнями. Для прочих еретиков сложили огромный костер, и автор торжествующе добавляет: «Наши крестоносцы с безмерной радостью сожгли множество еретиков». В самом деле, лаворский костер был

самым большим костром за все время крестового похода: на нем, к величайшей радости крестоносцев и паломников, сожгли четыреста человек, мужчин и женщин. Все они проявили стойкость, которую их палачи приписали тому обстоятельству, что эти люди, несомненно, были одержимы бесом.

* * *

Истребив огнем и мечом еретиков Безье, Каркассона, Лавора и еще полудюжины городов или цитаделей Каркассонне и Альбжуа, сеньоры которых если и не покровительствовали катарам, то приняли их, а затем, разделив земли этих владений с баронами, помогавшими ему в этом крестовом походе (и забрав себе львиную долю), граф де Монфор намеревался взяться за катаров, обосновавшихся во владениях графа Раймонда VI Тулузского, самого могущественного и самого богатого из крупных феодалов юга Франции, который защищал их, как и положено ему было защищать всех своих подданных. С этого времени крестовый поход начал превращаться и очень быстро превратился в захватническую войну, которую будет вести единственно ради собственной выгоды «благородный граф» Симон де Монфор, чем дальше, тем менее благородным себя выказывавший, поскольку согласился взять на себя миссию, которой облек его легат Арнаут Амори, настоятель Сито, по одной-единственной причине: он жаждал захватить земли графа Тулузского. Тот постепенно делается центральным персонажем этого конфликта, религиозный характер которого вытеснят гордыня, алчность и, если уж договаривать до конца, глупость и упрямство его главных действующих лиц.

Во время этого крестового похода сражавшиеся между собой противники представляли собой несравнимые по численности силы. Много ли значили несколько

тысяч или десятков тысяч катаров по сравнению с миллионами французских католиков? С другой стороны, предводителей той и другой стороны тоже невозможно было поставить вровень: один из них был безвестным бароном, которому папа предоставил неожиданную и исключительную возможность обратить на себя внимание, тогда как сеньором — и при этом добрым католиком, — которого обирал этот «благородный граф», был один из крупнейших французских феодалов, граф Раймонд VI Тулузский, первый из сеньоров Лангедока, чей священный долг состоял в том, чтобы защищать своих вассалов, и который торжественно примирился с папой и был возвращен в лоно Церкви во время Сен-Жильского собора в июне 1209 года.

Положение Церкви сделалось совершенно безвыходным: во имя веры она обязана была поднять меч на христианских сеньоров, защищавших своих подданных-еретиков, поселившихся в их владениях. По мере того как она в этом преуспевала, она теряла авторитет — в особенности тогда, когда отправляла этих знатных особ на костер или на виселицу вместе с их подданными, — и каждая одержанная ею земная победа, такая, как в Минерве, Терме или Лаворе, сопровождалась нравственным поражением в глазах местного общественного мнения, в первую очередь из-за тех костров, которыми каждая победа завершалась, а во вторую — из-за того, что города и крепости Лангедока занимали чужеземные (французские или немецкие) войска. С падением Лавора положение сделалось еще более напряженным, поскольку крестоносцы, заняв город, застали там сенешаля графа Тулузского и многих тулузских рыцарей, которых Раймонд VI тайно послал к владелице Лавора, чтобы помочь ей защитить ее замок... И в то же время за пределами этого самого города он помогал осаждавшим добывать продовольствие.

6. КАССЕС: ГРАФ ТУЛУЗСКИЙ СБРАСЫВАЕТ МАСКУ (май 1211 г.)

После взятия Лавора стало окончательно ясно, что целью крестового похода сделалось богатое графство Тулузское, которое его владелец готов был яростно отстаивать.

Войдя в Лавор, крестоносцы, среди прочего, обнаружили там камнеметы и другие машины, которые Раймонд VI прислал хозяйке этих мест для того, чтобы она могла защитить свою крепость и свои земли, прислал, невзирая на то, что Монфор запретил тулузцам снабжать подобными орудиями здешних сеньоров. Отныне «благородный граф» считал себя вправе относиться к графу Тулузскому как к заклятому врагу Христа, папы и веры, с которым следовало открыто сражаться. И потому, едва отпылал страшный лаворский костер, он двинулся к замку Кассес, принадлежавшему непосредственно графу Тулузскому, с намерением начать осаду. Раймонд VI тем временем отправился в Кастельнодари (также ему принадлежавший) и сам поджег город для того, чтобы он не попал в руки крестоносцев.

Подойдя к Кассесу, Монфор приказал своим офицерам готовиться к осаде и расставлять у стен замка шатры и камнеметы, однако люди графа Тулузского, поняв, что не смогут долго сопротивляться крестоносцам, сдались через два или три дня и добились, чтобы их свободными выпустили из города в обмен на то, что они выдадут осаждавшим всех еретиков, которые нашли там приют. Так и сделали: тулузцы оставили Кассес, в него вошли епископы крестоносной армии и принялись проповедовать еретикам, надеясь вновь обратить их в истинную веру, однако их старания и на этот раз оказались тщетными. Тогда еретиков вывели из города туда,

где крестоносцы сложили большой костер, на котором «с радостью», как пишет Пьер де Во-де-Серне, сожгли около шестидесяти катаров¹.

7. МОНФЕРРАН (май — июнь 1211 г.)

После того как была взята крепость Кассес, Монфор, безразличный к тому, что отныне был на землях графа Тулузского, неумолимо продолжал свой путь. Два дня спустя он начал осаду Монферрана, замка, который Раймонд VI поручил защищать своему младшему брату, графу Бодуэну. Стены этой крепости были, по определению Гильема из Туделы, «не слишком хороши» (ПКП, 73). Зато хороши были защитники города, решившие держать оборону замка до самой смерти против «десяти тысяч человек», его осаждавших, как с явным преувеличением утверждает поэт², которого мы уже не впервые уличаем в хвастовстве. И завязался бой: со всех сторон летели стрелы и каменные ядра, Бодуэн доблестно сражался, и его храбрость тронула сердца крестоносцев, предложивших ему вступить в переговоры с графом. К соглашению пришли быстро: крепость и все припасы, какие в ней были, отошли к крестоносцам, в обмен на это защитники крепости добились сохранения им жизни и разрешения покинуть Монферран после того, как Бодуэн поклянется на святом Евангелии больше не воевать против крестоносной армии. Как только клятва была произнесена, Монфор перешел Тарн и

¹ АИ, 233; в «Песни о крестовом походе против альбигойцев» говорится, что смерти были преданы около сотни еретиков.

² Достаточно, как это сделали мы, отправиться на место, чтобы собственными глазами убедиться в том, насколько мало пространство: там едва могли бы развернуться пятьсот рыцарей.

повел свое войско к новым замкам, расположенным неподалеку один от другого, по большей части между Тарном и Авейроном. Его армия наводила такой страх на местных сеньоров, что все эти замки сдались ему без боя: Гайяк, Монтегю, Рабастан, Сен-Марсель, Лагепи, Сент-Антонен — весь альбигойский край был им завоеван. Еще через несколько дней к Монфору вернулся молодой граф Бодуэн, побывавший у брата, графа Тулузского, и сообщивший ему о своем поражении. Бодуэн только что был возвращен в лоно Церкви и просил благородного графа сделать его своим вассалом; таким образом, как пишет Пьер де Во-де-Серне,

«из служителя дьявола он сделался рыцарем Христа и начал новую жизнь, исполненную отваги и благочестия».

(АИ, 236)

Припомнив эти последние события, мы можем убедиться в том, что крестовый поход менял свой облик. Начиная с взятия Монферрана, Симон де Монфор обрушивался не на города, крепости и замки, принадлежавшие сеньорам-еретикам или тем, кто укрывал еретиков, — теперь он со своим немалым войском направился во владения графа Раймонда VI Тулузского:

Повсюду на его пути крестоносцы сеяли ужас.
Едва завидев войско, люди бежали из городов.
Так пали Гайяк, Лагард, Пюисельси,
Монтегю, Рабастан. Без оружия, без щитов
люди из Сент-Антонена преклонили колени
перед Монфором на утопанной дороге.
Лагепи, Сен-Марсель тоже сдались.
Никто не сопротивлялся. Альбигойский край был

покорен.
(ПКП, 75)

8. «НЕУДАВШАЯСЯ» ОСАДА ТУЛУЗЫ (вторая половина июня 1211 г.)

Тулуза не была городом еретиков. Там было много католиков, которые старались жить в ладу со своим епископом Фульком. Однако последний был неумолим: когда их граф был отлучен от Церкви, его преосвященство приказал подданным Раймонда VI перестать ему повиноваться и изгнать его из города. Жители Тулузы с негодованием отказались изменить клятве верности Раймонду VI и приказа не выполнили. Тогда Фульк объявил Тулузу «еретическим городом» и воззвал к крестоносцам Монфора, который только того и ждал: нельзя было упустить такой случай завладеть городом и графством, как захватил он другие города и крепости Лангедока.

«Благородному графу», впрочем, было известно, что в Тулузе существовали две воинствующие партии: белые, которые преследовали «ростовщиков» (евреев) и еретиков, разрушали и грабили их дома, и черные, которые не осмеливались нападать прямо на священнослужителей, но поступали таким образом с мирянами-католиками. Первые носили в качестве отличительного знака на одежде нашитый на грудь белый крест, у их противников крест был черным.

Таким образом, между непримиримым епископом Фульком и снисходительным графом Раймондом VI начались нелады. В конце концов произошел тяжелый эпизод, который тонко анализирует в своей «Альбигойской истории» Пьер де Во-де-Серне:

«Епископ Фульк, который был в Тулузе в субботу после средокрестья, хотел в этот день совершить рукоположение, как это делается по обычаю в кафедральных соборах; но в городе находился граф Тулузский, которого легаты папского престола лично отлучили от

Церкви за его многочисленные бесчинства, так что никто не мог совершать богослужений в городе, где он пребывал. Епископ почтительно обратился к графу с просьбой отправиться на прогулку за городские стены, как бы для того, чтобы развеяться, только на то время, что будет длиться обряд. Тиран пришел в ярость и послал к епископу рыцаря, приказав Фульку под страхом смертной казни немедленно покинуть Тулузу и пределы графства. На эти слова достопочтенный епископ, как рассказывают, ответил рыцарю с горячностью и вместе с тем твердо, но с улыбкой на лице: «Не граф сделал меня епископом, не им и не для него я был рукоположен. Я был избран церковным порядком, не правитель насильственно возвел меня в сан. Я не уйду по его приказу. Пусть придет ко мне, если осмелится. Я готов встретить меч и возвеличиться, испив чашу страданий. Пусть явится этот тиран в сопровождении вооруженных до зубов солдат, меня он найдет одиноким и безоружным. Я жду небесного вознаграждения. Я не боюсь того, что может сделать со мной этот человек».

(АИ, 221—222)

«Тиран» — под этим определением имеется в виду граф Раймонд VI Тулузский, которого называли тираном лишь его враги, поскольку народ его почитал, — был достаточно умен для того, чтобы не раздувать этот конфликт, и слишком осмотрителен и дальновиден для того, чтобы поймать Фулька на слове и осмелиться убить епископа; он воспринял слова прелата как театральную тираду и не стал отвечать ему ни письмом, ни речами, ни тем более насильственными действиями. Что касается жителей Тулузы, они были в сильном замешательстве: как добрые католики, они хотели, чтобы между графом и епископом царил мир, однако первый был

отлучен от Церкви вторым, и они уже не знали, как им теперь поступить. Они обратились к Фульку, упрасывая его примириться с Раймондом VI. Однако прелат остался непреклонен: «Я отлучил от Церкви вашего сеньора, вы должны отказаться ему повиноваться и изгнать его из города, не то я всю Тулузу отлучу от Церкви!»

Тулузцы, возмущившись, отказались; епископ приказал священникам и монахам покинуть город босиком и унести с собой Святые Дары, что они тотчас и исполнили. Тулуза, объявленная своим епископом «еретическим городом», была теперь ничем не защищена от мечей крестоносцев Симона де Монфора. Последний, по удивительному стечению обстоятельств, как раз в это время получил подкрепление: граф Тьебо де Бар, о котором все очень хорошо отзывались, прибыл в Каркассон из Лотарингии с войском германских солдат. «Благородный граф» немедленно велел проводникам отвести его вместе с его войском в Тулузу, двигаясь по долине Арьежа. Несколько дней спустя у стен этого города, «где жило бесчисленное множество людей и который был в те времена прекраснейшим из городов» (как написал Гильем из Туделы (ПКП, 79), и неслучайно, поскольку был уроженцем Монтобана), собралась готовая приступить к делу армия крестоносцев: они намеревались взять Тулузу приступом.

Едва прибыв на место, граф де Бар, не теряя ни минуты, повел своих крестоносцев на штурм. Вдоль стен огромного города расставили кожаные щиты, которые должны были прикрывать осаждающих от стрел, непрерывно летевших в них из осажденной крепости; телегами везли землю, камни и бревна, чтобы засыпать рвы, окружавшие городские стены; повсюду расставляли сходни и лестницы, чтобы взбираться на стены, готовили носилки, чтобы уносить раненых. Тулузцы с высоты

зубчатых стен смотрели на осаждавших, и в сердце у них закипала ярость. Они отважились на вооруженную вылазку, стремясь помешать приготовлениям к осаде, и в течение часа или двух рядом с городом шло сражение, которое ничего не дало ни той, ни другой стороне, но около сотни человек были убиты и пятьсот ранены.

Стемнело, и крестоносцы с севера наконец отступили, сделавшись недосыгаемыми для тулузских стрел; однако спать они легли, не снимая доспехов — не доверяли «проклятым тулузцам», укравшим у них три больших кожаных щита, — и оставались настороже, «глядя в оба и наострив уши» (ПКП, 80—81). И не напрасно: когда ночь была уже на исходе, тулузцы напали на них с дерзостью, испугавшей даже их предводителя, графа Тулузского, назвавшего их безумцами. «Вы погубить меня хотите? или убить?» — кричал он им. Но рыцари, не слушая его, обрушились на крестоносцев. В течение двух недель вылазки тулузцев и наступления крестоносцев чередовались, но решительный бой так и не был дан, и под конец у враждующих сторон начались перебои с подвозом съестного. «За кусок черствого хлеба платили столько же, сколько за ортолана¹», — жалуется автор «Песни о крестовом походе».

В конце концов в одно прекрасное утро, 29 июня 1211 года, утомившись от этой бесплодной осады, устав кормиться сухими бобами и терпеть нападки тулузцев с высоты крепостных стен, Монфор и его бароны свернули шатры и палатки и угрюмо и бесславно ушли прочь после двенадцатидневной осады; они направились к Отриву и перешли по мосту через Арьеж, намереваясь воевать с графом де Фуа и сбить с него спесь.

¹ Ортоланы — поварское название блюд из жареной мелкой дичи — овсянок, жаворонков и воробьев. (Примеч. переводчика.)

9. ОСАДА КАСТЕЛЬНОДАРИ (начало июля 1211 г.)

Теперь крестоносцы двигались по берегам Арьежа, приближаясь к владениям графа Раймонда-Роже де Фуа. За ними следовал брат Арнаут Амори, настоятель Сито, который повсюду, где проезжал, просил местных дворян признать своим сеньором графа де Монфора. Однако в сердцах разочарованных воинов, которые не были сейчас ни победителями, ни побежденными, угас священный огонь, пылавший в начале крестового похода, тогда как во вражеском лагере надежда возрождалась, и граф Раймонд VI Тулузский пробуждал рвение своих вассалов и союзников:

Вооружимся, сказал он им, время пришло,
и бароны, сеньоры и рыцари откликнулись на его призыв:
граф де Комменж и сеньор де Фуа,
сир Юг д'Альфарио, сенешаль Ажана,
люди из знатных родов вперемешку с простолюдинами,
наемники, солдаты, горожане из Монтобана
и Кастельсарразена, все на призыв отозвались.

[...]

Видел ли кто на свете армию такую сверкающую,
украшенную такими гербами, как Тулузское войско [...] когда оно шло по равнине?

(ПКП, 87)

После неудавшейся осады Тулузы ветер истории в Окситании вот-вот мог перемениться. Раймонд VI собрал на своих землях большую армию, теперь у него было, по словам автора «Песни о крестовом походе», «двести тысяч воинов» (ПКП, 88), прибывших из Муассака, Тулузы, Монтобана, Кастельсарразена, Ажене, Комменжа и со всего Лангедока, они шли, «ярясь, ругая графа де Монфора, по всеуслышание обзывая его сыном

старой шлюхи¹», твердо вознамерившись освободить свой край от крестоносных полчищ, а граф Раймонд VI Тулузский тем временем сзывал оставшихся ему верными сеньоров. «Грозным, Богом клянусь, было войско Тулузы», пишет Гильем из Туделы: тысячи всадников, пехотинцы из Гаскони, Керси, Ажене, наемники из Наварры и долины Асп, — все они с развернутыми знаменами шли вперед, направляясь напрямиком к Каркассону, куда Монфор, вернувшись со своими крестоносцами из графства Фуа, а затем из Керси, где воевал, созвал тех северных баронов, какие остались в Лангедоке. Теперь «благородный граф» совещался с теми, кто явился на его зов: их было две или три сотни, верных соратников, сражавшихся бок о бок с ним вот уже почти три года, и все они советовали ему изменить стратегию, временно покинуть Каркассон, — конечно, это неприступная крепость, но враг может поймать его там в ловушку, запереть в любую минуту, лишив возможности передвигаться, — предлагали укрыться в каком-нибудь слабо защищенном городе, таком, к примеру, как Кастильнодари, чтобы заманить туда Раймонда VI Тулузского. Тот, уверяли бароны, доверчиво начнет осаду, и это позволит главным силам французской армии туда подтянуться, напасть на окситанские войска с тыла и уничтожить их. Монфор прислушался к мнению своего генерального штаба, и на завтра же с рассветом армия крестоносцев в полном составе, оцетинившись воздетыми к небу копьями, двинулась к Кастильнодари, куда в один из ближайших дней и вошла, заперлась и стала терпеливо ждать появления тулузцев.

Те и в самом деле угодили в расставленную для них ловушку. Они подошли к стенам Кастильнодари во втор-

¹ Заметим, что это средневековое ругательство в ходу еще и в наши дни.

ник после обеда и расставили свои знамена и флаги в полулье от городских укреплений, среди травы, усеянной маргаритками; затем артиллеристы графа Тулузского подтащили катапульту к стенам на расстояние выстрела и начали обстрел. Но стены Кастельнодари были крепки, а люди, запершиеся в крепости, хотя и были малочисленны в сравнении с осаждавшими город, ежедневно совершали несколько вылазок и тревожили тулузцев в ожидании подкрепления, которое неминуемо должно было появиться. Оно и в самом деле вскоре пришло.

Первыми к Кастельнодари подошли люди одного из рыцарей «благородного графа», Бушара де Марли. Они пришли из Лавора вместе с сотней других рыцарей, епископом Каорским и неким Мартеном, наемником, которого в свою очередь сопровождали два десятка готовых на все солдат; следом тянулся обоз из Каркассонне, повозки, груженные хлебом, вином, пшеницей и овсом. Приблизительно в шести километрах от Кастельнодари, в месте под названием Сен-Мартен-ла-Ланд, это первое войско — «горстка пропыленных храбрецов», сказал о них автор «Песни о крестовом походе», — похоже, случайно натолкнулось на людей графа де Фуа, которому вздумалось «побродить» вдали от лагеря тулузцев и чья армия выглядела грозно:

Их было две тысячи человек, вооруженных славными
рогатинами,
тяжелыми палицами и ясеневыми копьями,
одетых в кожу, железо или толстые плащи,
в крепких шлемах и сверкающих шишаках.

(ПКП, 93)

И «на большом, поросшем травой поле», как сказано в «Песни о крестовом походе», завязался бой между этим грозным войском, собранным крупнейшим после

графа Тулузского феодальным сеньором Лангедока, и северными крестоносцами — бой неравный, где один бился против тридцати, где люди Монфора плечом к плечу сражались против двух тысяч тулузских рыцарей и испанских наемников. Люди графа де Фуа кричали: «Тулуза!», гасконцы: «Комменж!», а французы (из северной Франции) отвечали им: «Смелей, Суассон!» Несмотря на то что силы были неравны, в этом бою пали более сотни тулузцев, в то время как потери крестоносцев не превышали тридцати человек. Монфор чудесным образом одолел врага и перед тем, как войти в Кастельнодари, спешился, разулся и босым дошел до городской церкви, чтобы возблагодарить Господа, даровавшего ему победу.

Тем временем граф Тулузский и его бароны снялись и ушли, а граф де Фуа распространял от замка к замку ложное известие о поражении графа де Монфора: по словам иных, с него «заживо содрали кожу и повесили» (АИ, 277), другие тулузские бароны рассказывали, будто он ударился в бегство при лунном свете, и никому не ведомо, куда он отправился. Эта весьма современная стратегия дезинформации принесла плоды: многие города и крепости, чьи сеньоры были таким образом введены в заблуждение, перешли тогда на сторону графа Тулузского, на самом деле в этом бою потерпевшего поражение, но повсюду сообщавшего, что Симон де Монфор проиграл битву при Кастельнодари, что он вернулся в родные края, что французы везде просят пощады, что крестовый поход окончательно выдохся и ему не восстать из пепла. Раймонду верили, его поздравляли, все окрестные замки, Гайяк, Рабастан, Лагард, Лагепи, и еще шесть десятков других распахнули перед ним ворота и опустили подъемные мосты: накануне зимы 1211 года в его руках был почти весь гасконский край.

10. ВЗЯТИЕ КАЮЗАКА (весна 1212 г.)

Близилась весна, вернулись теплые дни, но графу Тулузскому, как сказано в «Песни о крестовом походе», радости они не принесли; в начале марта к Монфору пришли из Франции свежие войска, с которым он отправился в маленький тарнский городок Ле Туэльль близ Лавора. Должно быть, он устроил там настоящую резню, потому что сотня человек, составлявшая население городка, почти сплошь состояла из еретиков. Затем он перешел Тарн по большому мосту Альби и двинулся на Каюзак, который взял в два дня и где закончил свою зимнюю стоянку. В апреле 1212 года немецкие и фризские крестоносцы, овернские рыцари, ломбардские бароны, которых дожидался Монфор, одни за другими вернулись в гасконский край, где так приятно было жить. Они взяли Гайяк, Рабастан и другие альбигийские города; не зная поражений, они шли от опустевших городов к отвоеванным замкам; немногие оставшиеся там жители, не успевшие бежать, тщетно просили пощады — следовавшие за крестоносцами бродяги и солдатня грабили дома, фермы, маленькие замки, и как говорится в «Песни о крестовом походе» (лесса 113): «Когда они уходили, у Христа и его народа оставались лишь глаза, чтобы плакать».

11. ЗАВОЕВАНИЕ АЖЕНЕ, ОТ СЕНТ-АНТОНЕНА ДО МУАССАКА (май — сентябрь 1212 г.)

Итак, армия крестоносцев шла вперед, разгоняя всех на своем пути. Едва становилось известно о приближении войска, города и деревни пустели, их жители бежали в леса и горы. Так майским вечером Монфор добрался до городка Сент-Антонен на Авейроне, на границе Ажене,

области, которую крестоносцы после этого разорjali в течение четырех месяцев.

Этот городок был взят 21 мая «быстрее, чем сварилось бы яйцо», и стал первой жертвой крестоносцев: три десятка горожан, пытавшихся его защищать, были убиты или утонули во время короткой схватки, еще дюжина бежала при свете луны и, когда крестоносцы после налета удалились, прихватив в собой двух местных сеньоров, чтобы держать их в заточении в Каркассоне, у горожан не осталось ровно ничего. Все время, пока шло сражение, священники, сопровождавшие крестоносцев, ходили по улицам городка, распевая *Veni Creator*¹.

Как только военные действия в Сент-Антонене закончились, Монфор обратился за советом к епископам Каркассона, Юзеса и Тулузы, сопровождавшим его войско; узнав их мнение, он, в согласии со своими рыцарями, решил взяться за истребление еретиков в городах и крепостях Ажене, то есть всей той области, которая размещается между двумя притоками Гаронны, Авейроном и Лотом, и главными городами которой в то время были Муассак (на Тарне), Каор (на Лоте) и Ажан (на Гаронне).

Мы шаг за шагом проследим, руководствуясь подробнейшим рассказом Пьера де Во-де-Серне, за продвижением крестоносцев Монфора по Ажене и Альбижуа, областям, где почти все местные сеньоры были вассалами графа Раймонда VI Тулузского, — проследим, начиная с того момента, как маленькое войско Монфора в начале июня 1212 года покинуло Сент-Антонен, и заканчивая взятием крестоносцами Ажана в сентябре того же года.

¹ Начальные слова гимна «Приди, дух творящий» (*Veni, creator spiritus*).

А) ПЕНН Д'АЖЕНЕ
(июнь — июль 1212 г.)

Итак, ранним утром того жаркого июня войско «благородного графа», покинув Сент-Антонен, тронулось в путь, направляясь к прекрасному городу Ажану, некогда принадлежавшему английскому королю Ричарду¹, который в 1196 году подарил его, как и всю область Ажене, своей сестре Жанне в качестве приданого, когда та стала женой графа Тулузского. Теперь, поскольку папа приказал Монфору вести борьбу с еретиками повсюду, где они находились, равно как и с их католическими сообщниками, долг крестоносцев, раз они не могли завладеть Тулузой, состоял в том, чтобы взять Ажан и, разумеется, те окрестные города, которые были собственностью Раймонда VI.

Первыми населенными пунктами, какие перешли в руки крестоносцев, были маленькие города Кайлюс и Монкюк по соседству с Сент-Антоненом, которые перепуганные жители отдали, не делая попыток сопротивляться; зато когда войска Монфора были в двух лье от Пенн д'Ажене², наваррский рыцарь, которому граф Тулузский поручил охранять город, Юг д'Альфарио, не дал себя запугать: он набрал в окрестностях четыреста наемников — ландскнехтов, продававших свои услуги любому сеньору, какой побольше заплатит, заперся вместе с ними в донжоне, сделав запас продовольствия и всего, что могло потребоваться для обороны города, и принялся ждать крестоносцев. Однако последние не сразу появились в Пенне, поскольку Монфор решил сначала отправиться в Ажан, чтобы убедиться в том, что город

¹ Речь идет о Ричарде I, прозванном «Львиное Сердце», короле Англии (1189—1199).

² Сейчас этот населенный пункт приписан к Вильневу-на-Лоте, от которого отстоит на одиннадцать километров.

ему покорился. Как только с этим делом было покончено, граф вернулся к своему войску, чтобы начать осаду Пенна. Ранним воскресным утром 3 июня 1212 года он со своим войском подошел к городским укреплениям. Едва они спешили, как на крестоносцев, расставлявших вокруг города свои шатры, дождем посыпались стрелы и дротики. Все же за три дня они постепенно сумели войти в предместья Пенна и разместить там камнеметы, из которых намеревались обстреливать донжон, на что осажденные ответили тем, что установили свои боевые машины, чтобы обстреливать крестоносцев. Перестрелка продолжалась несколько дней подряд под жгучим июньским солнцем, но положение нисколько не менялось, потому что войска Монфора были малочисленны и не могли противостоять частым вылазкам, которые совершали осажденные рыцари. Мало-помалу осада превратилась в настоящую войну на истощение с непредсказуемым исходом, и крестоносцы, чей сорокадневный срок службы истекал, не предполагали его продлить. Монфор, которому сообщили о том, что на подходе подкрепление из Франции, просил и умолял воинов и сопровождавших их епископов остаться с ним до прибытия войск, но мольбы его остались тщетными. Первым ушел епископ Лаона, который, ссылаясь на нездоровье, покинул город вместе с набранными им войсками и вернулся в Муассак. Вскоре и другие епископы последовали его примеру.

И тогда парижский архидиакон Гильом взял на себя руководство операциями. Он велел подвести к стенам большой камнемет, способный стрелять очень крупными каменными ядрами, и артиллеристам при помощи этого орудия удалось в конце концов расшатать крепостные стены. В последующие несколько дней прибыло долгожданное подкрепление из северной Франции, которое привели аббат Сен-Реми из Реймса, еще один аб-

бат из Суассона, декан Оссеррского собора и архидиакон Шалона; все они принялись усердно трудиться, готовясь к натиску на город и на донжон.

Осажденные начали подавать несомненные признаки бессилия и усталости: припасы их подошли к концу, и они выгнали из города остававшихся там женщин, детей и стариков, чтобы легче было прокормиться самим. И тогда «благородный граф» и впрямь проявил истинное благородство: он не стал убивать этих безобидных людей, которых не взяли в плен его солдаты и которых противник трусливо отдал ему на растерзание. Прошло еще несколько дней, и в конце концов, когда от усиленного обстрела городские стены разрушились и были повреждены даже комнаты и подземелья донжона, осажденные поняли, что долго им не продержаться. Их командиры знали законы войны: если Пенн д'Ажене будет взят штурмом, все они, штатские и военные, будут преданы мечу. Убедившись, наконец, в том, что на помощь графа Тулузского больше рассчитывать не приходится, предводители осажденных стали договариваться с Монфором об условиях достойной капитуляции, предлагая отдать город и донжон крестоносцам при условии, что их отпустят целыми и невредимыми, причем почетно — с оружием.

Монфор обратился к своим советникам. Они указали ему на то, что почти все крестоносцы, что тогда были с ним, собирались покинуть крестовый поход, поскольку сорокадневное их служение завершилось, что у осажденных есть еще запасы, и они, должно быть, смогут продержаться до зимы, которая уже близка, а тогда продолжать осаду будет невозможно, и посоветовали графу принять условия капитуляции, предложенные врагом. В июле 1212 года, в день святого Иакова, «благородный граф» овладел городом Пенн д'Ажене, покинутым жителями, которые, собрав свои пожитки, разбрелись по окрестным дорогам.

Б) БИРОН И МУАССАК
(конец июля — 8 сентября 1212 г.)

После этой трудной осады Монфор, развернув все знамена, направился со своими крестоносцами к укрепленному городу, некогда подаренному им наемнику по имени Мартен Альге. Этот человек сначала сражался в его войсках, а затем предал его во время боя при Сен-Мартен-ла-Ланд и теперь укрывался в донжоне Бирона, расположенного в тридцати километрах от Пенна.

Два дня спустя солдаты Монфора подошли к стенам этой крепости; перебравшись через них, они ворвались в предместье, заняли его и начали осаду донжона, в котором заперлись его защитники. Последние вскоре убедились в том, что не могут сопротивляться крестоносцам, которых было больше и которые были лучше вооружены, а потому решили сдаться при условии, что им сохранят жизнь. Граф согласился, но выставил свое условие: он потребовал, чтобы ему выдали Мартена, наемника, который в свое время его предал. Услышав это, осажденные «алчно», как пишет Пьер де Во-де-Серне, набросились на этого наемника и отдали его Монфору. Тот, когда предатель оказался у него в руках, как добрый католик, предложил ему исповедаться; затем, покончив с условностями, граф велел привязать Мартена Альге к конскому хвосту, чтобы конь протащил его через весь лагерь, после чего приказал наемника повесить.

Утолив свою жажду мести по всем жестоким правилам своего времени, Монфор созвал совет, чтобы обсудить продолжение кампании. Было решено двигаться к принадлежавшему графу Тулузскому городу Муассаку, чтобы начать его осаду. Крестоносцы подошли к нему 14 августа 1212 года, накануне Успения.

Город был выстроен у подножия холма, на весьма плодородной равнине; стены его отражались в водах Тарна. Когда армия Монфора подошла к Муассаку, его

жители, испугавшись, обратились к многочисленным наемникам, которые скитались по дорогам Лангедока и продавали свое воинское умение всем — сеньорам, горожанам или епископам, кому могли в эти трудные и смутные времена потребоваться их услуги. В данном случае жителям Муассака надо было защититься от нападения крестоносцев и помочь войскам графа Тулузского.

Вскоре люди Монфора приступили к осаде города. Граф был в отличном настроении: между Бироном и Муассаком армия крестоносцев сделала привал в замке¹, где Симон встретился со своей женой Алисой, которая привела ему значительное подкрепление — в «Песни о крестовом походе» говорится о «десяти тысячах крестоносцев», число совершенно неправдоподобное. Ландскнехты, нанятые для защиты Муассака, насмехаясь над осаждавшими, которые устраивали лагерь, то и дело оглушительно звонили в церковные колокола, несмотря на запрещение папы².

Монахи, сопровождавшие крестовое войско, осев на себя крестным знаменем, шли помогать в подготовительных работах. Епископ Каркассонский, архидиакон Парижский, архиепископ Реймский усердно трудились сами и подбадривали осаждавших. Пьер де Во-де-Серне в своей «Альбигойской истории» рассказывает о двух случаях, произошедших на этой стадии осады, жертвами которых были крестоносцы (но можно предположить, что, будь в рядах осажденных свой летописец, мы могли бы привести сходные случаи, где жертвами оказались бы осажденные в Муассакке):

¹ В «Песни о крестовом походе» он назван «замком Катюс», но ученым не удалось определить его местонахождение.

² В случаях наложения на тот или другой населенный пункт папского интердикта в нем строго запрещалось звонить в колокола.

«Однажды осажденные совершили вылазку и направились к нашим машинам, чтобы уничтожить их. Но граф де Монфор поспешил туда, с ним было несколько человек наших, они были вооружены, и им удалось вновь загнать врагов в донжон. В этом бою один из осажденных стрелой ранил нашего графа в ступню. Кроме того, один молодой крестоносец, племянник архиепископа Реймского, был взят в плен, его протащили по всему городу, постыдно искалечили и затем бросали нам его тело кусками».

(АИ, 343)

По сведениям, почерпнутым из «Песни о крестовом походе», осада Муассака продолжалась три недели (с 14 августа по 8 сентября 1212 г.). Поначалу крестоносцы, недостаточно многочисленные, не могли полностью окружить город; похоже, это удалось им лишь по прошествии десяти дней. Тем временем солдаты, защищенные от стрел и метательных снарядов обтянутой кожей деревянной машиной, день и ночь работали тараном, разрушающим стены, — без него было не обойтись. Тогда люди из Муассака, сговорившись, предприняли отчаянную вылазку, и противники наконец-то вступили в настоящие сражение по всем правилам:

Жители Муассака, разозлившись, сговорились:

«Нападем на этих злодеев», — решили они. Вооружившись, они внезапно вышли на луг и напали на крестоносцев.

Головешки рассекали воздух вокруг подступной машины, французы и бургундцы кричали: «Тревога! Все к оружию!» И тотчас в лагере стали готовиться к бою:

фламандцы, лотарингцы, нормандцы, бретонцы, гасконцы облачились в толстую одежду и кольчуги, в стеганые жилеты, в звонкие доспехи.

Граф де Монфор прискакал вдоль берега [Тарна], он спешил, высоко воздев льва на своем щите.

Его конь был убит на краю роши.
Он упал. Еще немного — и в этот страшный миг
он оказался бы в плену.
(ПКП, 121)

Бой продолжался до захода солнца. Наемники, защищавшие Муассак, подожгли подступную машину, но крестоносцы спасли ее из огня. До темноты было еще несколько попыток нападения с той и с другой стороны, затем, когда на город опустилась ночь, осажденные ушли к себе за укрепления. Тем временем Кастельсарразен, принадлежавший графу Тулузскому, сдался Монфору; точно так же поступили все соседние города, за исключением Монтобана, и — утро вечера мудренее — на рассвете горожане Муассака капитулировали. Монфор согласился принять капитуляцию на двух условиях: ему выдадут всех наемников, явившихся защищать Муассак, и жители города все вместе поклянутся на святом Евангелии, что отныне не станут больше воевать против католиков. После того как эти условия были выполнены, крестоносцы ушли и 8 сентября 1212 года направились к Монтобану.

12. ЗАВОЕВАНИЕ ГАСКОНИ И СОБРАНИЕ В ПАМЬЕ

А) МОНФОР ВОЗВРАЩАЕТ СЕБЕ ГОРОД САВЕРДЕН (осень 1212 г.)

Покинув Муассак, граф решил предпринять осаду Савердена, города, прежде принадлежавшего ему и относившегося к Тулузскому диоцезу, но недавно в одностороннем порядке отказавшегося признавать его своим сюзереном, чтобы перейти к графу де Фуа. Надеясь вернуть себе этот город, он направил туда войско, с ко-

торым только что взял Муассак и которое стояло теперь в Памье, маленьком городке на Арьеже, в двадцати километрах от Фуа.

У Монфора были по крайней мере три веские причины предпринять этот поход: 1) перейдя под власть графа де Фуа, Саверден незаконно разорвал феодальные отношения, которые связывали его с Монфором; 2) все тот же граф де Фуа, владевший теперь Саверденом, пользовался этим, чтобы угрожать Памье, также стоявшему на Арьеже и расположенному на полпути между Фуа и Саверденом; 3) Монфору стало известно о том, что только что в Каркассон прибыло значительное подкрепление — эскадрон германских дворян-крестоносцев, — а стало быть, у него появилась возможность с оружием в руках отвоевать свои владения.

Другими словами, если граф де Фуа взял на себя ответственность за то, что между ним и «благородным графом» возник *casus belli*, то Монфор располагал свежими войсками для того, чтобы разрешить конфликт силой. Для Монфора это была идеальная возможность утвердить свое могущество и увеличить свои владения посредством законного завоевания новых земель в Гаскони в ущерб графу де Фуа, и даже сам папа не нашел бы что возразить против такого завоевания. И «благородный граф», позабыв, что Иннокентий III послал его в Окситанию не для того, чтобы сражаться с соперником, но для того, чтобы истребить там еретиков, вознамерился потрудиться ради собственной выгоды... и ради выгоды жены, честолюбивой Алисы, которая уже так и видела себя не только графиней де Монфор, но и графиней Фуа и графиней Тулузской.

Пьер де Во-де-Серне подробно описывает череду перемещений трех графов и их войск, готовых сразиться между собой (не следует упускать из виду, что города, названия которых мы будем приводить, расположены

недалеко один от другого, и что известия от одного до другого доходили быстро):

— во время осады Памье несколько знатных германских крестоносцев прибыли в Каркассон, куда их привел вассал Монфора по имени Энгерран де Бов;

— граф де Фуа и граф Тулузский, потеряв Муассак, отступили в Саверден, который теперь и занимали;

— германские рыцари и крестоносцы, прибывшие в Памье, покинули этот город и поспешно направились к Савердену (должно быть, по зову Монфора, к которому и шли на помощь);

— узнав о прибытии этого подкрепления, граф де Фуа и граф Тулузский бежали из Савердена, без труда и без боя занятого Энгерраном де Бовом и его конницей, которые там и остались (также по приказу Монфора);

— тем временем граф прибыл из Муассака со своими собственными войсками, подошел к Савердену, убедился в том, что город занят, и один отправился в Памье за германским подкреплением, о прибытии которого его известили; войско же его тем временем продолжало двигаться к Отриву, расположенному неподалеку от Савердена, между Тулузой и Фуа: таким образом можно было препятствовать сообщениям врагов — графа Фуа и графа Тулузского.

Покончив с этими стратегическими предварительными действиями, «благородный граф» решил вторгнуться в земли графа де Комменжа, союзника двух других окситанских графов, и взять Мюре, «прелестный город», как пишет о нем автор «Песни о крестовом походе», на берегах Гаронны. Его жители укрылись в Тулузе, не преминув перед тем поджечь деревянный мост через реку, чтобы помешать крестоносному войску добраться до города. Тем не менее крестоносцы добрались до него — вплавь, с Монфором во главе, — и Пьер де Во-де-Серне восторженно и поэтически прославил этот под-

виг («О подвиг, достойный вождя, о непобедимое мужество» и т.д.; АИ, 357).

Во время пребывания Монфора в Мюре его посетили местные прелаты, епископы Комменжа и Кузерана, которые посоветовали ему продолжить путь с целью вернуть в лоно римско-католической церкви ее заблудших овец. В обмен на его услуги они предложили ему беспрепятственно получить большую часть гасконских земель. Графа не пришлось упрашивать освободить города и земли, принадлежавшие гасконским сеньорам-еретикам или к еретикам благосклонным, и с благословения местных епископов все это присвоить. Пьер де Во-де-Серне высказывается об этом определенно:

«Когда наш граф был в Мюре, его посетили епископы Комменжа и Кузерана, почтенные и богобоязненные люди [...]. По их совету и ходатайству граф и вошел в эту местность: они посоветовали ему идти дальше и без боя завладеть большей частью Гасконии».

(АИ, 358)

Б) ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ В ПАМЬЕ (ноябрь 1212 г.)

В то время как северная Франция — благодаря тому, что Жорж Дюби удачно назвал «капетингским синтезом», начатым Людовиком Святым (1226—1270) и Филиппом II Августом (1180—1223), — постепенно шла к государственному единству, в Окситании в этой области еще не были сделаны и первые шаги — слишком сильны были личные интересы местных сеньоров; и весьма примечательно, что «благородный граф» в ноябре 1212 года собрал в Памье епископов и сеньоров из своих владений и владений своих вассалов, намереваясь навести порядок и спокойствие в мирских делах, как установила их в нравственной области христианская религия. Рас-

сказ об его начинании в «Альбигойской истории» Пьера де Во-де-Серне в этом отношении особенно поучителен:

«В год 1212 от Воплощения [*Рождества Христова*], в ноябре месяце, благородный граф де Монфор созвал в Памье епископов и сеньоров своей земли, чтобы держать совет. Вот о чем шла речь: в крае, который граф завоевал и подчинил святой католической Церкви, надо было ввести добрые нравы, вымести прочь еретическую грязь, запачкавшую всю страну, насадить добрые обычаи, чтобы утвердить католическое вероисповедание, равно как и в мирских делах установить порядок и мир. Ибо с очень давних времен в этих краях свирепствовали грабеж и разбой. Могущественный здесь угнетал беззащитного, сильный — того, кто был слабее, чем он. Вот потому граф захотел предписать своим вассалам строгие правила и установить жесткие границы, которые им не позволено будет нарушать, чтобы рыцари могли достойно жить на определенные и законные доходы и чтобы и простой народ также мог жить под крылом сеньора, не сгибаясь под тяжестью незаконных поборов».

(АИ, 362)

Для того чтобы установить эти правила, были избраны двенадцать человек: они поклялись на Евангелии в том, что своим знанием и своей властью составят такие законы, что Церковь будет пользоваться свободой, а положение в стране улучшится и упрочится. Среди этих двенадцати избранных было четверо священнослужителей (два епископа, Тулузский и Кузеранский, один тамплиер и один иоаннит), четверо рыцарей с севера Франции и, наконец, четыре южанина (два рыцаря и двое горожан), которые составили и утвердили приспособленные к нынешнему положению законы, которые давали гарантии Церкви, богатым и бедным. И то, что

для составления этих законов были выбраны северяне и южане, было сделано преднамеренно.

На чем было основано это внезапное начинание, не предусмотренное миссией, коей был облечен Монфор? Граф был послан в Окситанию для того, чтобы *тати militari*¹ установить там церковные правила и порядок, но похоже, что этот человек, располагавший там практически неограниченной властью, попытался выйти за пределы своей миссии: провозглашая себя светской властью, правящей от имени папы, он теперь просто-напросто устанавливал собственное господство. Повсюду, куда Монфор приходил для того, чтобы покарать еретиков, он требовал от сеньоров, чтобы они дали ему клятву верности как своему сюзерену; за девять лет пребывания на юге Франции нигде, от Гаскони до Прованса, он не знал ни единой неудачи, и если ненависть, которую он внушал повсеместно, не проступает между строк «Альбигойской истории», то авторы «Песни о крестовом походе» ее прекрасно уловили... и не только они, но и король Франции Филипп Август. В самом деле, когда его сын Людовик², вернувшись из Окситании, стал распи­сывать в его присутствии завоевания и подвиги Монфора и его брата, король Франции произнес такие слова:

«[...] Хотите знать мое мнение?

Оба брата Монфоры, как они ни умны,

скоро получат лишь то, что рушится в нашей земле!»

(ПКП, 142)

Сам того не подозревая, король Франции разделил мнение о «благородном графе» папы Иннокентия III, который еще в сентябре 1212 года приказал своим лега-

¹ Силой (лат.).

² Речь идет о будущем монархе Людовике VIII Льве (1187—1226), сменившем на престоле Филиппа II Августа в 1223 году.

там составить «досье» на графа и который писал 15 января 1212 года брату Арнауту Амори в одном из тех сдержанных писем, которые он так хорошо умел сочинять:

«Лисы [еретики-катары] разоряли [обратите внимание на несовершенный вид глагола] в Лангедоке Господни виноградники. Тогда их переловили, но теперь надо предотвратить опасность куда более серьезную»¹.

Опасность, на которую намекает Иннокентий III, исходила не от еретиков-катаров, не от наследника Раймонда-Роже Тренкавеля (чье виконтство сделалось теперь собственностью Монфора), даже не от могущественного графа Раймонда VI Тулузского: опасность исходила от короля Педро II Арагонского, католического государя, прямого сюзерена таких крупнейших феодалов Окситании, как граф Раймонд-Роже де Фуа, граф Раймонд VI Тулузский и граф Роже де Комменж.

¹ Отрывок, приведенный Зоей Ольденбург в книге «Костер Монсегюра» («Le Bûcher de Montségur», Paris, Gallimard, 1959), с. 163.

ВСТУПЛЕНИЕ В БИТВУ КОРОЛЯ ПЕДРО II АРАГОНСКОГО

(начало января 1213 г. — 12 сентября 1213 г.)

В начале XIII века Арагонское королевство представляло собой нечто вроде конфедерации государств, объединившей под властью одного монарха маленькую собственно арагонскую территорию у подножия Пиренеев, ту, которой правил первый арагонский государь, король Рамиро I (1035—1063), и территории, со времени к ней прибавившиеся: Каталонию, долину Эбре, Наварру, королевства Валенсийское, Майоркское, Сардинское, Провансальское, Сицилийское и Неаполитанское. Площадь, численность населения и доминирующее положение в западном Средиземноморье превратили его к тому времени в наиболее могущественное и самое богатое из средиземноморских государств: его порты (Аликанте, Валенсия, Барселона, Майорка, Марсель, Неаполь, Мессина) и остров Мальта управляли практически всеми торговыми или военными связями христианской Европы с мусульманским Востоком. Этим королевством поначалу управляли монархи из первой, наваррской, династии, основанной Рамиро I, теперь же здесь правили представители второй так называемой каталонской династии, установленной Альфонсом II Целомудренным (1162—

1196), которого сменил на престоле его сын Педро II Арагонский¹.

Этот монарх, хотя и крайне враждебно настроенный по отношению к катарской ереси, — как, впрочем, и все христианские правители, — был недоволен тем, как множатся завоевания Симона де Монфора по ту сторону Пиренеев, и старался укрепить свою власть в собственном королевстве, присваивая крупные феодалы, которыми владели некоторые из его баронов, коих в Арагоне называли «богатыми людьми» (*ricas homes*). В июне 1204 года (ему было тогда тридцать лет) Педро II Арагонский женился на дочери сеньора Монпелье, но вскоре она настолько ему опротивела, что он стал просить у папы дозволения с ней развестись; в том же году, под предлогом заключения договора с Пизанской республикой, Педро II отправился в Рим, где Иннокентий III его короновал, и он, сделавшись королем Арагонским, обязался, от своего имени и от имени своих преемников, платить папскому престолу ежегодную дань в пятьсот золотых монет, после чего вернулся в свои владения.

Щедрость монарха по отношению к папе и арагонскому духовенству, его пристрастие к роскоши и праздникам быстро опустошили казну. В 1205 году Педро II, стремясь пополнить запасы денежных средств, прибег к двум излюбленным способам, которыми пользовались в подобных случаях правители того времени: начал чеканить фальшивую монету, что не создавало неудобств ни одному из его подданных, и установил новые налоги, что создавало неудобства всем. В особенности недовольны были дворяне и города, так что вскоре начались волнения. Тогда Педро II сменил тактику и, стремясь попол-

¹ Он родился в 1174 году, был старшим сыном Альфонса II Целомудренного и Санчи Кастильской; взошел на престол 16 мая 1196 года. См. карту окситано-каталонского государства в Приложении VII.

нить казну и вместе с тем поддерживать прежний образ жизни, согласился заключить мир с доном Санче VII, королем Наварры, за скромную сумму в двадцать тысяч золотых мараведи.

Когда территориальные завоевания Симона де Монфора начали разрастаться, арагонский король забеспокоился. Он благосклонно относился к исчезновению катарской ереси, однако начал думать, что для его королевства лекарство Монфора может оказаться хуже катарской болезни. Ведь если «благородный граф» быстро справится с ересью, — а он, похоже, не только хотел, но и мог это сделать, — ему все будет дозволено: он сделается политическим, военным и религиозным хозяином Лангедока и Прованса; он установит свое военное господство на этих землях благодаря мощи своих войск и установит свое религиозное господство, добившись отлучения от церкви всех сеньоров, которых коснулась ересь, в том числе и двух самых богатых феодалов среди них, графа Тулузского и графа де Фуа. Кроме того, принятые в Памье постановления давали Монфору в руки замечательное политическое и финансовое орудие для создания в южной Франции королевства, которое он, возможно, мысленно уже возглавил; оно вполне успешно могло бы соперничать с королевством северной Франции, и по сравнению с ним арагонское королевство стоило бы немногого. А значит, в интересах короля Педро II было заставить «благородного графа» считаться с ним уже сейчас, пока тот не сделался слишком могущественным и способным в два счета расправиться с его государством.

А потому, помня о том, что управлять означает предвидеть, а предвидеть — значит предупреждать, в самом начале 1213 года Педро II Арагонский решил отправиться в Тулузу, где он провел целый месяц. Но почему же именно в Тулузу, а не в Памье или Каркассон, где Педро II мог бы напрямую вступить в переговоры с Мон-

фором, истинным «государственным умом» юго-западной Франции? По двум главным причинам, которые мы постараемся понять и обосновать.

Первая — и наиболее очевидная — из них представляет собой, так сказать, причину семейную, поскольку граф Раймонд VI Тулузский был зятем арагонского короля; в самом деле, Раймонд VI пятым браком¹ был женат на Альеноре (или Элеоноре), сестре Педро II; стало быть, долгом короля было защищать его от агрессивных действий Монфора. Вторая причина, куда более прозаическая, но существенная для честолюбивого и своевольного главы государства, каким был арагонский король, заключалась в том, что владения, которыми правил в Окситании Раймонд VI, были велики и богаты: графство Тулузское составляло вместе с феодами его вассалов самое обширное и самое богатое земельное владение Лангедока. Но теперь не было сомнений в том, что Монфор постарается его захватить под тем лживым предлогом, что Раймонд VI, будучи добрым христианином и примирившись с папой, терпит здесь присутствие еретиков и доводит свою дерзость до того, чтобы им покровительствовать.

* * *

И вот христианнейший король Педро II Арагонский прибыл в Тулузу в первых числах января 1213 года («под Божоявление», — пишет Пьер де Во-де-Серне), весь овеянный славой недавней победы в битве при Лас-Навас-де-Толоса, где он разгромил мусульманских завое-

¹ Первой женой Раймонда VI была Эрмессинда де Пеле, второй — Беатриса де Безье, с которой он развелся ради того, чтобы жениться на Бургинде Лузиньянской, с которой в свою очередь развелся, чтобы жениться в 1195 году на Жанне, сестре английского короля Ричарда Львиное Сердце, которая стала его четвертой женой и получила в приданое Ажан и Ажене (см. Приложение XIII).

вателей, берберов, пришедших из северной Африки, где правила династия Альмохадов¹. Король провел в Тулузе не меньше месяца, в течение которого он встречался главным образом с катарами-еретиками и отлученными от Церкви. Как только его «расследование» было завершено, он известил архиепископа Нарбоннского, мессира Арнаута, папского легата в этих местах, а также «благородного графа» де Монфора о том, что желал бы с ними встретиться для того, чтобы обсудить наконец своего рода мирный договор между крестоносцами и «врагами веры» (АИ, 367). Ни тот, ни другой от встречи не уклонились, и, с общего согласия, был назначен день для этой встречи, место для которой было выбрано между Тулузой и Лавором, на равном расстоянии от того и другого города². Архиепископ Нарбоннский, со своей стороны, созвал в Лавор двадцать епископов и архиепископов с тем, чтобы в то же время устроить там собор. Похоже на то, что оба собрания происходили почти одновременно: одно светское (но и епископы на нем присутствовали), как и предполагалось, — в городе между Тулузой и Лавором, другое, которое и было, собственно говоря, собором, — в Лаворе, и допущены на него были исключительно епископы и архиепископы.

Арагонский король открыл светское собрание короткой речью, в которой обратился к архиепископу Нар-

¹ Династия Альмохадов (1130—1267) — мусульманская династия, зародившаяся в марокканских Атласских горах и основанная бербером-мистиком ибн Тумартом; более столетия она господствовала в северной Африке (столицей ее был Фес) — от Атлантического океана до Туниса; на некоторое время ей удалось завладеть Андалузией, до тех пор, пока ее войска не были разбиты европейскими союзными войсками под командованием Педро II Арагонского: это произошло на Иберийском полуострове, вблизи селения Лас-Навас-де-Толоса, 16 июля 1212 года.

² Эти города отстоят друг от друга на 45 километров; нам неизвестно название населенного пункта, в котором состоялась встреча.

боннскому и присутствующим епископам с просьбой приказать крестоносцам вернуть трем графам, Тулузскому, Комменжу и Фуа, а также виконту Гастону Барнскому, земли, которые они у этих правителей отняли. Архиепископ Нарбоннский, выступавший от имени своих епископов, а также, в определенном смысле, от имени крестоносной армии, спокойно выслушал речь короля и почтительно попросил его записать свои предложения на пергаменте и отправить, скрепив свиток своей печатью, епископам, заседавшим на Лаворском соборе. Педро II, огорченный тем, что дело затягивается, обратился непосредственно к графу де Монфору, к его сыну Амори и его брату Ги де Монфору, попросив всех троих дать врагам передышку и перестать причинять им зло на ту неделю, пока будут длиться собрание и собор, на что Монфор хитроумно ответил: «Из уважения к вам, ваше величество, я обещаю, что в течение этой недели не буду — нет, не чинить зло нашим врагам, но действовать им во благо, ибо полагаю, что, сражаясь с противниками Христа, я творю благо, а не зло». Король Педро II пообещал в свою очередь от имени «врагов» (еретиков и их союзников), названных так Монфором, что эти последние в течение всего времени, пока будут длиться переговоры, не станут нападать на крестоносцев, после чего удалился и вернулся в Тулузу.

Прошло три дня. За эти дни арагонский король сочинил длинное письмо¹, обращенное к епископам и архиепископам, участвовавшим в Лаворском соборе, и в высшей степени почтительно заступился перед ними за графа Тулузского: Раймонд VI, писал он, раскаялся в прежних грехах, он желает возвратиться в лоно Церкви, которую молит простить его за прежние бесчинства; он обещает возместить ущерб и загладить оскорбления,

¹ См. Приложение VIII.

нанесенные различным храмам и некоторым прелатам, в соответствии с тем, как решит «наша святая мать Церковь». Сам же он, король Арагонский, лично ручается за то, что все это будет исполнено, просит участников собора вернуть графу его владения и прочее утраченное тем имущество или же, если это невозможно, отдать все это его сыну, будущему Раймонду VII, и обещает выступить со своими рыцарями на помощь христианскому войску, отправившись воевать либо с сарацинами на Востоке, либо с Альмохадами в Африке. В этом же письме король Педро II выступил в защиту графа Комменжа, который, по уверениям арагонца, никогда не был еретиком, однако же утратил свои земли из-за того, что захотел оказать помощь и поддержку своему родственнику и сюзерену, графу Тулузскому, а также в защиту графа де Фуа, который тоже никогда не был еретиком, а сходным же образом помогал своему сюзерену, к чему обязывало его положение вассала Раймонда VI. Арагонский король завершил свое послание к епископам и архиепископам, присутствовавшим на соборе, несколькими строчками, в которых говорил, что во всем, в чем Церковь упрекает троих графов, он предпочитает взывать к ее милосердию, а не к ее справедливости.

«Предаю вашему милосердию, — пишет он прелатам, — моих епископов и моих баронов; я смирюсь со всем, что будет решено между ними и вами по делам, о коих говорилось прежде, и молю вас соблаговолить проявить понимание, дабы я мог располагать помощью этих сеньоров и графа де Монфора в испанском крестовом походе против Альмохадов во славу Божию и к величайшему благу святой Церкви».

(АИ, 375)

Великодушное заступничество арагонского короля быстро пресекли. Прелаты, участвовавшие в Лаворском соборе, ответили ему со всей елейностью, на какую бы-

ли способны, в длинном письме (приведенном Пьером де Во-де-Серне в «Альбигойской истории»), что больше ничем ему помочь не могут¹; письмо начинается с ниже следующего вежливого отказа:

«Прославленному и возлюбленному во Христе Педро, милостью Божией королю Арагонскому и графу Барселонскому, Лаворский собор с поклоном и искренней любовью во Господе.

Мы ознакомились с просьбами и ходатайствами, с которыми ваша королевская светлость обращается к нам, заступаясь за графа Тулузского (и его сына), графов Фуа и Комменжа и благородного господина Гастона Беарнского. В этих письмах, среди прочего, вы называете себя верным сыном Церкви. [...]

Мы полагаем своим долгом на ваши просьбы и ходатайство в пользу графа Тулузского и его сына ответить вашей королевской светлости: Высшею властью мы отрешены от дела графа де Монфора и его сына, ибо граф Тулузский добился от его святейшества папы, чтобы его дело было поручено нашему достопочтенному брату епископу Риеса и мэтру Тедизу² на определенных условиях. [...]»

(АИ, 379)

Так о чем же шла речь и почему прелаты, когда их приперли к стенке, тотчас отступили?

Письмо арагонского короля участникам собора не содержало никаких новых аргументов: уже не первый месяц его посланцы старались убедить папу в том, что катарская ересь на окситанской земле если и не искоренена, то, по крайней мере, побеждена и что теперь Симон де Монфор использует в личных целях, желая уве-

¹ См. полный текст в Приложении VIII.

² Гильом Тедиз — епископ Агда, папский легат.

личить свои владения, те полномочия, которые были выданы ему лишь для того, чтобы строго блюсти интересы Церкви. Тем не менее если до тех пор Педро II защищал своих «трех графов» лишь пером, теперь, столкнувшись с угрозой, нависшей по вине Монфора над его вассалами-католиками, чьи владения не были заражены катарской ересью и не укрывали ни одного еретика, король Арагонский поставил заседавших на соборе епископов перед дилеммой, которую ни один из них не был в состоянии разрешить. В самом деле, он, не говоря об этом в открытую, предлагал им выбор между двумя стратегиями: либо наказать трех графов, как того требовали Монфор и папа, и рисковать тем, что король Арагонский позволит Альмохадам вторгнуться в Прованс и в Лангедок, либо отпустить им грехи, рискуя тем, что катарская ересь вновь распространится в их владениях и мерзкий крестовый поход будет продолжен.

С этого времени собор, уstraшенный последствиями решения, принять которое требовал от них Педро II, укрылся за верховной властью папы, тогда как арагонский король пугал мощью своей армии — в ней было, по словам автора «Альбигойской истории», пятьдесят тысяч человек, — с которой грозился двинуться на Тулузу, куда, впрочем, и вступил победоносно несколько дней спустя.

* * *

Читая документы, которыми мы располагаем (в частности, постановления соборов в Безье и Нарбонне и изданный в 1590 году «Краткий обзор истории войны против альбигойских еретиков»), трудно определить причины и мотивировки возобновления битвы против еретиков. Здесь нам придется положиться на пристрастное и благоприятное для крестоносцев свидетельство Пьера де Во-де-Серне, даже если приходится подчеркивать в нем спорные моменты.

По словам этого летописца, арагонский король нимало не раскаивался; напротив того, он объявил, что берет под свою защиту не только троих графов и Гастона Беарнского, но также и всех тех рыцарей из тулузских и карсассонских земель, кто был из-за ереси лишен своих владений, всех без исключения горожан Тулузы и сам город Тулузу, несмотря на то что в качестве города она принадлежала королю Франции Филиппу Августу, равно как и все земли, которые к ней относились. Эти заявления никоим образом не были фанфаронством, хотя и звучали несколько парадоксально: христианнейший король Арагонский становился, таким образом, — по крайней мере, в глазах общественного мнения, — главным покровителем катарской ереси — ереси, до которой никому в действительности теперь уже не было дела, даже Монфору, чья «священная война» превратилась попросту в хапанье без разбору, попытку с благословения кучки жадных или тщеславных прелатов захватить земли, принадлежавшие заподозренным в ереси сеньорам.

И все же отыскиались несколько разумных священнослужителей, которые смогли это осознать. Епископы, которые присутствовали на Лаворском соборе и были скорее свидетелями, чем участниками событий, разворачивавшихся между Гаронной и Пиренеями, обратились к его святейшеству папе Иннокентию III с письмом, где описали безвыходное положение, в котором оказался Лангедок. Вот наиболее существенные отрывки из этого письма, приведенные Пьером де Во-де-Серне:

*Письмо, с которым прелаты обратились к папе
перед тем, как покинуть Лавор*

«Нашего святейшего отца во Христе и блаженного Иннокентия, милостью Божией римского папу, его смиренные и преданные служители архиепископы, епископы и прочие прелаты, съехавшиеся на Лаворский

собор ради дела святой веры, приветствуют с любовью и пожеланиями долгой жизни.

[...]

В наших краях еретическая зараза была посеяна в стародавние времена, а в наши дни распространилась так сильно, что христианское богослужение подвергается здесь посрамлению и насмешке. Еретики и наемники поочередно нападают на духовенство и на церковное имущество, а народ, как и его предводитель, предавшийся нечестивым чувствам, уклонился с пути истинной веры.

Благодаря святым крестоносным войскам, кои вы так мудро направили сюда для того, чтобы истребить эту мерзкую заразу, благодаря их благочестивому предводителю, неустрашимому поборнику Христа и непобедимому воину в боях во имя Господне, Церковь, уже пришедшая в плачевный упадок, начала приподнимать голову. И теперь, когда всякого рода препятствия и заблуждения большей частью устранены, этот край, который так долго угнетали ярые приверженцы ложного учения, возвращается достойным похвалы образом к истинной вере.

Однако еще существуют очаги этой заразы: Тулуза и некоторые другие города, где, подобно нечистотам, сброшенным в клоаку, собрались последние остатки ереси. Главарь еретиков, граф Тулузский, который с давних времен, о чем мы часто вам говорили, был пособником и защитником еретиков, использует оставшиеся у него войска для того, чтобы сражаться против Церкви и помогать, чем может, «верным» против врагов их веры. С тех пор как он вернулся от Вашего Святейшества, имея при себе буллы, в которых вы проявили к нему снисходительность, далеко превосходящую то, чего он заслуживает, несомненным стало, что демон вселился в его сердце. [...] Он собрал войска для того, чтобы бороться с самою Церковью [...], он встал на сторону всех тех, кого признает вашими врагами и врагами Церкви Божией. [...] Что же до еретиков и наемников, которых он много раз обещал оставить, он с еще

большим усердием расточает им свои милости и приближает их к своей особе. [...] Против Божия войска он призвал Савари де Молеона, сенешаля английской армии, и с ним имел дерзость начать осаду Кастельнодари, где находился Монфор, этот поборник Христа. [...] Он послал гонцов к королю Марокко попросить его о помощи, дабы разорить не только нашу страну, но весь христианский мир. [...] Все эти злодеяния не только не утолили его ярости, но он еще сильнее разошелся; что ни день, он делается хуже, чем был накануне, он причиняет Церкви Божией все то зло, какое способен причинить, когда лично, когда через своего сына, когда через своих сообщников, графов Фуа и Комменжа, а также Гастона Беарнского, людей развращенных и погрязших в пороках; недавно они обратились к королю Арагонскому, с чьей помощью, должно быть, намереваются злоупотребить вашим милосердием и нанести ущерб Церкви: они позвали его в Тулузу, чтобы вступить в переговоры с нами, по распоряжению вашего легата и ваших посланцев собравшимися в Лаворе. То, что он высказал нам и что мы сочли правильным ему ответить, вы полностью узнаете из посланных вам копий, скрепленных печатью». [*Письмо заканчивается длинным параграфом, в котором прелаты заклинают папу «подрубить корень дерева ереси, навсегда его уничтожив».*]

(АИ, 392—397)

Одновременно с этим арагонский король, со своей стороны, написал два письма: одно — папе, в котором ловко изложил свою личную точку зрения, другое — Симону де Монфору, в котором предлагал ему встретиться в окрестностях Нарбонна. «Благородный граф», несмотря на то что был вассалом короля Педро II, ответил своему сюзерену довольно грубо¹, что охотно явил-

¹ Не используя предусмотренные этикетом формулы вежливости.

ся бы на встречу, которую тот ему предлагает, но, опасаясь (и не напрасно!) угодить в ловушку, воздержится от того, чтобы самому совершить эту поездку, и посылает одного из своих рыцарей. Он поступил правильно, поскольку близ Нарбонна графа ждал вовсе не его сюзерен, король Арагонский, но «толпа еретиков и наемников, как арагонских, так и тулузских» (АИ, 412), которые легко справились бы с небольшой свитой, если бы «благородный граф» откликнулся на приглашение. Итак, в том состязании по перетягиванию каната, которое началось между арагонским королем и Монфором, последний определенно выиграл очко.

В следующие несколько дней положение сделалось еще более напряженным. Арагонский король совершил еще одну попытку, отправив графу де Монфору письма, в которых открыто бросал ему вызов, угрожая начать войну в его владениях. Монфор не спешил этот вызов принять: несмотря на то что в его собственные пределы то и дело вторгались отряды каталонцев, пришедших из арагонского королевства, несмотря на опустошения, которые производили наемники, безнаказанно возвращавшиеся туда отдохнуть между двумя набегами, граф не стремился преследовать их на арагонской земле. Тем не менее он ответил королю Арагонскому, послав ему в свою очередь письмо с вызовом: он передал его с необыкновенно драчливым гонцом, рыцарем Ламбером де Лиму.

Итак, гонец предстал перед Педро II в феврале 1212 года и передал ему «по порядку и с величайшим тщанием», как пишет Пьер де Во-де-Серне, текст послания, которое было в некотором роде последним словом в этом споре. Граф де Монфор сообщал в нем королю Арагонскому: 1) что он никогда не уклонялся от исполнения своих обязанностей по отношению к сюзерену; 2) что, если король недоволен и хочет высказаться насчет земель и замков, конфискованных у еретиков крестоносцами по распоряжению папы, он, Монфор,

готов передать дело на рассмотрение папской курии в Риме или суду папского легата, архиепископа Нарбоннского, дабы во всем оправдаться; 3) что отныне он считает себя свободным от всяких вассальных обязанностей по отношению к сюзерену и готов сражаться с ним, как сражался со всеми прочими врагами Церкви.

Письмо, адресованное «благородным графом» королю Педро II Арагонскому, фактически представляло собой объявление войны в форме ультиматума. Когда послание было дочитано до конца, пылкий монарх впал в неистовую ярость, и приближенные разделили его гнев: Ламбера де Лиму вывели из зала, где проходила королевская аудиенция, приставили к нему надежную стражу, и арагонский король принялся решать со своими советниками, как быть дальше.

Некоторые из присутствовавших сеньоров придерживались того мнения, что следует пригласить Монфора в Нарбонн, чтобы он лично, вслух сообщил о своих намерениях, а в случае, если «благородный граф» откажется воспользоваться этим приглашением, приговорить его посланца к смертной казни. На следующий день Ламбер де Лиму вновь предстал перед королем Арагонским и в точности повторил те слова, что были произнесены им накануне; более того, он предложил сразиться на поединке, если при дворе короля Педро II найдется рыцарь, способный утверждать, будто граф де Монфор несправедливо оскорбил государя. После такого решительного высказывания в зале для королевских аудиенций поднялся оглушительный шум; все ополчились на злополучного рыцаря; однако по просьбе нескольких арагонских сеньоров, хорошо его знавших и относившихся к нему сочувственно, его целым и невредимым отпустили к графу де Монфору.

С этого дня Педро II Арагонский утратил осторожность и открыто провозгласил себя врагом «благородного графа». Впрочем, тот благоразумно никогда и не

собирался появляться в Нарбонне. Приведя в исполнение свои угрозы, он объявил, что отныне считает себя свободным от какого-либо долга по отношению к королю и готов сражаться с ним точно так же, как сражается со всеми врагами Церкви в соответствии с миссией, возложенной на него четырьмя годами ранее папой Иннокентием III и при исполнении коей он дотоле не знал ни единой неудачи.

Итак, стало ясно, что крестовый поход «сам собой напрашивается» и что цели у предводителей крестоносцев разные. Одни стремились утвердить свое могущество и, воспользовавшись обстоятельствами, расширить свои владения: в особенности это относится к Симону де Монфору, у которого до того, как он взял Безье, не было ни клочка земли в южной Франции, а теперь ему принадлежала большая часть земель между Одом, Агу и Гаронной; другие, коренные правители Лангедока, подобно троим графам, Тулузскому, Комменжу и Фуа, стремились вернуть себе утраченные земли или отстоять те, которые у них остались; кроме того, почти у всех были основания не доверять арагонскому королю, который зарился на многое и готов был сделаться таким же королем южной Франции, каким в северной был Филипп Август.

В то же время ряды северных крестоносцев разрастались. В феврале 1213 года Луи (Людовик)¹, старший сын французского короля Филиппа Августа, решил в свой черед взять крест, а за ним, увлеченные его примером, толпой двинулись французские рыцари. Это событие было значительным, поскольку до тех пор Филипп Август неизменно отказывал в содействии папе Инно-

¹ Речь идет о будущем Людовике VIII, который будет править Францией с 1223 по 1226 год. От его брака с Бланкой Кастильской (1200) родится в 1214 году будущий Людовик IX, называемый «Людовиком Святым».

кентию III¹. Тем не менее французские рыцари не спешили вступить на землю Окситании, и это промедление было на руку арагонскому королю. Он, как нам известно, взял под свое покровительство Тулузу и поселившихся там еретиков; королю предстояло защищать этот город от войск Монфора, и ему совершенно не хотелось, чтобы в дело вмешались французские бароны. Мало-помалу конфликт разгорался и становился неразрешимым. Тем не менее в начале 1213 года он еще не достиг той стадии, когда отступление стало невозможным, и каждый пока стоял на своих позициях.

Для того чтобы понять дальнейший ход событий, нам надо кратко изложить развитие этого конфликта.

а) Еще зимой 1212 года король Педро II Арагонский послал в Рим гонцов с лживыми известиями, желая заставить папу Иннокентия III поверить, будто Монфор завладел землями, принадлежавшими графу де Фуа и графу де Комменжу, а также виконту Беарнскому, обвиненным в ереси; однако, как заверял король, три сеньора, о которых шла речь, хотя и неизменно защищали еретиков в своих владениях, сами никогда еретиками не были, и ни единого еретика на альбигойской земле не осталось. И потому, заключал он, папе следовало отменить индульгенцию, дарованную им всем тем, кто участвовал в крестовом походе против этих «еретиков», и передать ее тем баронам, которые собирались в путь к Святой земле или в крестовый поход против неверных Иберии. И если — нарочно для папы король Педро II прибавил: «О святотатство под видом набожности!» — он сделал это не потому, что искренне полагал, будто Церковь в опасности, но потому, что хотел прекратить крестовый поход, который в действительности далеко не был завершен.

¹ Филипп Август в принципе мог бы возглавить крестовый поход, однако ему не хотелось самому отправляться в южную Францию, где почти половина земель «принадлежала» английскому королю.

б) Двадцать первого мая 1213 года, не проверив, правдивы или ложны утверждения арагонского короля, папа отправил Монфору буллу, где недвусмысленно приказывал вернуть владения графам, которых арагонский король представил понапрасну обвиненными, а также другую буллу, отменяющую полную индульгенцию, дарованную крестоносцам. Впрочем, Иннокентий III не ограничился отменой индульгенций в Лангедоке; он распространил свои постановления на северную Францию, куда отправил легата, Роберта де Курсона, по национальности англичанина, которому поручено было призывать самому и велеть другим призывать к возобновлению крестового похода в Святую землю. Когда эти буллы дошли до альбигойских епископов, которым предстояло исполнить распоряжения папы, прелаты в ответ послали в Рим церковных правоведов (епископа Комменжа, архидиакона Парижского, настоятеля Кле-рака и двух клириков), чтобы разъяснить положение дел. Римская курия, поддавшись влиянию гонцов, которых, со своей стороны, направил к папе король Арагонский, приняла их холодно, и лишь после множества аудиенций и многочисленных расследований, срочно проведенных в Лангедоке, наконец начались переговоры, которые, однако, оставались вялотекущими.

в) В тот же день, 21 мая 1213 года, папа («*le seigneur pape*», как именует его автор «Альбигойской истории»), должным образом просвещенный, отправил королю Арагонскому буллу, в которой сурово упрекал его, поскольку тот обещал свое покровительство тулузцам и прочим еретикам, и приказывал ему немедленно с ними порвать; папа объявлял, что в противном случае предложит народу выступить против этих еретиков и против их защитников (т.е. против Педро II).

г) Положение Монфора и его соратников понемногу становилось критическим, поскольку теперь они были практически одни: вот уже несколько недель как они не

получали ни подкрепления, ни помощи из северной Франции, где теперь, когда речь заходила о «крестовом походе», все — как в церковных кругах, так и среди рыцарей — только и думали, что о завоевании новых земель и новых владений в Палестине. Дело христианской веры, которой угрожала катарская ересь, было предано забвению. «На севере Франции теперь почти никто уже не брал крест для того, чтобы сражаться с проклятыми еретиками», — пишет Пьер де Во-де-Серне (АИ, 442). И, что было куда серьезнее, повсюду, в городах и селах, ходили слухи о том, что арагонский король собирает и снаряжает войска, намереваясь захватить Гасконь и альбигойский край, чтобы окончательно выгнать оттуда тех, кого автор хроники отныне именуется «рыцарями Христа», то есть крестоносцев. Положение в Лангедоке делалось предельно запутанным и опасным, поскольку те, кого наш летописец называет «врагами веры» (иными словами — катары, которые понесли значительные потери, и их опасные арагонские союзники, по большей части находившиеся в Тулузе), расхаживали у стен местных крепостей, занятых крестоносцами, предлагая защитникам сдать им крепости под ручательство короля Арагонского. В глазах простодушных жителей этих городов репутация монарха была безупречной, и многие в самом деле ему сдались, не понимая, что Педро II старался не ради катаров, равно как и не ради тулузцев, которые их защищали, и еще того менее — ради Церкви, но лишь ради самого себя, желая отобрать у Монфора феоды, которые тот отнял у вассалов арагонского короля.

Последний был прямым сюзереном графов Фуа и Комменжа, а также покойного виконта Тренкавеля, который, как и остальные двое, лишился своего каркассонского феода, отнятого у него Монфором; среди прочего он поставил себе целью отобрать эти земли у «благородного графа», чем и объясняется его присутствие на собрании в Лаворе.

* * *

Безымянный поэт, которому мы обязаны второй частью «Песни о крестовом походе против альбигойцев», взяв в руки перо, предупреждает нас о том, что тот этап войны, о котором он намерен рассказать, был куда более смертоносным, чем предшествующий, поскольку могущественный король Арагона, понявший теперь, что Монфор имеет виды на Лангедок, объявил, что намерен в ней участвовать и помогать графу Раймонду VI Тулузскому защищать свои владения. У Педро II была и куда более личная причина предлагать ему союз: юный Раймонд VII, родившийся в 1197 году, то есть к описываемому времени достигший возраста шестнадцати лет, только что женился на сестре короля, Санче Арагонской, тем самым сделавшись его зятем¹; на это обращает наше внимание «Песнь о крестовом походе»:

В этом походе, который должен был начаться,
неисчислимо много прекрасных новых копий
будет лежать изломанными среди окровавленных знамен,
неисчислимое множество душ расстанется с телами,
и немало дам в трауре будет рыдать на руинах!
Арагонский король собрал свое войско.
Все его вассалы здесь. Их вид великолепен.
Сир Педро громогласно обращается к ним с такой речью:
«Мы немедленно выступим против крестоносцев,
которые разоряют тулузский край.
Сир граф Раймонд зовет меня на помощь.
Его землю опустошают, жгут, убивают ее,
хотя он никому в этом мире не причинил зла.
Однако граф и его сын — мужья моих сестер.
Мы — близкая родня, и я не могу допустить,
чтобы с ними так обходились. Пойдем же, господа,

¹ Его отец, Раймонд VI, и сам в 1204 году женился на сестре Педро II Арагонского, Элеоноре.

войной на разбойников-крестоносцев, которые разоряют
и обездоливают!

Бей воров, отнимающих земли!»

(ПКП, 131)

* * *

Итак, дело происходит в сентябре 1213 года, и мы в Лаворе. Для могущественных южных сеньоров главной заботой помимо того, чтобы сохранить или вернуть свои земли, отнятые у них под тем предлогом, что эти сеньоры терпимо относились к еретикам, было также спасение окситанской культуры, которой они так гордились: в определенном смысле, с сохранением всех пропорций, эти лангедокские бароны были предшественниками националистов, какими в наши дни считают, к примеру, ирландцев, басков или корсиканцев.

Мы уже видели перед тем, что арагонский король действовал тонко и вместе с тем решительно. Его войска, бесспорно, внушали страх Монфору, его победы над Альмохадами восхищали папу, и он, вместе с тремя графами и виконтом Беарнским, составил значительный очаг сопротивления крестоносцам.

Теперь король Педро II уже не старается влиять исподтишка, а действует в открытую. Он вошел в Тулузу во главе армии объединившихся баронов, которая насчитывала две тысячи рыцарей и около пятидесяти тысяч пехотинцев; он около года под несмолкающие приветствия перемещался между Нарбонном, Памье и Лавором; теперь, в сентябре 1213 года, он, обогнув несколько замков, поставил свои шатры в двадцати километрах от Тулузы, на левом берегу Гаронны, у стен Мюре, маленького и удачно расположенного городка, окруженного двумя предместьями, но плохо укрепленного, как сообщает нам Пьер де Во-де-Серне.

Мюре защищал гарнизон крестоносцев, в котором насчитывалось человек тридцать рыцарей и полсотни

пехотинцев, и, что очень важно, город находился посреди земель, принадлежавших Монфору или от него зависевших. Возможно, наши читатели задаются вопросом: по каким причинам Педро II Арагонский устроился прямо под носом у «благородного графа»? Нам не так трудно будет эти причины отыскать.

Прежде всего, Педро Арагонский, правящий монарх, не должен был ни перед кем отчитываться, разве что перед папой, и в его владениях не было монфоровских крестоносцев: он был сам себе хозяин и властен когда угодно приезжать в Лангедок, где и намеревался остаться; далее, в культурном отношении он был куда ближе к жителям Лангедока, чем к французам, чьим ударным оружием на юге Франции был Монфор; наконец, сеньоры и горожане из числа добрых христиан Лангедока чувствовали куда большую приязнь к этому веселому окситанцу, чем к холодному северянину Монфору, прежде всего пекущемуся о собственной выгоде. К этим трем причинам, которые могут показаться ничтожными, можно прибавить более основательную четвертую: крестоносцы Монфора, которых в Окситании называли «французами», вели себя скорее как завоеватели, чем как союзники.

Осажденные в Мюре, укрывшись в одном из двух предместий, послали гонца к графу де Монфору, который стоял в восьми лье оттуда, в Фанжо, с просьбой прислать подкрепление. В ночь после прибытия арагонского короля жене Монфора приснился сон, сильно ее испугавший: ей приснилось, что из руки ее мужа сильной струей льется кровь. Проснувшись на рассвете, она рассказала ему этот сон и призналась, что пришла от него в смятение, на что Монфор ответил: «Ты говоришь как истинная женщина. Неужели ты думаешь, что я, словно испанцы, верю в сны и прочий вздор? Вот если бы мне приснилось, что я должен пасть в бою, который мне предстоит вести, я пошел бы на него лишь с большей уверенностью, чтобы тем самым еще явственнее

показать мое презрение к глупости жителей этой страны, придающих значение подобным пустякам».

Затем автор «Альбигойской истории» пересказывает нам целый ряд незначительных событий (АИ, 140), которые мы тем не менее сейчас вкратце перечислим, поскольку эти мелочи сами по себе, складываясь, дают великолепное представление о том, чем была осада Мюре, продолжавшаяся всего один день, а стало быть, не представлявшая собой операции, подобной, к примеру, осаде Алезии Цезарем. При Мюре произошло всего-навсего небольшое столкновение, какими были, вероятно, все последовавшие за ним сражения, о которых повествует этот автор. Нам неизвестна точная дата взятия Мюре (традиционно принято считать, что это произошло 12 сентября 1213 года), но Пьер де Во-де-Серне достаточно точно указывает, в каком порядке происходили события¹.

Утром 10 сентября 1213 года граф де Монфор покинул Фанжо и направился со своими людьми к Савердену. Еще в пути он увидел, что к нему скачет гонец осажденных из Мюре, и попросил графиню, которая собиралась, простившись с ним, ехать в Каркассон, прислать ему подкрепление.

Граф остановился в цистерцианском монастыре в Бульбонне, чтобы помолиться; прибыв в Саверден со своим войском в сопровождении семи епископов и трех аббатов, он созвал своих рыцарей, и они, с общего согласия, решили продолжить путь ночью.

На рассвете 11 сентября он призвал к себе капеллана, исповедался и составил завещание; позже он присутствовал на богослужении в честь Пресвятой Девы Марии. Когда обедня завершилась, Монфор и его люди, облачившись в доспехи, двинулись к Отриву, расположенному на

¹ См. Приложение IX; два рассказа о битве.

полпути между Саверденом и Мюре. Войско подошло к Мюре в конце дня. Монфор и его люди перешли мост (через Гаронну?) и с наступлением темноты вступили в город. Виконт де Корбей и несколько рыцарей в свой черед прибыли в Мюре; все провели ночь в донжоне.

На следующее утро, 12 сентября, Монфор прослушал мессу в часовне донжона, затем держал совет со своими приближенными. Тем временем в город ворвались несколько вражеских рыцарей; тогда граф попросил у епископа разрешение начать бой. Поскольку дело было неотложное, разрешение было дано, и все отправились чистить оружие. Один из вассалов графа подсчитал его силы: там было восемьсот рыцарей и сержантов и несколько пехотинцев. По словам Пьера де Во-де-Серне, их противников у стен Мюре собралось «больше ста тысяч» (что представляется совершенно неправдоподобным и даже невозможным, учитывая, на каком небольшом пространстве все это происходило).

Епископ Тулузский благословил воинов, пообещал им «поручиться за них в день Страшного суда», и на равнине перед городом завязался бой между армией Монфора и войсками короля Арагонского и графа Тулузского. Арагонский король был убит в первой же схватке; кровь ручьями струилась из его ран:

Уж ранен доблестный король, уж он в крови лежит,
Та кровь струится по земле и, как ручей, бежит.

(ПКП, 140)

Его воины тотчас обратились в бегство, но бой продолжался до вечера. Войска графа де Монфора преследовали убежавших, а тем временем войска графа Тулузского, до тех пор в сражение не вступавшие, попытались войти в Мюре, где их и заперли крестоносцы Монфора. После битвы тот возблагодарил Господа за дарованную победу и отдал бедным своего коня и свои доспехи.

* * *

После этой победы, одержанной войсками Монфора, которые можно было бы назвать «силами порядка», и гибели на поле боя короля Арагонского, который был словно бы ударным кулаком трех графов (и в особенности графа Тулузского), семь епископов и три аббата, еще остававшиеся в Мюре, попытались вернуть тулузцев в лоно Церкви и заставить их подчиниться распоряжениям папы.

Отчасти им это удалось: граф Тулузский и его вассалы клятвенно обещали повиноваться папе римскому. Преисполненные недоверия епископы потребовали, чтобы они, в залог того, что обещание будет выполнено, выдали двести заложников, учитывая, что Тулуза — большой город с многочисленным населением; тулузцы немало поторговались, предложили сначала шестьдесят заложников, но в конце концов заявили, что не дадут ни одного. Так что дело окончилось ничем. Папа, занятый проповедью и подготовкой к Пятому крестовому походу против турок, на некоторое время позабыл о Лангедоке, раздумывая, какой рыцарь способен был бы заменить победителя Альмохадов. Окситания же, и в первую очередь Тулуза, не забудет стихов анонимного продолжателя «Песни о крестовом походе», взявшего перо начиная со 131 лессы, чтобы прославить память этого короля-рыцаря:

Какой это был удар, какой траур, какая великая скорбь,
когда король Арагона упал, окровавленный, на траву!
Какая утрата, скольких рыцарей забрала смерть!
Позор христианскому миру, допустившему такое!

(ПКП, 141)

Больше всего в этой битве потеряли: в человеческих жизнях — город Тулуза, а в политическом плане — граф Раймонд VI. Яростное нападение французских рыцарей

на тулузскую пехоту более напоминало жестокую резню, чем честный бой, и на следующий день целыми и невредимыми среди тулузцев оставались лишь дети да старики. Что касается Симона де Монфора, то он после своей победы не решился повести войска на город: опасался ли он столкновения с его жителями, которых разгоревшаяся жажда мести могла превратить в свору разъяренных собак, или попросту боялся получить в сердце стрелу, пущенную карающей рукой тулузского лучника из какого-нибудь укрытия?

Одни лишь епископы под водительством Фулька найдут в себе достаточно моральных сил и мужества для того, чтобы войти в Тулузу и обсуждать там условия, на которых им подчинятся город и тулузские земли. Тем не менее именно папа, через посредничество французского кардинала-легата Роберта де Курсона, официально подтвердит передачу владений, принадлежавших графу Раймонду VI Тулузскому — Ажене, Альбизуа, Керси и Руерга, — Симону де Монфору. Последний становился опосредованным вассалом Филиппа Августа, которому официально не сообщили об этой замене, что представляло собой нарушение феодального права. Тем не менее, поскольку все, что было связано с этим правом, должно было быть закреплено и узаконено папой, эта передача феодалов и сюзеренитета была предварительно утверждена в январе 1215 года собором в Монпелье, проходившим под началом кардинала-легата Пьера де Беневана, в ожидании вселенского Латеранского собора, который должен был открыться в Риме 11 ноября 1215 года.

СОБОР В МОНПЕЛЬЕ И ЛАТЕРАНСКИЙ СОБОР

(январь 1215 г. — январь 1216 г.)

На самом деле для «благородного графа» де Монфора победа, одержанная им над окситанскими войсками, оказалась пирровой, сделавшей его задачу еще более трудной. Ее единственным результатом было то, что она настроила против него весь Лангедок: вместо того, чтобы привести Окситанию в трепет и подчинить себе ее города, он добился лишь того, что вызвал еще большую ненависть к себе. Крупные города юга Франции — Нарбонн, Монпелье, Ним — отныне заперли перед ним свои ворота, а сеньоры, которые были вассалами графа Тулузского, возроптали.

Тогда «благородный граф» решил действовать силой: он собрался снести, срыть все крепости, которые оказали ему сопротивление, в Севераке, в Руерге, в Ажене, в Родезе; феодальные клятвы верности, принесенные ему вассалами или вассальными городами Раймонда VI, оставались формальностью, и если пока страх, который он повсеместно внушал, не препятствовал покорности, то он же подпитывал опасный источник ненависти. К тому же Монфор в действительности мог стать полновластным хозяином края, только когда: 1) его признает таковым папа, который в этой области был главным после Господа Бога и под чье покровительство обездоленные сеньоры — и в первую очередь граф Раймонд VI Тулузский — временно отдали свои земли в предвиде-

нии вселенского собора, который должен был состояться в Риме в конце 1215 года и окончательно уладить этот вопрос; 2) тулузские владения, которых лишен был вследствие своего отлучения от Церкви Раймонд VI, будут переданы Монфору в качестве феода его сюзереном, королем Франции.

В ожидании церковного собора Иннокентий III поручил кардиналу-легату Пьеру де Беневану уже в январе того же года провести в Монпелье собор с более узким составом участников, чтобы определить, какие временные меры следует принять в отношении земель графа Тулузского. Тогда пять южных архиепископов (Экса, Арля, Нарбонна, Оша и Амбрена), двадцать восемь епископов и множество аббатов и клириков единодушно избрали «ради Господа и святой Церкви, мира в стране и истребления ереси» благородного графа Симона де Монфора единственным господином Тулузы и хозяином земель, принадлежавших графу Раймонду VI Тулузскому.

«О Чудо! — пишет Пьер де Во-де-Серне. — Когда предстоит избрать епископа или настоятеля, малое число избирателей с трудом приходит к согласию, выбирая одно-единственное имя. И вот, выбирая главу такой большой страны, столько выдающихся людей единодушно отдали свои голоса за этого поборника Иисуса Христа. Вне всякого сомнения, это сделал Господь Бог, и мы восхищены этим».

(АИ, 546)

Однако в глазах жителей Тулузы, Монпелье, Безье и Каркассона, как мы догадываемся, восхищения не было: Монфора ненавидела вся Окситания. И потому первое, о чем позаботились жители Монпелье, стоило «благородному графу» появиться у его стен, — это о том, чтобы преградить ему дорогу. Монфору пришлось спасаться бегством, и все время, пока длился собор, он оставался

за городскими стенами, в резиденции командора тамплиеров.

Десять месяцев спустя, в ноябре 1215 года, папа наконец открыл в Риме вселенский Латеранский собор, который целая армия епископов и аббатов готовила в течение двух лет. В нем принимали участие все главы западного и восточного христианства — Иерусалимский и Константинопольский патриархи, семьдесят один архиепископ, четыреста десять епископов и более восьмисот аббатов, а также послы всех христианских монархов и представители крупнейших городов Европы и Азии. Присутствовали также граф Раймонд VI Тулузский, его сын, будущий Раймонд VII, и граф де Фуа¹. На этом соборе прелаты и священники дали строгое определение католической веры и ее правил; все ереси вальденсов и катаров Лангедока, Италии и Балкан осуждались безоговорочно, их приверженцы были преданы анафеме, решено было, каким наказаниям станут подвергать еретиков, и папа постановил, что Тулуза и прочие земли, завоеванные крестоносцами, отныне являются собственностью благородного графа де Монфора, который, таким образом, прибавит к прежним своим титулам титул графа Тулузского. Сразу после завершения собора Монфор должен был отправиться в северную Францию с тем, чтобы получить новые владения из рук французского короля Филиппа Августа, чьим вассалом он сделался вместо прежнего графа Тулузского, лишённого всех феодальных прав.

Эти решения были приняты после того, как каждый из обвиняемых или обвинителей выступил в защиту своей позиции, как рассказывает нам безымянный автор второй части «Песни о крестовом походе», сообщающий также, что были заслушаны свидетели. Вот несколько

¹ Они прибыли для того, чтобы просить собор вернуть им земли, отнятые у них по решению собора в Монпелье.

примеров возникших в ходе процесса вопросов, высказанных перед папой Иннокентием III и помогающих нам понять лучше любого абстрактного анализа, какова была феодальная и психологическая обстановка крестового похода.

Речь, произнесенная перед папой графом де Фуа в защиту графа Тулузского, отдавшего свои земли папе:

«Что же до графа Раймонда, моего всемогущего господина и повелителя,
почему же он отдал Тулузу, Монтобан,
Прованс? Ради мира. Но что же вышло?
Его владения отданы Симону де Монфору.
Этот жестокий человек повсюду сеет смерть и муки,
грабит, угнетает, убивает, опустошает, уничтожает
без жалости все живое там, где пройдет.
Раймонд отдал свой край под твою защиту,
и вот он истерзан, изможден и умирает».

Ответ папы графу де Фуа, потребовавшему вернуть ему замок, также конфискованный папой:

«Ты был с нами неласков, но это неважно,
ты хорошо держался. Если ты невиновен,
мы вернем тебе твои земли и твой замок Фуа.
Если Церковь примет тебя как великого грешника,
ты найдешь у нас Божие сострадание,
ибо всякий, кто влачит за собой цепи греха,
если только он покорится своей матери Церкви,
должен получить приют и милосердную любовь».

Опровержение, высказанное епископом Тулузским Фульком, уличившим во лжи графа Раймонда VI, утверждавшего, будто никогда не знался с еретиками:

«Сеньоры, что сказал вам граф Тулузский?
Что никогда в своей жизни не встречался с неверием?
Но ведь это в его саду выросла дурная трава!

Скосил ли он ее? О, нет: он так о ней заботился,
 что она разрослась, заполонив все его земли.
 Это с его согласия был укреплен
 пик Монсегюр, прибежище еретиков.
 Его родная сестра сделалась еретичкой. Когда умер ее муж,
 она явилась в Памье, прожила там полных три года
 и бесстыдно проповедовала там свое опасное учение.
 А сам он — как он поступил с Божьими слугами,
 с паломниками-крестоносцами,
 преследовавшими изменников?
 Он столько их убил в Монже,
 что вся земля вокруг стала красной».

*Ответ графа де Фуа тем, кто обвинил его в том,
 что он поддерживал очаг ереси в крепости Монсегюр:*

«Пик Монсегюр? У меня нет на этот замок
 никаких прав, нет над ним никакой власти:
 он мне не принадлежит.

Моя сестра? Зло ее коснулось. Она стала грешницей.
 Она, конечно, виновата. Она, но не я, сеньор.
 Имела ли она право жить на наших землях?

Да. Я дал клятву умирающему отцу
 и был обязан принять брата или сестру,
 оказавшихся без крова, дать им
 пищу и согреть, если они останутся без средств.

[...]

Теперь епископ [Фульк], смотрите, как ожесточенно
 он принижает мою веру! Он этим Бога оскорбляет!
 Ему не привыкать, он накопал
 столько жалких песен, столько бездарных стихов,
 столько строк, хромящих, словно черт на ухабистой
 дороге!

[Намек на то, что епископ прежде, чем сделаться
 священнослужителем, был трубадуром.]

Мы думали, что кормим слугу Господа,
 но мы, мессеры, всего лишь откормили жонглера.

Он был настоятелем. Его монастырь захирел.
Он его покинул — и, клянусь Богом, свет воссиял!
Затем его избрали епископом Тулузским:
и край тотчас запылал. Адский огонь!
В этом костре уже погибли пятьсот тысяч душ».

Различные высказывания о графе Раймонде VI Тулузском:

«Вокруг папы их собралось около трехсот — клириков, епископов, кардиналов, архиепископов. Все говорили: «Можешь ли ты опровергнуть слова твоих сынов, утверждающих, что Раймонд Тулузский — безнравственный язычник, бессердечный развратник, недостойный того, чтобы править?»

Среди кардиналов встал архидиакон из Лиона на Роне и сурово сказал им:

«Эти слова, сеньоры, оскорбление Господу!
Вы забыли, что Раймонд взял крест?

Он во всем поступал, как покорный сын.

Клеветать на человека, которого следует поддерживать и любить отеческой любовью, — какой грех! какой позор!

А вы, епископ Фульк, хотя на миг подумали о страшном действии ваших наставлений?

Ваши проповеди безжалостны, злы, резки, плохи, ежедневно причиняют боль пятистам тысячам душ.

Поклялись ли вы на святых мощах
Во всем помогать Монфору?»

(ПКП, 144—148)

Как мы можем убедиться, читая отчет об этой стадии собора в «Песни о крестовом походе», граф Раймонд VI Тулузский, присутствовавший там в числе вельмож вместе со своим сыном, Раймондом VII Младшим, не снизошел до того, чтобы самому выступить в

собственную защиту: он предоставил этот труд своему вассалу, графу Раймонду-Роже де Фуа, который, твердо ступая, медленными шагами приближался к папе Иннокентию III, в то время как «гул разговоров» прелатов, кардиналов, принцев крови постепенно стих, и в насто-роженной, должно быть, тишине раздался низкий, мед-лительный голос вассала, которому предстояло защи-тить права своего сюзерена.

Раймонд-Роже де Фуа начал свою речь с того, что призвал всех пожалеть сына графа Тулузского, которо-му было тогда всего восемнадцать лет¹ и которого обви-нительный приговор, вынесенный отцу, Раймонду VI, лишал земли его предков, отнятой у него в пользу Мон-фора. Разве его отец не исполнил своих обязательств и не передал в руки папы свои феоды в Тулузе, Монтоба-не и Провансе ради того, чтобы в Лангедоке наконец воцарился мир? И что с ними стало? Его земли были отданы Монфору, этому «жестокому человеку, который повсюду сеет смерть и муки, грабит, угнетает, убивает, опустошает, уничтожает без жалости все живое там, где пройдет» (ПКП, 144). И это еще не все: сам граф де Фуа, положившись на обещание папы, отдал собст-венный замок папскому легату, кардиналу Пьеру де Бе-невану, одновременно с тем, как покорился Церкви², сдал «с хлебом, вином, дичью, зерном и родниками с чистой водой», однако кардинал ему замка не вернул.

«Если мой замок не будет мне возвращен, — заключил граф, — кто же отныне сможет доверять данному слову?»

Папа Иннокентий III повернулся к своему легату, кардиналу де Бевану — ему не надо было ждать вопро-

¹ Раймонд VII, родившийся в 1197 году в Бокере и умерший в 1249 году, совсем юным женился на сестре короля Арагонского и стал последним из графов Тулузских.

² Как мы видим, у него были для того основания.

са, ибо, как говорится в «Песни о крестовом походе», ответ был уже у него на устах, — и тот произнес: «Граф говорит правду, святой отец. Он передал мне свои владения, и я доверил их мессииру настоятелю Сен-Тьерри, который у меня на глазах впустил туда наших людей».

Упомянутые люди были попросту рыцарями-крестоносцами Монфора, на которых граф де Фуа намерен был излить горечь и злость:

«[...] Эти злые разбойники,
эти бездельники-крестоносцы, пожелавшие все у меня
отнять,
все это правда; те, кого я встречал,
никогда этого не забудут: все они хромые, безрукие, слепые,
если не умерли. И я жалею об одном:
что позволил сбежать трусам из этой шайки».

(ПКП, 145)

Его слова всколыхнули волнение и ропот в рядах участников собора. Затем в большом зале папского дворца понемногу вновь установилась тишина, и папа звучным голосом обратился к графу де Фуа: «Сурово ты обошелся с нами, граф, но ты хорошо держался; если ты не виноват, мы вернем тебе твои земли и твой замок, а если грешен, Церковь примет тебя с состраданием, как принимает всех грешников».

Затем, когда Иннокентий III после нескольких умиротворяющих речей уже собирался закрыть заседание, один из рыцарей, некогда сражавшийся бок о бок со своим сеньором в Каркассоне, рыцарь де Рокфей, обратился к папе: «Высокопочтимый святой отец, прояви милосердие к сыну достойного виконта Каркассонского¹, к несчастью, умершего в темнице, куда бросили его крестоносцы: его отца убили, и было бы справедливо, если бы

¹ Лишившегося своего титула после взятия Каркассона Монфором.

ты вернул ему каркассонские земли; если ты не согласишься это сделать, твоя душа будет отвечать за его грехи.

Вокруг стали перешептываться. «Хорошо сказано!» — одобряли одни. «Какая дерзость!» — возмущались другие.

«Да свершится правосудие», — ответил им папа.

И с этими словами, которые, как он полагал, несли в себе примирение, закрыл заседание, после чего удалился в свои покои, дабы отдохнуть там и подумать.

Спор же длился еще долгое время и не склонил чашу весов окончательно на сторону крестоносцев, чем и объясняется то обстоятельство, что Пьер де Во-де-Серне лишь вскользь упоминает об этом последнем эпизоде собора. К великому счастью для историков, анонимный автор второй части «Песни о крестовом походе», в отличие от него, подробно описывает произошедшее (лесты со 147 по 150). Теперь мы перечислим основные моменты финала этого собора, для большей ясности их пронумеровав:

1. Прелаты идут следом за папой в сад, жестоко злословят на счет графов Лангедокских и советуют обернуть дело в пользу Монфора. «Если ты вернешь этим южным графам их владения, мы пропали; доверь их Симону де Монфору, и мы спасены», — говорили они. Иннокентий III на это ответил без объяснений: «Молчите, мне надо подумать».

2. Папа открыл Священное Писание, перелистал страницы, выбрал наугад фразу, которая подсказала ему решение, и объявил участникам собора, что его выбор сделан:

«Сеньоры, вот что я думаю: граф Тулузский — добрый католик, и потому было бы несправедливо и неразумно отнять у него его земли. Зато я считаю, что следует отдать Монфору владения еретиков, от Роны до Пиренеев и от Пюи до Ниора».

(ПКП, 147)

Кардиналы и прочие прелаты с готовностью поддержали это решение, которое никого не ущемляло, разве что еретиков.

3. Тогда епископ Фульк Тулузский «склонившись, медоточивым голосом» (ПКП, 148), высказал замечание: «Папа, добрый мой господин, твой приговор несправедлив, ибо, разделяя земли Лангедока на земли еретиков и земли по видимости христианские, ты обираешь графа Симона де Монфора, лишаешь победителя завоеванного им: например, ты отнимаешь у него Монтобан и Тулузу, что неразумно, тем более что твое решение ставит в более выгодное положение графа Тулузского под тем предлогом, что ты считаешь его добрым и верным католиком, и так же ты решаешь поступить с графом де Фуа и графом де Комменжем, которых тоже считаешь добрыми христианами! Так вот, добрый мой сеньор папа, оставь мелочные счеты, доверь все эти земли безраздельно Симону, честно их заслужившему. Ибо среди всех этих людей с Юга, которых ты считаешь христианами, нет ни одного, который снизошел бы до того, чтобы сразаться с ересью, и для этого тебе пришлось звать рыцаря из северной Франции, благородного графа де Монфора».

Заканчивает Фульк такими словами:

«Предпочесть этих разбойников Монфору означало бы утратить сердце и разум, лепетать душой!»

4. Епископ Оша поддержал предложение епископа Тулузского. «Отнять тулузские владения у Монфора, — сказал он папе, — стало бы большой глупостью, которая подорвала бы уважение к тебе, как подорвала бы уважение к нам, твоим духовным детям, твердящим повсюду, что Раймонд — распутный язычник, развратник, недостойный того, чтобы править».

5. От группы кардиналов отделился архидиакон Лионский, который встал на сторону папы и сурово обратился к остальным: «Эти слова, братья мои, оскорбляют

Бога. Не забывайте о том, что граф Раймонд взял крест и что он во всем поступал как послушный сын Церкви: стыдно клеветать на такого человека, как он, человека, которого надо уважать и поддерживать!»

6. Встретив такой отпор, папа римский понял, что, если он не найдет серьезных прегрешений, в которых мог бы упрекнуть графа Раймонда VI, он не сможет, не вызвав негодования, отнять у него его владения, и попытался успокоить собравшихся. «Друзья, — сказал он, — если на наших землях были несправедливо посеяны страдание и ненависть, это произошло против моей воли. Теперь я прошу вас усмирить вашу ярость и ненависть и выслушать меня: никогда я не говорил, Господь Всемогуший, что мессир Раймонд заслуживает того, чтобы его разорили. Мы должны принять его как раскаивающегося грешника; поступил ли граф Раймонд дурно пред лицом Божиим или же его несправедливо оклеветали невежественные глупцы, он явился ко мне сокрушенный и глубоко осознавший свои грехи, подобно сыну, повинующемуся отцовскому приказу и заслуживающему прощения». — С этими словами папа, ища поддержки, повернулся к Арнауту Амори, бывшему настоятелю Сито, первому вдохновителю крестового похода, сделавшемуся в 1212 году архиепископом Нарбоннским, и попросил его высказаться.

«Мой кроткий и добрый сеньор папа, — произнес архиепископ Амори, — ты прав; суди, как подсказывает тебе сердце, и правь без страха: никто не сможет заставить тебя уклониться от твоего пути».

И тогда уста папы Иннокентия III проронили ясный и четкий, подобно лезвию ножа, приговор: «Дело решено, сеньоры: граф Тулузский — добрый христианин».

Затем Иннокентий III прибавил, возможно, для того, чтобы облегчить душу, но и для того, чтобы оправдать свое решение:

«Зачем нам отдавать эти земли Монфору?

[...]

Может быть, Раймонд VI тяжко согрешил перед Богом, но он раскаялся. Тому, кто отвергнет заблуждение, я не могу отказать ни в приеме, ни в прощении.

И потому меня удивляет ваше упорное желание лишить его законных владений.

Ни закон, ни мое сердце не на вашей стороне».

(ПКП, 149)

7. После этого завязался долгий разговор между папой Иннокентием III и участниками собора. Первый доказывал, что, отдав Монфору земли графа Раймонда VI, опоры еретиков, — хотя это можно было бы воспринимать как справедливое наказание, — тем самым лишили бы этих владений его ни в чем не повинного сына, будущего Раймонда VII, которому тогда едва исполнилось восемнадцать лет. Это было бы несправедливо и противоречило бы миссии Церкви, состоящей прежде всего в том, чтобы защищать невинных и бедных, а вовсе не еще более обогащать богатых. Тем не менее наиболее влиятельные особы встали на сторону Монфора, и мэтр Тедиз, один из самых ученых клириков в этом собрании, изложил их аргументы: «Монфор — добрый христианин, он защищает Крест и выкашивает сорную траву ереси, тулузская земля должна принадлежать ему».

На это папа твердо ответил:

«Нет, мэтр, мессир Монфор вслепую рубит, без разбору убивает христиан и грешников-еретиков. Каждый месяц я получаю жалобы от наших чад, несправедливо разоренных. Я очень опасюсь, как бы Симон не принизил веру и не усугубил наших бед».

(ПКП, 149)

После этих слов среди участников собора поднялся ропот. Все громко кричали и возмущались: Монфор в Каркассоне, где он теперь пребывает, сражается с исчадиями ада, он гонит прочь из страны наемников и нечестивцев, возвращает католикам то, что им причитается; с помощью Христа он отвоевал Ажан, Тулузу, Монтобан, Альбижуа, Керси и графство Фуа, и он так много сделал во славу Божию, что теперь нельзя оспорить у него с таким трудом добытые владения. Этой слепой ярости папа старался противопоставить евангельское милосердие.

«Сколько злобной ярости, сколько гордыни я слышу в ваших речах, господа! Нам, собравшимся здесь ради того, чтобы послужить божественному правосудию, следует остерегаться впасть в грех гордыни. Я не считаю сира Раймонда виновным, но даже если собор решит, что он виновен, разве должен от этого пострадать его юный сын? Разве Господь наш не сказал, что сына нельзя наказывать за грех отца? Это слова Господа нашего Иисуса, а стало быть, наш закон. Найдется ли среди вас христианин, насколько одержимый гордыней или настолько безрассудный, чтобы оспорить подобную заповедь? Вспомните: когда первые крестоносцы залили Безье кровью и подожгли, тулузский наследник был еще ребенком, не понимавшим смысла слов «добро» и «зло», землям и графствам он предпочитал тогда птиц, которых в этом возрасте любят вынимать из гнезд, лазил по деревьям и стрелял из лука. И теперь вы хотите, отняв у него все его наследство, довести его до нищеты? Заставить просить подаяния у чужих дверей? Неужели вы этого хотите, братья мои? Какая недостойная участь для невинного! Смерть лучше стократ: этот юноша создан не для того, чтобы протягивать руку, но для того, чтобы давать самому».

Если верить тексту «Песни о крестовом походе», красноречие папы не произвело никакого впечатления на собравшихся, и отовсюду слышались голоса:

«Сир, предоставьте отца и сына их судьбе!
Будьте сильны! Полностью доверьтесь
Симону де Монфору!»

(ПКП, 149)

Первая часть обсуждения завершилась этими словами, и надо заметить, что ни разу за время собора речь не шла о ереси, о ней не упоминали ни ради того, чтобы ее определить, ни для того, чтобы осудить, ни для того, чтобы прославить. Вскоре должен был прозвучать приговор. Папе предстояло произнести его в присутствии, среди прочих, архиепископа Йоркского, поскольку тогда еще несовершеннолетний сын графа Тулузского был в то же время племянником английского короля Иоанна Безземельного (сына короля Генриха II Плантагенета и Алиеноры Аквитанской, брата Жанны Английской, ставшей женой Раймонда VI).

Бароны, стало быть, я должен уступить, — ответил он, — пусть Монфор правит, если может, завоеванным краем. Я больше не потерплю ваших нестройных проповедей.

(ПКП, 150)

Однако последнее слово произнес архиепископ Йоркский, и он был настроен весьма безрадостно.

«Святой отец, истинный спаситель, — сказал прелат, — я очень боюсь, что Монфор, несмотря на усердную помощь сира Ги, его брата, и епископа Фулька, устанавливает свою власть на зыбучих песках, ибо сын Раймонда, благородный племянник короля [Англии], не лишен возможности требовать признания своих прав».

(ПКП, 150)

Епископ Йоркский, как покажет дальнейший ход событий, предвидел верно. Тем не менее участники собора путем голосования заставили папу лишить Раймон-

да VI его владений и передать все его имущество и титулы Монфору. В апреле 1216 года французский король утвердит титулы герцога Нарбоннского и графа Тулузского. Раймонд VI утратил практически все свои владения, а граф де Фуа был «ободран до костей», как говорится в «Песни о крестовом походе». Тот и другой решили в последний раз поведать о том, в какое смятение привела их такая несправедливость; здесь следует прочесть строки, которые посвятил их горестям автор «Песни о крестовом походе» (лессы 151 и 152), поскольку они помогут нам понять, с каким неистовством жители Лангедока, в особенности тулузцы, отстаивали не столько свою веру — многие из них не примкнули к катарской ереси и остались добрыми католиками, — но свою независимость, свою культуру и свой язык. С этой точки зрения альбигойское восстание представляется в куда большей степени явлением, предшествующим современным антиколониальным и националистическим восстаниям, какими были когда-то восстание индийцев против англичан во времена Ганди или алжирское восстание против французской колониальной политики полвека назад.

А теперь вернемся к окончательному приговору, вынесенному папой Иннокентием III в конце Латеранского собора. Сказав, что ему приходится подчиниться («Пусть Монфор правит, если может, страной, которую завоевал»), папа прибавил, обращаясь к графу:

«Держись, я знаю свой долг,
дай мне подумать, Правосудие свершится.
Я верну тебе твое добро, если оно было отнято
несправедливо.

[...]

Если Господь сохранит мне жизнь и позволит мне править
по сердцу, твои права будут вскоре тебе возвращены.
Тебе не придется жаловаться ни на меня, ни на Него.

Что до дурных прелатов, меня принудивших,
они еще увидят, эти разбойники, каково иметь со мной дело.
Хотел бы я, чтобы ты покинул меня с уверенностью,
что всякое правое дело — Божье дело!

Оставь сына в Риме. Доверь его мне
на время, пока я найду для него подходящие земли!»

«Сир, — отвечал граф, — твоей святой доброте
я вверяю себя самого, моего сына и мое добро».

Тогда Раймонд-Роже де Фуа взмолился, стал просить
папу вернуть ему его добро. «Хорошо, — ответил тот. —
Храни вас Господь, сеньоры». И простился с ними.

Граф и его сын со вздохом обнялись:

один оставался [*в Риме*], другой уезжал. Мессир тулузский
с первыми лучами солнца покинул святой город.

Он остановился в Витербе¹, где праздновали Рождество.

К ночи к нему присоединился Раймонд-Роже де Фуа.

Оба отпраздновали там рождение божественного младенца,
затем граф отправился в собор Сан-Марко, в Венецию,
помолиться на могиле, в которой покоится евангелист.

Наконец, он прибыл в Геную, где стал ждать сына,
оставшегося при папе.

(ПКП, 151)

Поездка в Рим тулузского наследника, лишенного
своего феодального наследия, не пропала даром: взамен
утраченных им владений папа, «желая утолить его го-
лод», подарил ему Бокер, землю Аржанса (между Ни-
мом, Авиньоном и Арлем) в Венессене и, делая это, ска-
зал ему: «До тех пор, пока мы не увидим, заслуживаешь
ли ты большего, Симон будет править всем остальным».

Юный Раймонд VII отказался.

«Святой отец, — непреклонно произнес он, — мне
нестерпимо делить мою землю с этим человеком, Иисус

¹ Главный город итальянской провинции, расположенный напода-
леку от Рима.

не может такого допустить; отныне оба мы можем жить лишь ради того, чтобы победить или умереть: один будет править на земле, другой опустится в гробу на глубину нескольких футов. Мне ничего от тебя не надо, кроме твоего благословения и страны, которую я завоюю».

«После самой непроглядной ночи наступает рассвет, — ответил ему на это папа Иннокентий III, — не забывай об этом, и да сопровождает тебя повсюду сладчайший Иисус, пусть Он исполнит твои желания и охранит тебя от всякого зла».

И вот в конце февраля 1216 года Раймонд VII, сын графа Тулузского, скачет во весь опор по дороге, ведущей из Рима в Геную, где ждет его отец, Раймонд VI. Ему не терпится снова вдохнуть благоухание Прованса и услышать стрекотание первых весенних цикад. Он летел вперед, с развевающимися на ветру волосами, но на сердце и на душе у него было тяжело: впервые в истории Церкви и христианства довод силы — обычная военная победа в Мюре — превратилась в истину веры, и графы Тулузские, отец и сын, утратили со своими обширными наследственными владениями Прованса и Лангедока лучшие феоды Франции. Чем не повод начать войну и постараться их вернуть!

ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА:
ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ,
ПРОВАНС И ТУЛУЗА

(февраль 1216 г. — сентябрь 1217 г.)

В феврале 1216 года, прибыв из Рима, где состоялся собор, и проехав через Геную, граф Тулузский, Раймонд VI, которому пошел тогда седьмой десяток, и его сын, Раймонд VII, которому едва исполнилось девятнадцать, добрались до Марселя по приморской дороге, которую мы сегодня называем «La Basse Corniche», нижней горной дорогой или горным карнизом, и которая в то время была всего-навсего каменистой тропой среди скал. Несомненно, ехали они верхом, и вполне возможно, что их сопровождал небольшой вооруженный эскорт. Шумная и многочисленная толпа радостно встретила графа Тулузского и его сына, и те расположились в некоем «замке Толоне». Во всяком случае, именно это поведал нам анонимный продолжатель, взявший перо из рук Гильема из Туделы и на всем протяжении второй части «Песни о крестовом походе» остававшийся на стороне жителей Лангедока:

В Марселе, на дороге, идущей над морем,
народ шумно и радостно их приветствовал.
Граф поселился в замке Толоне
и три дня там отдыхал.

(ПКП, 153)

Пьер де Во-де-Серне, который, как мы уже говорили, склоняется на сторону крестоносцев, в своей «Альбигойской истории» излагает нам ход событий менее восторженно:

«В то время, когда благородный граф де Монфор был на севере Франции, юный Раймонд, сын бывшего графа Тулузского, решительно нарушив папские распоряжения, [...] отправился в Прованс и с помощью нескольких провансальских сеньоров завладел всеми землями, которые сеньор папа доверил беречь благородному графу де Монфору».

(АИ, 574)

Кому из них верить? Поэту-националисту, льстящему окситанцам, или в некотором роде официальному летописцу крестового похода? У нас нет никакой возможности в этом разобраться, но первая версия представляется более правдоподобной: марсельцы и тулузцы были подданными одного и того же сеньора (графа Раймонда); у них не было никаких оснований для того, чтобы сделаться сторонниками крестоносцев Монфора, тем более что катарская ересь, похоже, не распространилась в Провансе так, как она расцвела среди тулузцев.

Как бы там ни было, легко представить, что Раймонд VI, постаревший, измученный душевно тяжкими днями собора, которые ему пришлось пережить, и физически — только что проделанным долгим путем от Рима до Марсея, обрадовался, когда его с чисто южной теплотой встретили провансальские сеньоры. Утратив свои земли, перешедшие к Монфору, и в первую очередь свое прекрасное тулузское графство, претерпев нравственные муки в Риме во время собора, он оценил прием, который оказал ему от имени населения Авиньона наиболее знатный его житель, мэтр Арнаут Одежье,

«с сердцем чистым, как золото», как сказано в «Песни о крестовом походе», явившийся обещать сеньору свою поддержку, едва тот прибыл в большой южный город.

Могущественный сеньор, мы отдаем вам наши жизни,
вам и вашему сыну, достойному преемнику ваших предков.
Наш город принадлежит вам. Вам принадлежим мы сами,
наши дома, наши сады, наши крепостные стены
и ключи от ворот. Сир, мы сильны,

[...]

Тысяча истинных рыцарей, исполненных отваги,
и сто тысяч горожан¹, преданных вам и при оружии,
готовы вам служить, сражаться и умереть.

Отныне для них есть одно дело: ваше.

Правьте Провансом, и мы будем чтить

ваши права сеньора, платить подати, налоги, пошлины.

(ПКП, 153)

Ободренный этими словами, граф Тулузский назавтра же после своего прибытия в Марсель отправил гонцов в сопровождении немногочисленной охраны к арагонскому королю Хайме (Иакову) I, сыну Педро II, с просьбой прислать свежие войска подкрепления для боя, который он намеревался дать, чтобы освободить Тулузу от крестоносцев. Старый граф вместе со своим юным сыном Раймондом в сопровождении маленького, наспех собранного войска провансальских рыцарей двинулся в сторону Гаскони. В сумерках, усталый, но счастливый, он въехал в Салон-де-Прованс, где решил заночевать.

В последующие недели это единое и оказавшееся под хорошим командованием провансальское войско будет отвоевывать для двух Раймондов Тулузских, отца и сына, одну за другой все крепости юго-востока. Благодаря

¹ Число явно завышенное: в то время в Авиньоне должно было быть самое большее двадцать тысяч жителей.

«Песни о крестовом походе» мы способны восстановить различные этапы этой долгой реконкисты, все же далекой от того, чтобы стать эпопеей; созданная здесь картина альбигойского крестового похода очень далека от изображений разграбления Безье или каркассонской резни 1209 года. Ниже мы перескажем основные его эпизоды.

1. АВИНЬОН

(*март 1216 г.*)

Раймонд VI, его сын Раймонд VII и их скромная армия провансальских рыцарей выехали из Салона «нарядным утром», под пение птиц, среди едва распустившихся цветов — пришла весна. Бароны по двое скакали по равнине, впереди — молодой граф, рядом с ним — рыцарь-трубадур Ги де Кавайон.

«Вот и настало время вернуть честь, которую попрали солдаты Монфора, — сказал ему трубадур, когда они выезжали из Салона-де-Прованс, — и это вам придется ее возродить, сир Раймонд».

«Ги, ваши слова согрели мне душу; знайте, что, если, как я на то надеюсь, Монфор вернет нам Тулузу, никто больше никогда не запятнает нашей чести, ибо, поверьте мне, я никого не страшусь в этом мире, кроме Церкви, и, если наши враги сделаются тиграми, я обращусь в льва».

Так они, беседуя, продвигались вперед до тех пор, пока в непроглядной ночи не показались очертания стен Авиньона, куда оба Раймонда вступили под приветственные крики жителей города, в ожидании их прибытия не ложившихся спать. Народ встретил их возгласами: «Слава Тулузе!»; наиболее пылкие авиньонцы даже преклонили колени, и глаза их были полны слез. Оба тулузских графа проследовали в церковь, помолились, после чего уселись за роскошный пиршественный стол и с недюжинным аппетитом принялись уписывать мясо и

рыбу под маслянистыми соусами, запивая их приправленными гвоздикой добрыми винами и поглядывая на собравшихся услаждать их слух и зрение певцов, жонглеров и плясунов.

На следующее утро — день был воскресный — все именитые жители города по собственной воле поспешили явиться и принести им клятву верности. «Ведите нас, мы повсюду будем следовать за вами», — сказали они, и Раймонд VI им ответил: «С Божьей помощью я исполню ваши желания и обогашу вас!» Затем, после краткого совещания со своими рыцарями, он простился с городом и направился в Оранж, чтобы предложить договор о честной взаимопомощи своему сеньору, Гильему де Бо, а оттуда двинулся в Арагон. В последующие дни его сын Раймонд VII побывал в Венессене и разместил гарнизоны во всех значительных провансальских городах. Но над краем, по которому он неустанно рыскал, снова собрались тучи предательства, гибели и кровавых гроз. Сеньоры Алеса, Бо, Нима, Куртезона, Бокера и Монтелимара восстали против Раймонда VII, отказываясь его признать, но молодой граф, хотя ему было тогда всего девятнадцать лет, умел за себя постоять, был отважен и упорен. Тем временем его отец, «старый Раймонд», как назван он в «Песни о крестовом походе», направился в поисках союзников и подкрепления в Арагон и Испанию.

«Доверяю вам сына, — сказал он своим рыцарям, — будьте ему помощниками, советчиками, братьями; эта война настолько же ваша, насколько его. И помните, что вы должны быть благодарны марсельцам и авиньонцам, которые так хорошо нас приняли и помогли нам: они вам понадобятся, ведь без них, если они не придут, вам не взять Бокер, нашу следующую крепость, которая в начале 1215 года перешла под власть Монфора и его крестоносцев».

«Прощайте, отец, — сказал ему растроганный Раймонд VII Младший, — заявите королю Арагонскому о своих правах и не забывайте тулузский народ: он благороден и сумеет за вас отомстить».

Отец обнял сына, снова вскочил на коня и галопом погнался в сторону Испании, а Раймонд VII тем временем тайно отдал своим спутникам приказ двигаться к Бокеру.

2. БОКЕР

(начало июня 1216 г.)

Укрепленный замок Бокер был выстроен на скалистой площадке, возвышающейся над Роной. Его охраняли лодочники, преграждавшие к нему доступ и обеспечивавшие снабжение водой. Перед тем как расстаться с сыном, Раймонд VI посоветовал ему приблизиться к основанию этой площадки, вплотную прижавшись к стенам, и, если удастся, безжалостно убить стражу. «Лишившись воды, — сказал он ему, — Бокер падет». И вот, едва отец уехал, молодой граф Тулузский собрал нескольких тарасконских лодочников; их лодки, проскользнув среди длинных судов, спускавшихся по Роне, пересекли реку и доставили его вместе с его людьми к подножию укреплений Бокера. Жители города, узнав тулузские флаги и разгадав уловку, рассыпались по улицам с криками: «Наш господин граф вошел в город! Французы покинут наши стены! Какая радость!»

Раймонд VII вошел в Бокер без боя, его бароны проложили ему путь среди ликующей толпы, и все отравились отдыхать в домах, предоставленных в их распоряжение. Но радость и победителей, и населения Бокера, которое так дружески их приветствовало, вскоре угасла: правитель города, которым был один из приближенных Монфора, сенешаль Ламбер де Лиму, уже нам знакомый, созвал своих наемников, и те во-

рвались в Бокер с криками: «Ура Монфору! Да здравствует Монфор!» Тулузские бароны заспешили, принялись выкрикивать приказания своим людям, развернули знамена и двинулись прямо на врага под крики: «Тулуза — наша!» Скрещивались дротики, копья, топоры и мечи, дождем сыпались стрелы и камни, ломались щиты, на шлемах появлялись вмятины. Вскоре гарнизон крестоносцев, который Монфор оставил в городе, чтобы его защищать, укрылся в верхней части замка, и тулузцы начали осаду.

Теперь положение осложнилось. Осажденные посылали гонцов к Симону де Монфору, но тот был за пределами Франции — он неспешно возвращался после Латеранского собора. В Бокер освобождать крестоносцев поспешили брат «благородного графа», Ги, и его сын Амори. Сам Симон де Монфор прибыл туда лишь 6 июня 1216 года с небольшим войском, и в течение двух месяцев противник изматывал его силы.

Узнав о том, что Раймонд VI вернулся из Испании и перешел Пиренеи, Монфор решил вступить в переговоры с его сыном, в котором «благородный граф» надеялся найти более сговорчивого собеседника, считая, что того легче будет убедить. Он предложил Раймонду VII снять осаду Бокера, в обмен обещав сохранить жизнь его солдатам. Юноша с радостью согласился: ему было всего девятнадцать лет, он в жизни своей не воевал и только что одержал победу над величайшим воином христианского мира... который годился ему в деды!

Акт о капитуляции был подписан 24 августа 1216 года, и Бокер начиная с этого дня стал частью тулузских владений: это было первое поражение или, по крайней мере, первая неудача Монфора и его людей в начавшемся семью годами раньше крестовом походе.

За пять недель до подписания этого акта, 16 июля

1216 года, умер папа Иннокентий III. На папском престоле его сменил кардинал Ченчо Савелли, который будет править церковью с 1216 по 1227 год под именем Гонория III.

3. ТУЛУЗА

(начало сентября — ноябрь 1216 г.)

Итак, донжон Бокера остался в руках молодого графа Раймонда VII Тулузского, который был разумен, смел и знатного рода, доводился родней королю Франции и королю Англии. Что касается Монфора, тот удалился, пылая яростью, оставив в Бокере своих мулов, арабских скакунов и остатки прежней добычи; твердо решив отыграть за свое поражение, он предпочел начать военные действия на землях своего тулузского врага. В начале сентября 1216 года он собрал французские войска, рассеянные по юго-западу, и отдал всем приказ: «Встречаемся в Монжискаре¹ через три дня и идем к Тулузе».

После бешеной трехдневной скачки войска французских крестоносцев, вооруженных с ног до головы, в боевом порядке подошли к крепостным стенам Тулузы, размахивая знаменами и угрожающе выставив копья. У ворот города — самого большого во всем французском королевстве после Парижа — их ждали богатые горожане и рыцари. Они без страха приблизились к Симону де Монфору, поклонились ему и спокойно сказали: «Господин граф Монфор, почему вы идете к нам с воинственными намерениями? Что мы сделали, чем навлекли на себя ваше недовольство? Вы даровали мир нашему городу, но видя вас таким, в доспехах и в сопровождении всех ваших рыцарей, мы подумали, что вы позабыли свое обещание; почему бы вам не войти в наш

¹ Деревня приблизительно в 35 километрах от Тулузы.

город без шлема и кольчуги, в шитом золотом пурпуэне вместо того, чтобы приближаться к нашим стенам подобно разъяренному льву?»

«Благородный граф» ответил им в грубых выражениях, которые повторяет или выдумывает автор второй части «Песни о крестовом походе» (лесса 171):

«Довольно болтать вздор, добрые люди! — будто бы крикнул он, не спешиваясь. — Этот город принадлежит мне, и я прихожу сюда когда и как захочу. Вы и ваш граф причинили мне большой ущерб, и вы об этом сильно пожалеете. Ваши бароны только что украли у меня Бокер, Прованс, графство Венессен и Валентинуа; за один только месяц я получил больше двадцати донесений и свидетельств, в которых говорится о подлом предательстве вашего графа, так что я, Монфор, всех вас считаю виновными. Я знаю, вы все подстроили так, чтобы старик Раймонд вернулся в Тулузу и выгнал меня оттуда, и я заставляю вас за это поплатиться. Клянусь Святым Крестом — так же верно, как то, что меня зовут Монфор, верно и то, что я расстанусь с этим шлемом и этой кольчугой лишь тогда, когда вы отдадите мне в заложники самых богатых ваших горожан, и горе тому, кто осмелится мне противоречить!»

Именитые тулузцы, дрожа, молили и все отрицали: в их сердцах, уверяли они, нет ни на грош лукавства, они не устраивали заговоров с целью погубить графа де Монфора, а те, кто донес до него эти лживые известия, — зловердные создания.

«Вы отъявленные лицемеры, — ответил им Монфор, — я знаю, что ни один из вас меня не уважает и что вы радовались бы, если бы я утратил свое графство... Право слово! вы что же, Монфора не знаете?»

Сопровождавшие графа рыцари попытались его успокоить.

«Остерегайтесь, граф, — сказал ему один из них, Од-

ри Фламандец, — тулузцы горды, и унижать их так, как вы сейчас это сделали, означает подвергать себя смертельной опасности: играя в эту игру, вы рискуете оказаться под землей».

«Сеньор рыцарь, — отвечал Монфор, — у меня нет выбора. У меня в кармане не осталось ни гроша, я вложил все, что у меня было, в крестовый поход, и те крестоносцы, которые последовали за мной, не богаче меня; Тулуза — богатый город, я, должно быть, найду здесь, чем заплатить моим солдатам и моим людям: все они бедны, и, боюсь, если я этого не сделаю, они меня покинут. Так что пусть глупая болтовня этих тулузцев немедленно смолкнет: сражаюсь-то я, а не эти размазни. Пусть их схватят и отправят гнить в подвалах нарбоннского замка, а мы тем временем поживимся их имуществом; когда наш кошель наполнится, мы снова отправимся сражаться в Прованс. Но пусть они знают: перед тем мы разграбим этот город и, поскольку граф Тулузский и тулузцы только что украли у меня Прованс, я снова его отвоюю на их деньги».

Симон был вне себя от ярости и готов на все. Его брат Ги де Монфор, присоединившийся к нему у Бокера, попытался его успокоить и вразумить¹.

«Брат, — сказал он ему, — послушайте меня, тулузцы богаты, это правда. Так заберите у них пятую часть их богатства или даже четверть, и никто не будет на вас в обиде; но не разоряйте этот город, после Парижа прекраснейший во всем французском королевстве. Разрушив его, вы богаче не станете; напротив, и вы потеряете честь, и славе Божией это не послужит».

¹ Следующий за этим диалог — чисто лингвистическая адаптация, пересказ на современном французском языке того, что сказано в «Песни о крестовом походе»; мы бережно сохранили психологическую основу.

«Брат, — отвечал ему Монфор, — мои люди грозятся разойтись по домам, если я им не заплачу, и у меня нет ни малейших причин щадить Тулузу: тулузцы меня ненавидят, это всем известно, с самого начала крестового похода... Я собираю здесь много денег, и вскоре падут и Бокер, и Авиньон».

Тогда вмешался тулузский законник, мэтр Робер. Он тоже попытался образумить «благородного графа»: «Мессир граф, давайте поговорим начистоту. Кажется, вы забыли, что этот край был доверен вам папой и что вы действуете здесь от его имени; если вы заденете правосудие и право, то обесчестите Церковь Христову. Если тулузцы говорят, что они невиновны, вы не имеете права без суда отнимать у них имущество. Недостаточно обвинить их, прежде чем их наказывать, надо доказать, что они поступили плохо».

Тем временем Фульк, епископ Тулузский, последовавший за Монфором в Бокер, расхаживал по городским улицам и строго внушал его жителям: Встречайте же радостно и приветливо графа де Монфора и льва, украшающего его знамя! Откройте безропотно двери своих домов его людям, продайте им то, что они просят, будьте уверены, они хорошо вам заплатят, это не рейтары, не наемники, это честные люди, которые и кружки воды не украдут у ближнего!»

Однако по переулкам Тулузы пополз слух, будто граф де Монфор требует выдать ему заложников. Слух был небезосновательным, поскольку улицы заполнились крестonosцами. Они вламывались во все дома, оттесняли хозяев, тыкали им в лицо мечом и орали: «Выкуп или жизнь, тулузский житель, наш благородный граф шутить не расположен, открывайте кошельки и сундуки!» Женщины и дети разбегались в слезах и с громким плачем, сбивались в кучки на площади, а ошеломленные мужчины ворчали. «Надо это видеть своими глазами,

чтобы поверить: граф с нами обходится как фараон поступал с Моисеем и евреями в Египте!» Внезапно со всех сторон послышался один и тот же крик: «К оружию, добрые люди, проснитесь, лев Монфор выпустил когти!» И вскоре из всех домов Тулузы вышли рыцари, городские обыватели или ополченцы, в кожаной одежде, с железными шлемами на головах, вооруженные острыми топорами, серпами, тесаками, арбалетами, ручными луками. Они возвели баррикады у дверей своих домов, и завязался кровавый уличный бой. «Монфор!» — вопили крестоносцы, сзывая своих пехотинцев, а противники им в ответ: «Тулуза наша!» или «Бокер! Авиньон!» Весь город превратился в огромную кровавую свалку, в которой мелькали мечи, копья, пики, топоры, стрелы, ножи, палки; те, у кого не было оружия, дрались досками или кидались камнями. Тулузцы упорно отстаивали свою жизнь и свои права, пядь за пядью защищая город, где иные дома уже были объаты пламенем; они рыли канавы и возводили баррикады.

Бароны Монфора отступали под ударами: не так многочисленно было его войско, чтобы сопротивляться подобной ярости. Но их предводитель, «благородный граф», бросил не слишком благородный клич: «Поджигайте все!» (ПКП, 172). Тотчас в еврейском квартале города запылали факелы и головни; французы заперлись в епископском дворце и в стоявшей поблизости от него большой башне Маскарон, пока тулузцы сражались, как могли, с истреблявшим их город пламенем. Анонимный автор второй части «Песни о крестовом походе» так описывает постигшее их бедствие:

Люди Монфора хлынули по улице Бараньон
и ожесточенно бились между палисадами;
балки, бревна рассыпались, словно черепки.
Рыцари и тулузские горожане,
тотчас собравшись, устремились прямо на них,

и занесенные мечи обрушились, зазвенели,
и удары окованных железом палиц сыпались на головы.
Копья, острые стрелы, ножи, серпы, дротики,
рогатины вращались, вонзались, рассекали.
Шлемы и кольчуги,
помятые и растерзанные, валялись в пыли.
Алая кровь брызнула из рассеченной груди,
вскоре площадь покрылась мертвыми телами,
люди с размозженными головами вперемешку
с конскими тушами.
(ПКП, 173)

Битва продолжалась до поздней ночи, а епископ Фульк и Монфор тем временем искали способ выбраться из этого опасного положения. «Благородный граф», охваченный яростью, был непреклонен: взятым им в заложники тулузским баронам он велел сообщить, что на рассвете им отрубят головы, а тела их будут сброшены с крепостных стен Тулузы.

Епископ Фульк не мог дольше мириться с этим кровавым неистовством. Он был добрым христианином и обдумывал другую возможность. «Попробуем для начала смягчить народ», — сказал он окружавшим его клирикам. И ночью, когда ярость народа утихла, он послал нескольких из них в город с тем, чтобы пролить на самых разъяренных «медовые слова», как сказано в «Песни о крестовом походе»: люди Фулька старались образумить тулузцев, объяснить им, что всех проблем их города за одну ночь не уладить. Один из них, аббат из Сен-Сернена, так старался, что именитые горожане сдались и согласились на следующее утро, как только рассветет, собраться в ратуше, а затем отправиться в расположенное за пределами городских стен предместье, в квартал Вильнев, чтобы заключить нечто вроде временного соглашения.

4. ВИЛЬНЕВСКАЯ ЗАПАДНЯ

(ноябрь 1216 г.)

День едва проглянул и солнце еще не встало, когда наиболее видные жители Тулузы — знатные бароны, богатые и именитые горожане, торговцы, мельники, а также скромные рыцари собрались в ратуше, куда пришли также аббат Сен-Сернена, прево Маскарона, законник мэтр Робер и, разумеется, всемогущий епископ Тулузский, его преосвященство Фульк из Марселя, высшая власть в делах веры.

Как только все эти высокие особы удобно устроились, аббат Сен-Сернена повел беспредельно вкрадчивые речи. Для начала он воззвал к Духу Святому, что для аббата вполне естественно: «Да снизойдет на нас Дух Святой в Его кротком сиянии: я призываю Его благую волю примирить Тулузу и мессира Симона де Монфора, да воцарится Его праведный и чистосердечный мир!» Затем, повернувшись к тем, кого это непосредственно касалось, продолжил: «Приемлемое соглашение вполне возможно: отныне это зависит лишь от вас одного, господин граф, ибо его преосвященство епископ и божественная доброта так много потрудились этой ночью, что Монфор дрогнул».

«Монфор дрогнул!» Если бы «благородный граф» был на такое способен, жители Лангедока и в особенности Тулузы давно бы это заметили; вот уже семь лет как он прибирал к рукам окситанские города и крепости. У всех на памяти были Безье, Каркассон, Минерв, Терм, Лавор, Капельнодари, Сент-Антонен, Монкюк, Пенн-д'Ажене, альбигойские крепости, Муассак, Мюре, владения Фуа и Прованс, до которого теперь дошел черед и который постепенно завоевывали крестоносцы. Однако молодой граф Раймонд VII, после Латеранского собора лишившийся своего графства, не утратил надежды; он показал это в Бокере, и сам Монфор пока что не считал себя

окончательным победителем графов Тулузских. Так что тулузцы оставались недоверчивыми, хотя и выслушали предложения, сделанные аббату «благородным графом»:

Граф поначалу разгневался, уж очень усердно монсиньор [Фульк] за вас заступался. Поверьте же ему.

Он молит вас, сеньоры, сдаться на милость.

Он Богом, папой и своей Церковью клянется,

что вы ничего не потеряете, ни ваших полей,

ни виноградников,

ни своей жизни, ни своих домов, ни богатства.

Ничто не будет отнято у вас из благ этого мира,

напротив: Монфор, если вы покоритесь,

будет вас любить и ублажать.

Прежде всего он даст вам свободу. [...] Кому

не понравится

его образ действий, сможет покинуть город.

(ПКП, 174)

Все было сказано. Совет закончился, тулузцы успокоились. Теперь видные тулузские горожане доверчиво направились к воротам Вильнев, чтобы выслушать графа де Монфора. Их ждало глубокое разочарование, им пришлось сбавить тон. Оказавшись лицом к лицу с непримиримым графом, которого большинство из них никогда в жизни не видели, именитые тулузцы оробели и растерялись. Что касается епископа Фулька, то он продолжал играть свою роль посредника.

«Господин граф, — угодливо обратился он к Монфору, — эти горожане сдаются на вашу милость; тем не менее, на мой взгляд, надо обеспечить себе уверенность в том, что обещание не бунтовать, которое они вам дали, будет выполнено, а для этого следует взять еще заложников, и, если хотите, я могу сам их выбрать».

Монфор, не ответив епископу, повернулся к тулузцам, которых несколько не успокоило то, что они услы-

шали, и для начала отдал им приказ освободить тех его баронов, которых они взяли в плен, что и было немедленно исполнено; воины вернулись к нему без единой царапинки. После этого завязался общий разговор, и мнения явственно разделились¹.

«Бароны, — сказал Монфор, — я хочу знать ваше мнение: в соответствии с законами войны я намерен разграбить Тулузу и отдать вам ее богатства, это с лихвой вознаградит вас за былые невзгоды. Что вы об этом думаете?»

Его брат, Ги Старший, тотчас откликнулся и попытался его смягчить: «Брат, не делайте этого: разграбить Тулузу означало для бы для вас навредить самому себе. Возьмите город потихоньку, не торопясь, и вас будут любить; запятнайте Тулузу кровью, и вы утратите честь. Истинный рыцарь не сокрушает противника, когда тот преклоняет перед ним колени, он отказывается удовлетворить требования собственной гордыни. Простите Тулузу, и тогда она поистине сделается вашей. Верните знатым сеньорам их земли и законные владения, горожанам — их привилегии, а если они попросят новых — даруйте им и это. В день, когда вам будет не доставать средств, эти люди развяжут для вас свой кошелек. Поверьте мне, именно так следует завоевывать Тулузу, а не кровью и грабежом».

Сир де Руси, один из приближенных графа, склонялся к тому же мнению: «Удовлетворите просьбу этих людей, которые молят о пощаде, благородный граф, и они останутся вам признательны; если же вы их ограбите, они только о том и будут думать, как бы вас убить».

«Богом клянусь, сир де Монфор, — подхватил тре-

¹ Все диалоги, которые мы здесь приводим, взяты из «Песни о крестовом походе» (лесса 177); мы ограничились тем, что сделали речь более современной.

тий, — разрушить Тулузу означало бы проститься с Небесами и рыцарской честью».

Однако рыцарь по имени Люка с ними не согласился: «Не верьте им, благородный граф, они вас обманывают! Сокрушите тулузцев, унижьте их, и ваше имя возвеличится; если же вы их возвысите, позором покроемся мы. Ваши подданные вас ненавидят: вы убивали их отцов, их сыновей, их родню; зачем же любить того, кто не любит вас? Они хотят видеть своим сеньором графа Раймонда VI, и с этим вы ничего поделать не можете».

Епископ Фульк снова взялся за свое: «Если вы хотите крепко держать в руках этих людей, благородный граф, вот как надо действовать: я обещал им помощь Церкви, если они будут разорены, воспользуйтесь этим, чтобы заткнуть им рот. Велите сломать заграждения, которые они возвели в городе, отнимите у них оружие и доспехи и известите всех, что тот, кто станет их прятать, будет караться смертью. Не стесняйтесь проводить обыски, и, если найдете в сундуках деньги, берите их. Обирайте этих горожан: на их золото вы сможете нанять сильное войско, достойное такого завоевателя, как вы; вы сможете снова забрать Гасконь, Каталонию, Прованс и Бокер, которые бывший граф Тулузский, Раймонд Старый, только что у нас отнял при помощи своего сына. Постарайтесь захватить в плен этих двоих, сошлите их заложниками в отдаленные земли, вычерпайте до дна их казну, и тогда вы, граф Монфор, сделаетесь бесспорным властителем Гаскони».

«Благородный граф» все еще колебался между великодушным поступком и замашками пирата, но одного названия Бокера оказалось достаточно, чтобы он встретился: Монфор не смог примириться с утратой своих провансальских крепостей. Повернувшись к остальным, он резко и гневно проговорил: «Провансальские бароны

меня предали, и они дорого за это заплатят! Но я не допущу, чтобы то же повторилось и в Тулузе, так что могу вам обещать, что, если они немедленно не покорятся, я обращаю город в дымящиеся развалины».

«Вы толкаете моего брата на преступление, — возразил Ги де Монфор сторонникам силовых методов. — Если он обратит Тулузу в прах, население города, пусть даже и поредевшее, будет его ненавидеть так сильно, что придется ему отказаться от своих прав и навсегда покинуть город».

«Граф Ги говорит правильно, господа, — поддержал его один из приближенных Монфора. — Тулузцы никогда не забудут своих сыновей и друзей, погибших от ваших рук, и никогда не перестанут вас ненавидеть. Когда граф Раймонд вернется в свои сожженные стены, его возвращение заронит в их сердца новую ярость, и горе нам, если тулузцы тогда еще будут в состоянии сражаться!»

«Покончим с этим, господа, — сказал Фуко де Берзи, рыцарь-разбойник, и скорее разбойник, чем рыцарь, следовавший за Монфором с самого начала крестового похода. — Советовать Симону разрушить этот город, снести до основания его стены, сжечь его дворцы, украть его золото означает желать всем нам гибели и вечного проклятия. Тулуза, ее стены и богатства, которые в них заключены, — лучшее оружие нашего графа, а следовательно, и наше: он не имеет права его утратить. Для него лучше обходиться с тулузцами уважительно, успокоить их, сделать так, чтобы они его любили. И тогда его слава и его могущество заставят содрогнуться всю Испанию».

К несчастью, эта речь пропала даром, к тому же и люди Монфора уже рассыпались по городу. Они пинками и ударами кулаков останавливали встречавшихся им на пути тулузцев и загоняли их в качестве заложников в хорошо охраняемый лагерь; там набралось четыреста

человек, которые всю ночь дрожали под проливным дождем. На следующее утро, едва рассвело, граф и епископ велели отвести их в церковь Сен-Пьер¹, где ученый законник произнес перед ними следующую краткую речь:

«Жители Тулузы, мой сеньор граф приказывает следующее: соглашение, заключенное с епископом, считать недействительным. Не зовите на помощь ни Бога, ни его священников. Одному лишь Монфору вы должны быть верны, не боясь смерти, которая может забрать вас. Либо вы покоритесь его справедливому приговору, либо будете изгнаны на все четыре стороны с одним лишь пропуском, скрепленным его печатью».

(ПКП, 177)

Обещанное соглашение на деле было подло подстроенной ловушкой. Собравшаяся толпа оторопела, ничего не понимая. Тулузцы осознали, что у них остается лишь один-единственный выбор: между смертью и рабством. Один из горожан воскликнул, обращаясь к толпе:

«Я ухожу, господа!
Покидаю мое добро, оставайтесь с вашими хозяевами.
Пропуск, и только, и я с вами прощаюсь!»
«Погодите минутку, — сказали ему, — он идет!»
Кулаки сержантов обрушились на его голову.
И вот он уже крепко скован по рукам и ногам,
и отведен в тюрьму, и надеяться может только на Бога.
Другие, видя, как жестоко с ним обошлись,
настолько испугались, что ни слова больше не проронили.
Они плакали, закрыв лица руками, сдержали свою ярость,
они в ловушке, они побеждены.

(ПКП, 177)

¹ См. план Тулузы, Приложение VI.

5. МОНФОР НАКАЗЫВАЕТ ТУЛУЗУ

(конец 1216 г. — начало 1217 г.)

Тулузцы, охваченные негодованием, возмущенные тем, насколько низко были обмануты, вернулись домой, и Монфор немедленно бросил на город свои войска: его люди вышибали двери домов, шарили повсюду, забирали все оружие, какое удавалось найти. Поскольку граф более всего опасался именитых горожан, он разослал во все кварталы Тулузы глашатаев, велел трубить в рог и призывать рыцарей, знатных дам и всех состоятельных людей покинуть город в кратчайший срок; вместе с тем он сообщил, что нуждается в их деньгах для того, чтобы победить ересь, и что им придется заплатить особый налог еще до ближайшего дня Всех Святых. А пока что он поручил могучим солдатам вывести за городские укрепления сливки Тулузского общества вместе с их роскошными и упитанными женами и прогнать, ослепших от пыли и дрожащих от ярости, прочь из города, словно паршивых псов.

«Благородный граф» объявил, что накажет Тулузу, разрушив ее дома и ее памятники, и обещание свое сдержал. Силой пригнали к укреплениям народ с лопатами, заступами, кирками и молотами, чтобы снести городские стены и сбросить камни в ров. Послушайте, как автор «Песни о крестовом походе» жалуется, горюет о разрушении своего прекрасного города, рассыпающегося на куски:

Прекрасные дворцы, роскошные здания,
только построенные дома, старые башни,
муниципальный совет, укрепления, прочные стены
разрушены, снесены до основания,
среди обломков, внутри и снаружи,
под одним и тем же небом играют собаки и дети.

Заложники уходят в неизвестность
в дальние края, со связанными руками,
в тяжких цепях, их оскорбляют, пинают,
бьют на каждом шагу, страдания их беспредельны.

(ПКП, 179)

Теперь злоба и бешенство Монфора не знали границ. Он без умолку говорил о том, что обдерет до костей этот дерзкий город, подожжет его, истребит его население. Тщетно брат, сир Ги де Монфор, молил его умерить ярость. «Не поддавайтесь охватившей вас ненависти, — уговаривал он. — Велите им отдать вам все золото и серебро, в которых вы нуждаетесь, но Бога ради, пощадите их жизнь и их дома...»

Зато епископ Фульк, забыв, что служит в Тулузе религии любви, а не ненависти, поощрял графа в его бесчеловечном стремлении разрушать. Если те слова, которые вложил в его уста автор второй части «Песни о крестовом походе», по сути своей верны, мы можем лишь содрогнуться, читая их:

«Мессир, — сказал епископ, — будьте решительнее.
Сдирайте без жалости у них кожу с хребтов
и оберите их до последнего гроша.
Потребуйте, чтобы они до дня Всех Святых
заплатили вам не меньше тридцати тысяч марок серебром.
Разорите этих бродяг. Оставьте им лишь
глотку, чтобы стонать, и глаза, чтобы плакать.
Обходитесь с ними как с бесправными рабами,
тогда отобьете у них охоту кусать вас».

(ПКП, 179)

Все участники этого импровизированного совета его поддержали, и подручные Монфора обрушились на славный город, угрожая, избивая, высаживая двери до-

мов, круша все на своем пути, опустошая сундуки и лари, нападая на всех встречавшихся им горожан и горожанок с криками: «Пусть живут, если им хочется, но на коленях!» Они тащили из амбаров мешки с мукой и зерном, забирали вино и вяленое мясо, срывали парчу и греческие шелка, украшавшие дома зажиточных горожан. К вечеру этого страшного дня Тулуза превратилась в груды обуглившихся развалин, еще продолжавших дымиться. Тулузцы после этого в течение двух месяцев будут оплакивать свой город и свое прошлое, испепеленные перед их растерянными взглядами, а тем временем тот, кого именовали «благородным графом», де Монфор станет наслаждаться своей победой над дважды покоренным городом, на этот раз захваченным изнутри. Главной заботой графа теперь стала предстоящая женитьба его младшего сына, Ги де Монфора, на графине Петронилле де Бигорр¹.

Затем Монфор, жадный до новых земель, направился в долину Арьежа, где намеревался осадить Монгренье, владения Роже-Бернара, сына его давнего врага, графа де Фуа; позарился он и на соседние земли и замки. Затем, в начале весны 1217 года, он велел седлать лучших коней, созвал самых отважных рыцарей, покинул Тулузу, перебрался через Гаронну и, повернув напрямик по направлению к Сен-Годану, направился в гасконские земли, где почти без боя завладел несколькими феодами (в частности, теми, что принадлежали графу де Фуа). Он устроил там настоящую резню, истребляя «мирных и кротких людей, стремящихся к свету», спокойно работавших на своих полях.

¹ Она была вдовой Гастона Беарнского, который одновременно с «тремя графами» (Тулузским, де Фуа и де Комменж) утратил свои владения, доставшиеся Монфору; см. Приложение XIII.

* * *

После смерти папы Иннокентия III, скончавшегося 16 июля 1216 года, обстановка в Лангедоке решительно изменилась. Его преемник, Гонорий III, «заново открывал» этот край, и представитель папы, которого он отправил к новому графу Тулузскому, то есть к Монфору, — в данном случае этим представителем был легат Бертран, преемник кардинала-легата Пьера де Беневана, — совершенно не разбирался в политических и династических проблемах, которые возникли в связи с Тулузой и тулузским графством.

С точки зрения феодального права над всем прочим должно было преобладать решение Латеранского собора: графство и титул графа Тулузского принадлежали Монфору на том основании, что «с давних пор по некоторым признакам несомненно, что под господством Раймонда VI его край не может сохранить католическую веру». Однако в 1216 году для местной знати, горожан и простонародья эти феодальные права принадлежали сыну Раймонда Старого (тот был еще жив, но отлучен от Церкви, а стало быть, не мог вернуть себе ни своих владений, ни своего титула), иными словами — Раймонду VII, который во всех документах, какие ему приходилось подписывать, именовал себя «сыном сеньора Раймонда и милостью Божией герцогом Нарбоннским, графом Тулузским и маркизом Прованса». Кроме того, трудности, с которыми столкнулся Монфор под Бокером, склонили нового папу Гонория III к тому, чтобы собрать для него крестоносное войско, пообещав всем, кто возьмет крест, чтобы истреблять катаров или их покровителей, такие же индульгенции, какие получали крестоносцы, воевавшие в Святой земле. «Благородный граф» де Монфор использует эти войска для того, чтобы завоевать несколько замков в Провансе и сражаться с Раймондом VI, у которого он уже отнял Тулузу и теперь рассчитывал оборонять от него этот город.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ РАЙМОНДА VI

(сентябрь 1216 г. — сентябрь 1217 г.)

Во второй половине 1216 года положение сделалось еще более сложным. Как мы уже говорили выше, Монфор в ноябре женил своего младшего сына Ги на графине Петронилле де Бигорр, и тот сделался графом де Бигорр; и тут начался новый спор — из-за города Лурда, чьи земли оказались на границе двух различных владений. Уладив разногласия, Симон де Монфор в декабре 1216 года вернулся в Тулузу, принадлежавшую ему в соответствии с решениями Латеранского собора, и потребовал, чтобы его подданные выплатили налог, причитающийся ему и за тот год, который подходил к концу, и за прошедший. Сборщики налогов «благородного графа» взялись за дело, отнимая имущество у налогоплательщиков и закладывая их земли; вскоре беспорядки в городе достигли предела. В декабре Монфор получил неприятное известие: папа решил вернуть графу Раймонду-Роже его замок Фуа. Кроме того, Раймонд-Роже построил себе новый укрепленный замок в Монгренье, выше Монгайяра, неподалеку от Фуа. Возникшая угроза заставила Симона де Монфора в первых числах февраля 1217 года отправиться в Монгренье и начать осаду. Крепость, которую защищали Роже-Бернар, сын Раймонда-Роже, и Роже де Комменж, после нескольких недель осады сдалась. Осажденные вышли оттуда свободными, но оставили Монгренье войскам Монфора, с которым было заключено перемирие на год.

После этого Симон вернулся в Тулузу, в Нарбоннский замок. Ему не суждена была долгая безмятежная жизнь: возвращение обоих Раймондов в Прованс, где они укрепили свою власть, заставило его в мае покинуть жену, детей и племянников и отправиться воевать сначала в Корбьер, а затем на правый берег Роны, которую он перешел в июле. Оттуда он отправился осаж-

дать Кре на Дроме и причинил некоторый ущерб Раймонду VII Младшему, разорив по пути его виноградники близ Валанса.

В конце лета 1217 года Раймонд VI Старший, пользуясь отъездом Монфора, вернулся из Испании. Его встретили старый граф де Комменж, с которым он некогда вместе сражался против Монфора, и еще несколько сеньоров, в числе которых были молодой граф Роже-Бернар де Фуа и Эмери де Кастельно, тулузский судья.

«Мессир, — обратился Раймонд VI к Комменжу, — выскажите ваше мнение. Конечно, мне пришлось покинуть мои прекрасные тулузские владения, а главное — мой город, который я сделал прекраснейшим во всем французском королевстве, и сделал я это ради того, чтобы избежать столкновений. Но если верить тому, что мне рассказывают, бывшие мои подданные больше не могут терпеть несправедливых притеснений Монфора, а что касается меня самого, то я чувствую, что неспособен долее оставаться разлученным с моей страной. И потому я послал гонцов в Тулузу, к самым именитым жителям моего города, желая узнать, в каком положении находятся дела, и они ответили мне в посланиях, надлежащим образом скрепленных печатями, что Монфор изгнал наиболее мудрых из них. Но они настолько горят желанием увидеть, как в Тулузе восстановятся прежние честность и верность, что готовы подвергнуться любым опасностям, пойти на все ради того, чтобы я вернулся туда и снова взял власть в свои руки. Они заверили меня в том, что, если я прибуду туда тайно, город, любящий и преданный, будет моим и вместе со мной прогонит Монфора. И вот я вас спрашиваю: что, по вашему мнению, мессир, я должен делать?»¹

¹ Пересказ «Песни о крестовом походе», лесса 181.

«Сир, — ответил ему Комменж, — если вы сумеете отвоевать и сохранить Тулузу, вы вернете всю силу понятию чести, столь долго попираемому в Лангедоке и Провансе, в особенности бесчинствами графа и его крестоносцев».

«Тулуза — ключ к этому краю, господин граф, — произнес Кастельно, — возьмите ее и возродите, вдохните в нее жизнь. И тогда к вам возвратятся все украденные у вас замки, и тулузцы вновь обретут прежнюю честь и радость жизни. А когда вы вернете себе Тулузу, мессир, молим вас бережно хранить ее к величайшему счастью для всех».

«Тогда скажите мне теперь же, как действовать; я так давно покинул эти края... У меня даже войска нет!»

«Незачем говорить об огне, когда фитиль еще не подожжен: забудьте о прошлом, граф, и идите прямо на Тулузу», — произнес сеньор Роже де Монто.

И все дружно, едва ли не в один голос прокричали: «Слава Богу, рыцари, возвращаемся в Тулузу! Войска никакого не потребуется, мы не встретим никакого сопротивления: тот, кто по глупости станет искать с вами ссоры, мессир граф, пожалеет о том, что на свет появился!»

«Хвала Господу, друзья, — сказал граф Раймонд VI, — вы согреваете мне душу. Вы правы: не надобно никакого войска, чтобы отвоевать Тулузу, достаточно и тех баронов, которые нас окружают».

Дальше все происходило очень быстро, на волне всеобщего восторга. Через несколько дней после этого совета, в сентябре 1217 года, доблестный граф Раймонд во весь опор погнал своего коня к Тулузе; армия его сторонников следовала за ним по холмам, лугам и долинам, возглавляли ее «три Роже», то есть граф Роже де Фуа, Роже де Монто и Роже де Комменж, виконт де

Кузеран. Лошади ржали, эхо от топота копыт летело через окрестные горы и долины, и вдруг в долине Агу, в месте под названием Ла Сальвета, скакавший впереди всадник оказался лицом к лицу с мессиром Жорисом, ведущим войска «благородного графа».

Через несколько минут все пришло в смятение, поднялся шум, завязалась схватка. Роже де Монто вращал мечом и подбадривал своих людей, граф де Фуа молнией примчался на своем арабском коне, одним ударом сразил скакавшего рядом с Жорисом Ришара де Турнедо, и тот повалился наземь в помятой кольчуге и с расчеченной надвое головой. Повсюду в лугах шел свирепый и безмолвный рукопашный бой. И с той, и с другой стороны резали, рубили, кромсали. Мессир Жорис выбрался из схватки и стремглав помчался прочь, спасаясь бегством, и никто не мог его нагнать.

Несмотря на свои шестьдесят лет, во весь дух прискакал Раймонд Старший, но битва уже завершилась, и он увидел, как бежит враг. Бернар де Комменж окликнул его: «Мне кажется, сеньор, Бог за нас: первый бой — и первая победа! Меня радует такое предзнаменование... Мы отвоюем Тулузу ради вас, граф Раймонд, положитесь на слово ваших верных вассалов».

«Я на это рассчитываю, племянник, и я уверен, что войду с вами в мой славный город. Пошлите гонцов сказать тулузцам, что мы приближаемся: пусть берут оружие и присоединяются к моим баронам. А теперь в путь, друзья мои, воспользуемся туманом, который только что поднялся, и пойдем к Тулузе через лес: так мы сможем застать врага врасплох».

Они тотчас пустили коней рысью; едва въехав в лес, за которым был город, они встретили двух консулов¹,

¹ Главных городских судей.

мессиров Раймонда Беленгье и Юга Жана, ликующих и радостных до слез.

«Сеньор, — обратился к графу первый из них, — Тулуза ждет вас, нас вас уповают как на Духа Святого, но ни за что не входите в город через мосты, ибо все они охраняются: переплывите через реку в лодке; над водой растилается такой густой туман, что вы окажетесь у ворот прежде, чем стражники Монфора успеют опомниться».

И в самом деле, город, через который к тому же протекала Гаронна, был так велик, что преградить в него доступ было практически невозможно, да и стены его находились в весьма плачевном состоянии. И вот армия графа Раймонда VI Старого уже перебралась через реку и выстроилась на берегу, развернув все знамена. Народ, обезумев от счастья, устремился навстречу. Все обнимались, а когда граф Раймонд въехал в Тулузу через самые большие сводчатые ворота, весь город сотряс взрыв радости. Повсюду, где он проезжал, к нему устремлялись богатые и бедные, женщины и мужчины, девушки и юноши, молодые люди и убеленные сединами старики; преклонив колени, они целовали его одежду и обувь, протягивали к нему руки и кричали: «Слава Иисусу Христу, наш сеньор возвращается!»

И каждый, схватив палку, нож, копьё или камень, устремлялся вдоль улиц, потрясая своим оружием, намереваясь изрубить в куски всех французов, какие только ему встретятся, — как всегда поступали в истории человечества, в Средние ли века или в наши дни, народы, оказавшиеся под властью чужеземных захватчиков¹. Тулузцы распевали на улицах:

¹ Надо постоянно помнить о том, что в те времена до политического единства Франции было еще далеко, и жители Лангедока, к примеру, считали себя оккупированными силами северной Франции, французами.

Прочь из наших стен, наемники Лицемера [*Монфора*]!
Прочь, его сброд и отродье!
Отныне Бог нас любит, и наш изгнанный граф
к нам возвращается. Слава ему! Слава его рыцарям!
Слава доблестным тулузцам!

(ПКП, 182)

Так граф Раймонд VI принял дань почитания от разоренного города, у которого не осталось ни башен, ни зубцов на стенах, ни часовых, ни оружия, но жители его были полны радости. «Небо возвратило нам Раймонда, нашего сеньора!» — восклицали одни; «Вооружимся, тулузцы, каждый убьет крестоносца!» — пели другие. Один хватал меч, другой — дубинку, третий — копье, с криком рассыпались жители по улицам, преследуя французов, а догнав — рвали в клочья.

Выглянув из окна, графиня де Монфор осведомилась: «Бароны, кто эти люди, разоряющие город?»

«Ни малейшего сомнения, — ответил ей кто-то из слуг, — это граф Раймонд, который возвращает себе Тулузу... и он не один, я вижу рядом с ним Бернара де Комменжа и его знаменосца, и Роже-Бернара де Фуа, сына графа Раймонда-Роже, и многих других сеньоров, которых обобрал ваш благородный супруг. Их больше тысячи...»

Жители Тулузы, ликуя, приветствовали освободителей, а графиня де Монфор тем временем призвала щитоносца: «Бегите скорее, проскользните как-нибудь, найдите благородного графа, где бы он ни был, и скажите ему, чтобы забыл свой Прованс и спешил сюда, потому что он вот-вот потеряет Тулузу, жену и сыновей, и если еще час промедлит и не придет им на помощь, то не увидит их больше в этом брэнном мире!»

В Тулузе начали готовиться к обороне в предвидении возможного штурма: богатые и бедные, прекрасные дамы, «гордые юноши и любезные девы» орудовали кто

киркой, кто лопатой, возводили баррикады, с наступлением темноты все вместе несли дозор. Молодые тулузцы в ожидании появления графа Раймонда Старого пели, женщины пускались в пляс, а девицы скакали под звуки тамбуринов (ПКП, 183). Тулузцы так давно ждали дня, когда смогут стряхнуть гнет узурпатора, который украл у Раймонда VI его титул! А ведь тому он достался вместе с землей и замками в наследство от старинного рода: Раймонд I, его предок, получил титул тремя веками раньше, в 849 году, от Карла Лысого.

Но вскоре горожанам пришлось испытать разочарование: вступившие в город войска не были армией графа Раймонда, это были войска и вооруженная свита сира Ги, сына графа де Монфора, которые шли с развернутыми знаменами. «Спешивайтесь, бароны!» — прокричал он громким голосом. Тотчас эскадроны выстроились в боевом порядке, запели трубы, засверкали вынутые из ножен мечи, и свора крестоносцев обрушилась на город, снося баррикады и заграждения, а граф де Фуа тем временем скликал своих баронов. И завязался бой, великолепно описанный анонимным автором «Песни о крестовом походе»:

[Граф де Фуа] дрался, словно волк, вожак стаи.
Вокруг него раздавались крики: «Тулуза наша! Фуа!».
С каждым его ударом путь расчищался.
Дротики, палицы, мечи с острыми лезвиями,
камни, заточенные стрелы и стрелы из арбалетов
сыпались смертносным градом. Из окон
на врага высыпали корзины камней,
и шлемы гудели, и щиты раскалывались,
и многие крестоносцы валялись в пыль
с перебитым хребтом, переломанными руками и ногами.
Грохот, рев, шум все нарастали.

(ПКП, 184)

Так они сражались целый день, неуклюжие тулузские обыватели, которых вели в бой их сеньоры, против искусных воинов, людей Монфора. К тому времени, как стемнело, битва закончилась: неподготовленные войска графа Раймонда победили крестоносцев. Без малейшей помощи извне, почти без оружия, сражаясь дубинками, они спасли Тулузу; их противники не могли понять причин своего поражения, и ближайшие помощники Монфора в бешенстве кричали своим баронам:

Как вы могли потерпеть такое поражение
от рабского народа, от бродячих рыцарей,
от людей, кое-как вооруженных палками и камнями?
Ваша честь рассыпалась в прах, и Франция проиграла!
Позор вам! Будь проклят тот день, когда вы родились
на свет!
(ПКП, 184)

Тулузцы же, радостные, сияющие, волокли по улицам пленных и без долгих разговоров вешали их на городских деревьях; их старый обездоленный сеньор, доблестный граф Раймонд VI Тулузский, выгнал из города французов, нормандцев, англичан и прочих тевтонских наемников с одной лишь Божьей помощью. Господь спас город. Один из вражеских полководцев, Фуко, жаловался:

Горе нам, сеньоры. [...] Мы потеряли все,
какой позор для Франции, для наших сыновей, наших
родных!
Со времен доблестного Роланда никто не знал худшей
беды.
Мы, хорошо вооруженные добрыми ножами, мечами,
в блестящих шлемах, доспехах, кольчугах,
с палицами и щитами, на непревзойденных конях,
были разбиты побежденным,
безоружным, полумертвым народом! [...]
(ПКП, 185)

«Сир Фуко, — ответил ему мессир Ги де Монфор, брат графа, — разве вы забыли, что когда-то тулузцы просили нас пощадить их? Если бы мой брат обладал хоть малостью истинного благородства и раскрыл им объятия вместо того, чтобы изображать из себя кровавого тирана, дело до этого не дошло бы. Господь перешел на другую сторону, потому что увидел наш обман, и кто знает, сможем ли мы когда-нибудь снова взять Тулузу? Для этого, рыцари, нам придется сразиться со всеми храбрецами Гаскони и других земель, которые обрушатся на нас».

Мессир Ги де Монфор даже не подозревал, насколько верны были его слова.

БИТВА ЗА ТУЛУЗУ

(октябрь 1217 г. — 25 июня 1218 г.)

Сообщив своим подданным о том, что теперь им придется тяжким трудом восстанавливать из развалин Тулузу, старый граф Раймонд VI вечером того сентябрьского дня 1217 года первым делом подумал о сыне, Раймонде VII, которому послал запечатанное своей личной печатью письмо с известием о победе; и теперь эта весть, которую разносила скачущая во весь опор сотня гонцов, летела от замка к замку по всем дорогам Прованса и Лангедока.

Надо сказать, это была очень важная новость. Мы помним, что в январе 1215 года, во время собора в Монпелье, папа официально лишил Раймонда VI Тулузского его земель, замков и титулов, чтобы передать их Симону де Монфору в награду за то, что тот возглавил крестовый поход против катарских еретиков Лангедока. Три или четыре месяца спустя, весной 1215 года, «благородный граф», как его обычно именовали, по-хозяйски расположился в Тулузе вместе с немалым числом прибывших с севера Франции крестоносцев. Затем эта передача владений была подтверждена Латеранским вселенским собором, и в марте 1216 года Симон получил папскую инвеституру на Лангедок. Однако теперь, примерно через два с половиной года после того, как старый граф Раймонд был изгнан из Тулузы, он вернул ее себе; со всех концов охваченного радостью Лангедо-

ка рыцари устремились к отвоеванному городу, и народ встречал их радостными криками — для тулузцев счастьем было видеть свой израненный город освобожденным от французов с Севера, которые держали их под гнетом своих законов и заставляли говорить на своем неприятном, резком северном наречии, ставшем символом порабощения.

Тулуза вновь обрела прежнего сеньора, и оставшаяся в городе графиня Алиса де Монфор была в тревоге. Она сидела у окна на самом верху Нарбоннского замка — крепости, оставшейся, в отличие от всего прочего, в руках крестоносцев, мотала пряжу и пряла, но ее глаза были полны слез. Печально и задумчиво она прислушивалась к доносившимся снизу песням и смеху. «Счастье меня покинуло, помоги мне, Господи, спаси моих близких!» — тем же утром написала она в письме к мужу, и один из рыцарей Монфора теперь скакал с этим письмом в Прованс, где сражался «благородный граф» (ПКП, 185).

В то время как происходили эти описанные в «Песни о крестовом походе» события, Монфор находился в долине Дромы, в тридцати километрах от Валанса, перед замком Кре. Он начал осаду, но сделал это вовсе не по стратегическим соображениям: сеньор, который был владельцем этого замка, Адемар де Пуатье враждовал с ним и давно притеснял епископа Валанса, сторонника «благородного графа», которого тот призвал на помощь. Этот конфликт послужил Симону, которого очень беспокоили действия Раймонда Младшего в Провансе, великолепным предлогом для того, чтобы оседлать боевого коня и отправиться с небольшим войском на завоевание земель и замка Кре, который он принялся осаждать. О событиях, происходивших в то время в Тулузе, он не имел ни малейшего представления.

Гонец Алисы де Монфор, который скакал день и

ночь, ни разу не остановившись, вошел в шатер графа, поставленный у замка Кре; задыхаясь, он опустился на одно колено и передал Монфору письмо графини.

«Рыцарь, какую весть ты мне принес, добрую или худую?» — спросил тот, прежде чем развернуть письмо и прочесть его.

«Вести нерадостные, простите меня, благородный граф».

«Я потерял Тулузу?»

«Увы, мессир, боюсь, это так; нам только и остается надеяться, что вы поспешите на берега Гаронны с доброй сотней рыцарей, пока не поздно».

«Кто отнял у меня мой город? Кто у меня его отнял, друг мой?» — побагровев от гнева, спросил Монфор.

«Вы его знаете, сир, надо ли называть вам его имя? Я собственными глазами видел, как граф Раймонд VI Старший вошел в ваш город со своим войском в сопровождении своих баронов, и они перебили множество французских рыцарей».

«А что же мой народ?»

«Они роют траншеи, возводят баррикады и ни слова не говорят».

«А что стало с моей женой и моими детьми?»

«Они целы и невредимы, благородный граф, но на шее у них захлестнута удавка, и графиня опасается за жизнь своих дочерей».

«Ни слова обо всем этом никому не говори, рыцарь, а если кто из баронов станет расспрашивать тебя о Тулузе, отвечай ему, что в городе все мирно и спокойно, что погода стоит чудесная и что сосиски там все такие же вкусные... особенно если их готовят с капустой!»

Монфор решил умолчать об этом важном событии, случившемся в его отсутствие, не из гордости, а для того, чтобы оно не породило других ему подобных, чтобы не произошло волнений в других местах. Он боялся,

как бы не взбунтовались другие его вассалы или как бы они не ушли к другим сюзеренам. На расспросы окружающих он отвечал, притворяясь уверенным в себе, что известия хорошие и даже лучше, чем все, какие он когда-либо получал; что его противник, граф Раймонд VI Старый, вынужден теперь скитаться по дорогам Испании; что английский король пообещал ему несколько владений в обмен на перемирие; что его брат, Ги де Монфор, сейчас в Тулузе, собирает средства, чтобы купить Беарн, Бигорр и Лурдский замок, куда он, по его словам, горел желанием войти хозяином; наконец, он распустил слух о том, что у него есть виды на Прованс, куда ему хотелось бы удалиться на старости лет и доживать там свой век. «Похоже на то, — примерно так говорил он всем и каждому, — что сейчас Господь пожелал меня прославить. Я поспешу заключить разумные соглашения с провансальцами и как можно скорее отправлюсь в Лурд, куда мне не терпится войти сюзереном» (ПКП, 186).

Многие рыцари, на которых эти планы произвели впечатление, обрадовались; другие, настроенные недоверчиво, не проронили ни слова: они родились в Провансе и опасались за собственные владения. В конце концов Монфор простился со всеми, так никому ничего и не открыв, и те, кто в молчании провожал его по дороге, ведущей в Лангедок, удивлялись: «благородный граф» казался им печальным и угрюмым, словно душа в чистилище; они не могли понять, чем он так встревожен.

Однако истина мало-помалу, обрывочными сведениями добралась до берегов Роны, где прибывшие из окрестностей Тулузы распространяли еще ненадежную весть. По мнению одних, Раймонд VI Старый уже вернул себе город, по словам других — только-только начал осаду. Провансальцы в один голос воскликнули: «Виват! Тулузцы вернули себе свой город! Война законче-

на! Храни Господь Тулузу! И даруй графу Раймонду смелость, силу и веру!»

Монфор тем временем скакал галопом, пристыженный и затаивший в сердце ярость: у него украли Тулузу, ему необходимо вновь ее завоевать, он хотел войны. И он принялся рассылать скрепленные своей печатью послания во все концы, вербовать наемников, сзывать баронов, шатающихся без дела в ожидании битвы, написал кардиналу Бертрану, папскому легату, попросив поддержать его в своем намерении вновь завоевать город и графство, дарованные ему Латеранским собором. Он не останавливался ни днем, ни ночью и вскоре доскакал до Монжискара (примерно в тридцати километрах от Тулузы), куда и въехал с первыми лучами солнца. Там он устроил короткую передышку, после чего приказал своим баронам вновь облачиться в доспехи и трубить в рога, а затем направился напрямик к Тулузе, по пути пройдя через Базьеж, маленький мирный городок в стороне от большой дороги, где остановился октябрьским вечером 1217 года.

Вскоре в переговоры с графом вступил монсеньор Бертран, кардинал-легат, узнавший о том, что Раймонд VI Старый, пренебрегший распоряжениями, отданными папой в Латеране, вернул себе свой город. Желая подбодрить графа, он обратился к нему с такими словами: «Радуйтесь, мессир Монфор, это утреннее солнце — доброе предзнаменование: я уверен в том, что Тулуза вновь окажется у вас в руках. Когда вы ею завладеете, вам надо будет немедленно казнить графов Тулузского, Фуа и Комменжа и перевешать всех баронов графа Раймонда, от самого знатного до самого ничтожного. Так следовало бы поступать со всеми еретиками».

«Всех баронов? — попытался умерить его пыл епископ Фульк, должно быть, удивленный яростной мстительностью кардинала-легата. — Разве не следовало бы

пощадить по крайней мере тех, кого мы застанем за молитвой у подножия наших алтарей?»

«Нет, — ответил кардинал, — без колебаний истребляйте всех, благородный граф; чем меньше у вас будет баронов, тем лучше вы будете править, ибо Господь нисколько о них не печется. А я предаю их в ваши руки от Его святого имени. Как бы там ни было, вы полностью в своем праве: Его Святейшество и собор даровали вам все титулы и все земли графа Тулузского. Они ваши, верните их себе».

Аргументы кардинала были не вполне справедливы. Но Монфора они очень устраивали, и он пустился скакать к Тулузе через поля и луга. И, хотя на душе у него было не совсем спокойно, он вел свое войско вперед с бешеной скоростью, под развевающимися на ветру флагами.

Приблизившись к стенам Тулузы, он увидел, что встречу ему вышел его брат, Ги де Монфор, за которым следовала толпа вооруженных баронов; братья крепко обнялись, не скрывая волнения. Затем к ним направился Фульк, тулузский епископ, прибывший из Прованса вместе с Монфором. Но первым заговорил кардинал-легат Бертран, которому было поручено следить в городе за выполнением решений Латеранского собора.

«Сеньор, — обратился кардинал к Монфору, — давно пора вам было прийти. С тех пор как Тулуза вновь оказалась под властью бывшего своего сюзерена, она погрязла во всех грехах Ада [*намек на либерализм Раймонда VI, который до прихода Монфора терпел присутствие катаров в городе*]. Безжалостно ее разрушите, и вы сделаете богоугодное дело. Возьмите ее, разграбьте ее, снесите ее дома, безжалостно убивайте всех и повсюду, даже тех, кто укрылся в церквях, в больницах, в святых местах; убивайте, мессир граф, послушайтесь в этом представителя Его Святейшества папы, то

есть меня, убивайте, в этом городе нет невинных, вы можете без колебаний обагрить кровью ваше оружие» (по тексту ПКП, 187).

Эти преступные слова кардинала-легата стали сигналом к началу резни. Бароны Монфора спешили, кони, избавившись от тяжести, встряхнулись, звеня сбруей, а с высоты городских стен, где развевались на ветру шитые золотом стяги графа Тулузского и алые графа де Комменжа, уже доносились лязг и стук копий и щитов. На дозорном пути, над укреплениями, тулузские лучники под защитой узких бойниц готовили стрелы; внизу, у них под ногами, женщины Тулузы толкали тяжелые, груженные камнями ручные тележки.

Теперь обе армии, войска восставших тулузцев, вновь отдавших город своему графу, и войска явившегося подавлять восстание Монфора, стояли одна против другой, разделенные лишь палисадами¹ и рвом, окружавшим город. Бароны Монфора двинулись вперед в боевом порядке, вооружившись лестницами и сосудами с огнем²; их встретили дождем снарядов, который обрушили на них при помощи мощных камнеметов. Среди слитного рева тех и других, осаждающих и осажденных, можно было различить, с одной стороны, крики «Монфор!», с другой — «Нарбонн³!» Выпрямившись во весь рост на крепостной стене, граф Бернар де Комменж потребовал дать ему арбалет; ему подали оружие, он ловко его схватил, вложил острую стрелу со стальным ост-

¹ В тексте — «lices», «палисады», в авторской сноске — «зона, нередко между двумя палисадами, защищающая крепость, городские стены, или предназначенная для сражающихся, что ближе ко второму значению слова «ристаллище». (Примеч. переводчика.)

² Предназначенными для того, чтобы перебрасывать их через стены и поджигать дома.

³ «Нарбонн» — название исторической резиденции графов Тулузских...

рием, перекрестился, несколько мгновений простоял неподвижно, сосредоточился, медленно прицелился во вражеского рыцаря, командовавшего штурмом, — этим рыцарем был не кто иной, как Ги де Монфор, сын Симона, — и пустил в него стрелу, которая пронзила грудь молодого человека, несмотря на кольчугу. Окровавленного раненого тотчас унесли, а Комменж, глядя с высоты укреплений, насмешливо бросил ему вслед: «Попап я в вас, зятек! Вот вам привет от моего графства!»

Бой, так неудачно начавшийся для крестоносцев, продолжался до вечера с неутихающей яростью, как описано в «Песни о крестовом походе»:

Повсюду расколотые доспехи и щиты,
рыцари с искаженными болью лицами, вспоротые бока,
перебитые руки, отделенные от тела ноги,
рассеченные груди, помятые шлемы,
клячья изрубленной плоти, головы, лишённые глаз,
ручьи алой крови, брызжущие из ран,
и бароны, с силой рубящиеся и готовые прийти на помощь,
вынести из боя поверженного брата.
Нет ни одного, кто не был бы ранен.
Поле боя стало красным и белым от раздавленных мозгов.
(ПКП, 188)

Монфор, в прежние времена часто выходивший из битв победителем, теперь вкусил горечь поражения. Укрывшись в своей палатке, поставленной у стен Тулузы, города, откуда он только что был изгнан, он исходил яростью и горевал. Его приближенные вздыхали и плакали, а гасконские бароны, силой загнанные в ряды крестоносцев, тем временем втайне ликовали: «Благород-

¹ Дочь Бернара IV Комменжа, Петронилла, была замужем за Ги де Монфором.

ная и прекрасная Тулуза, ты вновь обрела прежнюю славу, спасибо тебе за то, что победила этих несчастных французов! Теперь над нами снова будут Бог и Право!»

На следующий день «благородный граф» де Монфор вместе со своей женой Алисой стоял у изголовья их сына Ги, раненого и лежавшего на постели. Он не переставал жаловаться и обсуждать свое поражение с теми, кто его окружал: с кардиналом-легатом Бертраном, Аланом де Руси, одним из его генералов, сенешалем Жерве, которого он сам произвел в это высокое воинское звание, и еще несколькими людьми. Горя нетерпением смыть свой позор, он тут же, не сходя с места, устроил военный совет.

«Благородный граф» явно желал без промедления вернуть себе Тулузу и прилегающие к ней земли, поскольку Церковью было бесповоротно решено, что отныне тулузские земли являются его собственностью; однако мнения его генерального штаба насчет того, насколько своевременна попытка отвоевать город, и того, какие средства надо использовать для достижения цели, разделились. Тем не менее для Алана де Руси, который сражался бок о бок с Монфором с 1211 года, поражение, только что нанесенное «благородному графу», не было следствием ни стратегической ошибки, ни неверной оценки шансов на победу: это, если верить словам, вложенным в его уста анонимным автором «Песни о крестовом походе против альбигойцев», было небесной карой, наказанием свыше. И рыцарь не постеснялся жестоко обрушиться на честолюбивые замыслы своего вождя в исполненной мудрости речи:

Мессир, несомненно, вы —
могучий завоеватель. Но в этом деле
Иисусу не нравится то, что он прочел в вашей душе.
Дерзость, гордыня, жажда власти
превратили ангелов в змей.

А ваша ярость, ваша жажда мести,
ваше презрение к людям, нежелание прощать
и темные демоны, бушующие в вашей душе,
вырастили у вас во рту дурной зуб,
который нам нелегко будет начисто вырвать.
Нашему Божественному Отцу, который правит миром,
похоже, очень не нравится ваша недобрая мысль
разрушить Тулузу и истребить ее жителей.
Господин кардинал [*легат Бертран*] хочет нас убедить
в том, что надо быть жестокими, свирепыми,
безжалостными.
Сражайтесь, говорит он нам, не думая о смерти,
и я обещаю вам на Небесах вечное блаженство!
Большое спасибо, монсиньор, за то, что сочли нас святыми.
Хотите видеть нашу славу? Мы очень тронуты...
Но вы слишком добры... Слишком: всем известно,
что имущество погибших достанется вам.
И пусть Господь меня накажет и святой Венсан забудет,
если я снова пролью свою кровь за этот город.

(ПКП, 189)

По мнению более реалистично мыслящего сенешаля Жерве, нападать на Тулузу, полную отважных воинов, с горсткой калек, которой располагал Монфор, — он только что потерял убитыми сто шестьдесят человек и оплакивал участь стольких же раненых, — и пытаться занять город, чьи стены казались неприступными, было чистейшим безумием.

«Если мы действительно хотим вновь завоевать этот город, — благоразумно начал сенешаль, — давайте построим рядом с ним новую Тулузу, со стенами, укреплениями, земляными валами, домами, каких еще не видели. Давайте населим этот город новыми жителями, которые будут связаны с вами, сеньор, новыми клятвами верности; и тогда эта новая Тулуза сможет бесстрашно выступить против своей грозной сестры, только что нас

победившей, и та, что выстоит благодаря крови своих солдат, грому своего оружия и гению своих полководцев, будет навеки и безраздельно править Гасконью. С новыми стенами, новыми хорошо вооруженными людьми, большими деньгами, крепкой одеждой и тканями, когда у нас будут в изобилии зерно, мясо, вино, появятся торговцы, мы в конце концов победим старую Тулузу без боя, возьмем измором благодаря одной лишь осаде. Окружим ее стены и будем сторожить ее ворота, лишим ее семенного хлеба и зерна, плодов, винограда, соли и всего, что требуется для жизни; заставим ее голодать. Так мы победим без труда и кровопролития, и наше сегодняшнее поражение будет стерто из памяти».

«Сеньоры, — сказал Монфор, — мне нравится это предложение; выиграть войну без сражений — что может быть лучше, чего еще желать?»

«Сир, — ответил ему епископ Фульк, — не так хороша эта мысль, как кажется; в Тулузу входят не только через ее ворота».

«Как это?»

«У тулузцев остается еще водный путь, Гаронна, которую не остановят стены и которая течет через весь город; до тех пор, пока по ней могут идти суда, Тулуза не останется без припасов, и вы никогда не сможете с ней справиться».

Монфор вяло отмахнулся от этого аргумента, поскольку у него зародилась мысль. Он решил принудить город сдаться благодаря двойной осаде. Одна осада будет сухопутной: он станет стеречь все городские ворота и преградит доступ к Тулузе по наземным путям, идущим из Монферрана, Кастра, Альби и Ажене; другая — речной: он перекроет Гаронну, поставив на якорь собственные суда, которые помешают кораблям и лодкам входить в Тулузу и снабжать город продовольствием:

«[...] завтра же,
я с самыми храбрыми баронами из моего войска
займу реку и перекрою проход.
Ги, мой брат, и мой сын будут удерживать правый берег.
Никто, кроме ветра, не сможет проникнуть в Тулузу».
Решение было принято: они взяли город
в двойную осаду.

(ПКП, 189)

Решение, принятое военным советом, на который созвал своих баронов Монфор в конце ноября 1217 года, было толковым и мудрым: двойная осада оставит тулузцам лишь два возможных исхода — сдаться или голодать, и тогда достойный кардинал, епископы и аббаты смогут проповедовать по всему краю мир и уничтожение катарской ереси.

Назавтра же в лагере осаждавших закипела работа. Люди Монфора укрепляли защитные сооружения и возводили прямо на берегу реки дополнительный город: копали рвы, строили стены, пробивали в них ворота. В начале зимы 1217—1218 года рядом со старым городом выросла «Новая Тулуза» (которая на самом деле была своего рода предместьем, получившим имя Сен-Сиприен). Конечно, этот город был поменьше, но он был надежно защищен с суши — крепостью, которую называли Нарбоннским замком (*Château Narbonnais*)¹, и зубцы ее «ощетинились арбалетами» (ПКП, 190), а со стороны реки — стенами нового города, откуда лучники Монфора могли наблюдать за Гаронной и контролировать передвижения по ней. Единственной заботой графа было хорошо укрепить этот новый город, чтобы можно было обороняться. В течение нескольких меся-

¹ Крепость была построена к югу от Тулузы, вне ее стен, на правом берегу Гаронны. См. Приложение VI.

цев на берегах широкой тулузской реки суетились аббаты, бароны и сеньоры, наблюдая за работами и восхищаясь результатами. Однако время от времени им случалось и заспорить.

Предметом раздоров, чаще всего всплывавшим в их словесных стычках, была ошибка, которую они совершили, разрушив старую Тулузу.

«Мы пожалели то, что посеяли, — сказал один из сторонников «благородного графа» де Монфора. — Причинив столько зла этому городу, и так безжалостно, мы толкнули его в объятия прежнего графа, Раймонда VI, которого Тулуза считает теперь своим спасителем».

«Тот, кто завоевывает земли героическими усилиями, а затем ведет себя жестоко, истязает и убивает людей, пробуждает во всех злобу и враждебность и когда-нибудь пожнет плоды неутоленной ненависти, — подхватил один из самых давних крестоносцев Монфора, Робер де Пикиньи. — Победенный сеньор — в данном случае бывший граф Тулузский — вскоре возродится из мертвых. Северным французам это свойственно: завоеватели по природе, они умеют возвыситься до орлиных вершин, но, оказавшись на самом верху колеса Фортуны, раздуваются от гордыни, лестница под ними рушится, и вот они уже летят носом в грязь. Именно из-за своей гордыни и глупой, безумной жажды воевать когда-то погибли в Испании Оливье и Роланд, и вот почему, — мудро закончил свою речь сеньор де Пикиньи, — Симон де Монфор теряет теперь свои земли, отдав их нашим чертовым крестоносцам: завоевав все, он увеличил налоги, стал грести деньги, ограбил народ и причинил Тулузе столько страданий, что город открылся навстречу старому графу Раймонду как спасителю, когда тот приблизился к стенам своего прежнего города. Каким безрассудством было отдавать этот край таким разбойникам, таким негодьям, такому сброду!»

После долгих месяцев изнурительного труда к концу 1217 года «Новая Тулуза» понемногу стала обретать очертания. Ги де Левис, который следовал за Симоном де Монфором с августа 1209 года, с тех пор, как был взят Каркассон, побуждал благородного графа действовать быстро.

«Граф, довольно речей, — вскричал Ги де Левис.

[...]

В один из ближайших дней, в час, когда на башне часовой протрубит зорю, нападём на город.

[...]

Зима темна, сурова, ее короткие дни неласковы.

Тулузцы будут с женами в постели:

пока они продерут глаза и натянут штаны,

наши люди и кони будут уже на месте:

перескочив через рвы, преодолев заграждения,

мы перебьем стражу у ворот.

[...]

Пусть меч, гром, огонь, резня

и льющаяся кровь к вечеру укажут,

кто должен праздновать победу, а кто падет.

По крайней мере, если проиграем, так умрем с честью».

(ПКП, 192)

За этими словами последовало недолгое молчание, затем рыцарь Алан де Руси насмешливо откликнулся:

«Бога ради, мессир Ги, [...]

идите первым. Если граф, ваш друг,

последует за вами, я буду третьим...»

(ПКП, 192)

Монфор выбрал рыцаря и сообщил своим приближенным о том, какое решение он принял и к какой стратегии намерен прибегнуть:

«Алан, Ги сто раз прав,
мы сделаем так, как он сказал.

[...]

Завтра, на рассвете, облачившись в доспехи,
часть наших людей верхом на арабских конях
двинется на приступ [...].»

(ПКП, 192—193)

За этим последовали стратегические указания, которые Монфор отдал своим рыцарям: когда встревоженные их появлением тулузцы выстроятся у стен города, крестоносцы устремятся прямо на них, пришпоривая коней; враг поспежит укрыться за городскими стенами, и крестоносцы войдут в Тулузу следом за ним. Оказавшись в городе, они будут сражаться за каждую улицу, за каждую площадь до тех пор, пока не победят или не погибнут. «Лучше пасть в бою, чем утратить честь и разум в бесконечной осаде», — заключил Монфор. Но последнее слово осталось за его сыном Амори, который гордо воскликнул: «Хорошо сказано, отец, я поведу на приступ первый отряд» (ПКП, 193).

* * *

Совет закончился. Одни отправились есть, другие — спать. С самого рассвета тем свежим февральским¹ утром 1218 года в домах и на улицах Новой Тулузы рыцари Монфора готовились и действовали в молчании. Одни прятались в засадах среди лесов и полей у стен старого города, другие, пустив коней неспешным шагом, словно на прогулке, удалялись прочь. Едва заметив их, тулузские часовые, как и предполагал Монфор, забили тревогу, рыцари и солдаты повскакивали с постелей,

¹ Месяц точно не определен, но это согласуется с контекстом («замерзшая грязь...»).

спешно оделись, схватились за оружие. Со всех сторон затрубили трубы, и над армией высоко взвились флаги герцогов Тулузских, чья армия, во главе которой галопом скакал Бернар де Комменж, вылетела из ворот старого города с криками: «Бей французов! Вперед, на Монфора!» Со своей стороны, Монфор, которого сопровождал его сын Амори и за которым следовала дюжина рыцарей, пришпорил коня и повел своих людей в атаку на тулузцев, никак не ожидавших, что «французы» нападут на них так стремительно; так что они дрогнули, растерялись и, спотыкаясь, посыпались в наполненные водой рвы. Увидев это, крестоносцы усилили натиск, все ближе подбираясь к воротам старого города. Но вскоре им пришлось отступить — тулузцы предприняли ответное наступление, как сказано в «Песни о крестовом походе»:

Тулузцы, на мгновение дрогнувшие,
 навалились со всех сторон с новыми силами. Французы
 попытались укрыться от ливня мечей,
 они под сокрушительными ударами падали в рвы
 или беспорядочно бежали, бросая мертвых людей
 и павших коней в замерзшей грязи.
 Щиты с гербами, попоны парадных коней,
 двойные кольчуги,
 поводья, кожаные седла, расколотые стальные нагрудники,
 наполовину затонув в грязи, покрыли землю.
 Бой завершился. Не осталось никого,
 кто не истекал бы кровью, не страдал бы, не хромал
 и не стонал.

Тулузцы вернулись за свои укрепления,
 радостно празднуя победу. [...]

(ПКП, 193)

Снова укрывшись за мощными стенами крепости, Нарбоннского замка, Монфор, проигравший сражение, разочарованный, угрюмый, отстегнул меч, снял пояс,

подошел под благословение к облаченным в пурпур и золото епископу и легату и озлобленно, раздраженно, с досадой бросил им:

— У этих бешеных тулузцев в душе дьявол сидит! Но если до этого дня Господь всегда помогал мне, то сегодня о вас того же не скажешь! Этот город, Тулузу, я завоевал крестом; сегодня у меня было лишь два помощника, вы и мой меч, и оба эти помощника меня предали... Простите меня, я не в силах совладать с яростью... Но чего вы хотите: видеть себя побежденным этими убогими — такого унижения я стерпеть не могу. Я думал, что придет конец моим несчастьям, в Лангедоке наконец воцарится мир, и останется завоевать лишь Прованс. Внезапно все мои надежды рухнули; я надеялся, что старый граф Раймонд, раз и навсегда побежденный, останется в Испании, — и вот он появился вновь, горячий и удалой, как никогда, и сумел выстоять против моей армии со своим жалким войском. Клянусь, что не сниму осаду Тулузы прежде, чем разорю дотла этот город, а его хозяина втопчу в грязь.

Кардинал-легат, как мог, успокаивал Монфора, обещал ему отправить епископа к принцу Луи¹, сыну короля Франции Филиппа Августа с тем, чтобы попросить его о помощи, и вернуться через год на берега Гаронны с ним и с многочисленным подкреплением крестоносцев; и тогда, уверял он, старому тулузскому графу, Раймонду VI, придется сдаться и склонить голову.

Зима понемногу шла к концу. На Пасху, 15 апреля 1218 года, Монфор, его брат Ги, его сын Амори, кардинал-легат Бертран и наиболее знатные крестоносцы собрались вместе на тайное совещание. «Благородный граф», охваченный нетерпением, злился и ярился: он находил, что крестовый поход слишком дорого ему об-

¹ Будущий Людовик VIII.

ходится, слишком много требуется денег, слишком много людей. Кардинал его успокаивал: он, по его словам, разослал повсюду своих проповедников; он пообещал, что к Троицыну дню — «когда настанет время любви», с улыбкой прибавил он, — христиане со всего мира заполнят дороги Лангедока. «Вместе с ними мы войдем за стены Тулузы, вы возьмете этот город, мессир граф, вы предадите огню его прекрасные дома, а его жителей обратите в пепел» (ПКП, 195).

Пока французы разглагольствовали, тулузские бароны под предводительством лучших из них пришпорили коней и прискакали к лагерю крестоносцев. Те, увидев их, испугались и прекратили разговоры. Слышно было, как из их толпы доносятся крики: «Спаси нас, Пресвятая Дева!» Все облачились в латы, вооружились. Монфор взмахнул мечом, и через несколько минут земля была усыпана кусками разрубленной плоти, по траве раскатились окровавленные головы, повсюду валялись выпущенные потроха. Однако и копья, и мечи тулузцев славно поработали, и в рядах войска Монфора французы, бургундцы, бретонцы и нормандцы тоже падали на землю изрубленными в куски или же обращались в бегство.

Затем войскам «благородного графа» удалось построиться заново, подоспело подкрепление, и крестоносцев внезапно оказалось так много, что теперь тулузцам в свой черед пришлось улепетывать; однако вскоре их бегство остановил мощный голос сира Юга де Ла Мота, кричавшего им: «Стойте, сеньоры, давайте защищаться, какого черта! Лучше умереть стоя, чем жить склонившись!» (ПКП, 195.) И его копьё, брошенное сразу после этих слов, со свистом пронеслось по воздуху и пронзило ближайшего из преследователей. И тогда гордый гасконец, сир Альмавис де Пестийяк в свою очередь решил воодушевить тулузцев и, взревев: «Разворачивайтесь, друзья!» — принялся бить, крушить, рубить,

истреблять людей Монфора. По всей Тулузе народ, ремесленники, мирные обыватели и многие другие, кому в жизни не доводилось размахивать мечом, подстегивали друг друга: «Пойдем поможем нашим!» — вопили они. Выскочив из рвов, они заполнили луг; автор «Песни о крестовом походе» описывает нам обстановку боя:

Толпы врагов с грохотом смешались.
Крики, рев рогов и труб сотрясали стены,
колыхали воду Гаронны и заставляли содрогнуться
чистое небо.

Тулузские бароны шли в бой
с криками: «Вперед, Авиньон! Бокер! Тулуза наша!»
Мечи, дубинки, головни, гизармы¹,
копья, камни, тяжелые палицы,
пики, булыжники, дротики и кулаки,
длинные свистящие и тонкие легкие стрелы
сыпались со всех сторон так плотно, что все,
даже самые закаленные воины, испугались.

[...]

Граф де Монфор, в самой гуще схватки,
яростно сражался. Он убил двух тулузцев.
Но на него со всех сторон устремилось столько оружия,
что конь его споткнулся, и лука седла
расколосась. Вот он на земле. Но он не сдался,
устоял, развернулся и на коня
одним махом взлетел.

[...]

Множество рыцарей
остались лежать в Монтулье, на гибельном лугу,
где трава с каждым днем становилась краснее от новой
крови.

[...]

Граф де Монфор, вернувшись оттуда, в ярости

¹ Средневековое колющее оружие.

хрипло стонал. «Господи Иисусе, — сказал он, — где же моя звезда, где моя счастливая доля, мое дружественное светило, которое на суше и на море так долго меня вело, так верно помогало?»

(ПКП, 195)

Так продолжалось еще три или четыре недели. Таким образом, на восьмом месяце этой нелегкой осады, в мае 1218 года, войска «благородного графа» были все на том же месте, но потеряли немало солдат. И тогда Монфор, посоветовавшись с кардиналом-легатом, принял серьезное решение — отказаться от намерения завладеть Тулузой, а вместо того разрушить ее квартал за кварталом, дом за домом, камень за камнем. Он без промедления задал работу плотникам, велел им строить деревянные башни, чтобы штурмовать укрепления, и ставить катапульты и камнеметы, чтобы обстреливать городские стены. Через три или четыре дня из ближнего леса вылетел конный гонец — «веселый и радостный», как сказано в «Песни о крестовом походе», — с вестями, которые воодушевили Монфора: епископ Фульк и графиня Алиса скачут к нему во весь опор вместе с доблестным генералом, отличившимся в битве при Бувине¹, Мишелем де Арном, и еще двумя или тремя героями, также сражавшимися за короля Франции², в сопровождении «сотни тысяч крестоносцев»³, которые завтра, по их уверениям, заставят содрогнуться стены Тулузы.

«Благородный граф» вздохнул с облегчением. «Наконец я спасен», — произнес он, устремляясь навстречу этому новому крестоносному подкреплению, а вокруг уже раздавались крики радости. Назавтра, выйдя к вой-

¹ 27 июля 1214 года, против войск германского императора.

² Речь идет о Гильоме де Мелло и Готье де Лангтоне.

³ Число невероятное; «десять тысяч крестоносцев» — число более правдоподобное.

скам, которые теперь прибывали к нему бесперебойно, он сказал: «Сеньоры, если вы возьмете Тулузу, вы получите в изобилии все, чего только можете пожелать: этот город — истинный кладезь сокровищ, неисчерпаемый кладезь; советую вам приготовить большие и прочные повозки для того, чтобы все это увезти, когда вы победите».

На этот раз решительное сражение, казалось, близилось. Крестоносцы были готовы вступить в бой и с удовольствием встречали подкрепление, которое теперь непрерывно стекалось на берега Гаронны. Для них, особенно с таким полководцем, как Монфор, слово «подкрепление» означало близкую победу, а значит, и близкую добычу, и лица их озарились радостью. Что же касается тулузских баронов, те наспех собрались и с оружием в руках поспешили к рвам, палисадам и заставам, в то время как лучники расходились по местам; они уже слышали тяжелую поступь крестоносцев Монфора, которые молча шли вперед под майским солнцем, игравшим на их щитах и кольчугах. Вскоре крестоносная армия остановилась и принялась разглядывать обе «Тулузы», старую, огромную и величественную, с ее прославленными стенами, и новую, над Гаронной, с теснящимися у подножия городских стен лодками и судами.

Монфор встал перед ними. Люди перестали шептаться, воцарилась тишина. Граф велел одному из своих пажей снять с него шлем, а потом стал объяснять своим баронам, как следует правильно вести осаду.

«Господа, — произнес он, — вы собрались здесь, чтобы послужить вашей Церкви и победить этот город. Идите же вперед. Расставьте ваших людей в предместье Сен-Сиприен, на берегу реки. Тогда осажденные будут надежно окружены и не смогут ни выйти, ни получать припасы. Оголодавших, закахших, мы без труда победим их.

Если мне, наконец, дано будет покорить Тулузу,
вы разделите между собой ее добро и сокровища.
Мне ничего не надо. Мое единственное жгучее желание —
не оставить здесь ничего, кроме мертвой плоти и праха».

(ПКП, 196)

По рядам собравшихся баронов пролетел шепот, и один из них, Амори де Краон, выступил вперед и заговорил, желая предостеречь Монфора от чрезмерной поспешности: «Мы устали, и наши кони доведены до изнеможения; дайте нам набраться сил, и тогда мы пойдем в бой храбро, как и должны; выкопанные нашими врагами рвы до краев заполнятся их телами, мы возьмем город и отдадим его вам».

«Идите спать, бароны, завтра поговорим», — решил Монфор.

В лагере противника готовились отразить штурм, намечавшийся со всей очевидностью. Тулузские бароны собрались на совет, чтобы поговорить о том, как строить оборону. Сир Роже-Бернар, сын графа де Фуа¹, успокоил остальных: их дело — правое, их город стоит крепко, их сеньор, Раймонд VI, — честный и надежный, Иисус любит тулузцев, сказал он. Вскоре крестоносцам, которые напали на Тулузу, придется на собственной шкуре испытать, из какого камня вытесаны их души:

«Станем жестоко теснить их войска, ночью и днем,
построим новые оборонительные укрепления,
обновим старые, окружим город
заставами, кольями столь прочными, что страх
вскоре покинет нас и отправится терзать их утробы».

(ПКП, 197)

¹ Не следует путать с его отцом, Раймондом-Роже, защищавшим юного графа Тулузского, Раймонда VII на Латеранском соборе.

Жители Тулузы тотчас рьяно взялись за дело под руководством молодого графа де Фуа, который в предвидении боя велел рыть новые рвы, ставить палисады, чинить стены: «Дети, родители, друзья, тощие и тучные, никто не ждал соседа...» — говорит автор «Песни о крестовом походе». Что касается графа де Монфора, который был вне города, тот держал речь перед своими солдатами:

«Жители Тулузы — такое сборище разъяренных хищников, что с ними приходится сражаться всему христианскому миру. Моя душа рвется на части, когда я вижу эти стены. Чем больше у меня войск, тем больше растет ужасающая дерзость этих людей. В эти дни они возводят новые укрепления. Мы должны любой ценой их разрушить, иначе я — не Монфор, а вы все — трусы. Но я полон веры. Я чувствую, что они выдохлись. Мы победим. А пока мне представляется необходимой еще одна преграда на том берегу. Тогда никто не сможет ни выйти из города, ни подвезти туда продовольствие. Им придется сдаться. Если они не уступят, мы возьмем их штурмом».

(ПКП, 197)

Бароны единодушно его поддержали. Подкрепление расставили по местам, а остальная часть войска перешла Гаронну по Старому мосту, который теперь называют «мостом Мюре»¹. На рассвете Монфор разбудил баронов, и те, вооружившись и снарядившись, выстроились в окрестных полях. Затем протрубили рога, и теплый майский ветер донес их воинственное послание до городских стен. Тулузцы, укрывшись за зубцами и бойницами, наблюдали за французами и следили за их передвижениями. Они разделили свое войско на две равные части: одна, под предводительством графа де Комменжа,

¹ См. план, Приложение VI.

должна была распределиться по стенам и оборонительным укреплениям, над возведением которых они работали почти год; другая, под командованием Роже-Бернара де Фуа, вышла из города и встала на берегах Гаронны (заметим, что старые тулузские полководцы, чьим вождем был граф Раймонд VI, уступили место новому поколению воинов; во главе их скоро встанет Раймонд VII Младший, сын организатора Тулузского мятежа).

Крестоносцы, со своей стороны, наступали; вскоре они вошли в предместье Сен-Сиприен, где тулузцы стойко и непоколебимо их ждали. Завязался бой, но осажденные, как сказано в «Песни о крестовом походе», сопротивлялись так упорно, что люди Монфора «с рассеченными щитами и кольчугами, в помятых доспехах» через непродолжительное время вынуждены были отступить. Они убегали вдоль берега Гаронны, а тулузцы жестоко их преследовали, и иногда им удавалось нескольких сбросить в воду.

Монфор сумел кое-как выстроить свои войска и вернуться в лагерь, а его противники тем временем с пением возвращались в город. В лагере крестоносцев полководцы после долгого обсуждения нынешнего положения дел, не желая сдаваться, все же признали, что продолжать осаду под самыми стенами города, столь хорошо защищенного как своим расположением, так и своими многочисленными войсками, было бы чистейшим безумием. А потому они свернули свои палатки, а потом расставили их чуть подальше на берегу Гаронны.

Едва войдя в город, тулузцы велели передать старшим в группах плотников следующий приказ: «Ставьте стенобитные машины». Несколько часов спустя сотни людей («десять тысяч», уверяет «Песнь о крестовом походе», но это явно преувеличенное число: достаточно было нескольких десятков человек для того, чтобы управлять каждой из этих исполинских рогаток, способ-

ных стрелять более чем на сотню метров крупными камнями), поплевав на руки, принялись тянуть за канаты камнеметов и обстреливать стены Нарбоннского замка, по-прежнему остававшегося в руках крестоносцев. Их ядра обломали зубцы стен, вышибли ворота и вдребезги разбили окна, а на улицах Тулузы тем временем уже радовались победе. Дело в том, что по всей Гаскони разлетелась весть: доблестный граф Раймонд VII (напомним, что он родился в 1197 году, и ему, стало быть, исполнился двадцать один год), сын Раймонда VI, приближается к городу, он идет из Прованса. И на улицах Тулузы только и слышалось: «Ура! Тулуза! Смелее! Храбрый молодой граф уже в пути!»

Радость быстро угасла, поскольку на город внезапно обрушились гром, ветер и дождь. В течение трех дней и трех ночей потоп не прекращался, он бушевал с такой яростью, утверждает анонимный автор второй части «Песни о крестовом походе», что Гаронна переполнилась, вышла из берегов и затопила их вместе с садами, переулками, площадями, хлынула на город, залила все подвалы, под водой скрылись мосты и мельничные колеса:

[...] Остались лишь торчать
среди потока две прекрасных мощных башни
с зубчатыми верхушками, занятые славными
тулузцами, храбрыми баронами.

(ПКП, 198)

Как только земля просохла, Монфор вновь предпринял осаду, сосредоточив свои усилия на этот раз на предместье Сен-Сиприен (на левом берегу Гаронны), чьи стены, наполовину разрушенные грозой, легко было преодолеть; однако мост Мюре, соединявший предместье с собственно городом, рухнул во время разлива реки, и пришлось его заменять веревочным мостом. В то же время люди Монфора начали штурм одной из зубчатых башен, которую артиллеристы обстреливали из стено-

битных машин. Битва за мосты и башни продолжалась добрых два дня, под наконец-то вернувшимся на небо жарким майским солнцем; затем в городе начались жестокие уличные бои. Разумеется, современному историку трудно за неимением точных документов описать, как происходила осада и как шел бой за Тулузу: из всего этого в «Песнь о крестовом походе» вошли лишь несколько датированных (что для историка бесценно) эпизодов, но мы не можем судить о том, какое они имели значение для исхода сражения.

Несомненным представляется то, что Монфор, едва прибыв из Бокера в Тулузу в сентябре 1217 года, разместил свой штаб в крепости, которая в «Песни о крестовом походе» именуется Нарбоннским замком, и что к этому времени намерения у него были вполне определенные. Он принял именитых горожан, которые попросили сжалиться над ними, над городом и над его «невинными жителями», Монфор же назвал последних «отъявленными лицемерами» и приказал Алану де Руси взять просителей в заложники и отправить их «гнить в Нарбоннском замке» (ПКП, 171 и 329). Когда Раймонд VI Тулузский после двухлетнего изгнания вернулся в 1217 году в свой город и Тулуза восстала против французских оккупантов, крестоносцы снова укрылись в этой крепости. «Их там было больше тысячи», — говорится в «Песни о крестовом походе» (лесса 183), и среди них — Монфор, его жена, его брат Ги, его сын Амори, жены двух последних, их дети и многочисленные внуки.

Разумеется, в Нарбоннском замке один военный совет следовал за другим, по мере того как приходили известия о передвижениях войск или прибытии подкрепления. Недавно прибывшие крестоносцы радостно кричали «Монфор!» или же насмехались над тулузцами: «Скоро у вас ни города, ни страны никакой не останется, и жить вам будет нигде!» (ПКП, 199).

А тулузцы им отвечали: «Наши копья и наши мечи

затолкают вам, разбойникам, ваше вранье и бахвальство обратно в глотки! Сколько ни горланьте, на нашей стороне право, мужество и славный сеньор!»

У них, кроме того, были и славные воины, которые сражались за честь Тулузы, и им не терпелось вступить в бой, как, например, Бернару де Каюзаку, который только что прибыл во главе своего войска, Раймонду де Во или, например, Везиану, виконту Ломаня. У Монфора тоже в храбрецах недостатка не было, однако у него не хватало денег, и он уже не мог расплатиться со своими наемниками. Ему тоже не терпелось вытащить из ножен меч, но он опасался, что солдаты бросят его одного и уйдут.

Утром в день святого Иоанна Крестителя Монфор облачился в доспехи, опоясался мечом, созвал баронов и войска и приготовился идти на штурм. Часть тулузцев выступила ему навстречу:

[...] жители города, дети, убеленные сединами старики,
храбрые воины и случайные вояки,
рыцари и мирные горожане, брабантцы с пудовыми
кулаками,
простолюдины, храбрецы, стосковавшиеся по сражениям,
метатели дротиков, щитоносцы и сержанты,
пращники и пехотинцы шумной толпой
заполнили сады, дороги, поля.

[...]

Горожане шли вперед. Надо было
разрушить планы врага. Они вступили в бой.
Битва тотчас сделалась кровавой, жестокой.
На обширной паперти у стен храма Спасителя,
вне стен Тулузы,
воины Монфора и тулузцы сошлись
в яростной схватке.

(ПКП, 199)

Вот-вот должен был начаться решительный штурм, на который поведет своих людей неутомимый семидесятилетний воитель, благородный граф де Монфор, кото-

рому помогал рыцарь Амори де Краон, прибывший из северной Франции несколькими неделями раньше вместе с другими рыцарями¹ и значительным подкреплением, в том числе фламандскими отрядами. Но поскольку дело происходило в рыцарские времена, бой в лагере крестоносцев начался с того, что сегодня мы называем «войной в кружевах», то есть с обмена любезностями, пример которых мы приведем ниже.

Монфор, поспешивший вместе с несколькими знатными сеньорами навстречу графу де Суассону, который во главе большого войска только что присоединился к крестоносцам, сказал ему следующее:

«Мессир, я дорожу вашей дружбой.
Я жажду ее. С моей стороны, знайте,
я уважаю вас больше, чем любого другого барона.
Как только стало известно о вашем приближении
и о приближении мессира Эда д'Анживилле,
я велел строить для вас боевые машины.
Я хочу, чтобы вам достались слава и честь
первыми войти в ворота города.
Вы получите ту часть добычи, какую захотите.
[...]
и я разошлю повсюду гонцов
с известьем: «Тулузу взял Рауль де Суассон!»
Тот рассмеялся и ответил насмешливо:
«Будьте благословенны, сеньор! Вот я вдруг

¹ В «Песни о крестовом походе» (лесса 200) упоминаются следующие имена: Готье де Камбре, Амори де Краон, Гибо де Блезонг, Дре де Мелло, Жильбер де Рош, Обер де Шодрон, Рауль де Нель, Жоффруа де Ла Трюи, Рено д'Обюссон, Жан де Берзи, Ренье де Ранкон, Тибо д'Орьон, Пьер де Скоррай, Жильбер де Мобюиссон, Жерве Ле Вотр, Робер де Пикиньи, Робер де Бомон, Робер де Шалон, Робер де Шинон, Рено де Три, Рауль де Пуатье, Жан де Буйон, Жиро де Лансон, Ги де Мортань, Ренье ле Фризон, Амори де Люзе, Бертран де Курсон, а главное — граф де Суассон, прибывший с войском.

и признанный завоеватель, приличный казначей
и хозяин этих мест! Тысячу раз спасибо, это слишком.
Кто бы из нас двоих ни взял Тулузу,
я оставляю вам ее добро. Мне ничего из него не надо¹.
Впрочем, если хотите послушаться моего совета, дорогой
друг,
остерегитесь потратить хоть су до того, как расплатитесь
со своими сержантами [*вербовщиками*], ожидающими
жалованья».

(ПКП, 201)

Когда над далекими горами взошло дневное светило, на лицах жителей Тулузы ясно читалась тревога; они не спали всю ночь и теперь были одни против целого света; однако, как пишет поэт, «Сын Марии пришел им на помощь». И в самом деле, ночью, возвратившись из Арагона, молодой граф Раймонд VII, которого тулузцы ласково прозвали «Раймонде», незаметно вошел в город с мечом на боку и под знаменем с гербом Тулузы. В то же мгновение флаг Монфора с вышитым золотом львом, перед тем развевавшийся на одном из зубцов Нового моста, упал в Гаронну. И тогда сердца тулузцев охватила беспредельная радость; они увидели в этом происшествии знак: чистый юноша победит злобного дикого зверя. От приветственных криков «дрожало небо». Весь народ, с рыцарями и зажиточными горожанами во главе, устремился к лагерю баронов Монфора:

«[...] Робен, сюда! Сюда, Готье!
Эй, с копьями сюда! Бей! Бей проклятых французов!
Колесо Фортуны повернулось! Слава Богу,
Он вернул нам Раймонде, Тулузского наследника,
и пламя в наших сердцах вновь ярко пылает!»

(ПКП, 201)

¹ Таковую же речь Монфор прежде держал перед собственными войсками.

Монфор не растерялся: ему было за семьдесят, и он еще не такое повидал за свою жизнь воина. Он верил в своих рыцарей и в свое оружие, и не городским беспорядкам было его испугать. Едва слышав шум, он направился к монастырю Сен-Сернен, по-прежнему остававшемуся в руках крестоносцев, и стал расспрашивать своих людей. Получив необходимые сведения, он быстро отдал приказы и начал бой против войск «Раймонде».

Когда мы читаем эту вторую часть «Песни о крестовом походе», анонимный автор которой, как мы уже говорили, в отличие от Гильема из Туделы, был благосклонен к тулузским националистам, нас удивляет то, с какой быстротой при любых обстоятельствах реагировал на все Монфор, несмотря на возраст, шла ли речь о том, чтобы отправить в бой своих рыцарей или же биться самому. Семидесятилетний граф и французские бароны, среди которых любой годился ему либо в сыновья, либо во внуки, сражались день и ночь едва ли не неделю. Как следует из текста «Песни о крестовом походе», Монфору удалось завлечь тулузцев в предместье Сен-Сиприен («Новой Тулузы»: мы настоятельно рекомендуем читателям взглянуть на план в Приложении).

Главные сражения происходили сначала рядом с приютом Грав на левом берегу Гаронны, и все они заканчивались победой тулузцев. Те, как сказано в «Песни о крестовом походе», теснили и гнали французов, сбрасывали их в воду «шаткими гроздьями»; выжить удалось только тем из крестоносцев, кто хорошо умел плавать. «Остальные — прощайте!» — почти весело замечает анонимный автор. Кроме того, он описывает, как плыли по реке копья, шлемы и доспехи французов, прибавив, что первым из знатных крестоносцев погиб некий Рауль ле Шампенуа. Французы вернулись из это-

го сражения пристыженными, и Монфор встретил их «жестокими насмешками»¹:

«Браво, сеньоры, браво! Вы одержали над горожанами необыкновенную победу!

Все побеждены и взяты в плен, прекрасно! Как, я ошибаюсь?

Ради Пресвятой Девы, скажите, неужели они так отважны, что вы вернули этим людям их оружие?»

(ПКП, 202)

Монфор, разозлившись на отсутствие воинского духа у крестоносцев, вновь перешел реку и отправился в Нарбоннский замок, чтобы устроить там военный совет, который продолжался до поздней ночи и куда были приглашены кардинал-легат, епископ Фульк и уже упоминавшиеся выше полководцы.

«Сохрани меня Боже потерять хоть пядь этой земли, хозяином и господином которой я стал священным решением папы и его соборов, — сказал Монфор. — Но взгляните на меня сегодня — разве так выглядит хозяин? Мне необходимо завоевать Тулузу не позже чем через месяц, поскольку у меня ни гроша не осталось, чтобы продержаться; если мне придется свернуть лагерь до того, как я одержу победу, за последствия будет расплачиваться Церковь, и вера будет утрачена».

Тогда граф де Суассон указал Монфору на то, что он не имеет права требовать себе Тулузское графство, поскольку Латеранский собор, своим решением отнявший его у Раймонда VI, терпевшего на своих землях еретиков, тем не менее официально Монфору его не передал и тот остается лишь временным его обладателем; феодальное право требует, чтобы сюзерены этого граф-

¹ Дословно это можно перевести так: «И Монфор жестоко их выбранил».

ства, французский и английский короли, по всем правилам сделали его законным владельцем феода. Однако граф ничего и слышать не желал. Он, по его словам, уже все, что требовалось, доказал, завоевав Бигорр, Керси, Ажене, альбигойские земли и владения Комменжа. Теперь ему осталось лишь подчинить себе Тулузу, и тогда Святая Церковь может быть уверена в том, что в Лангедоке не осталось места, где приютили бы еретиков. В заключение он произнес: «Завтра, с первыми лучами солнца, мы проломим брешь в городской стене; благодаря исполинской подступной машине¹, которую я велел построить, мы постепенно доберемся до стен Тулузы, и тогда сможем обстреливать и разрушать один квартал за другим».

Амори де Краон грубо перебил Монфора (ПКП, леса 203, которую мы пересказываем современным языком): «Позвольте мне, сеньор, задать вам глупый вопрос: каким же образом вы рассчитываете за это взяться? Еще ничего не решено: в городе полно съестных припасов, и измором вы его не возьмете, голод вам не союзник. Взять его приступом? При малейшей попытке это сделать тулузцы выйдут из города и нападут на вас в чистом поле, за пределами вырытых вами траншей. Вы никогда не сможете окружить их и загнать в ловушку: Тулуза — это не Бокер, не Мюре и не Кре. Так что прошу вас, перестаньте хвастаться тем, как вы возьмете Тулузу: до победы еще далеко».

«Сеньор Амори, вы что же, на их стороне? — ответил ему кардинал-легат. — У вас нет доверия к Церкви, которую я здесь представляю? В этом грехе вы завтра

¹ В оригинале обозначенной как «chatte»; авторская сноска к этому слову поясняет, что обычная машина этого рода представляла собой большой деревянный ящик, объемом примерно в двенадцать кубических метров, куда в последнюю минуту запускали десяток солдат. (Примеч. переводчика.)

покаетесь и в наказание будете посажены на черствый хлеб и воду; такому же наказанию будет подвергнут и Рауль де Суассон. Так угодно Господу».

«Вы говорите, Господу так угодно? — отозвался Амори. — Но во имя какого же закона? В какой божественной книге вы его нашли? В каком из Святых Евангелий, в какой из заповедей сказано, что справедливо лишить наследника земли, принадлежавшей его предкам?»

«До этого еще не дошло, — признал Монфор. — И тем не менее, сеньор Амори, говорить так с кардиналом-легатом, как говорили вы, — тяжкий грех, так что будьте благоразумны и покайтесь, как вам было сказано».

Спор, как говорится в «Песни о крестовом походе», продолжался до поздней ночи. Наутро, с первыми рассветными лучами, Монфор снова вернулся к своему намерению разрушить стену Тулузы при помощи исполинской подступной машины, нарочно для этого построенной. Запели трубы и рожки, Монфор созвал своих людей, и огромный ящик, который «мощно толкали под яростные выкрики» (ПКП, 203), вместе со стенобитной машиной не без труда подтащили от Нарбоннского замка к стенам города.

Едва управились с этой работой, как тулузцы со стен, где они установили свою машину-требуше, принялись обстреливать сооружение Монфора. Первый снаряд — камень весом в двести или триста фунтов — просвистел в воздухе, обрушился на деревянную крышу ящика и разнес в клочья его крепления, ремни, железные оковки и просмоленные кожаные навесы, защищавшие тех, кто управлял машиной, от стрел и дротиков. Монфор был в отчаянии. Еще один такой выпад, и от его подступной машины, на строительство которой потребовалось десять дней, останутся щепки; а за те десять дней, которые у него уйдут на то, чтобы построить новую машину, Раймонд VI, воспользовавшись удобным случаем,

полностью завладеет Тулузой. И «благородный граф» вскричал: «Иисусе, Спаситель наш, еще один подобный удар — и Церковь, и Крест навсегда погублены!» Бароны принялись его утешать, человек двадцать взялись за дело, стараясь откатить машину в безопасное место, но второе тулузское ядро рассекло воздух и обрушилось на огромный деревянный ящик. Люди, суетившиеся вокруг него, смертельно раненные, повалились на землю, те же, кого не задело выстрелом, обезумев от страха, пустились бежать. Граф, оставшийся в одиночестве, вопил во все горло, требуя, чтобы они вернулись:

«Во имя Господа, вернитесь, это приказ!

Беритесь за канаты, или вам несдобровать!»

«Лучше гореть в лихорадке, — лепетали трусы, — чем быть запертыми заживо в этой проклятой машине!»

(Там же)

Тулузцы остались довольны своими машинами, чьи снаряды, похоже, серьезно повредили машину Монфора. Тем не менее они на этом не успокоились. «Иисусе сладчайший, — шептали они, — на этот раз мы и в самом деле нуждаемся в Твоей помощи!»

Граф де Комменж поспешил поднять настроение своим тулузским союзникам: «Эта машина, — сказал он им, — и впрямь угрожает нашим стенам, но, если мы будем бдительны, мы придумаем, как ее уничтожить и привести в растерянность наших врагов; всякий раз у них будет уходить несколько дней на постройку новой...»

«...и даже, — подхватил молодой Роже-Бернар де Фуа, — если они сумеют пробить с ее помощью наши стены и их воины проникнут в Тулузу, мы с вами, сеньоры, вооружившись мечами, палицами и ножами, учиним такую резню в их рядах, что потом из их окровавленных мозгов сможем понаделать перчаток — хватит на всех».

«Послушайте меня, — сказал третий, Бернар де Казенак, до тех пор молчавший, — как бы там ни было, дайте Монфору и его французам возможность продвигать их смертоносную машину. Чем ближе она пододвигнется, тем вернее мы сможем на нее напасть и уничтожить: как только она окажется за палисадами, мы бросимся на нее и подожжем, и она сгорит вместе со всеми людьми, спрятанными в ее утробе».

«Сеньоры, — вступил в свою очередь до тех пор безмолвствовавший тулузский барон по имени Эсту де Лисас, — я кое-что придумал. Давайте построим за палисадами, на поле, защищенном с внешней стороны лишь одним рвом, толстую прочную стену с крепкими зубцами: с высоты этой стены мы сможем наблюдать за всеми нашими рвами и всеми нашими палисадами, так что ни французы Монфора, ни его боевые машины, в том числе и эта, не смогут к нам подобраться; пусть они только попробуют на нас напасть, и ни один из них не уцелеет».

Едва он произнес эти слова, как снова запели рожки, протрубили трубы, и все побежали к палисадам, к лестницам, принялись расставлять стенобитные машины, готовясь осыпать ядрами пресловутый деревянный ящик. Бароны из числа капитулов¹, при полном параде и знаках отличия, устроили раздачу продовольствия, простой же народ, прихватив лопаты, кирки, молотки, топоры и лоханы, немедленно отправился возводить стену. Девушки и парни весело распевали баллады и песни, не обращая внимания на стрелы и камни, которыми осыпали их французы из своих луков и пращей. Тулузцы, говорится в «Песни о крестовом походе», были так храбры и горды, что ни один из них не испугался.

¹ Капитул — тулузский синдик, член муниципального совета.

* * *

Как в Тулузе, так и в Нарбоннском замке все привыкли к этой странной осаде. Никто не боялся, несмотря на то что камни и стрелы царапали руки, ноги и грудь тем, кто трудился над возведением оборонительного сооружения, и народ утверждал, что Иисус охраняет своих детей, поскольку никто не был убит и никто не был ранен. Что же касается солдат Монфора, то они, облачившись в доспехи, покрепче насадив шлемы и зажав в руках мечи, погрузились в подступную машину, которую толкали от самого Нарбоннского замка напрямик к стенам Тулузы. Защитники города бодро и проворно расставили свои стенобитные машины, подтащили камни, поместили их в устройства для стрельбы с уже натянутыми веревками, затем одним резким ударом перерубили эти веревки, и тяжелые каменные ядра полетели прямо в подступную машину; обломки балок, на которых держался навес, обрушились на укрывшихся внутри солдат, а защитники, оставшиеся позади укреплений, обнимались, смеясь и распевая песни.

Монфор ярился и проклинал преследовавшее его невезение:

«Почему злая судьба так жестоко меня преследует? Церковь и ее ученые мужи нисколько мне не помогают, от епископа [Фулька] и легата [Бертрана] толку никакого, моя честь рассыпалась в прах, и мое сердце в печали. Столько оружия, столько денег, столько умов разом побеждены булыжниками из камнемета, какой позор! Победа была у меня в руках. Немного удачи — и город был бы моим. Машина была надежной, и вот она уничтожена. Не знаю, что делать».

(ПКП, 204)

Фуко де Берси, один из самых давних его соратников-крестоносцев, попытался его успокоить, обвиняя во всем ветхость досок, из которых была построена подступная

машина: «Эта машина уже гроша ломаного не стоила, мессир, мы слишком основательно ею пользовались».

«Послушай меня, Фуко, — ответил Монфор, — слушай, что я тебе скажу: клянусь Пресвятой Девой Марией, что не пройдет и недели, как я возьму Тулузу или отдам жизнь у подножия ее стен».

«Вы будете жить, если Господу это угодно, сир», — сказал Юг де Ласи, рыцарь, сражавшийся с ним бок о бок под Каркассоном.

В лагере французов еще долго шли разговоры. Каждый рассказывал свою историю, делился воспоминаниями: один вспоминал Сен-Жан-д'Акр и Саладина, другой — свои былые победы, третий задавался вопросом, что ждет их назавтра; но все сошлись на том, что бой, который им предстоит дать, будет решающим.

В тулузском же лагере Робер де Сальвентин, «славный рыцарь», как сказано о нем в «Песни о крестовом походе», подвел итог минувшего дня: «Клянусь Пресвятой Девой Марией, — проговорил он своим красивым низким голосом, — фигуры на доске расставлены, и нам предстоит разыграть шахматную партию; вскоре мы узнаем, кто завтра будет править в тулузских землях. Если угодно будет Господу нашему Иисусу Христу, еще до наступления завтрашнего вечера мы подожжем эту дьявольскую машину. Вперед, друзья, это наша последняя битва, будем стремиться к одной-единственной цели: разнести эту машину в щепки. И когда завтра кто-нибудь произнесет «Тулуза», слышаться будет «Честь».

Вот так в обоих лагерях ночь прошла за разговорами; воинственный пыл и у тех, и у других лишь нарастал. Едва рассвело, тулузцы поднялись первыми и взялись за дело. Лучники и арбалетчики поспешили ко рвам и палисадам. Сир Эсту де Лиас отправился проследить за ходом работ на уже почти готовой земляной насыпи: теперь надо было закончить проходы, крутые

спуски, зигзагообразные пути и лестницы из галечника, чтобы защитники Тулузы могли передвигаться без затруднений. Что же касается тех, кто остался в городе, они только об одном и думали: как только покажется подступная машина, надо обрушиться на нее и уничтожить. Бернар де Казенак призывал тулузцев убивать французов:

«Убивайте их безжалостно, чтобы сохранить свою жизнь!
Я хорошо изучил привычки французов:
они защищают грудь надежной броней,
но их ноги под ней едва прикрыты.
Так что, если будете целиться в подколенки,
солнце зайдет над жестокой резней!»

(ПКП, 205)

Вскоре начался последний бой. Тулузцы высыпали из-за городских стен с криками: «Смелее, Тулуза! Вперед! Убивай беспощадно!», и вскоре палицы, копья и мечи тулузцев зазвенели о шлемы французов, и рыцари кричали друг другу: «Бей этих недоносков! Крепче держите оружие, рубите поджилки! Смерть адской власти! Выпустим счастье на свободу!» (ПКП, 205). Все ринулись в битву, французские бароны выскочили из укрытия, верхом врзались в гущу сражения. Руки и головы летели в пыль, обогренную кровью умирающих.

Монфор, всю ночь не спавший, вернулся в Нарбоннский замок, чтобы слушать мессу. За ним явился щитоносец.

«Мессир, — сказал он — ваша набожность вас погубит, положение бедственное: тулузцы убивают ваших баронов. Если эта резня не прекратится, для вас все кончено, и сегодня же вечером вы потеряете Тулузу».

Монфор побледнел, глубоко вздохнул, осенил себя крестным знаменем, затем молитвенно сложил руки и прошептал: «Иисусе, даруй мне сегодня гибель в бою

или победу». Он велел одному из своих людей призвать наемные войска, которые держал наготове в Нарбоннском замке; вместе с ними прибыли несколько сотен французских баронов. Монфор встал во главе войска, протрубили рога и трубы, тулузцы начали отступать и, как сказал поэт, «смешенье шлемов и клинков, камнейев, стрел, зеркал казалось бешеной рекой, потоком, полным сил».

Но вот один из лучников, стоявший на бруствере, заметил Ги де Монфора, брата благородного графа, и пустил в него стрелу, которая попала в коня. Раненый конь развернулся и рысью пустился прочь. Тогда другой стрелок, в свой черед прицелившись из арбалета, поразил сира Ги в левый бок: стрела пробила его латы и вонзилась в плоть, брызнула кровь, заливая одежду. Он с трудом добрался до брата Симона, упал на землю и с трудом выговорил, преодолевая боль: «Увы, возлюбленный брат мой, сегодня Иисус не на моей стороне, он покровительствует тулузцам; мне же без промедления следует вступить в госпитальеры¹».

Пока Ги де Монфор все это говорил, женщины, окружившие на дозорном пути камнемет, выстрелили в Симона де Монфора. Их каменное ядро попало прямо в стальной шлем «благородного графа» и рассекло ему лоб: из раскрытого черепа брызнул мозг, глаза выпали из орбит, челюсть разлетелась на части, и граф, убитый наповал, рухнул наземь. Два молодых рыцаря, Аймерик и Жослен, подбежали к нему и накрыли плащом безжизненное тело своего сеньора. Теперь бароны и рыцари глядели со страхом и отчаянием, слышались стенания.

¹ В те времена рыцарь, чувствуя приближение смерти, перед своей кончиной вступал в монашеский орден; последние слова, с которыми Ги де Монфор обратился к брату, означают: «Я скоро умру».

«Всевышний, Ты несправедлив, — так каждый возопил, —
Погибель графа допустив! Ты всех нас подкосил.
Граф был достойный человек и верный Твой вассал.
А ты позволил, чтобы он, как пес, околевал.
Лить кровь за веру? Ну уж нет! Творя сей произвол,
Ты всех нас, Боже, обманул, в тоску и ужас ввел».

(ПКП, 205)

Тело благородного воина Симона де Монфора положили на носилки, и шествие направилось к церкви Сен-Сернен. Для тулузцев смерть Монфора была избавлением, и на улицах пели: «Ура! Монфора больше нет! Этот убийца, этот разбойник, причинивший нам столько зла, умер без покаяния!» Что же до рыцарей-крестоносцев, то они, лишившись вождя, который вел их от победы к победе, покинули предместье Сен-Сиприен и обратились в бегство. Вскоре осада Тулузы была окончательно снята.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА

(1218—1249 гг.)

Смерть Симона де Монфора поставила папу Гогория III, избранного в 1216 году, в безвыходное положение. Разумеется, его святейшество мог поручить командование крестовым походом старшему сыну графа, Амори де Монфору, — что он и сделал, — но тот оказался недостаточно опытным и не справился с задачей. Осада продлилась еще несколько недель, затем, сделав последнюю попытку штурмовать город, сеньоры из окружения молодого графа недвусмысленно дали ему понять, что не намерены продолжать осаду Тулузы. Родной брат Амори, Ги де Монфор, младший сын покойного графа, обратился к старшему ровным и усталым голосом.

«Сеньоры, — молвил Ги Монфор, — уже который год
Во славу Господа Христа мы льем и кровь, и пот,
И многим в схватке умереть уже настал черед.
Клянусь, ни небо, ни земля не стоят сих утрат,
И если прежде на врага страх наводил мой брат¹,
То ныне битву продолжать рискнет лишь сумасброд».

Амори, который теперь встал, поскольку был старшим сыном Монфора, во главе крестоносцев, придерживался противоположного мнения.

¹ В соответствующем месте французского подстрочника — «Симон», то есть отец Амори и Ги. (*Примеч. переводчика.*)

«Сеньоры, — молвил Амори, — о том и речь идет,
Что кровь убитого отца о мести вопиет
И отступление мое всяк бегством назовет.
Как имя доброе спасти? Как избежать клевет?
Я, за отца не отомстив, нарушу свой обет
И делу Церквы причину непоправимый вред».

Алан де Руси, один из самых храбрых рыцарей, разделял мнение Ги де Монфора.

«О граф, — сказал сеньор Алан, — позвольте дать совет:
Решившись город осаждать, мы не избегнем бед,
Ведь ныне к тем, кто был гоним, приходят дни побед.
Осаду жители снесут без горя и забот,
У них есть хлеб, вино, зерно, дары земных щедрот,
Дрова на случай холодов и подъяремный скот;
Сердца их радостью полны, а нас тоска гнетет.
Уж город был у нас в руках. Каков же результат?
Тот, кто победу упустил, как люди говорят,
Добро, утраченное им, вернет себе навряд!»

Его речь продолжил епископ Фульк.

«Столь велика моя печаль, — сказал Фолькет-прелат, —
Как будто Бог меня отверг, низринув душу в ад».

Но кардинал, представлявший папу в этом крестовом походе, суровым тоном положил конец жалобам недовольных рыцарей:

И так, к баронам обратясь, рек кардинал-легат:
«Мы все покинем этот край, прочь уведя солдат,
Однако будущей весной, когда весь мир цветет,
Вослед за войском короля вернемся в сей феоd.
Сам принц на горе всем врагам возглавит наш поход!»

На этом разговор закончился. Крестоносцы, ободренные этими не слишком пастырскими речами, воспряли духом и поверили в будущее; 25 июля 1218 года, в день Святого Иакова, они подожгли все свои осадные машины и укрепления Нарбоннского замка. Тулузцы толпой устремились тушить пожар, а «победоносная», но изрядно поредевшая армия крестоносцев тем временем увозила мертвое тело своего предводителя, графа де Монфора, в Каркассон. Там его торжественно похоронили в соборе Сен-Назар. На его надгробном камне можно прочесть надпись, которая обещает, что граф, святой и мученик, воскреснет, познает в раю совершенную радость избранных и воссядет по правую руку Господа, однако анонимный автор второй части «Песни о крестовом походе» с горечью вопрошает:

Ведь если кто-то лил рекой кровь добрых христиан,
И лживым словом обольщал, и Зло возвел на трон,
И, сея семена вражды, нанес Добру урон,
и если Рыцарство и Честь унизил сей тиран,
Детей и женщин истреблял, пятная честь и сан,
И все же Господом Христом был избран и спасен,
То ясно, сколь святую жизнь он прожил в мире сем!

(ПКП, 208)

* * *

В течение следующих месяцев Раймонд VII Тулузский отвоевывал одно за другим свои владения в Лангедоке; войска Амори де Монфора тщетно старались ему в этом воспрепятствовать и неизменно терпели поражение. Многие города Лангедока сразу после смерти Симона IV де Монфора отступились от его преемника. Памье, Фуа, Ломбер и даже Альби перешли на сторону Раймонда Младшего. Сын графа де Комменжа занял несколько крепостей, и Раймонд-Роже де Фуа намеревал-

ся последовать его примеру. Амори метался из края в край владений, перешедших к нему от отца, но ничего у него не получалось, он не мог их спасти; его судно дало течь во многих местах. Пока Амори возвращал себе Альби или еще какой-нибудь город, его противник, Раймонд Младший, прибирал к рукам тот или иной город на другом конце Лангедока, или же отец последнего, Раймонд Старый, строил козни в Руссильоне, стараясь привлечь новых сторонников.

В январе 1219 года Амори начал осаду Марманта; граф де Фуа воспользовался этим, чтобы дерзко проникнуть в Лораге. Он укрепился со своими рыцарями на небольшом расстоянии от Тулузы, в Базьеже, где к нему вскоре присоединился Раймонд Младший, возглавивший как собственное конное войско, так и пешее тулузское ополчение. Сеньоры из северной Франции, превратившие Лораге, где занимались набегами и грабежами, в свой охотничий заповедник, не стали сидеть сложа руки перед такой угрозой. Братья Фуко и Жан де Берзи, которым Амори поручил охранять Каркассон и Лораге, а также Алан де Руси и некоторые другие рыцари-крестоносцы решили изгнать окситанцев из отвоеванных земель.

Но последние ждали их твердо и спокойно. Когда крестоносцы приблизились, они вышли из Базьежа и встали на берегах Эра, ища сражения в чистом поле. В отличие от битвы при Мюре, теперь, в начале 1219 года, и удача, и умение были на стороне Тулузы, Комменжа и Фуа. Окситанская легкая кавалерия окружила крестоносцев, тяжелая кавалерия вломилась в их ряды, а тулузское ополчение довершило дело, устроив резню. Французы были разбиты наголову. Жан и Фуко де Берзи попали в плен, и их под надежной охраной отправили в Тулузу.

Это поражение заставило старшего сына Симона де Монфора обратиться за помощью к сыну короля Фран-

ции, принцу Луи (будущему Людовику VIII Льву, сыну Филиппа Августа и Элизабет де Эно; он родился в 1187 году, и править ему предстояло всего лишь три года, с 1223 по 1226 г.).

Папа Гонорий III снова взялся призывать к крестовому походу, и не без успеха: вскоре принц взял крест, намереваясь сражаться с тулузскими еретиками, и в июне 1219 года обрушился на Лангедок с десятью тысячами лучников, шестью тысячами рыцарей и тридцатью графами, а за ними следовали десятка два епископов и целая толпа монахов, каноников и молодых монашков, числом «не менее пяти тысяч», как сказано в «Песни о крестовом походе», и все они читали латинские молитвы, проповедовали и наставляли. Тулузские консулы, со своей стороны, разослали гонцов по всему краю, сзывая гасконских сеньоров, и те без промедления явились на помощь графу Раймонду VII.

Тем временем французский принц Луи продвигался вперед; его огромная армия соединилась с войсками Амори де Монфора у города Марманда, осаду которого тот возобновил. И снова эти страшные дни весны 1219 года, как сообщает нам «Песнь о крестовом походе», были заполнены «стрельбой из лука, преследованием врага и кровавыми схватками». По всему городу работали плотники, которым помогали горожане, теперь готовые вступить в битву с французским принцем. Но Луи после нескольких дней боев сумел завладеть городом, несмотря на то что жители стойко его защищали. После этого он хладнокровно позволил своим войскам истребить большую часть населения. «Песнь о крестовом походе» описывает эти события так:

Меж тем настал для горожан час казни и расправ,
На них напала солдатня, в Марманде развязав
Резню, какой не видел свет. В одну толпу согнав
И стариков, и молодых, одежды с них сорвав,
Французы истребили всех, ширь улиц и дворов

Телами мертвыми устлав. Не просто заколов,
 Но вырвав сердце из груди, клинком живот вспоров,
 Над жертвами глумился враг. Французы, разорив
 Весь город, в пепел и золу постройки превратив,
 Не пощадили никого, ни донн, ни юных дев.
 Цвет изменила вся земля, от крови покраснев;
 Была та бойня и резня страшнее страшных снов,
 Ковер же мяса и костей, обрубков и кусков,
 Казалось, постлан был дождем, упавшим с облаков.
 Когда же город был сожжен, все войско чужаков
 Пустилось снова в путь.

(ПКП, 212)

Обагрив кровью Марманд, теперь большая и грозная армия двинулась в июне 1219 года к Тулузе под предводительством сына французского короля. Будущий Людовик VIII, за которым следовал его знаменосец, шел по полям и дорогам, увлекая за собой «неисчислимую свору» французов, фламандцев, анжуйцев, нормандцев, немцев, баварцев и многих других, армию «убийц» (ПКП, 213), отягощенную повозками, мулами, палатками, мешками, битком набитыми золотом, — армию, численность которой наш анонимный автор оценил в «тринадцать сотен тысяч человек» (число, совершенно очевидно, преувеличенное), а за ней следовали «пять тысяч пастырей святых» — прелатов, епископов, аббатов, каноников и монахов, ибо, как осмотрительно говорили прелаты, «меч должен предшествовать кресту».

Увидев, какое огромное войско приближается к стенам их города, тулузцы испугались, и их консулы — в наши дни написали бы «муниципальные советники» — без промедления разослали во все стороны быстрых гонцов:

Тотчас посланцев и гонцов направил магистрат
 К баронам края, им сообщив, что город видеть рад
 В своих пределах тех, кому дороже всех щедрот
 Свобода, Рыцарство и Честь, кто хочет свой феодал

Себя, достоинство свое спасти от вражьих орд.
Так говорили те гонцы: «Все, чем богат наш род,
Да будет отдано тому, кто в руки меч возьмет!»
Пришли в Тулузу, взяв мечи, дабы врага громить,
И те, кто опытом богат, и те, кто родовит,
Пятнадцать сотен храбрецов, каких не видел свет.

(ПКП, 213)

В ожидании вражеского наступления граф Раймонд VII заперся в городе. Он побуждал свой народ идти в бой, велел выставить в базилике Сен-Сернен мощи святого епископа Экзюпера, покровителя Тулузы, и созвал своих баронов на совет. Главный его советник, Пельфор де Рабастан, считавшийся хорошим оратором, встал и обратился с речью к собравшимся:

«[...] Сеньоры! Спору нет,
Что нужно мудрость проявить, отринув злобы гнет,
Ведь, сделай мы неверный шаг, беда произойдет.
Король французский нам грозит, прислав сюда солдат;
Столь жаждут крови чужаки, столь нас убить хотят,
Что опрометчивость в делах поможет нам навряд.
Тулузский граф пред королем ни в чем не виноват,
Он свято чтит вассальный долг, как родич¹, друг и брат,
И нужно вновь восстановить меж ними прежний лад,
Пока в предместья и сады не вторгся супостат.
На графа сердится король? Спор завершая тот,
Пускай со свитой небольшой в Тулузу он войдет —
И граф, как преданный вассал, а не изгой-файдит,
Ему на верность присягнет и город свой вручит,
Король же стражу и дозор на башнях разместит,
Сеньор вассала пощадит, отринув злой навет,
Иль нам останется одно: дать Небесам обет,
Всем сердцем вверившись Христу, который был распят!»

(ПКП, 213)

¹ Граф Тулузский доводился родней королю.

Бароны его поддержали, однако граф Тулузский не разделял мнения Пельфора:

«Хоть мудр совет, но в нем — изъян, как люди говорят.
 Король и впрямь был мой сеньор, но то, что он творит
 Несправедливость, ясно всем. Когда бы мне обид
 Король французский не нанес, забыв и честь, и стыд,
 Никто б меня не упрекнул, что мною долг забыт!
 Король сам первый поднял меч. Уж стяг французский взвит
 В Марманде. Войско короля к Тулузе путь стремит.
 Спешат, знамена развернув, пустив коней в намет,
 Убийцы, кои взяли Крест, и прочий наглый сброд,
 И ныне гнев на короля в душе моей растет.
 Французы яры и храбры, как волки в гуще стад,
 Вкруг короля — клеветники, что нас пред ним чернят;
 Могу ли, слабость проявив, смягчить сердце гранит?
 О нет, я лишь удвою боль, что враг мне причинит.
 Когда французы, взяв мечи, жестокий бой начнут,
 Когда их шлемы и щиты у наших стен блеснут,
 Мы им дадим такой отпор, что дрогнет небосвод,
 И наземь всадники падут, как переспелый плод.
 Клянусь, сговорчивее тот, кого печаль долит,
 И с нами принц подпишет мир и договор скрепит,
 Но прежде чем утихнет жар и пламя догорит,
 Никто не сможет через топь найти надежный брод.
 Час грянул! Иль удар врага, как чашу, разобьет
 Тулузу, иль в ее стенах мы обречем оплот,
 и, полня радостью сердца, вновь Роза расцветет».

(ПКП, 213)

Затем автор «Песни о крестовом походе» живо и с блеском описывает нам в последней лессе поэмы храбрость тулузцев, готовых любой ценой отстаивать свой город от нападений французского принца Луи:

Дабы злодеев и убийц изгнать с позором вон,
 А также графа защитить, что не для зла рожден,
 Бароны края, спесь врага цenia в гнилой каштан,

Решили силой поддержать тулузских горожан.
 Возглавил войско юный граф, скажу вам не в обман,
 И те, кто чести не отверг, на ратный подвиг зван,
 Делили поровну труды, забыв покой и сон,
 И охраняли день и ночь ворота и донжон.
 Нашлись достойные вожди для каждой из дружин.

(ПКП, 214)

Тот же автор представляет нам также тулузских сеньоров, готовящихся защищать свой город, и описывает подвиги пятидесяти из них: Арнаута де Монтегю, прославившегося своим мужеством, искусного Фротара Пейре, сира Аймерика де Рошнегада, мессира де Комменжа, «столь же прекрасного, сколь и могущественного», сира Гираута Уно, «доблестного и вместе с тем мудро-го», достойного сеньора де Пюилорана, виконта Бертрана де Лотрека, «еще отрока», и нескольких десятков других воинов. Анонимный автор «Песни о крестовом походе против альбигойцев» заканчивает свою поэму долгой и прочувствованной тирадой, направленной против французов:

Так пусть же добрый Иисус, пресветлый Божий сын,
 Кем Милосердье спасено и Разум в мир внесен,
 На тех обрушит весь свой гнев, кто добрых чувств лишен!
 Ведь принц, наследник и вассал славнейшей из корон,
 Тридцать четыре графа с ним, раскрыв шелка знамен,
 И столько рыцарей креста, сколь в поле есть семян,
 Пришли, дабы обрушить меч на братьев-христиан,
 И проповедует легат¹, избрав суровый тон,
 Что всех, от старых стариков до плод носящих жен
 И тех младенцев, что еще не вышли из пелен,
 В Тулузе ожидает смерть, всяк будет истреблен.
 Но в силах Девы Пресвятой, прекраснейшей из донн,
 Казнить злодеев и убийц, как было испокон!

¹ Кардинал Бертран, легат папы Гонория III.

Так пусть же Бог и юный граф, гоня Гордыню вон,
Тулузу защитят.
Аминь.

(ПКП, 214)

* * *

На этом и заканчивается «Песнь о крестовом походе», ничего не рассказав нам об исходе сражений. Исход этот, против всех ожиданий, оказался благоприятным — счастье было на стороне защитников города. Дело в том, что принц Луи, хотя и располагал огромной армией, не сумел взять город до истечения предписанного сорокадневного срока. Первого августа он ушел, и Тулуза в очередной раз была спасена. С этого дня начался многолетний период, который — по крайней мере, поначалу — был удачным для графа Тулузского и его вассалов. После ухода принца Луи тиски крестоносцев разжались, и Раймонд Младший попытался воспользоваться этим для того, чтобы вернуть себе земли предков.

И молодой граф тотчас взялся за дело. Для начала он навел порядок в Лораге, где освобожденные (их обменяли на неудачливого защитника Марманда) Фуко и Жан де Берзи вновь начали свои грабежи. На этот раз оба брата, попав в руки окситанцев, немедленно были обезглавлены. Более того, их головы, насаженные на пики, были выставлены на обозрение черни — к немалому удовольствию их жертв.

И это еще не все — 1220 год стал для Раймонда VII началом кампании по возвращению своих владений, в ходе которой крестоносцы утратили многие города и крепости. Лавор был отвоеван; затем молодой граф взял, один за другим, Пюилоран и Кастельнодари, где и закрепился со своими войсками. Амори безуспешно осаждал его там в течение восьми месяцев. Почувяв опасность, папа Гонорий III постарался начать новый крестовый поход. Но его многочисленные призывы ко всем

католикам, оставшимся верными Риму, пропали даром. И даже в освобожденные Раймондом VII города поспешили вернуться совершенные, которых в свое время изгнали крестоносцы.

Этот благоприятный для графов Тулузских период все еще плохо изучен за недостатком свидетельств: «Песнь о крестовом походе против альбигойцев», как мы видели, ничего не говорит о событиях, произошедших после 1219 года; «Альбигойская история» Пьера де Во-де-Серне заканчивается тем же годом. Однако нам известно, что Амори постепенно, кусок за куском, утрачивал свои владения, настоящее княжество, которое сумел выкроить для себя в Лангедоке его отец. В 1221 году ему пришлось снять осаду Кастальнодари. Граф де Фуа в том же году вернул себе Монреаль, Лиму, Фанжо — в этом последнем городе снова поселилось множество катарских «добрых людей». Затем в окситанский лагерь вернулся Ажан. Раймонд Младший, искусный политик, в отличие от Симона де Монфора, чаще всего даровал амнистию тем, кто перешел в свое время на сторону врага, и закреплял местные обычаи. Кроме того, он проявил себя как дальновидный и рассудительный правитель и восстановил тулузскую экономику, завоевав расположение буржуа, которым дал новые льготы. Картину омрачила лишь кончина старого графа Раймонда, который умер своей смертью в Тулузе, в возрасте 65 лет, оставив судьбу города и графства в руках сына. Однако для Раймонда VII дальше все пошло еще лучше: в том же году восстали Безье, Нарбонн и Минервуа, и крестоносцев оттуда вымели. Амори, чье влияние съеживалось подобно шагреновой коже, был вынужден отступить в Каркассес. Два года спустя, в начале 1224 года, он окончательно капитулирует и вместе с последними оставшимися у него верными спутниками направится в северную Францию.

Казалось, теперь можно считать, что Окситания освобождена. Оставалось неизвестным одно: как отнесется ко всему этому глава христианского мира, папа Гонорий III.

* * *

Итак, к 1224 году положение изменилось. Похоже, началась эпоха переговоров. Папа, который в это время считал своим долгом прийти на помощь христианам Палестины, проявил готовность договориться. В июне в Монпелье начались совещания, которые завершились заявлением графа Раймонда VII: тот сказал, что готов изгнать из своего графства всех еретиков и возместить ущерб, причиненный за время войны тулузским храмам. Стало быть, между Римом и Тулузой отныне мог воцариться мир?

Увы, нет! В самом деле, принцу Луи, ставшему теперь королем Франции под именем Людовика VIII, удалось воздействовать на папу Гонория III, и тот ограничился тем, что направил к графу Тулузскому нового легата. Папский посланник отверг предложение Раймонда подчиниться папе в обмен на восстановление его феодальных владений и титулов — предложение, которое граф Тулузский вновь выдвинул перед участниками собора в Бурже, на котором собрались 30 ноября 1225 года четырнадцать архиепископов, сто тринадцать епископов и сто пятьдесят аббатов, а проводил его новый кардинал-легат, Ромен де Сен-Анж. Этот отказ окончательно склонил короля к тому, чтобы завоевать графство Тулузское и установить там свои порядки; крестовый поход против альбигойцев вновь превращался в завоевательную войну. Итак, по приказу папы снова начали призывать к крестовому походу против Раймонда VII, который теперь лишился поддержки королей Англии и Арагона, на которую, как ему казалось, мог рассчитывать, и с ужасом смотрел на то, как к стенам Авиньона

в июне 1226 года подступает огромная армия, снаряженная королем Франции. Когда после трех месяцев осады город перешел в руки французов, весь Прованс покорился королю Людовику VIII. Вскоре после этого тот завладел всем краем, остановившись в четырех лье от Тулузы, весьма тактично вернул прежним соратникам Монфора их владения, отдал Кастр сыну последнего, Ги де Монфору, и поставил сенешалей во всех городах, какими завладел от Роны до Гаронны и даже до Пиренеев.

Раймонд VII уже мог считать себя побежденным, но король Людовик VIII внезапно скончался в замке Монпансье в Оверни 8 августа 1226 года, в возрасте тридцати семи лет. Некоторые полагали, будто он был отравлен графом Шампанским, любовником королевы Бланки Кастильской; по мнению других, он пал жертвой эпидемии чумы, выкосившей его войска. Как бы там ни было, но перед тем как испустить последний вздох, король успел собрать вокруг своего ложа двенадцать сеньоров и взять с них клятву, что они признают его преемником его старшего сына Луи (позже того станут называть Людовиком Святым), которому в то время было одиннадцать лет. Затем, назначив Эмбера де Боже правителем завоеванных на юго-западе земель, а свою супругу, Бланку Кастильскую, — регентшей королевства на то время, пока не достигнет совершеннолетия его сын, Людовик VIII Лев, вззошедший на престол 14 июля 1223 года, безвременно угас; его царствование длилось всего три года.

В течение следующего, 1227 года граф Раймонд VII, воспользовавшись соперничеством между наместником Эмбером де Боже и северными баронами, которые зарились на его тулузские земли, вновь завладел многими городами из тех, которые раньше были у него отняты королевской армией. Тем не менее, несмотря на свои

успехи, граф Тулузский, сознавая, насколько истощены его земли после двадцати лет ожесточенной войны с северными крестоносцами, в конце концов прислушался к предложениям мира, с которыми обратилась к нему, с согласия папского легата, регентша Бланка Кастильская. Та и впрямь понимала, что попросту присоединить к королевству графство Тулузское будет невозможно, тогда против королевской власти поднимутся все юго-западные провинции и, должно быть, другие провинции французского королевства, поскольку передача феодалов по наследству везде считалась священным принципом.

Однако в этом и был весь вопрос: у графа Раймонда VII не имелось наследника мужского пола, ни по прямой линии, ни по боковой; у него была лишь одна дочь, принцесса Жанна, и ее мать, графиня Санча, арагонская инфанта, больше детей ему не подарила. Впрочем, именно по этой причине он пытался добиться от Церкви разрешения развестись с Санчей, но папа отказался дать согласие на развод, который ради одних лишь династических расчетов и целей лишил бы права наследования единственную дочь графа и ее будущее потомство. Таким образом, графство Тулузское должно было перейти к принцессе Жанне, которая по смерти отца сделалась бы графиней Тулузской¹. Все это полностью отвечало нормам феодального права, но тем не менее создавало проблему для французского двора: в самом деле, граф Тулузский пообещал руку своей дочери наиболее могущественному сеньору Пуату, Югу де Лузиньяну, графу де Ла Марш, открытому врагу короля Людовика VIII, которому совершенно не хотелось допустить расширения земельных владений графа. И потому король стал оказывать давление на графа де Ла Марш,

¹ См. Приложение XIII, генеалогическую таблицу.

пытаясь заставить его отказаться от этого брака; он дошел даже до того, что угрожал захватить его владения, и право сильного победило — Югу де Лузиньяну пришлось уступить требованиям своего государя и отказаться от принцессы Жанны вместе с ее наследством.

И тогда стало возможным начать в Мео переговоры между королем и его тулузским вассалом. Эти переговоры продолжались несколько месяцев, и в конце концов был составлен договор, который был подписан в Париже 12 апреля 1229 года, в Великий Четверг, на помосте, возведенном перед собором Парижской Богоматери. Раймонд VII Тулузский должен был поклясться, как бы для него это ни было тяжело и унижительно, соблюдать условия договора, имевшего большое значение по двум причинам: с одной стороны, он был проявлением окончательной победы французской монархии над феодальным строем, с другой же — это единственный в истории Франции пример крупного политического события, задуманного, подготовленного и полностью осуществленного женщиной, Бланкой Кастильской.

* * *

В те времена, когда на юго-западе Франции, точнее, в той области, которая образовалась из Нарбоннской Галлии римлян и которую в наши дни называют Лангедоком, распространялась катарская ересь, Тулузское графство, которое было прекраснейшей и самой богатой его частью, процветало. Оно уже много веков принадлежало роду Сен-Жиль, и в то время, которое нас интересует, его графа (который должен был стать последним графом Тулузским) звали Раймондом VII (он родился в Бокере в 1197 году, а умрет в Мило 27 сентября 1249 года). Жизнь этого человека нам относительно хорошо известна, и мы уже упоминали на предыдущих страницах некоторые из наиболее важных ее эпизодов:

сыну графа Раймонда VI (1156—1222), Раймонду VII, едва исполнилось десять лет, когда было совершено убийство папского легата Пьера (Пейре) де Кастельно, после чего в Лангедоке и вспыхнул пожар, и мы уже рассказывали о том, каким образом граф де Монфор захватил большую часть его владений и как графу Тулузскому удалось вернуть их себе.

Двенадцатого апреля 1229 года в соответствии с условиями Парижского договора Раймонд VII пообещал повиноваться папе и королю Франции. Впоследствии он пригласил в свой город профессоров богословия, церковного права, философии и грамматики, создав таким образом Тулузский университет за несколько лет до того, как Робер де Сорбон учредит в Париже Сорбонну. Несмотря на то что граф Тулузский отдал тогда свой край под власть короля — то есть династии Капетингов, — он принужден был снести мощные стены своего города, безропотно позволить разрушить тридцать наиболее значительных крепостей своего графства, отдать все свои богатства епископам, церквям и монастырям, а лучшие его владения, Каркассес, альбигойские земли, нарбоннский край, Разес, сделались собственностью французского короля, представленного кардиналом-легатом де Сент-Анж. «*Ai! Tolosa et Provensal!*» — стонали тогда поэты, в то время как по всей стране равно распространялись альбигойская ересь и ненависть к церковным учреждениям. Можно даже утверждать, что именно в лоне графства Тулузского, в рамках борьбы против катарской ереси, и зародился французский антиклерикализм, одно из последствий самого неудачного и самого чудовищного нововведения Церкви — Инквизиции.

Эта форма епископского полицейского правосудия была разработана двумя доминиканцами: Пьером Сейланом, богатым тулузским горожанином, который был одним из первых последователей святого Доминика, и

Гильемом Арно, уроженцем Монпелье. Оба они в июле 1233 года были избраны папским легатом Жаном де Берненом первыми инквизиторами. Этим двум служителям культа, вышедшим из среды местной мелкой буржуазии, были даны от имени папы неограниченные полномочия для борьбы с еретиками, в особенности с теми, «кои именовали себя катарами», как сказано в документе папского легата. Раймонд VII, выполняя обещания, данные им папе, учредил в своих владениях так называемые суды Инквизиции, которые начали преследовать и с величайшей суровостью наказывать катаров, и в награду за эти действия в пользу римско-католической Церкви получил графства Форкалькье и Систерон. Затем, издав в феврале 1234 года драконовский указ, направленный против альбигойских сектантов, граф Тулузский отправился в Рим, чтобы лично засвидетельствовать свою преданность папскому престолу, и в награду за это ему был возвращен титул маркиза Прованса.

Однако мир еще не воцарился в графстве Тулузском. В самом деле, в 1235 году, после того как города Тулуза и Нарбонн выгнали инквизиторов, которым поручено было преследовать и карать еретиков, граф Раймонд VII, которого Рим считал тайным подстрекателем этого мятежа, был снова отлучен от Церкви папой Григорием IX (сменившим на престоле Гонория III в 1227 г.), лишился всех своих титулов — архиепископ Нарбоннский, Пьер Амьель, который объявил об этой санкции, называет его «Раймондом, прежде графом Прованским», — и должен был исполнить обещание отправиться во искупление своих грехов в Святую землю. Граф поспешил вернуть в Тулузу братьев-доминиканцев и инквизиторов, и это позволило ему в 1238 году вернуть себе расположение Рима. Но годом позже он вместо того, чтобы отправиться в Палестину, перешел на сторону германского императора Фридриха II (1194—

1250), который тогда был не в ладах с папским престолом, и успешно сражался против графа Прованского, еще одного союзника Рима. Затем, менее чем через год после этого, Раймонд VII снова сделал крутой поворот, покинул императора, заключил мирный договор все с тем же графом Прованским и женился на дочери последнего, разведясь со своей супругой Санчей Арагонской.

Этот развод и вступление в новый брак, как мы догадываемся, не были вызваны никакими сентиментальными побуждениями. В самом деле, граф Тулузский страстно желал иметь сына, чтобы завещать ему свои владения, на которые зарился французский король, но принцесса Арагонская не смогла подарить ему ребенка мужского пола. Итак, из чисто династических соображений он в 1242 году объединился против короля Людовика Святого с графом де Ла Марш и королями Англии, Арагона, Кастилии и Наварры, вследствие чего был в третий раз отлучен от Церкви; его обвинили в причастности к убийствам нескольких инквизиторов, совершенным в Авиньоне, — к этим преступлениям привело недовольство катаров, раздраженных суровостью братьев-доминиканцев.

Отныне на земле Лангедока не прекращались заговоры и бедствия. В ходе новой войны против короля Франции граф Раймонд VII Тулузский, завладев Нарбонном, большей частью альбигойских территорий и земель Каркассона, позвал на помощь испанских правителей, однако последние не спешили откликнуться на его зов, и граф, решив покориться, подписал в январе 1243 года мирный договор с королем Людовиком Святым. Затем, осенью того же года, он отправился в Италию, где тщетно пытался добиться соглашения между германским императором (Фридрихом II Гогенштауфеном)

и папой Иннокентием IV, с которым он впоследствии будет оставаться в наилучших отношениях.

После этих, не имевших последствий политических маневров Раймонд VII вернулся в свои владения, подчинил себе тех своих вассалов, кто вел себя беспокойно, и, по-прежнему одержимый желанием заполучить наследника мужского пола, которому мог бы оставить свои графство и титул, решил летом отправиться в Рим, дабы среди прочего попросить папу Иннокентия IV узаконить его новый брак, на этот раз с Маргаритой де Ла Марш (но и она не сможет подарить ему желанного наследника...)

Четвертого августа 1245 года папа расторг брак Маргариты с Раймондом VII, который тотчас испросил новое разрешение на брак: он хотел жениться на второй дочери графа Прованского, Беатрисе. В следующем году случилась неожиданная развязка: пробыв шесть месяцев в заточении в Лувре по приказу Бланки Кастильской, вместе с сопровождавшими его в Париже тулузскими баронами и именитыми горожанами Раймонд VII вернулся в Тулузу и узнал о том, что прованские регенты уже выдали Беатрису Прованскую за Карла I Анжуйского, брата короля Франции, и что его единственную и обожаемую дочь, принцессу Жанну, держат заложницей в Лувре, опять же по приказу грозной Бланки Кастильской. Тем не менее, как ни странно, он вновь обрел рыцарское звание, которое пожаловал ему... король Франции, Людовик IX. Граф Тулузский, начавший стареть, философски принял обрушившиеся на него несчастья и в конце 1247 года решил в самом деле отправиться в крестовый поход, чтобы сражаться с неверными в Палестине. Судьба, однако, распорядилась по-иному: 27 сентября 1249 года, собираясь на Восток, Раймонд VII скоропостижно скончался в Милло в возрасте пятидесяти двух лет, не оставив законных отпрысков муж-

ского пола, и все его владения перешли к единственной дочери, Жанне. Она же благодаря своему браку с Альфонсом де Пуатье присоединит их к владениям Капентингов. За несколько месяцев до смерти граф Тулузский приговорил к сожжению восемьдесят еретиков — должно быть, чувствуя приближение кончины, надеялся таким образом заслужить прощение Церкви и Божью милость.

Жители Тулузы в слезах шли за его гробом; разумеется, они оплакивали своего графа, но в первую очередь они оплакивали утрату национальной независимости. Право сильного восторжествовало, но какой ценой!

МОНСЕГЮР

(1240—1244 гг.)

Изучая историю катаров и катарской ереси, не следует упускать из виду то обстоятельство, что судьба катаров, к коим следует причислить и защищавших их знатных окситанских сеньоров, строилась на основе трех типов поведения: 1) ярый прозелитизм и пропаганда; 2) искусное использование путей влияния (через посредство самых богатых из еретиков, обладавших замками и состояниями); 3) постоянная психологическая обработка подданных, которых катарские епископы удерживали в стороне от искушений католической церкви в «домах», о которых мы говорили выше, или в некоторых укрепленных замках — самым крупным и значительным среди них был Монсегюр. О нем в «Песни о крестовом походе» сказано устами Фулька, епископа Тулузского, во время Латеранского собора в ноябре 1215 года, что эта крепость была возведена с согласия графа Раймонда-Роже де Фуа:

[...] Господа, что сказал вам граф?
Что во всю жизнь не имел дела с дурной верой?
Однако худая трава выросла в его саду!
Скосил ли он ее? Нет: он так о ней заботился,
что она заполонила все его земли!

¹ Крепость Монсегюр располагалась на рубеже Арьежа и Ода.

С его согласия был укреплен
пик Монсегюр, прибежище еретиков.

[...]

Пик Монсегюр? У меня нет на этот замок
никаких прав: он мне не принадлежит.

(ПКП, 145)

Этот укрепленный замок, в действительности принадлежавший одному из вассалов графа де Фуа — по имени Раймонд де Перелла, был расположен на северном склоне пиренейских владений Ги де Левиса, представителя одной из наиболее знатных семей Франции. Замок был возведен на закругленной вершине одного из пиков, на высоте 1207 метров, и его небольшой размер не позволял принимать в нем значительное число паломников: постоянно в Монсегюре могли жить лишь хозяин дома с семьей, а также весьма скромный гарнизон, так что большинство катаров, искавших там прибежища, на деле селились в деревне, расположенной у подножия горы, или в деревянных хижинах, построенных на ее западном склоне, откуда можно было увидеть приближение войска, если бы кто-то вздумал напасть на замок.

В первые годы истории ереси, то есть около 1204 года, замок лежал в развалинах; еретики, которые очень дорожили этим местом, очень подходящим для их богослужений, а также способным обеспечить им безопасность благодаря своему уединенному и возвышенному расположению, попросили сеньора де Перелла, направив для этого к нему своего епископа Гильяберта де Кастра, разрешить им восстановить замок. Они сами возвели вокруг его стен, чтобы затруднить к ним подступ, палисад из вбитых в землю кольев. Эта просьба и усердие, которое они проявили, собственноручно укрепляя свой замок, ясно показывают, что в их представлении Монсегюр предназначен был для того, чтобы стать штаб-квартирой катарской ереси, и не только из-за сво-

его географического и стратегического расположения, но главным образом потому, что замок был построен во владениях графа де Фуа. Граф, катар в душе, провозглашавший себя католиком, образовал вместе с графом Тулузским и виконтом Раймондом-Роже Тренкавелем (также сочувствовавшим катарам) «политическую тройку» смешанного типа; они казались верными вассалами благочестивого короля Франции (в 1204 г. речь шла о Филиппе II Августе, чье правление продлится до 1223 г.), утверждали, будто почитают и уважают папу римского, однако на деле покровительствовали своим подданным, в большинстве своем сделавшимся в глазах католических властей еретиками, а в глазах короля — мятежниками.

Совершенные, как сами себя именовали воинствующие катары, чья жизнь проходила в молитвах и самозерцании, учении и проповедовании своей веры, нуждались в подобном месте, далеком от суеты больших городов и шума военных действий. Впоследствии, потому ли, что замок оказался слишком мал для того, чтобы всем им дать приют, потому ли, что уединение келий представлялось им более способствующим молитве, чем скученность, некоторые катары построили для себя у подножия стен замка, на скалах, нависших над пропастями, отдельные хижины. Там они в уединении и безмолвии погружались в молитву. Наконец, многочисленные катары — совершенные или простые верующие — менее суровые, но не менее искренние, — поселились в деревне внизу, под горой. Посетители всех сословий, прибывая из соседних городов, оставались в этой деревне кто на долгое, кто на короткое время, одни приезжали сюда из любопытства, другие поднимались в замок, чтобы осмотреть его, третьи плели там заговоры.

В самом деле, большинство вассалов графа Тулузского и графа де Фуа, лишившись своих феодалов или своих замков, отнятых у них крестоносцами, — в Каюзаке, Му-

ассаке, Безье, Каркассоне, Лаворе и других местах, — мечтали вернуть их себе. Этого хотел, к примеру, Раймонд-Роже Тренкавель II, изгнанный из своих каркассонских владений войсками короля Людовика VIII Льва; то же самое можно сказать о графе Раймонде VII Тулузском, у которого еще стояли поперек горла клятвы, которые ему пришлось произнести в одеянии кающегося грешника, перед собором Парижской Богородицы в 1229 году, при подписании договора, навязанного ему Бланкой Кастильской.

Так вот, Монсегюр понемногу превратился в полуподпольную столицу катарской ереси. Верные стекались туда со всех сторон, в особенности из соседней Испании, чтобы погрузиться в молитвенное созерцание и совершать катарские богослужения по всем правилам, а окситанские рыцари — для того, чтобы в духе сопротивления французским оккупантам готовить там освобождение своей родины под заботливым руководством тулузского катарского епископа Гильяберта де Кастра. Мы располагаем множеством рассказов, свидетельствующих о поведении этих катаров, которых можно в равной степени называть, на языке современных политологов, окситанскими националистами, если мы хотим подчеркнуть политический аспект их деятельности, или предшественниками протестантов, если мы предпочитаем выделить ее религиозный аспект.

С этой точки зрения чтение «Песни о крестовом походе» особенно поучительно. Гильем из Туделы, автор первой части «Песни», по неизвестной причине становится на сторону крестоносцев и Симона де Монфора, перед которым преклоняется; зато его анонимный продолжатель был окситанским националистом, сторонником своего рода «Фронта национального освобождения Окситании».

Стремясь изложить все это короче и проще, скажем,

что начиная с 1232—1233 годов тихий замок Монсегюр, несомненно, заставлял говорить о себе приверженцев римско-католической церкви, — иные даже именовали его «дьявольской синагогой», — однако в деревнях, расположенных неподалеку от этой таинственной крепости, равно как и в городах юго-запада, он был обычной темой для разговора с заезжими чужеземцами. Следовательно, которым суд Инквизиции поручал преследовать еретиков в тулузской епархии, население местных деревень и маленьких городков, хоть и состояло из католиков, встречало с недоверием. Несмотря на обличительные речи, которые инквизиторы произносили против Монсегюра, в Окситании царили спокойствие и порядок.

Тем не менее, — и это выражение здесь как нельзя более уместно, — огонь Инквизиции по-прежнему тлел под золой потухших костров. В апреле 1240 года Раймонд-Роже Тренкавель II, отец которого за тридцать лет до того лишился своего славного города Каркассона, равно как и подчинявшегося ему виконтства, перешедших в руки Монфора и его крестоносцев, восстал и решил отвоевать отнятые у него земли. Он увлек за собой других окситанских сеньоров, также лишившихся своих владений, таких, как Оливье де Терм, у которого крестоносцы отобрали Корбьер, Журден де Сессак, и многих других¹. Тренкавель, которого повсюду встречали как освободителя, со своей небольшой лангедокской армией за какие-то три месяца сделался хозяином всего Каркассонне и в конце концов 7 сентября 1240 года подошел к Каркассону, который теперь защищали и где теперь правили сенешаль Гильем дез Орм, архиепископ Нарбоннский Амьель и епископ Тулузский.

Войска Тренкавеля довольно легко завладели северным предместьем города — Бургом; жители города, не-

¹ См. Приложение X.

смотря на то что виконт Раймонд-Роже отдал категорический приказ духовных лиц не трогать, его не послушались, и тридцать три укрывшихся там священника были убиты. Но сам город, защищенный своими прославленными стенами, держался. Тренкавель снял осаду 11 октября, не дожидаясь прихода подкрепления, которое привел королевский камергер, Жан де Бомон, и укрылся в Монреале, где вскоре в свою очередь оказался осажденным королевскими войсками. Тогда Тренкавель принялся одного за другим посылать гонцов к своему родичу, графу Тулузскому, прося о помощи. Однако Раймонд VII, связанный обязательствами, которые принял на себя по Парижскому договору, не трогался с места. Впрочем, он согласился быть посредником и добился для своего каркассонского родственника достойных условий соглашения: Тренкавелю позволено было уйти в Испанию со своими обозами, удалившись таким образом целым и невредимым с исторической сцены. Что же касается мятежных города и предместий, они были сурово наказаны, в особенности Бург, выжженный дотла; Монреаль, как и Лиму, был отдан на разграбление и разорен.

А графу Раймонду VII Тулузскому, чье поведение во всей этой истории нельзя назвать безупречным, пришлось отправиться в Париж, чтобы подтвердить там свои клятвы верности королю Франции и пообещать изгнать из своего графства еретиков и разрушить крепость Монсегюр, построенную на его землях. Ясно было, что в это время Раймонд VII ни за что на свете не захотел бы поссориться с королем Людовиком Святым. Он стремился загладить неблагоприятное впечатление, произведенное мятежом его родственника Тренкавеля, который, по его мнению, восстал слишком рано и совершил ошибку, когда, не посоветовавшись с ним, очертя голову и в одиночку ринулся в заранее проигранную войну

с крестоносцами. Граф Тулузский в самом деле понял, что независимость, о которой и сам он тоже мечтал, невозможно завоевать обычным восстанием феодального типа. Ведь даже если бы это восстание удалось, после его смерти графство перешло бы в руки его сюзерена, короля Франции, поскольку у него не было наследника мужского пола, которому он мог бы его оставить. Таким образом, для того чтобы изгнать французов (точнее, чиновников, управляющих и солдат короля Франции) из захваченной ими Окситании, недостаточно было одной только помощи вассала вроде Тренкавеля: для этого требовалось содействие сеньора не менее могущественного, чем король Франции, и выбор Раймонда естественным образом пал на графа Прованского, Раймонда-Беранже V, племянника короля Педро II Арагонского.

В начале 1242 года, заручившись поддержкой графа Прованского, Раймонд VII созвал своих вассалов и объединился против короля Людовика Святого с графом де Ла Марш и четырьмя королями — английским, арагонским, кастильским и наваррским. Но он будет отлучен от церкви — в который уже раз! — поскольку на него возложили вину за совершившиеся в Авиньоне убийства нескольких инквизиторов: к таким последствиям привела чрезмерная суровость этих братьев-доминиканцев, чье усердие тщетно пытался умерить граф Тулузский. И ему придется отложить до лучших дней освобождение Окситании от французского господства.

Но вернемся в март месяц 1242 года. Раймонд VII возвращался из арагонского королевства, где укрепил свой союз с королем Хайме (Иаковом) I; он направлялся в Пуату, намереваясь договориться с местными сеньорами, и вдруг, 14 марта, в истории сопротивления окситанской армии французским захватчикам произошел новый внезапный поворот — граф Тулузский тяжело

заболел в Пенн-д'Ажене, маленьком городке, расположенном в трех лье от Вильнева-на-Ло. За время его болезни, которую некоторые считали смертельной, граф де Ла Марш, его главный союзник, отрекся от вассальной зависимости, соединявшей его с французской короной, что было равнозначно объявлению войны. Людовик Святой, пребывавший тогда в расцвете сил (ему было двадцать семь лет), немедленно откликнулся: собрав армию, он повел ее в Сентонж, где нанес войскам графа де Ла Марш сокрушительное поражение. Началась война между Окситанией и французским королевством.

Граф Тулузский созвал своих окситанских вассалов (граф д'Арманьяк, граф де Комменж, граф де Фуа и граф де Роде, виконты Нарбонна, Лотрека и Ломаня), надеясь также на вмешательство английского короля. Его болезнь оказалась не такой уж серьезной, Раймонд VII выздоровел. Но в последующие месяцы в этом конфликте счастье было не на его стороне: его западные союзники потерпели поражение от войск французского короля. Тем не менее граф Тулузский, со своей стороны, за лето 1242 года успел завоевать Нарбонн, значительную часть альбигойских земель и окрестностей Каркассона. Осенью он даже начал осаду французов в Пенн-д'Ажене. Для того чтобы надежнее утвердить свое господство в Окситании, он ждал помощи испанских правителей; к несчастью, те не спешили к нему присоединиться, а вскоре и сам граф де Фуа ему изменил. И тогда Раймонд VII совершил искусный маневр: резко переменив курс, он поспешил изъявить покорность королю Людовику Святому. В январе 1243 года он подписал с ним мирный договор в Лоррисе-ле-Гатине; отношения между графом Тулузским и французским королевством восстановились на условиях так называемого «Парижского договора», подписанного четырнадцатью годами раньше.

Итак, похоже, в 1243 году в Лангедоке воцарился

мир, и граф Тулузский мог спокойно отправиться в Рим, где тщетно попытался добиться соглашения между папой Иннокентием IV (1243—1254) и германским императором. Затем, вернувшись во Францию, неутомимый Раймонд VII присутствует на вселенском соборе в Лионе, где добивается от святых отцов, участников собора, расторжения своего брака с Маргаритой де Ла Марш (из-за ее бесплодия), что давало ему возможность жениться на дочери Раймонда-Беранже Прованского, Беатрисе, с которой он тогда был помолвлен.

Можно думать что угодно о колебаниях и невысказанных притязаниях графа Раймонда VII Тулузского, но нельзя не признать, что до этого времени он весьма искусно вел тонкую игру феодальных союзов и противостояний, добиваясь своих целей; впоследствии Окситании не будут угрожать ни возможные притязания короля Людовика Французского, ни притязания его матери, Бланки Кастильской, которую ее происхождение заставляло поглядывать на окситанские графства. Стало быть, теперь граф Раймонд мог положиться на верность своих окситанских вассалов — графа Бернара д'Арманьяка, графа Бернара де Комменжа, Юга де Роде, Роже IV де Фуа, виконтов Нарбонна, Лотрека и других мест, готовых воевать бок о бок с ним, если потребуется.

* * *

Война, завершившаяся в январе 1243 года подписанием соглашения между королем Франции и графом Тулузским, началась не просто из-за того, что они не поделили территорию. В начале весны 1242 года эта война приобрела новый облик, обернувшись не только борьбой за независимость, которую вели окситанские феодалы против своего сюзерена, французского короля, но также народной религиозной революцией, в которой место «взятия Бастилии» — если мы можем позволить

себе столь анахронический образ — занимало убийство в ночь со среды на четверг, в праздник Вознесения 1242 года, доминиканских следователей, присланных судом Святой Инквизиции и разместившихся в Авиньоне, в Лораге¹; это убийство совершено было приблизительно шестьюдесятью катарскими воинами, которые принадлежали к гарнизону катарского замка-цитадели Монсегюр.

По свидетельствам, собранным впоследствии королевскими следователями, и в частности по рассказу жены одного офицера, который жил в Монсегюре, это кровавое преступление было задумано и совершено по наущению самого графа Раймонда VII. Во всяком случае, это следует из письменных показаний, переданных позднее допрашивавшим ее инквизиторам женой офицера, который жил в Монсегюре, ее имя Фейида де Плень. Это важнейшее вещественное доказательство сохранилось в архивах провинции Лангедок. Многие французские историки, в особенности во времена Ронсара, когда политико-религиозные вопросы широко обсуждались, смогли ознакомиться с этим документом и опубликовать его текст. Мы приводим его здесь в переводе на современный французский язык, цитируя по книге Зои Ольденбург «Костер Монсегюра»:

«Гильом и Пьер-Раймонд де Плень, два рыцаря из гарнизона Монсегюра [*а следовательно, катары*], находились в замке Брам, когда некто Жордане дю Мас прибыл, чтобы сообщить Гильому о том, что Раймонд д'Альфарио ждет его в Антиохском лесу. Этот Раймонд был вигье Раймонда VII и прево [*пастырем*] замка

¹ В наши дни Авиньоне-Лораге (Верхняя Гаронна), в районе Тулузы, — это деревня с населением примерно 950 человек. Это важное событие датировали по-разному; мы выбрали наиболее вероятную дату, на которой сходятся почти все историки.

Авиньоне. Гильом встретился с Раймондом д'Альфаро в назначенном месте, и тот, взяв с него клятву хранить тайну, сказал: «Мой господин граф Тулузский лишен свободы передвижений, равно как и другие рыцари, на которых можно было бы рассчитывать. Однако надо убить брата Гильома Арно и его спутников [инквизиторов]. И потому я прошу Пьера-Роже де Мирпуа и всех солдат, какие есть в Монсегюре, прийти в замок Авиньоне, где сейчас находятся инквизиторы. Впрочем, я передам письма Пьеру-Роже. Поспеси. В награду после смерти инквизиторов получишь лучшего коня, какой сыщется в Авиньоне»¹.

Ни один современный историк не мог бы и мечтать о лучшем свидетельстве для того, чтобы пролить ясный свет на драму, разыгравшуюся семь столетий назад в маленькой деревушке Авиньоне, сегодня такой мирной.

1. Если придерживаться только что процитированного нами текста, представляется бесспорным, что непосредственным виновником резни в Авиньоне был, по всей очевидности, Раймонд д'Альфаро, которого обличает в своем письме Фейида де Плень. Последняя, как жена офицера, командовавшего стражей замка, вероятно, была в курсе всех мелких интриг и сплетен Монсегюра. Тем не менее нам неизвестно, какими мотивами (скорее всего, финансовыми) руководствовался этот грубоватый прево, когда призывал людей из цитадели, тем самым подвергая их смертельной опасности. Д'Альфаро, внебрачный сын некой Гильеметты, которая в свою очередь была внебрачной дочерью графа Раймонда VI Тулузского, оказывался, таким образом, племянником графа Раймонда VII. Но в силу своего незакон-

¹ Zoé Oldenbourg, «Le Bûcher de Montségur», Paris, Gallimard, 1959.

ного происхождения он был устранен от всякой власти и лишен прав наследования, и, должно быть, ему требовалось показать себя в выгодном свете.

2. Вторым виновным был сам граф Раймонд VII Тулузский: от его имени д'Альфарио подготовил и воплотил драму, которую мы опишем чуть позже, как только получил упомянутое выше страшное послание. Даже если д'Альфарио сделал это без его ведома, что весьма сомнительно, он не без оснований полагал, что граф Тулузский не станет порицать его за то, что он столь радикальным способом уладил неприятную проблему с инквизиторами.

3. Третий виновный был, если можно так выразиться, коллективным преступником. Речь идет о шести с лишним десятках катарских воинов, составлявших приблизительно половину гарнизона Монсежюра, то есть о пятнадцати рыцарях и сорока двух офицерах; все они принадлежали к мелкому лангедокскому дворянству, и их семьи на протяжении трех поколений исповедовали веру катаров.

4. Не забудем также обвинить и полицейскую обстановку, созданную в этой местности Гильомом Арно, строгим и жестоким доминиканцем: многие катары Авиньоне и его окрестностей не могли долее терпеть его инквизиторских поездок. Повсюду, куда бы брат Арно ни отправился, он брал с собой настоящую маленькую армию, состоявшую из офицеров, тюремщиков, судей и прочих советников, сеявшую в городах и селах истинный ужас; дошло до того, что сам папа Иннокентий IV вынужден был вмешаться, чтобы умерить пыл своего инквизитора.

5. Общественное мнение Лангедока, независимо от того, шла ли речь о катарах или о католиках, было возбуждено взаимодействием двух этих идеологических сил, которые сражались оружием проповедей, наставлений, наказаний и даже отлучений от Церкви. По всей видимости, религиозную жизнь должны были нарушать многочисленные инциденты, как у католиков, полагавших, что на их стороне истина и право, так и у самих катаров, которые с каждым днем все явственнее ощущали себя гонимыми. Для братьев, о которых говорит жена Пленя, равно как и для других катарских рыцарей из Монсегюра, поручение, данное им от имени графа Тулузского Раймондом д'Альфара, было настоящей удачей: уверяли, будто комендант катарского гарнизона замка, Пьер-Роже де Мирпуа, едва услышал новость, тотчас созвал своих людей и сказал им: «Готовьтесь, дело важное, оно принесет нам большую прибыль!»

6. Сама операция на деле была лишь краткой вылазкой, но последствий имела не меньше, чем государственный переворот. Вот как все происходило: в Монсегюре, куда люди короля не осмеливались сунуться, собралось небольшое войско, примерно из пятидесяти молодых людей, принадлежавших к местному мелкому дворянству, все они были катарскими верующими. В канун четверга Вознесения они без промедления отправились в Авиньоне, где их тайно ждал Раймонд д'Альфаро с другими вооруженными катарами. Большой частью они разместились в доме, обычно предоставляемом прокаженным, на окраине городка. Это маленькое войско, которое, похоже, никто не заметил (в этом нет ничего невероятного, поскольку в окрестностях Монсегюра часто происходили перемещения вооруженных людей), до наступления ночи оставалось в доме прокаженных, где заранее была приготовлена дю-

жина больших, хорошо наточенных топоров. Затем, когда совсем стемнело, прево, одетый в белое, в сопровождении нескольких жителей Авиньоне, которым хотелось присутствовать на кровавом празднике, отвел этих людей, ставших на один вечер вершителями правосудия, к дому, где спали доминиканец Гильом Арно и семь его монахов-инквизиторов.

7. Когда дверь разлетелась под ударами топоров людей Мирпуа, монахи мгновенно скатились с постелей и, упав на колени, затагнули *Salve Regina*¹. Закончить свои песнопения им времени не дали: через несколько минут все лежали с проломленными черепами, и мертвые тела были изрезаны ножами. Ночь подошла к концу, и бледный рассвет возвестил о наступлении праздника Вознесения; безмолвная катарская *вендетта* завершилась. Убийцы инквизиторов разделили между собой немногочисленные предметы, которые нашлись в маленьком замке — книги, подсвечник, оружие, — и, распевая гимны, вернулись к своим сообщникам, дожидавшимся их в доме прокаженных. Затем все вместе отправились слушать мессу в Сен-Феликс, где, несмотря на ранний час, уже распространилась весть об убийстве инквизиторов. Сам кюре подошел обнять катаров-убийц, после чего те под радостные крики толпы прошли через Авиньоне и спокойно вернулись в Монсегюр.

Разумеется, убийство инквизитора Гильома Арно не было ни крупной политико-религиозной, ни тем более военной победой; это было заурядное преступление, своего рода сведение счетов, довольно-таки мерзкое, мало что менявшее в судьбе катаров Лангедока и еще менее того значившее для будущего французского ко-

¹ «Славься, Царица» — начальные слова богородичного антифона. (Примеч. переводчика.)

ролевства. Это было, если можно так выразиться, обычное местное «небольшое осложнение», пришедшееся на царствование Людовика Святого, оно не шло ни в какое сравнение с религиозными войнами, которые будут терзать Францию три с лишним столетия спустя в течение тридцати шести лет, начиная с дела *пасквилей* (1562) и заканчивая обнародованием Нантского эдикта Генрихом IV в 1598 году. Король, а главное, его мать, Бланка Кастильская, прекрасно это поняли. И потому Людовик Святой прежде всего стремился не наказывать своих юго-западных вассалов (в частности, графов Раймонда VII Тулузского и Раймонда-Роже де Фуа, которые возглавили националистический и феодальный мятеж в Лангедоке), но предложить двум этим влиятельным сеньорам мирный договор на почетных условиях. Таким образом, на следующий день после резни в Авиньоне граф Тулузский мог как ни в чем не бывало идти отвоевывать свои утраченные владения, а главное — заниматься освобождением Окситании.

Но в Лангедоке теперь все шло по-другому, поскольку Людовик Святой и его советники, а также Бланка Кастильская начинали войну в другой форме — учтивого административного завоевания.

* * *

Если взглянуть на показания Фейиды де Плень, представляющие собой единственное официальное свидетельство, каким мы располагаем в деле Авиньоне, мы увидим, что там недвусмысленно сказано: преступный приказ убить инквизиторов исходил от самого Раймонда VII, тот тайно велел передать его двум рыцарям из Монсегюрского гарнизона. Делая это, граф преследовал цель вернуть себе свое Тулузское графство, и его можно понять. Но к кому же этот феодал должен был перейти после его смерти, ведь у Раймонда VII по-преж-

нему не было наследника мужского пола? В принципе в соответствии с феодальными законами его владения должны были перейти к его сюзерену, то есть к французскому королю; отсюда и стратегия, которой придерживалась с этого времени Бланка Кастильская. Стратегия эта состояла в том, чтобы препятствовать графу Тулузскому вступить в брак и не дать ему обзавестись наследником, таким образом прибрав к рукам графство Тулузское для своего сына, самого близкого потомка мужского пола (родного племянника) графа Раймонда VII. Следовательно, надо было противодействовать усилиям тулузца, направленным на поиски супруги, которая могла бы быстро подарить ему сына. В 1229 году регентша Бланка Кастильская поняла, как пишет Зоя Ольденбург, что потенциальным соперником в борьбе за французскую корону, пока что венчавшую голову ее сына Людовика IX, был не граф Раймонд VII Тулузский, превратившийся к тому времени в *«сломанный посох, на который не следует слишком сильно опираться»*, но тот наследник, которого у правителя пока что не было, но которого могла ему родить либо его вторая жена, Маргарита де Лузиньян (на ней он женился в 1243 году), либо следующая супруга — несмотря на зрелый возраст, граф готов был остановить свой выбор на первой же принцессе, которая способна была принести ему потомство. Стало быть, для Бланки Кастильской лучшим способом сделать так, чтобы владения графа Тулузского достались французской короне, было присматривать за «бабником», каким все еще оставался граф Раймонд, и не давать ему еще раз жениться. Именно этим она и будет успешно заниматься в ближайшие годы, в то время как ее сын возьмет на себя преследование катарских еретиков.

Эта стратегия регентши будет несколько стеснять графа Раймонда VII, который желал оставаться хозяи-

ном в своих владениях. Пятнадцатого апреля 1243 года, как только было улажено дело с убийствами в Авиньоне, граф, окончательно вернувшись в свои тулузские владения, созвал в Безье церковный собор, который можно было бы назвать окситанским; собор проходил под председательством нарбоннского архиепископа, а участниками его были епископы и настоятели крупнейших монастырей Лангедока. Если на первый взгляд собор в Безье, казалось, посвящен был уничтожению в Лангедоке катарской ереси, то на деле истинная цель Раймонда VII состояла в том, чтобы, воспользовавшись случаем, лишить доминиканцев возможности выполнять свои обязанности инквизиторов — эта их прерогатива стала источником множества беспорядков в Окситании, а недавняя резня в Авиньоне — недавним последствием; граф Тулузский хотел передать эти функции постоянным епископским судам. Разумеется, инквизиторы — то есть доминиканские братья-доминиканцы — откликнулись на этот поступок, скрывавший под собой некий маневр и бывший не вполне в рамках закона, поскольку Раймонд VII все еще пребывал под действием отлучения от церкви, произнесенного против него после убийства инквизиторов в Авиньоне (а стало быть, не имел права созывать собор). Папа Иннокентий IV, только что возведенный на престол, признал справедливость негодования братьев-доминиканцев и даже усилил полномочия Инквизиции. Но на соборе в Безье прелаты уже решили, что надо покончить раз и навсегда со сделавшимся скандальным «заведением» в Монсегюре.

Такое решение означало просто-напросто разрушение катарской крепости, и выполнение этой задачи было возложено на представителей высшей религиозной и светской власти Лангедока: нарбоннского архиепископа Амьеля и нового каркассонского сенешаля Юга дез Арсиза.

В то время дела решались быстро: всего через две

недели после завершения собора в Безье, в начале мая 1243 года, сенешаль привел около нескольких сот французских рыцарей¹, и те разбили палатки у подножия скалы, на которой был выстроен Монсегюр; защитников крепости было не более сотни. В принципе Югу дез Арсизу было достаточно подождать, пока в цитадели иссякнут запасы воды, и Монсегюр пал бы, подобно спелому плоду, до начала сезона дождей; оставшись без воды, его гарнизон быстро сложил бы оружие. Но славный сенешаль, как мы вскоре увидим, простодушно принимал свои желания за действительность.

Мы уже сказали, что оборону крепости Монсегюр обеспечивала сотня человек, все они были убежденными катарами; в их числе были рыцари со своими щитносцами, офицеры и обычные солдаты, которыми командовал хозяин здешних мест, Раймонд де Перелла², к которому присоединился другой сеньор, Пьер-Роже де Мирпуа. К этим регулярным войскам прибавились около двухсот совершенных, готовых умереть за свою веру. Что касается высших иерархов катарской церкви, то их было человека два или три — таких, как тулузский епископ Бертран Марти, епископ Разеса Раймонд Агилер, — и несколько диаконов. Осажденный замок состоял прежде всего из донжона, в первом этаже которого был зал площадью приблизительно в пятьдесят квадратных метров, где проходили религиозные обряды катаров; к этому залу примыкало просторное помещение площадью более пятисот квадратных метров, где разме-

¹ Их число не приведено ни в одном источнике.

² Он жил там со своей женой, тремя дочерьми (две из них были замужними, третья — увечная), маленьким сыном Жорденом, которому было лет десять, двумя зятьями, матерью, крестным и семьей последнего, а также несколькими более или менее дальними родственниками.

щались склады, конюшни, фехтовальные залы и комнаты защитников крепости.

Лето 1243 года выдалось исключительно жарким и прошло без боев, катары отсиживались в холодке за толстыми стенами замка Монсегюр, а крестonosцы бродили вокруг крепости в поисках хоть какой-нибудь тени. Когда начиная с сентября жара стала спадать, за стенами крепости — нам это известно из различных документов, — произошло несколько коротких стычек, в частности бой между осажденными и отрядом басков, привыкших к охоте и партизанской войне в этих горах; им удалось занять стратегическую позицию на единственной дороге, которая вела в Монсегюр. Кроме того, немногочисленные документы сообщают нам о том, что катарский офицер по имени Гираут Кларе был смертельно ранен в конце октября¹, и то же самое случилось с одним рыцарем. Эти первые небольшие успехи воодушевили осаждавших. Декабрьской ночью им удалось занять наблюдательный пост на склоне горы²; на этой выгодной позиции епископ Альби, любивший на досуге что-нибудь мастерить, велел устроить площадку напротив стен Монсегюра и разместил на ней камнемет, а каменотесы тем временем в изобилии заготавливали ядра. Как только машина была собрана и оснащена, французские артиллеристы смогли обстреливать деревянный палисад, защищавший подступы к замку Монсегюр.

Но все эти технические ухищрения несколько не продвинули осаду, поскольку сторонники катаров, жившие на равнине, в самом начале января прислали к ним артиллериста. Этого человека, похоже, обладавшего определенными способностями, звали Бернар де Ла Бак-

¹ Это единственные сведения, какими мы располагаем об этом неизвестном солдате, о котором не знаем ничего, кроме имени.

² См. также Приложение XI (хроника Гильома де Пюилорана).

калариа (и это все, что нам о нем известно). Ему удалось взобраться на пик Монсегюр, оставшись незамеченным осаждавшими, и разместить в барбакане камнемет, не менее мощный, чем у католиков. Артиллерийская перестрелка, попытки штурма со стороны осаждавших, вылазки осажденных продолжались до конца февраля 1244 года; как пишет Гильом де Пюилоран, летописец и современник событий, «осажденным не давали покоя ни днем, ни ночью»¹.

В конце концов, ранним утром 28 февраля 1244 года, еще до рассвета, Раймонд де Перелла и Пьер-Роже де Мирпуа, которые денно и ночно руководили героической обороной замка, появились на крепостной стене и приказали трубить в рог: после долгой осады, длившейся более девяти месяцев, катары Монсегюра сдались, и их полководцы предложили вступить в переговоры. Крестовый поход против еретиков, к которому папа Иннокентий III призывал за тридцать шесть лет до того (в 1208 г., после убийства своего легата Пейре де Кастельно подручным графа Раймонда VI Тулузского), подошел к завершению; настало время переговоров. Эти переговоры начались на следующий же день после капитуляции, в первый день марта 1244 года. Они были краткими, поскольку у победителей-крестоносцев осталось лишь одно желание — вернуться наконец домой, и условия, предложенные ими побежденным, были великодушными:

1) катары сохраняют за собой Монсегюр еще на несколько дней и выдадут победителям заложников;

2) они получают прощение за все прежние грехи, в том числе и за совершенное ими в Авиньоне убийство инквизиторов;

¹ Приведено в книге Зои Ольденбург, указ. соч., с. 364. См. также Приложение XI.

3) солдатам позволено будет уйти свободными, без ущерба для чести, но при условии, что перед тем как покинуть Монсегюр, они предстанут перед доминиканскими инквизиторами, покаются в своих грехах и отречутся от своей ереси; сделав это, они подвергнутся лишь легким наказаниям;

4) все прочие обитатели цитадели останутся свободными, но они также должны исповедоваться инквизиторам и отречься от ереси; те же, кто не отречется, будут приговорены к немедленной казни на костре;

5) крепость Монсегюр без промедления будет сдана королю и Церкви.

С учетом нравов и обычаев того времени это были хорошие условия. Даже лучше, чем можно было ожидать, поскольку люди из Монсегюра, в том числе и те, кто участвовал в резне в Авиньоне, могли, если немедленно и официально отречутся от катарской ереси, избежать не только смерти, но и пожизненного заключения, к которому приговорил бы их любой церковный суд. Стало быть, мы можем задаться вопросом о причинах столь поспешно проявленной снисходительности. Современные историки, изучавшие этот эпизод, предложили немало гипотез в объяснение, но ни одна из них не была принята единогласно. К примеру, вполне может быть, что показания тех катаров из Монсегюра, которые никогда не покидали крепости, а стало быть, не принимали непосредственного участия в деле Авиньоне, случившемся за два года до того, но помогавшие его готовить (в частности, используя свои связи), содержали откровения, ставившие под угрозу некоторых видных католических деятелей.

Тем не менее оттого ли, что так была сильна их вера, или же от отчаяния, но почти никто из катаров, находившихся в Монсегюре в момент капитуляции, не отрекся от своей веры ради того, чтобы избежать костра.

В цитадели нашлось даже несколько христиан (рыцарей и офицеров) и христианок, которые попросили *in extremis*¹ обратить их в катарскую веру, чтобы они могли умереть вместе с совершенными и таким образом сделаться мучениками; таких было чуть больше двадцати человек.

Огромный костер, на котором должны были 16 марта 1244 года погибнуть более двухсот еретиков, безжалостно туда пригнанных, был устроен на довольно обширной площадке, расположенной на юго-западном склоне горы, у подножия замка, приблизительно в двухстах метрах от его стен. На этом месте возвели ограду из кольев и веток, внутри которой свалили тысячи вязанок сухого хвороста и охапок соломы, обмазанных смолой, а затем солдаты стали загонять туда одного за другим скованных цепями еретиков, и первым был катарский епископ Тулузы, Бертран Марти. Несчастные люди кричали, рыдали и молились; затем огонь, зажженный палачом и его подручными, понемногу занялся, первые языки пламени потянулись кверху, и двести человек — мужчин, женщин и детей — под вопли и плач вспыхнули факелами. Три или четыре часа спустя на плато Монсежюра остались лишь груды обуглившейся, дымящейся и окровавленной плоти. По всей долине распространился чудовищный запах смерти и дыма, а монахи и два или три католических епископа, присутствовавшие на этом зловещем торжестве, распевали гимны или читали *Pater Noster*.

Страшная история катаров завершилась.

¹ В последний момент.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КАТАРСКИЕ ТЕКСТЫ

НАЧАЛО ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

Начало Евангелия от Иоанна было одним из основных текстов для катаров, его читали, например, при совершении обряда Consolamentum.

1 В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

2 Оно было в начале у Бога.

3 Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

4 В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

5 И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

6 Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн.

7 Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.

8 Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.

9 Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.

10 В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал.

11 Пришел к своим, и свои Его не приняли.

12 А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими,

13 Которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.

14 И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.

15 Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня.

16 И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать,

17 Ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа.

18 Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Богомильский апокриф «Тайная вечеря», или «Interrogatio Johannis», представляет собой текст, предшествующий учению средневековых катаров, и содержит основные его идеи. Он построен в форме «вопросов, которые Иоанн, апостол и Евангелист, задает Господу нашему Иисусу Христу во время Тайной вечери в Царствии Небесном об устройстве мира, о Князе этого мира и об Адаме».

1. Я, Иоанн, брат твой, делящий скорби, чтобы потом войти в царствие небесное, когда покоился на груди Иисуса, сказал ему: «Господи, кто тот, кто тебя предаст?» И он мне ответил: «Тот, кто вместе со мной протянет руку к блюду. Тогда Сатана войдет в него, и он меня выдаст».

2. Я сказал: «Господи, до того, как пал Сатана, какова была Твоя слава одесную Отца?» Он мне ответил: «Он был в такой славе, что правил силами небесными. Я же восседал одесную Отца. Сатана правил всеми теми, кто подражает Отцу, и он спускался с небес даже в

самые малые создания, и поднимался из преисподней к престолу Отца, которого никто никогда не видел. И он созерцал славу того, кто приводит в движение небеса, ибо хотел уподобиться Всевышнему. И он сошел в воздух, и сказал ангелу воздуха: «Отвори мне врата воздуха». И ангел отворил ему врата воздуха. И спускаясь оттуда вниз, он встретил ангела, хранившего воды, и сказал ему: «Отвори мне врата вод». И ангел ему их отворил. Он сошел под землю и увидел двух рыб, возлежавших над водами. Они были подобны двум волам, впряженным в ярмо, чтобы пахать, и по приказанию незримого Отца держали всю землю от заката до восхода. Спустившись еще ниже, он увидел тучи, нависавшие над морскими волнами, чтобы их удерживать. Продолжая спускаться, он дошел до своей преисподней, порождающей огонь. Дальше он уже спускаться не мог, путь ему преградили языки жгучего пламени. Тогда Сатана вернулся назад и, преисполнившись хитрости, приступил к ангелу воздуха и к тому, что был над водами, и сказал им: «Все это принадлежит мне. Если вы меня слушаетесь, я поставлю свой престол на тучах и уподоблюсь Всевышнему; я уведу воды с высшего неба и соберу все их из мест, занятых морями. Тогда на лице земли больше воды не останется, и я буду править вместе с вами во веки веков». И, говоря так, Сатана поднялся вместе с другими ангелами к пятому небу, и каждому из них говорил так: «Сколько ты должен твоему хозяину?» «Сто мер зерна», — отвечал один. И он говорил ему: «Возьми перо и чернила и запиши: сорок». Другим он говорил: «А ты сколько должен твоему Господину?» «Сто кувшинов масла», — отвечали они ему. — «Садись, — говорил Сатана, — и пиши: пятьдесят». Он поднялся на все небеса и с этими словами соблазнил до пятого неба ангелов незримого Отца.

3. Но голос, исходивший от престола Отца, сказал ему: «Что делаешь ты, отрицающий Отца и соблазняющий ангелов? Творец зла, делай скорее то, что ты задумал совершить». И тогда Отец приказал своим ангелам: «Отнимите у них одеяния». И ангелы забрали одеяния, престолы и венцы у всех ангелов, послушавших Сатану.

И еще я спросил у Господа: «Когда Сатана пал, где обитал он?» И он мне ответил: «За его гордыню Отец мой преобразил его и отнял у него свет. Его лицо уподобилось раскаленному железу и стало похожим на человеческое. И он увлек за собой треть всех Божьих ангелов и был отброшен от престола Господня и из небесных обителей. И, спустившись до этих небес, он не мог найти места, где мог бы отдохнуть сам и те, кто был с ним. Тогда он воззвал к Отцу и сказал ему: «Будь терпелив со мной, и я верну тебе все». И Отец сжалился над ним и дал покой и ему, и всем, кто был с ним, и позволил ему делать все, что он захочет, до седьмого дня.

4. И так Сатана остался на этом небе и стал приказывать ангелу воздуха и тому, кто был над водами: они подняли обе части воды снизу вверх, выше воздуха, и из третьей части сотворили море, которое стало господином вод. Но, согласно заповеди Отца, он приказал также и ангелу, который был над водами, править двумя рыбами, и они подняли землю снизу вверх, и настала засуха. И он взял венец ангела, правившего водами: из одной половины он сделал лунный свет, а из другой половины — свет звезд. Из драгоценных камней он сделал все звезды. Затем взял своих ангелов служить себе, как приказал Всевышний. И согласно заповеди незримого Отца он сотворил гром, дождь, град и снег. И поставил своих ангелов править всем этим. И повелел земле по-

родить всех больших зверей, и всех гадов, и все деревья, и все травы. И повелел морю породить рыб и птиц небесных.

5. Затем Сатана поразмыслил и сотворил человека, чтобы тот стал его рабом или рабом самого себя. И приказал ангелу третьего неба войти в это сделанное из грязи тело, от которого затем отделил часть, чтобы сделать другое тело в женском обличье, и приказал ангелу второго неба войти в это женское тело. Но эти ангелы заплакали, когда увидели, что обрели смертные тела и что сделались в этих телах различными. И Сатана приказал им совершить плотский грех в этих телах из грязи, и они не знали, что тем самым совершают грех. Провозвестник зла поразмыслил сам с собой о том, как он сотворит Рай, и впустил туда людей, повелев отвести их туда. И он посадил тростник посреди Рая, и, плюнув, сотворил змея, и повелел ему жить в тростнике. Вот так Дьявол осуществил свое недоброе намерение с тем, чтобы мужчина и женщина не ведали о его обмане. Затем он вошел в Рай и заговорил с ними. Он сказал: «Ешьте от всякого плода, какой есть в Раю, но остерегайтесь есть от плода познания добра и зла». И Дьявол вошел в тело змея-искусителя, соблазнил того ангела, который был в женском обличье, и влил в него грешное вожеление, и насытил свою похоть с Евой посредством змеиного хвоста. Вот потому людей называют сынами Дьявола и сынами змея, ибо они служат похоти их отца Дьявола до скончания века.

6. И затем я, Иоанн, спросил у Господа: «Как можно объяснить, что Адам и Ева были сотворены Богом и помещены в Рай, чтобы исполнять волю Отца, а затем были обречены на смерть?» Господь мне ответил: «Послу-

шай, Иоанн, возлюбленный Отцом моим, это невежды понапрасну говорят, будто мой Отец сотворил эти тела из грязи, на самом деле он создал все силы небесные Святым Духом: стало быть, Адам и Ева из-за своего греха получили смертные тела из грязи и были обречены на смерть».

И снова я, Иоанн, спросил у Господа: «Каким образом человек может родиться духовно в теле из плоти?» И Господь мне ответил: «Мужчины, произошедшие от падших ангелов, входят в тело женщины, и плоть им дает плотская похоть. Стало быть, дух рождается от духа, а плоть от плоти. И так осуществилось царствование Сатаны в этом мире и во всех народах». Еще он сказал мне: «Мой Отец позволил ему царствовать семь дней, и это семь веков».

7. Я снова спросил Господа: «Что произойдет после этого времени?» И Он мне ответил: «Как только Дьявол отпал от славы Отца и отказался быть с Ним, он воссел на тучах и послал ангелов и послал огонь, чтобы испепелить людей, от Адама до Еноха. И он вознес Еноха, своего служителя, выше небес, и показался ему божественным. Он дал ему перо и чернила, и Енох сел и написал шестьдесят семь книг. Он приказал ему отнести эти книги на землю. Енох сохранил их на земле и передал своим сыновьям и научил их, как совершать нечестивые таинства и жертвоприношения. И так он скрыл от людей царствие небесное. И Сатана говорил им: «Смотрите, я Бог ваш, и нет у вас другого Бога, кроме меня». Вот почему Отец мой послал меня в мир, чтобы я открыл людям злокозненный ум Дьявола и чтобы они научились его распознавать. Но Сатана, зная, что я сошел с небес в этот мир, послал своего ангела, и тот взял стволы от трех деревьев, и дал их Моисею, чтобы я был распят на этом дереве, уже для того приго-

товленном. И Сатана открыл своему народу свою божественность, и приказал, чтобы сынам Израиля был дан закон, и помог им перейти море посуху.

8. Когда Отец мой задумал послать меня на землю, то послал вперед своего ангела по имени Мария, чтобы меня принять. Тогда я спустился, вошел в него через ухо и вышел через ухо. Тогда Сатана, князь этого мира, узнал, что я спустился сюда для того, чтобы найти и спасти погибшие создания, и послал, чтобы крестить водой, своего ангела пророка Илию, который получил имя Иоанна Крестителя. Но Илия спросил у князя сего мира: «Как смогу я его узнать?» И сам Господь ему сказал: «На кого снизойдет Дух Святой в виде голубя и останется, тот крестит в Духе Святом во искупление грехов: он один имеет власть погубить или спасти».

9. И снова я, Иоанн, спросил у Господа: «Можно ли спастись через крещение Иоанна без твоего крещения?» И Господь ответил: «Ни один человек, если я не крестил его духом во искупление его грехов, не сможет узреть царствие небесное благодаря одному лишь крещению водой, ибо я есмь хлеб жизни, сошедший с седьмого неба. И, поскольку они едят плоть мою и пьют кровь мою, лишь они будут названы сынами Божьими».

Я спросил у Господа: «Что следует понимать под словами: они едят плоть мою и пьют кровь мою? И Господь мне ответил: «До того, как дьявол был изгнан со всем своим воинством от славы Отца, ангелы, когда молились, возвеличивали Отца, говоря в своих молитвах: Отче наш, иже еси на небесех. И тогда все их песнопения поднимались к престолу Отца. Но после своего падения они уже не могут славить Бога этой молитвой.

И я спросил у Господа: «Почему все они получают крещение Иоанна, но не все получают твое?» Господь

ответил так: «Потому что дела их дурны, и они не приходят к свету. Ученики Иоанна Крестителя берут себе мужей и жен, но мои ученики не женятся и подобны ангелам Господним на небесах».

И тогда я, Иоанн, сказал: «Если познать женщину — уже грех, мужчина не должен жениться».

Господь ответил мне: «Не все понимают смысл этих слов, если только им не дано было его уразуметь: бывают евнухи, которые вышли такими из чрева своей матери, бывают евнухи, которые были оскоплены, и бывают такие, кто сделался евнухом сам ради царствия небесного. Пусть тот, кто может это уразуметь, да уразумет!»

10. И я стал спрашивать Господа о Судном дне: «Каким будет знамение твоего прихода?» Он мне ответил: «Это произойдет, когда число Праведных уравняется с числом падших с неба увенчанных Праведных. Тогда Сатана освободится и выйдет из своего узилища, обуянный великой яростью, и станет воевать с Праведными, и те воззовут к Господу Богу. И Господь тотчас велит своему ангелу затрубить в трубу. Трубный глас ангела разнесется от небес до преисподней. И тогда солнце затмится, и свет больше не станет светить. Звезды упадут, и четыре ветра развеются, и от них сотрясутся земля и море, равно как и горы и долины. Тотчас содрогнется и небо, и солнце погаснет на четвертый час. Тогда явится знак Сына Человеческого, и с ним будут все добрые ангелы, и он поставит престол свой на облаках, и воссядет на престоле своего величия, с двенадцатью апостолами, восседающими на двенадцати престолах его славы. И книги будут развернуты, и он станет судить весь мир и веру, кою проповедовал. И тогда Сын Человеческий пошлет своих ангелов, чтобы они взяли его избранных со всех четы-

рех сторон света и от вершины небес до их края, и чтобы привели их. И тогда Сын Человеческий пошлет злых бесов, чтобы они привели к нему все народы, и скажет им: «Придите сюда, те, кто говорил: мы сытно ели и сладко пили, и получили в этом мире свою награду». И после того, как мы узрим этих демонов, все народы, преисполняясь страха, предстанут перед судьей. И Книги Жизни будут раскрыты, и там будут показаны все народы. И Господь возвеличит Праведных за их терпение и их добрые дела. Тем, кто слушался ангельских приказов, даны будут слава, честь и бессмертие. Тем же, кто повиновался демону, придется испытать гнев, обиду, терзания и страх.

Тогда Сын Человеческий отделит своих избранных от грешников и скажет им: «Приидите, благословенные Отца моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». И затем скажет грешникам: «Идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его». И все прочие, увидев последнее разделение, столкнут грешников в преисподнюю по приказу незримого Отца.

Тогда души покинут темницу неверующих, мой голос будет услышан, и останется лишь одна овчарня и один пастырь. И из недр земных выйдут тьма и мрак преисподней, и поглотят весь мир от недр земных до воздуха небес. И Господь станет править от небес до глубин земли. Огненное озеро, где будут обитать грешники, столь глубоко, что, если бы человек тридцати лет поднял камень и бросил его вниз, он три года летел бы, прежде чем достичь дна.

11. И тогда Сатана будет связан со всем своим воинством, и будет брошен в это огненное озеро. А Сын Божий будет прогуливаться со своими избранными по небесам, и заточит Дьявола, сковав его нерушимыми

цепями с плачущими и стонающими грешниками, и те скажут: Земля, поглотит нас и истребит нас. И тогда праведники воссияют подобно солнцу в царстве их Отца, и Сын Божий приведет их к престолу незримого Отца и скажет: «Вот я с чадами, которых Отец дал мне; мир тебя не знал, но я поистине тебя узнал, потому что это ты послал меня». И Отец тогда ответит своему сыну: «Возлюбленный Сын мой, сядь справа от меня, я брошу к твоему подножию твоих врагов, отрицавших меня и сказавших: мы — боги, и кроме нас нет других богов. Они предали смерти твоих пророков и были гонителями твоих Праведников. Теперь ты сбросил их во тьму, туда, где раздаются плач и скрежет зубовый».

И тогда Сын Божий воссядет одесную Отца, и Отец станет править своими ангелами. Он поместит избранных своих в ангельские хоры, покроет их нетленными одеждами, даст им нерушимые венцы и незыблемые престолы. И Бог будет среди них. Они не узнают больше ни голода ни жажды, и солнце не опалит их, и жара не сожжет. И Господь осушит все слезы их глаз. И Сын будет царствовать со своим святым Отцом, и царствию его не будет конца во веки веков».

ИСТИННАЯ БОЖИЯ ЦЕРКОВЬ И CONSOLAMENTUM, ИЛИ ДУХОВНОЕ КРЕЩЕНИЕ (ОКСИТАНСКИЙ ДУБЛИНСКИЙ РИТУАЛ)

Эта Церковь терпела гонения, скорби и муки во имя Христа, ибо сам Он все это выстрадал, желая искупить и спасти свою Церковь и показать как на деле, так и на словах, что до скончания веков она должна терпеть гонения, позор и проклятия, как говорит Он это в Евангелии от святого Иоанна (15; 20): «Если Меня гнали,

будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше». А в Евангелии от святого Матфея Он говорит (5; 10—12): «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда станут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас». И еще сказал (10; 16): «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков». И еще (10; 22—23): «И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой».

Заметьте, до какой степени все эти слова Христа противоречат дурной римской Церкви, ибо она не гонима ни за благо свое, ни за праведность свою; напротив, это она гонит и предаёт смерти всякого, кто не захочет мириться с ее грехами и ее преступлениями. И она не бежит из города в город, но владеет городами, и городками, и провинциями, и величественно восседает в роскоши мира сего, и ее боятся короли, императоры и прочие бароны. Она нисколько не уподобляется овцам среди волков, но подобна волкам среди овец и козлищ; и она делает все, чтобы утвердить свою власть над язычниками, евреями и неверными; а главное — она гонит и предаёт смерти святую Христову Церковь, которая все терпеливо сносит подобно овце, не защищающейся от волка.

Но, несмотря на все это, пастыри римской Церкви не испытывают никакого стыда, говоря, будто они и есть овцы и агнцы Христовы, и они говорят, что Церковь Христова, та, которую они гонят, и есть Церковь волков. Но это неслыханная вещь, ибо во все времена волки гнали и убивали овец, и надо, чтобы сегодня все вывернулось наизнанку для того, чтобы овцы, разъярившись, стали бы кусать, гнать и убивать волков, и

чтобы волки сделались до того терпеливы, что позволили бы овцам их съесть! [...]

И потому святой апостол Иоанн говорит (13; 13): «Не дивитесь, братья мои, если мир ненавидит вас»¹.

Эта Церковь совершает святое духовное крещение, то есть наложение рук, которым дается Дух Святой; Иоанн Креститель сказал (Матф., 3; 11): «Идущий за мною [...] будет крестить вас Духом Святым». И еще, когда Господь наш Иисус Христос сошел от престола славы, дабы спасти народ свой, он научил святую Церковь, чтобы она крестила других этим святым крещением, как сказано в Евангелии от святого Матфея (28; 19): «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа». И в Евангелии от святого Марка Он говорит (16; 15—16): «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет».

Но дурная римская Церковь, лживая и распространяющая ложь, говорит, будто Христос понимал под этим крещение материальной водой, какое совершал Иоанн Креститель до проповеди Христа. Это можно опровергнуть многими доводами; ибо, если бы крещение, совершаемое римской Церковью, было бы тем, какое Христос заповедал своей Церкви, тогда все те, кто получил крещение, были бы осуждены. Христос на самом деле говорит (Марк, 16; 16): «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет». Но они крестят маленьких детей, которые не могут ни веровать, ни знать, что есть добро и что зло; стало быть, своим словом они их осуждают. [...]

¹ Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова.

CONSOLAMENTUM, ИЛИ ДУХОВНОЕ КРЕЩЕНИЕ (ОКСИТАНСКИЙ ЛИОНСКИЙ РИТУАЛ)

[...] И если он немедленно должен быть *утешен*, пусть совершит *melhorier* («поклонение»), и пусть возьмет книгу из рук старейшины. Тот же должен прочесть ему наставление и назидание с подобающими свидетельствами и теми словами, которые отвечают обряду «Утешения». Затем пусть он ему скажет так:

«Петр, вы хотите получить духовное крещение (*lo baptisme espetiral*), которым дается Дух Святой в Божией церкви, со святой молитвой, с наложением рук «добрых людей». [...]»

Об этом крещении Господь наш Иисус Христос говорит в Евангелии от святого Матфея (28; 19—20) своим ученикам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам, и се, Я с вами во все дни до скончания века». А в Евангелии от святого Марка (16; 15) говорит: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет». А в Евангелии от святого Иоанна (3; 5) Он говорит Никодиму: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». И святой Иоанн Креститель говорил об этом крещении, когда сказал (Иоанн, 1; 26—27): «Я крещу в воде; но стоит среди вас *Некто*, которого вы не знаете: Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня; я не достоин развязать ремень у обуви Его»; и еще (Матфей, 3; 11): «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». И Иисус Христос говорит в Деяниях Апостолов (1;5): «Ибо Иоанн крестил водою, а вы чрез несколько

дней после сего будете крещены Духом Святым». Святое крещение наложением рук было установлено Иисусом Христом, как сказано у святого Луки, и Он говорит, что Его друзья будут это делать, как сказано у святого Марка (16; 18): «Возложат руки на больных, и они будут здоровы». И Анания (Деяния, 9; 17—18) совершил такое крещение над святым Павлом при его обращении. И впоследствии Павел и Варнава совершали это во многих местах. И святой Петр и святой Иоанн делали это с самарянами. Ибо святой апостол Лука так говорит в Деяниях Апостолов (8; 14—17): «Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышавши, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, пришедши, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святого, ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса; тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого».

Это святое крещение, которым дается Дух Святой, Божия Церковь сохранила от апостолов до наших времен, и оно передается от одних добрых людей к другим добрым людям до сего дня, и так будет до скончания веков.

И вы должны знать, что Божией Церкви дана власть связывать и развязывать, прощать грехи и оставлять их, как говорит о том Христос в Евангелии от Иоанна (20; 21—23): «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся».

И в Евангелии от Матфея говорит Симону Петру (16; 18—19): «И Я говорю Тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; а что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что раз-

решишь на земле, то будет разрешено на небесах». И в другом месте (Матфей, 18; 18—20) говорит своим ученикам: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца моего Небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». А в другом месте (Матфей, 10; 8) говорит: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте».

И в Евангелии от святого Иоанна (14, 12) Он говорит: «верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит». И в Евангелии от святого Марка (16; 17—18) говорит: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы». И в Евангелии от святого Луки (10, 19) говорит: «Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражию, и ничто не повредит вам».

И если хотите получить эту силу и эту власть, вам надо соблюдать заповеди Христовы и Нового Завета, приложив для этого все ваши силы. И знайте, что Он заповедал человеку не совершать ни прелюбодеяния, ни человекоубийства, ни лжи, не давать никакой клятвы, не красть и не брать чужого, и не делать другому того, чего не хотел бы, чтобы сделали ему; прощать тому, кто причинил ему зло, и любить своих врагов, и молиться за своих клеветников и хулителей и благословлять их. И если его ударят по одной щеке, пусть подставит другую, и если у него отнимут рубашку, отдать плащ; и он не должен ни судить, ни осуждать, и выполнять многие другие заповеди, которые дал Господь и Его Церковь.

И вы должны также ненавидеть этот мир, и дела его, и все, что в нем есть. Ибо святой Иоанн говорит в своем первом послании (2; 15—17): «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира (сего). И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек». И Христос сказал народам (Иоанн; 7, 7): «Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы». И в книге царя Соломона (Екк, 1; 14) сказано: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа». И Иуда, брат Иакова, говорит нам, чтобы мы знали, в своем послании (стих 23): «Гнушайтесь даже одеждою, которая осквернена плотию». И эти свидетельства, и еще множество других, учат вас соблюдать заповеди Господни и ненавидеть этот мир. И если вы станете соблюдать это до конца, мы надеемся, что душа ваша получит жизнь вечную. [...]

Затем верующий должен совершить поклонение (*melhorier*) и сказать: «*Parcite nobis*. За все, в чем мог я согрешить словом, или делом, или помыслом, или свершением, я прошу прощения у Господа, у Церкви и у всех вас». И тогда христиане пусть скажут: «Именем Господним, и нашим, и Церкви нашей да будут вам отпущены грехи, и станем молить Господа, чтобы Он отпустил их вам». После этого они должны его утешить. Пусть старейшина возьмет книгу (Евангелие) и возложит ему на голову, и другие добрые люди возложат каждый ему на голову свою правую руку, и пусть прочитают *parcias*¹ и трижды *adoremus*, и затем произнесут: «*Pater sancte, suscipe servum tuum in tua justitia, et mitte*

¹ *Benedicite, parcias, gratia, adoremus* — названия молитв.

gratiam tuam et spiritum sanctum tuum super eum»¹. Пусть обратятся к Господу с молитвой, и тот, кто совершает богослужение, должен тихим голосом прочесть *sezena*²; а когда *sezena* будет прочитана, он должен трижды прочесть *adoremus*, и один раз молитву вслух, и затем Евангелие (от Иоанна). А когда Евангелие будет прочитано, они должны трижды прочитать *adoremus*, и *gratia*, и *parcias*. Затем они должны примириться (поцеловаться) друг с другом и поцеловать книгу. Если среди собравшихся находятся верующие-мужчины, они также должны примириться, а если есть верующие-женщины, пусть также поцелуют книгу и примирятся между собой. И потом пусть обратятся к Господу с *dobla* (молитвой) и *veniae* (просьбой о помиловании), и на этом обряд завершается.

ПРОСЬБА О ПРОЩЕНИИ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ПОКАЯНИЯ (ОКСИТАНСКИЙ ЛИОНСКИЙ РИТУАЛ)³

Прибыли мы к Господу и к вам, и ко святой Церкви, ибо желаем покаяться во всех грехах наших, содеянных на деле и на словах, в мыслях и в поступках, с рождения и до дня сегодняшнего, и просим милости у Господа и у вас, дабы вы молили святого Отца милосердного простить нас.

Помолимся Господу и покаемся в прегрешениях на-

¹ Святый Отче, прими раба твоего в царствие твое, и да пребудет с ним милость Твоя и Дух Святой.

² *Sezena, dobla* — так именуется молитва «Отче наш», читаемая соответственно шесть раз или дважды.

³ Цитируется по: Ж. Брюнель-Лабришон, К. Дюамель-Амадо. Повседневная жизнь во времена трубадуров. XII—XIII века. М., «Молодая гвардия», «Палимпсест», 2003, сс. 386—388. (Перевод со староокситанского Е. Морозовой.)

ших многих и тяжких по отношению к Отцу, и Сыну, и почитаемому Святому Духу, и почитаемым нами святым заповедям евангельским, и почитаемым святым апостолам, и с молитвою, и с верою, и с упованием на спасение, кое ожидает христиан добродетельных и достославных, и блаженных усопших предков, и братьев, здесь присутствующих, и молим Тебя, Господи, дабы Ты простил нам все грехи наши. *Benedicite ꝑarcite nobis*¹.

Ибо велики грехи наши, кои совершали мы ежедневно и еженощно, велики каждодневные прегрешения наши против Господа, содеянные нами и на деле, и на словах, и в мыслях, вольно или невольно, а более всего по собственной воле, кою злые духи внушили плоти нашей, в которую мы облечены. *Benedicite ꝑarcite nobis*.

Господь своим святым словом наставляет нас, а также святые апостолы и братья наши духовные; они говорят нам, чтобы отбросили мы всяческие желания плоти и очистились от всякой грязи, и исполняли бы волю Господа, и творили бы благо и добро; но мы, служители нерадивые, не только не исполняем наставлений сих как подобает их исполнять, но часто потакаем желаниям плоти нашей и мирским заботам предаемся, нанося тем самым вред духу нашему. *Benedicite ꝑarcite nobis*.

В миру мы ходим вместе с людьми разными, и пребываем вместе с ними, и разговариваем, и едим, и прегрешений совершаем множество, чем причиняем вред братьям нашим и душе нашей. *Benedicite ꝑarcite nobis*.

Слова наши суетны, беседы пусты, смеемся мы и хочем, и лукавим, и злословим о братьях и сестрах, кои ни судить, ни осуждать мы недостойны, и грехи братьев и сестер не дано осуждать нам, ибо среди христиан мы доподлинно являемся грешниками. *Benedicite ꝑarcite nobis*.

¹ Благослови и сохрани нас (лат.).

Служение, кое было нам заповедано, мы не исполняли так, как следовало его исполнять, не соблюдали ни пост, ни молитву; днями, отведенными нам для дел благочестивых, мы пренебрегли, и часы, для молитв предназначенные, не соблюдали; когда мы творим святую молитву, чувства наши заняты плотским, а мысли исполнены мирских забот, и до того поглощены мы мирским, что уже не знаем, какое слово возносим мы к Отцу всех праведных. *Benedicite ꝑarcite nobis.*

О, Боже, святой и добродетельный, во всем, в чем повинны чувства наши и мысли, исповедуемся Тебе, святой Господь наш; премного согрешили мы, но уповаем мы на милость Господню и на святую молитву и на святое Евангелие, ибо тяжки грехи наши. *Benedicite ꝑarcite nobis.*

О, Боже, осуди и покарай пороки плоти нашей, пусть не будет в Тебе сострадания к сей плоти, что рождена из тлена, но возымей сострадание к душе, что заключена в тюрьме плоти, и дай нам дни и часы, и *venias*¹, и посты, и молитвы, и наставления, как это заведено у добрых христиан, дабы на Страшном суде нас не судили и не покарали вместе с нечестивцами. *Benedicite ꝑarcite nobis.*

¹ Поклоны или коленопреклонения.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

УЧЕНИЕ ЕРЕТИКОВ ИЗ ТУЛУЗСКОГО ГРАФСТВА

Манускрипт под номером 609 из тулузской библиотеки заслуживает тщательного исследования. Уверяли, будто [инквизиторы] Бернар де Ко и Жан де Сен-Пьер допросили от восьми до десяти тысяч человек. Это преувеличение, доказывающее, что документ не был внимательно изучен. В действительности они получили показания пяти тысяч шестисот тридцати восьми свидетелей, данные под присягой. Правда, некоторые из них, приблизительно пятьсот, сделали «отрицательные признания», сказав, будто ничего о еретиках не знают и даже никогда их не видели. Но эти сведения имеют ценность. Совокупность утвердительных показаний прочих пяти тысяч свидетелей составляет свидетельство, которого нельзя не признавать. Оно относится к тому периоду альбигойской ереси, который заключен между 1185 и 1245 годами и составляет шестьдесят лет. Это расследование дает наиболее обильные сведения о состоянии ереси в северо-западной части графства Тулузского в конце XII века и в начале XIII, до и после крестового похода против альбигойцев, до 1245 года [...]

Господь не создавал материю, поскольку она дурна и, кроме того, подвержена порче. Крещение не способствует спасению души, освященная облатка не содержит тела Христова, поскольку материя дурна и неспо-

собна участвовать в совершении освящения и принимать Дух Святой. Дьявол (или злое начало) создал видимый мир, в котором он заключил души; и супруги, которые, рождая детей, удерживают души внутри тел, приобщаются к дьявольскому творению. Стало быть, Христос не может иметь смертное тело; вместо него умер другой; души спасены им, но они спасаются лишь после многочисленных странствий в различных телах, продолжающихся до того дня, когда душа сможет покинуть свою темницу.

Впрочем, как бы там ни было, из этих логических построений с несомненностью следует, что в соответствии с результатами расследования, произведенного в 1245 году, учение еретиков сводилось к следующим основным положениям:

1. Бог не создавал видимых и преходящих вещей, небо и землю; все это либо было создано неким демиургом, «*voluntate et nutu Dei*», либо все это — творение непосредственно дьявола, в частности, им сотворено человеческое тело; либо земля собственными силами произвела покрывающую ее растительность. Творение не может быть делом Божиим, ибо создание, выходящее из Его рук, не портится и не гибнет.

2. Сын Божий не был распят, распят вместо него был другой.

3. Крещение водой бесполезно для спасения души.

4. Освященная облатка не содержит тела Христа.

5. Брак на самом деле есть сожительство, и дети, в браке родившиеся, принадлежат к категории дурных существ.

6. Души переходят из одного тела в другое вплоть до своего избавления.

7. Тела не воскреснут.

Практическим выводом из этого учения, применительно к распространявшей его секте, было не только

то, что с еретиками можно обрести спасение, но и то, что спастись можно только с ними, «*non est salus nisi cum hereticis*», и что следует покинуть Церковь, чтобы перейти к ереси. Именно так понимали и именно так говорили многие свидетели, чей ум не в состоянии был усвоить метафизические понятия, но смотревшие на еретиков, по часто повторявшемуся определению, как на «*bonos homines et veraces et amicos Dei*», как на обладающих истинной верой, «*habere bonam fidem*».

Инквизиторы редко упускали случай допросить свидетеля по этому последнему пункту, отделяя его от теоретической или метафизической части учения. Это понятно, поскольку для них речь прежде всего шла о том, чтобы выявить тех, кто отвергал лоно Церкви, той римской Церкви, которой они противопоставляли ересь.

Представленное толкование вполне совпадает с тем, которое приписывали еретикам тулузского графства. Это вытекает еще из того особого обстоятельства, что многие свидетели уверяли, будто знакомы с учением лишь в пересказе, услышанном из уст самих священнослужителей, не указывая ни места, ни обстоятельств, ни цели, преследуемой священниками, его излагающими. К примеру, Виллем из Сен-Назера «*non audivit eos (hereticos) dicentes errores de visibilibus, nec de aliis sacramentis; set bene audivit dici a presbiteris quod heretici dicebant quod Deus non fecit visibilia, et quod hostia sacra non erat corpus Christi, et quod baptismus et matrimonium non proficiebant ad salutem, et quod corpora mortuorum non resurgent*».

Вполне естественно предположить, будто священники с кафедры обличали и отвергали подобные действительно грубые заблуждения. Эти положения явно отдают дуализмом, манихейством; они отталкиваются от манихейского принципа, согласно которому материя дурна, принципа, прямым выводом из которого они являются,

вытекают благодаря строго логическим рассуждениям. Материя есть творение злого начала, или даже очаг зла, стало быть, Бог не мог ни сотворить, ни устроить ее; крещение водой ничего не дает; тело Христово не может содержаться ни в чем вещественном, ни в хлебе, ни в чем другом; брак способствует творению нечистого, заточая души в материи; наконец, плоть никоим образом не может быть посредством воскрешения возвращена к жизни. Мир и человек находятся во власти дурного начала: зло повсюду, и все есть зло, за исключением секты, обличающей творение дурного начала, защищаемое католической церковью.

(Селестен Дуэ, «Еретики графства Тулузского в первой половине XIII века, по материалам расследования 1245 года»; Célestin Douais, *Les Hérétiques du comté de Toulouse dans la première moitié du XIII siècle, d'après l'enquête de 1245*, A. Picard, 1891, pp. 6 et 9).

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ГИЛЬЯБЕРТ ДЕ КАСТР, КАТАРСКИЙ ЕПИСКОП

Гильяберт де Кастр, родившийся в 1165 году, несомненно, был одним из самых известных катарских прелатов. Мишель Рокбер даже видит в нем «наиболее значительную фигуру окситанского катаризма» (*Histoire des cathares*, Perrin, 1999). Выходец, по всей вероятности, из семьи сеньоров Кастра, он получил превосходное духовное образование и в совершенстве знал Священное Писание. Около 1193 года он обосновался в Фанжо. В начале XIII века он посвятил себя катарской проповеди, защищая взгляды «добрых людей» во время свободных публичных диспутов, где катарские богословы встречались с католическими, как во время дискуссии в Монреале (1207), когда он вместе с другими катарскими теологами противостоял Пьеру де Кастельно.

В течение первых лет крестового похода он укрывался в Монсегюре; в то время он был старшим сыном тулузского епископа Гослена. Благодаря реконкисте Раймонда Младшего в 1220 году катары возвращались в города и деревни, откуда прогнали их крестоносцы, в частности в Лораге и Тулузе. Гильяберт де Кастр, ставший к этому времени (в 1220 или 1222) катарским епископом Тулузы, обосновался в Фанжо. Оттуда он способствовал возвращению катаров и руководил этим возвращением, рукополагал диаконов и совершенных. Этот блестяще образованный человек, кроме того, об-

ладал поистине непререкаемым духовным авторитетом для еретической знати.

Около 1227—1228 года, когда крестовый поход возобновился под предводительством короля Людовика, Гильяберту де Кастру пришлось покинуть Фанжо и временно укрыться в Сен-Поль-Кап-де-Жу. В 1229 году, когда был подписан Парижский договор, Раймонд VII вынужден был, ради спасения своего государства, дать клятву истребить ересь, и катарам вновь пришлось уйти в подполье. Тогда Гильяберт де Кастр спешно покинул Сен-Поль-де-Жу и в сопровождении нескольких рыцарей укрылся в Верхнем Разесе. Около 1232 года он поселился в Монсегюре, где будут находиться «престол и глава» его Церкви, под защитой хозяина этих мест, Раймонда де Перейля (или Перелла). Оттуда, несмотря на свой преклонный возраст, при помощи своего старшего сына, Бернара де Ламота, и несольких диаконов, Гильяберт де Кастр без устали продолжает создавать и строить катарскую иерархию. Около 1240 года, то есть за четыре года до осады крепости, след его теряется.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

ОБЩАЯ ХРОНОЛОГИЯ

- X век** Появление в Булгарии богомильской ереси.
- 1022** Манихейская ересь в Орлеане.
- 1054** Разделение христианской Церкви на Западную и Восточную.
- 1099** Крестоносцы берут Иерусалим. Многие бароны получают владения в Палестине.
- XII век** Волна ереси докатилась до юга Франции, прирейнских областей, Артуа, Фландрии, Бельгии, Италии.
- 1126** Костер в Сен-Жиле, на котором был сожжен манихейский ересиарх Пьер де Брюи.
- ок. 1127** Песни Гильема IX, герцога Аквитанского. Зарождение придворной жизни и блестящей куртуазной литературы в областях окситанского языка.
- 1148** Раймонд V, граф Тулузский. Провал II Крестового похода.
- ок. 1150** По тулузским землям на Юге широко распространилась катарская ересь. Рождение Симона IV де Монфора.
- 1156** Рождение Раймонда VI Тулузского.
- 1159** Александр III занимает папский престол.
- 1163** Обличение французскими епископами на церковном соборе в Туре опасного распространения катарской ереси в Лангедоке.

- ок. 1165 Рождение Гильяберта де Кастра.
- 1165 Симпозиум в Ломбере.
- 1167 «Катарский собор» в Сен-Феликсе, в Лораге.
- 1170 Появление в Лионе вальденского инакомыслия, впервые осужденного как ересь в 1184 году. Последователи Пьера Вальденса (или Водеса, или Вальдо) называли себя «бедными из Лиона».
- 1179 III Латеранский собор. Катары отлучены от Церкви.
- 1180 Филипп Август сменяет на французском престоле Людовика VII.
- 1181 Небольшое войско под предводительством кардинала Анри де Марсиака осаждает по распоряжению папы Александра III город Лавор, где Раймонд Тренкавель I позволил обосноваться двум катарским епископам.
- 1187 Взятие Иерусалима Саладином. Падение христианских государств на Востоке.
- 1190—
1191 III Крестовый поход. Император, короли Франции и Англии берут крест, но единственное их достижение — это взятие Кипра и Акры.
- ок. 1193 Родился Пьер де Во-де-Серне, автор «Альбигойской истории».
- 1194 Раймонд VI сменяет Раймонда V во главе графства Тулузского.
- 1195 Договор между Тулузой и Ричардом Львиное Сердце, выгодный для Раймонда VI, вернувшего себе Ажене.
- 1196 Арагонский престол занимает Педро II.
- 1197 Рождение Раймонда VII.

- 1198 Восшествие на престол папы Иннокентия III, который тотчас начинает IV Крестовый поход против турок. В нем принимают участие честолюбивые рыцари, которые соглашаются идти на Константинополь, выторговывая себе переход на Восток на венецианских судах. Симон де Монфор участвует в этом походе.
- 1199 Смерть Ричарда Львиное Сердце. Отныне Филипп Август противостоит Иоанну Безземельному. Он нападает на Нормандию и в 1204 году завладевает Шато-Гайяром. Иннокентий III приравнивает ересь к оскорблению величества.
- 1202 Осада Зары в Венгрии, в которой принимает участие Симон де Монфор. В следующем году будет взят Константинополь.
- 1203—
1204 Папа посылает в Тулузское графство двух легатов, над которыми поставил настоятеля Сито, Арнаута Амори, с тем, чтобы попытаться защитить там католическую веру.
- 1204 Раймонд VI женится на Элеоноре, сестре Педро II Арагонского.
Завоевание Пуату Филиппом Августом.
Основание в Константинополе крестоносцами латинской империи.
- 1206 Первая проповедь Доминго де Гузмана, будущего святого Доминика, перед катарами. Им основан монастырь Пруй близ Капельнодари.
- 1207 Раймонд VI отлучен от церкви.
- 1208 Убийство Пейре де Капельно, папского легата (январь).
Обвинение падает на графа Тулузского.

Начало рассказа Гильема из Туделы, автора первой части «Песни о крестовом походе против альбигойцев».

- 1209** Торжественное возвращение в лоно церкви Раймонда VI в Сен-Жиле (июнь). Крестовый поход против Безье (город взят и разорен 22 июля) и Каркассона (взят 15 августа). Симон де Монфор становится виконтом Каркассона и Безье.
- 1210** Взятие крестоносцами Кастра, Минерва (июль), Монреала, Терма (ноябрь).
- 1211** Раймонд Младший, сын Раймонда VI, женится на Санче, сестре Педро II Арагонского.
- Взятие Лавора крестоносцами и 5000 тулузцев, посланных епископом Фульком, затем взятие Кассеса (май). В Лаворе сожжены 400 еретиков. Неудачная осада Тулузы (июнь). Взятие Кастельнодари Монфором (июль), который там закрепился.
- 1212** Захват крестоносцами Ажене (май — сентябрь). Битва при Лас-Навас-де-Толоса (16 июля). Христианские рыцари под предводительством Педро II Арагонского жестоко разгромили Альмохадов, обосновавшихся в Испании в середине XII века.
- Собрание и статуты Памье под эгидой Симона де Монфора (декабрь).
- Анонимный автор продолжает сочинение «Песни о крестовом походе против альбигойцев».
- 1213** Лаворский собор (январь): просьбы Педро II Арагонского, заступившегося перед прелатами и крестоносцами за своих тулузских союзников, отклонены.

Битва при Мюре (12 сентября). Поражение тулузцев. Педро II убит.

Его преемником становится Хайме I. Он правит до 1276 года, расширяя свое королевство к югу.

1214 Битва при Бувине (27 июля). Поражение коалиции, созданной Иоанном Безземельным против Филиппа Августа.

1215 Симон де Монфор признан графом Тулузским на соборе в Монпелье (январь). IV Латеранский собор (ноябрь). Иннокентий III старается установить в христианском мире теократию. Призыв к крестовому походу против сарацин (V Крестовый поход). Осуждение альбигойцев и вальденсов; дискриминационные меры против евреев. Крестоносцы, отправляющиеся истреблять ересь, получают отпущение всех грехов.

Права Симона де Монфора на Тулузское графство подтверждены папой.

В Англии Хартия, дарованная Иоанном Безземельным, надолго ослабила королевскую власть.

1216 Раймонд Младший возвращает себе крепости юго-запада. Осада Бокера (июнь). Раймонд VI бежит в Испанию. Дело заложников в Вильневе и разорение Тулузы Монфором (ноябрь). Восшествие на английский престол Генриха III.

1217 Симон де Монфор осаждает Кре (сентябрь), тем временем Раймонд VI берет Тулузу. Бесплодная осада Тулузы Монфором (октябрь 1217 — июль 1218). Гонорий III избран папой.

- 1218 Смерть Симона де Монфора под Тулузой (24 июня). Начало Реконквисты графов Тулузских, которая продлится до 1224 года.
- 1219 Амори де Монфор, сын Симона, разгромлен в Базьеже графами Тулузским, Комменжем и Фуа (январь).
Принц Луи присоединяется к Амори под Мармандом, чье население перебито (весна). Неудача новой осады Тулузы (июнь-июль). Первые францисканцы во Франции.
- 1220— Неудачная осада Кастельнодари крестоносцами. Возвращение из изгнания многих со-
1221 вершенных.
- 1221 Граф де Фуа возвращает Монреаль, Лиму, Фанжо.
Смерть святого Доминика (святой Франциск умирает в 1226).
- 1222 Смерть Раймонда VI. Безье, Нарбонн и Минервуа изгоняют крестоносцев. Амори де Монфор отступает в Каркассес.
- 1223— Царствование Людовика VIII.
1226
- 1224 Амори де Монфор с последними, кто остался ему верен, возвращается в северную Францию.
- 1225 Собор в Бурже. Проповедь нового крестового похода против Раймонда VII.
Смерть Арнаута Амори, настоятеля Сито.
- 1226 Крестовый поход короля Людовика на юг Франции. Осада Авиньона (лето). Прованс капитулирует. К осени покорится тулузский край.
Смерть короля 8 ноября. Восшествие на престол Людовика IX, будущего Людовика Святого, в возрасте двенадцати лет. Регентство Бланки Кастильской.

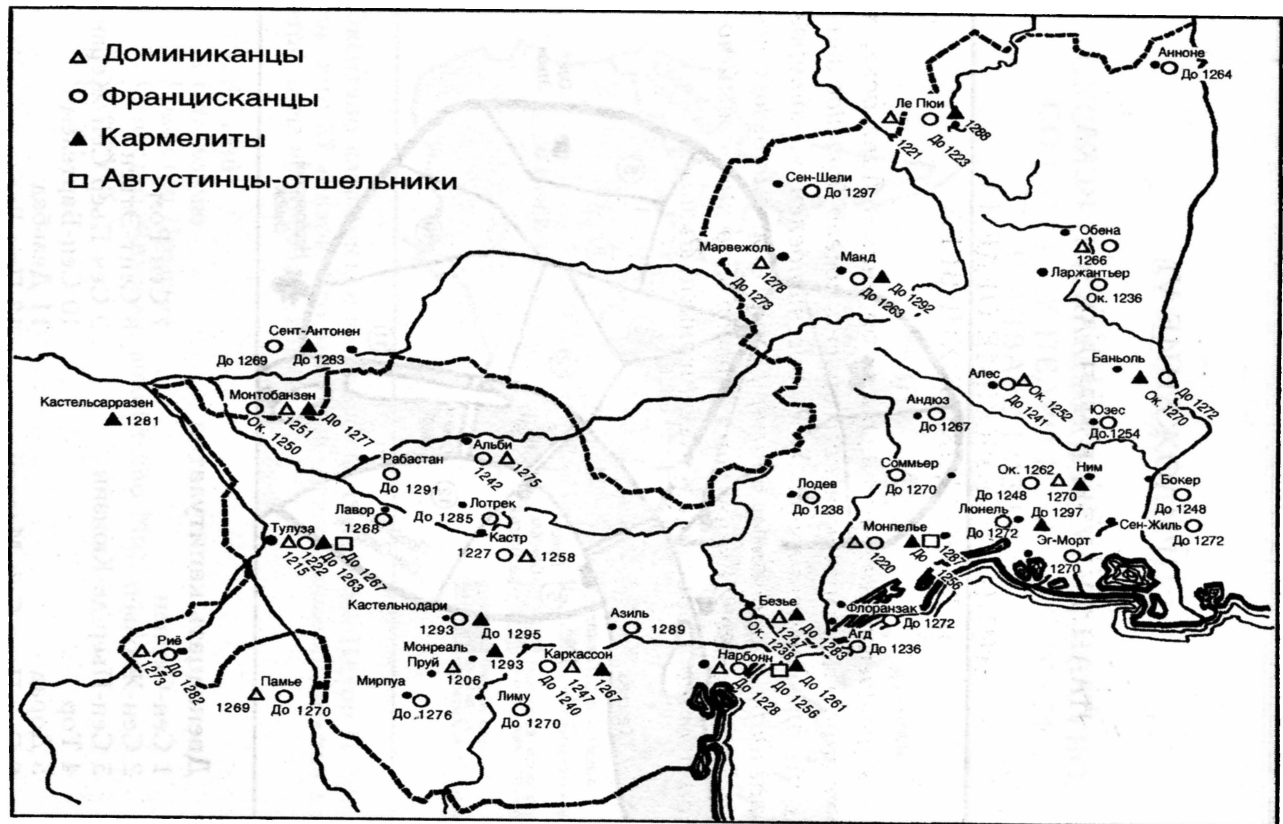
- 1227** Раймонд VII возвращает себе многие крепости юга. Нарбоннский синод ищет еретиков. Фридрих II, получивший императорскую корону в обмен на обещание взять крест, не сдержал его и был отлучен от церкви папой Григорием IX (1227—1241).
- 1229** Парижский договор между французской монархией и графом Тулузским. Начало строительства яacobитской церкви в Тулузе.
- 1229—1230** Тулузский собор, посвященный борьбе с ересью в Лангедоке.
- 1230** Начало гонений на вальденсов в окрестностях Лиона. Они рассеиваются и постепенно уходят в подполье. В 1532 году они присоединятся к Реформе.
- 1231—1233** Григорий IX учреждает Инквизицию. Инквизиторов будет набирать, главным образом, среди доминиканцев и францисканцев.
- 1232** Осенью катарский епископ Гильяберт де Кастр удаляется в Монсегюр, где учреждает «престол и главу» катарской церкви.
- 1234** Постоянные суды инквизиции в Тулузе и Каркассоне.
- 1235** Инквизиторы временно изгнаны из Тулузы и Нарбонна. Отлучение от церкви Раймонда VII, который утрачивает свои титулы. Ради примирения с папским престолом он объявляет о том, что отправляется в Святую землю, но обещания своего так никогда и не выполняет.
- 1235—1236** Осада Константинополя болгарами и греками. Город защищают рыцари-христиане, благодаря которым латинская империя продержится еще двадцать пять лет.

- 1239 Костер Монт-Эме в Шампани. На нем инквизицией будут сожжены 180 катаров.
- 1240 Мятяж Тренкавеля.
Отступление катарской ереси ускоряется.
Теряется след Гильяберта де Кастра.
- 1242 Два инквизитора, Гильом Арно и Этьен де Сен-Тибери, убиты в Авиньоне, в Лораге, группой людей, пришедших из Монсегюра, среди которых был родственник графа Тулузского.
Последнее восстание графа Раймонда VII против короля.
- 1243 Мирный договор в Лоррисе-в-Гатине между графом Тулузским и королем (январь).
Собор в Безье (апрель). Иннокентий IV избран папой (июнь).
- 1244 Падение Монсегюра после нескольких месяцев осады (16 марта). Более 200 катаров погибли на костре. Раймонд VII добился возвращения в лоно Церкви (14 марта).
- 1245—
1246 Бесплодные попытки Раймонда VII в нескольких браках добиться рождения наследника мужского пола.
- 1249 Смерть Раймонда VII. Его дочь Жанна становится графиней Тулузской.
- 1271 Смерть Альфонса де Пуатье, зятя Раймонда VII и брата Людовика Святого. Присоединение графства Тулузского к королевским владениям.
- 1321 Гильом Белибаст, последний известный нам совершенный катар, сожжен в Вильруже-Терменесе.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

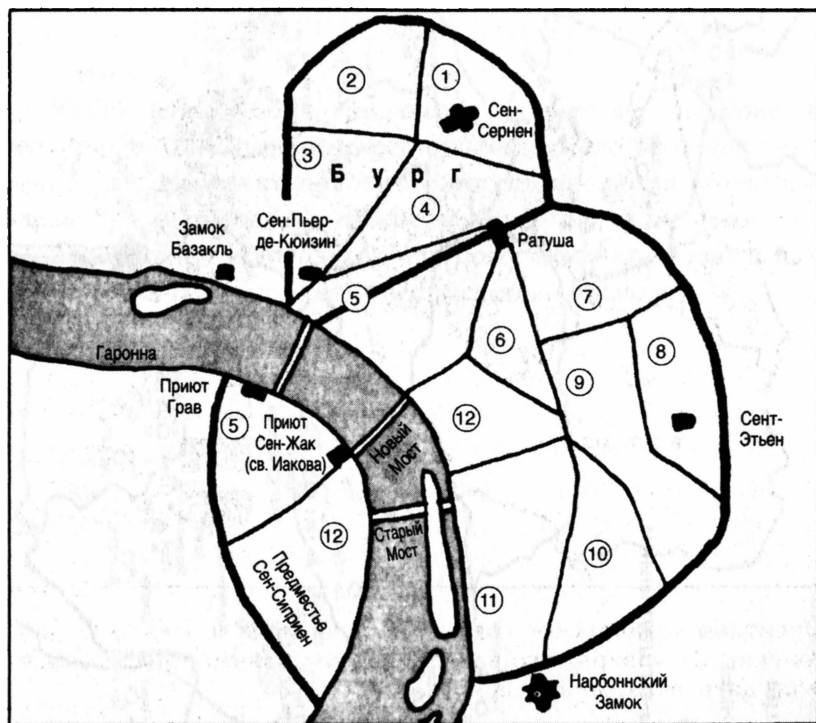
НИЩЕНСТВУЮЩИЕ ОРДЕНА В ЛАНГЕДОКЕ В XIII ВЕКЕ

Учреждение нищенствующих орденов в Лангедоке, в особенности доминиканского ордена, имело большое значение для движения духовного восстановления, которое благодаря проповедям, примеру смирения, а иногда и через посредство Инквизиции сопровождало крестовый поход против альбигойцев, предписанный Римом.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

ПЛАН ТУЛУЗЫ В НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

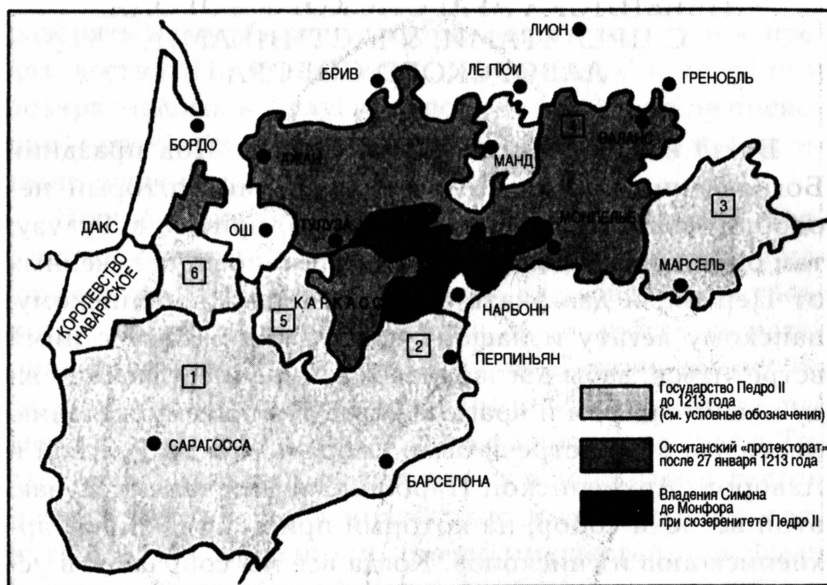

Двенадцать капитулатов

1 Сен-Сернен	7 Сен-Ром
2 Сен-Жюльен	8 Сент-Этьен
3 Сен-Пьер-де-Кюизин	9 Сен-Пьер Сен-Жеран
4 Тор	10 Сен-Бартеlemi
5 Дорад	11 Дальбад
6 Сен-Пьер Сен-Мартен	12 Пон-Вье

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

ОКСИТАНО-КАТАЛОНОСКОЕ ГОСУДАРСТВО, СОЗДАНОЕ ПЕДРО II АРАГОНСКИМ В ЯНВАРЕ 1213 ГОДА

Окситано-каталонское государство, созданное Педро II Арагонским 27 января. Его владения и вассальные княжества до этой даты включали в себя:

1. Арагон
2. Каталонию
3. Графство Прованс
4. Графство Жеводан, виконтство Милло и Грез
5. Комменж
6. Беарн

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

ПЕРЕПИСКА АРАГОНСКОГО КОРОЛЯ С ПРЕЛАТАМИ, УЧАСТНИКАМИ ЛАВОРСКОГО СОБОРА

Въезд короля Арагонского в Тулузу. Под праздник Богоявления король Педро Арагонский, который неодобрительно смотрел на дело веры, прибыл в Тулузу; там он оставался долго, посещал еретиков и отлученных от Церкви, и дал знать архиепископу Нарбоннскому, папскому легату и нашему графу, что желает с ними встретиться, дабы договориться о мире и согласии между нашим графом и врагами веры. По общему желанию место для этой встречи было выбрано между Тулузой и Лавором. Архиепископ Нарбоннский созвал по случаю этой встречи собор, на который прибыли двадцать архиепископов и епископов. Когда все мы собрались в условленном месте, король для начала попросил архиепископа Нарбоннского и епископов вернуть трем графам, Тулузскому, Комменжу и Фуа, а также Гастону Беарнскому их земли. Однако архиепископ в ответ попросил короля записать свои просьбы и отправить их, запечатав свиток своей печатью, епископам в Лавор. Король, любезно улыбнувшись нашему графу, его брату и его сыновьям, попросил графа перестать чинить зло его врагам на ту неделю, пока будут длиться переговоры. На что граф, исполненный благородства и любезности, ответил: «Из уважения к вам, ваше величество, я обе-

щаю, что в течение этой недели не буду — нет, не чинить зло нашим врагам, но действовать им во благо, ибо полагаю, что, сражаясь с противниками Христа, я творю благо, а не зло». Сам же король пообещал от имени наших врагов, что они не станут нападать на наших все то время, пока будут идти переговоры, однако эти бесчестные люди, несмотря на заверения короля, как только узнали, что мы собрались вместе, направились в наши земли, в сторону Каркассона, и принялись разорять их, и убили множество наших. О, гнусное предательство! На третий день, покинув место встречи и возвратившись в Тулузу, король отправил архиепископам и епископам свои просьбы записанными и изложенными в таких словах:

Просьбы короля. «Просьбы, с которыми король Арагонский обратился к Лаворскому собору. Поскольку наша святая мать Церковь обладает, как говорят, не только суровостью карающего бича, но и добротой материнского лона, Педро, верный сын Церкви, милостию Божией король Арагона, смиреннейше обращается к вашему святейшеству и настоятельно просит за графа Тулузского, желающего возвратиться в лоно нашей святой матери Церкви, моля милосердно и великодушно вернуть ему его владения и прочее имущество, кои были им утрачены; за причиненные им бесчинства он обязуется расплатиться так, как сочтет справедливым Церковь, и возместит ущерб и загладит оскорбления, причиненные различным храмам и различным прелатам так, как предпишет ему наша милосердная и святая мать Церковь. Если же вдруг Церковь откажется исполнить просьбу короля применительно к самому графу, король возобновляет свою просьбу и свое заступничество в пользу его сына; что же касается отца, тот тем не менее лично расплатится за прежние свои бесчинства, отправившись со своими рыцарями на помощь хри-

стианскому воинству либо биться с сарацинами, либо в заморские страны, согласно тому, что сочтет наилучшим Церковь, однако сын его пусть остается в своих землях, надежно защищенным и тщательно оберегаемым ради славы Божией и славы Церкви до тех пор, пока мы не убедимся, что он стоит на истинном пути. Поскольку граф де Комменж никогда не был еретиком и не принимал у себя еретиков, но, скорее, сражался с ними и утратил, как говорят, свои владения из-за того, что пришел на помощь своему сюзерену и родичу графу Тулузскому, названный король за него заступаетеся и просит, поскольку это его вассал, вернуть ему его земли; если будет доказано, что на нем есть какая-либо вина, он загладит ее согласно воле Церкви. Поскольку граф де Фуа не еретик и никогда им не был, названный король просит за него, своего вассала и своего возлюбленного родича, которому не может бесстыдно отказать в том, чтобы поддержать его в его праве, из милости и уважения к королю вернуть ему его имущество; однако же он загладит свою вину согласно воле Церкви во всем, где милосердная наша мать Церковь сочтет, что он в чем-либо провинился. Что же касается Гастона, его вассала, король просит и сердечно молит о том, чтобы ему вернули его земли и владения его вассалов, тем более, что он готов встать на истинный путь и держать ответ перед праведным судом согласно воле Церкви, если вы не сможете сами ни выслушать его, ни рассудить его дело. Во всем, о чем говорилось выше, названный король предпочитает взывать к вашему милосердию, а не суждению. Он предает вашему милосердию своих епископов, своих клириков и своих баронов: он смирится со всем, что будет решено между ними и вами по делам, о коих говорилось прежде, и молит вас соблаговолить проявить понимание, дабы он мог располагать помощью этих сеньоров и графа де Монфора в испанском

крестовом походе против Альмохадов во славу Божию и к величайшему благу святой Церкви. Писано в Тулузе, XVII февральских календ».

Ответ прелатов. «Прославленному и возлюбленному во Христе Педро, милостью Божией королю Арагонскому и графу Барселонскому, Лаворский собор с поклоном и искренней любовью во Христе. Мы ознакомились с просьбами и ходатайствами, с которыми ваша королевская светлость обращается к нам, заступаясь за графа Тулузского (и его сына), графов Фуа и Комменжа и благородного сеньора Гастона Беарнского. В этих письмах, среди прочего, вы называете себя верным сыном Церкви. Мы также возносим хвалу, благодарность и молитвы Господу нашему Иисусу Христу и восхваляем ваше королевское величие. И в силу той взаимной любви, какая, насколько нам известно, царит между вами и нашей святой матерью Церковью, и из уважения к вашему королевскому величеству, мы сердечно склоняемся на ваши просьбы во всем, что для нас возможно сделать по воле Господней. Мы полагаем своим долгом на ваши просьбы и ходатайство в пользу графа Тулузского и его сына ответить вашей королевской светлости: Высшею властью мы отрешены от дела графа и его сына, ибо граф Тулузский добился от его святейшества папы, чтобы его дело было поручено нашему достопочтенному брату епископу Риеса и мэтру Тедизу на определенных условиях. Вы помните о тех беспредельных и неизменных милостях, какие его святейшество папа оказывал названному графу после всех его бесчинств, а также и то, какую милость благодаря вашему вмешательству и по вашим просьбам достопочтенный отец архиепископ Нарбоннский, папский легат, в то время настоятель Сито, оказал названному графу в Нарбонне и Монпелье два года назад, если память нам не изменяет. Легат хотел оставить графу в целостности и сохранности

все его владения и права в еретических местностях, какие находились в его владениях. Что же касается других еретических местностей, какие находились за пределами его владений (граф насчитывал таковых по меньшей мере пятьсот), легат хотел, чтобы четверть или даже треть их была конфискована в пользу графа. Граф отклонил эту великую милость, какую оказывали ему его святейшество папа, его легат и Божия Церковь: он нарушил все клятвы, данные им в присутствии легатов; он творил одно беззаконие за другим, совершал одно преступление за другим, одно злодеяние за другим; он объединился с еретиками, бродягами и прочими проклятыми, чтобы еще более жестоко напасть и причинить еще больший ущерб Церкви Божией, всему христианству, вере и миру, так что сделался недостойным всякой милости и всяких благодеяний. На ваши просьбы, касающиеся графа де Комменжа, мы считаем нужным ответить следующее: Мы знаем из верных источников, что он совершил множество бесчинств, нарушил свою клятву, заключил союз с еретиками и их пособниками, нападал на Церковь сообща с этими зачумленными, так, будто намеревался отомстить за лично ему нанесенное оскорбление, что впоследствии его настоятельно просили остановиться на этом пути, опомниться и примириться с католическим сообществом; однако граф продолжал и продолжает вести себя все так же непотребно, за что был отлучен он Церкви и предан анафеме. Именно он, граф де Комменж, вовлек в войну графа Тулузского, как тот, говорят, имеет обыкновение утверждать; стало быть, на нем лежит ответственность за продолжение военных действий и многочисленные беды, которые проистекли из этого для Церкви. Тем не менее, если он покажет себя достойным блага отпущения грехов, Церковь не откажет ему в удовлетворении его просьбы, но лишь после того, как ему будут отпущене-

ны его грехи и он обретет право предъявлять иск в суде. На просьбы и заступничество вашего величества в пользу графа де Фуа мы отвечаем так. Доказано, что в течение долгого времени этот граф укрывал еретиков, и сегодня еще является их укрывателем и защитником, поскольку нет сомнения в том, что те, кто верит еретикам, сами являются еретиками. Этот граф повинен в многочисленных и весьма тяжелых бесчинствах: он грабил и разрушал церкви, несмотря на данные им лично клятвы и обязательства; он поднял руку на клириков и бросил их в тюрьму (за это и многое другое его наказали отлучением от Церкви и предали анафеме). Даже после того как легат, благодаря вашему вмешательству и по вашим просьбам, даровал помилование названному графу, тот продолжал жестоко истреблять крестоносцев, духовенство и мирян, которые в простоте своего сердца выступили против лаворских еретиков. Ваше королевское величество, должно быть, помнит, сколь велика была эта милость, ибо легат по вашему желанию и в ответ на ваши просьбы предложил графу соглашение, и точно известно, что граф это соглашение не принял, и существует даже ваше письмо, адресованное графу де Монфору, скрепленное вашей королевской печатью и содержащее по поводу этой милости следующие слова: «Мы берем на себя перед вами такое обязательство, что, если названный граф откажется подчиниться этому приказу и впоследствии вы не станете прислушиваться, когда мы будем за него просить, мы нисколько не будем на вас в обиде». Однако, если речь идет о том, каким образом заслужить благодать отпущения грехов, и если впоследствии, когда грехи ему будут отпущены, он станет на что-либо жаловаться, Церковь не откажет ему в правосудии. Что касается Гастона Беарнского, вы настоятельно просили, чтобы ему возвращены были его владения и феодалы его вассалов, и на это мы вам отвечаем так. Не говоря о прочих

многочисленных или, вернее сказать, бесчисленных обвинениях, выдвинутых против него, он объединился с еретиками, их пособниками и их защитниками против Церкви и против крестоносцев: это отъявленный и опасный гонитель церквей и духовенства. Во время осады Кастельнодари он привел графу Тулузскому и графу де Фуа подкрепление, чтобы воевать против тех, кто по приказу его святейшества папы сражался с еретиками и их пособниками; он принял у себя убийцу блаженной памяти легата Пьера де Кастельно; он долгое время содержал на жалованье наемников и продолжает это делать; в прошлом году он привел своих наемников в кафедральный собор в Олороне: они перерезали веревку, на которой держалась дароносица, и та упала на пол, по которому (страшно и мерзко сказать) рассыпалось тело Господа Нашего; один из наемников, желая посмеяться над клириками, надел епископское облачение и стал изображать епископа, служащего мессу; рассказывают даже, будто он произнес проповедь в самой церкви и принимал пожертвования от других наемников. Он нарушил свои клятвы. Он грубо обошелся с клириками. По этим и по другим причинам, о которых мы сейчас умолчим, названный Гастон был отлучен от Церкви и предан анафеме. И тем не менее, если он, как положено, даст удовлетворение Церкви и получит отпущение грехов, тогда, но лишь после того, как грехи ему будут отпущены, если он станет на кого-либо жаловаться, его справедливые сетования будут услышаны. Если же дело будет обстоять по-другому, вашему королевскому величеству не следует вступаться за названных еретиков. Что касается нас, мы не посмели бы дать другой ответ по поводу таких особ и таких деяний. Мы предупреждаем об этом вашу королевскую светлость и просим вспомнить, какая честь была вам оказана папским престолом, и какая честь оказана вашему родст-

веннику, славному королю Сицилии, и какое обещание вы дали его святейшеству папе во время вашей коронации, и какие предписания исходили от папского престола. Мы молим Господа о том, чтобы Он сохранил вас на многие лета к своей славе и к чести святой католической Церкви. Если наш ответ не удовлетворит ваше королевское величество, мы постараемся из уважения к вам и ради вашей милости сообщить об этом его святейшеству. Писано в Лаворе XV Февральских календ».

(Пьер де Во-де-Серне, «Альбигойская история», 367—384, J. Vrin, 1951)

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

МЮРЕ: ДВА ВЗГЛЯДА НА СРАЖЕНИЕ (сентябрь 1213 г.)

Два приведенных ниже отрывка представляют нам противоположные точки зрения на битву при Мюре, крупное сражение, в котором король Арагонский, союзник графа Тулузского, выступил против крестоносцев Симона де Монфора. Первый из отрывков взят из «Хроники» Гильома де Пюилорана, Тулузского католического клирика, благосклонного к крестоносцам; второй — из сочинения анонимного автора, создателя второй части «Песни о крестовом походе против альбигойцев», сочувствующего скорее еретикам и графу Тулузскому.

ХРОНИКА ГИЛЬОМА ДЕ ПЮИЛОРАНА

В самом деле, в это же самое время король Арагонский, которому сопутствовала удача в битвах с сарацинами, захотел попытать счастья и в борьбе против христиан. В конце лета он прибыл в Тулузу и, посоветавшись с графами, знатью и горожанами, вышел оттуда с войсками и начал осаду замка Мюре, где граф де Монфор разместил гарнизон, сильно стеснявший Тулузу. К нему пришло большое подкрепление из окрестных краев, так что войско его увеличилось. Узнав об этом, граф Симон тотчас поспешил на помощь своим. Однако вот что я слышал много лет назад от преподобного дона Морена, аббата из Памье, человека достойного веры и

уважаемого во всех отношениях, который, будучи тогда всего лишь ризничим, присматривал за замком Памье. Выйдя из Бульбонна навстречу графу и узнав из его уст о том, что он пришел помочь осажденным, и даже сражаться с осаждавшими, если те ждут его на равнине, он ответил: «У вас мало людей в сравнении с вашими врагами, среди которых находится король Арагонский, человек весьма искусный и испытанный в сражениях, а с ним и графы, и многочисленное войско; стало быть, если вы с таким малым войском вступите в бой против короля и его столь обильного войска, силы будут неравны». Но граф, выслушав эти слова, достал из сумы у своего пояса письмо. «Прочтите это письмо», — сказал он, и ризничий узнал из него, что король Арагонский обращался к некоей знатной даме, супруге знатного дворянина из Тулузского диоцеза, уверяя ее, что из любви к ней хочет изгнать французов из своего края, и присовокупляя к этому прочий вздор. Прочитав письмо, ризничий спросил графа: «И что вы хотите этим сказать?» — «Что я хочу сказать? — вскричал граф. — Что Господь придет мне на помощь и что я мало испытываю страха перед человеком, способным ради женщины разрушить Божие дело». Сказав это, он поспешно убрал письмо. Может быть, кто-либо из слуг или секретарь названной знатной дамы сделал с него копию для графа, считая письмо достойным внимания, и граф носил его при себе как свидетельство перед Господом против того, кто, изнежившись, не думал и не опасался, что даже и положившись на Бога кто-то может с ним сразиться.

И вот граф и его люди, продолжив путь, вошли в Мюре; и когда они шли через мост, враги могли бы, если бы захотели, без труда счесть их всех до одного. И там, после того, как явились сопровождавшие графа преподобные отцы, а именно Фульк, епископ Тулуз-

ский, Ги, епископ Каркассонский, и Бедез, епископ Агдский, они принялись, памятуя о злополучиях войны, совещаться с целью добиться мира или перемирия; но, поскольку король не соглашался ни на то, ни на другое, кроме как на позорных и причиняющих ущерб Церкви условиях, граф Симон, полагая, что, если он оставит этот замок врагам, весь край поднимется против него, дабы к ним присоединиться, так что новые бедствия будут хуже прежних, а кроме того, зная, что защищает дело Бога и веры, тогда как другие шли против и были связаны узами отлучения от Церкви, предпочел подвергнуться кратковременной опасности, но не способствовать медлительностью и бездействием нарастанию дерзости своих врагов. Чего же еще? Крестоносные воины избрали для сражения день, следующий за праздником Воздвижения Креста Господня; и тогда, исповедавшись в своих грехах и, как обычно, прослушав мессу, получив спасительный хлеб от алтаря и подкрепившись скудной пищей, они облачились в доспехи и приготовились к сражению. Однако в миг, когда граф собирался сесть верхом, у его коня лопнула подпруга, он спешился, и подпругу тотчас починили; но, когда он снова стал садиться в седло, конь с такой силой ударил его головой в лоб, что некоторое время он пребывал совершенно оглушенным, так что, если бы он верил, как делают многие, скитающимся по стране бродячим гадателям, ему следовало бы опасаться, как бы с ним в бою не произошло чего-либо недоброго.

Словом, они решили не выступать прямо против войска осаждающих, дабы не подвергать коней граду стрел, и направились к воротам, расположенным с восточной стороны, тогда как лагерь был разбит, напротив, с западной, так что враги, не разгадав их умысла, решили поначалу, будто они обратились в бегство, но, пройдя немного в этом направлении, они, наконец, пе-

решили через ручей и вышли на поле боя. Там были, с графом де Монфором, Ги, его брат, Бодуэн, брат графа Тулузского, Гильом де Барр, Алан де Руси и многие другие, общим числом около тысячи воинов.

Король Арагонский стал готовиться к бою, хотя граф Тулузский, напротив, советовал остаться в лагере, чтобы осыпать стрелами и дротиками кавалерию осажденных, с тем, чтобы потом, ослабив их таким образом, вернее на них напасть и с большею легкостью изрубить или обратить в бегство, ибо они, за неимением съестных припасов, не могли оставаться в замке; но король не пожелал к нему прислушаться, приписав этот совет страху, и назвал графа трусом. И потому, выстроив свои войска в боевом порядке, он вступил в битву, и первый натиск был поручен графу де Фуа, за которым следовали каталонцы и множество солдат. С другой стороны, как мне известно от сеньора Раймонда, последнего графа Тулузского (который, в силу своей тогдашней неспособности сражаться из-за своего возраста, был препровожден верхом на коне, взятом под уздцы, на вершину холма, откуда мог наблюдать за сражением), выступил граф Симон со своими людьми, выстроенными в три отряда, согласно порядку и обычаю воинского искусства, как он его понимал, таким образом, что последние ряды, ускорив шаг, могли атаковать одновременно с первыми, и зная наверное, что удар, нанесенный всеми вместе, приводит к победе; и они с первого же натиска так потеснили врага, что гнали его перед собой по равнине подобно тому, как ветер гонит пыль по земле, и бегущие старались как могли укрыться за последними рядами своего войска. Затем победители повернулись в ту сторону, где был король, чей стяг они различили, и устремились на него с такой яростью, что звон оружия и грохот битвы долетели по воздуху до места, где находился тот, от кого я услышал этот рассказ, так, как если

бы лес рушился под ударами множества топоров. Там был убит король со множеством знатных арагонских сеньоров, которые полегли вокруг него. Остальные обратились в бегство, и многие во время этого были убиты. Сам граф Тулузский и граф де Фуа, равно как прочие, обязаны своим спасением лишь поспешному отступлению...

Однако жители Тулузы, укрывшиеся в лагере за повозками и в прочих укрытиях, не знали, на чьей стороне победа, до тех пор, пока, разглядев наконец отличительные знаки тех, кто возвращался, гоня перед собой бегущих, они не устремились беспорядочно к судну, стоявшему у них на Гаронне; те, кому удалось подняться на борт, спаслись, остальные же утонули или погибли от меча в поле, так что число убитых достигло пятнадцати тысяч. Тело короля братья госпитальеры-иоанниты попросили разрешения забрать, и, найдя его, как говорили, нагим на поле битвы, унесли.

Пока там и здесь на равнине шла резня, многие люди упрекали его за его обращение с пленными, некогда убитыми им в Тулузе. Впрочем, многие попавшие в этом бою в плен, умерли в тюрьме или же были выкуплены, однако ни один человек, воевавший на стороне Церквы, не погиб. Вот чем обернулись в этом сражении гордыня и несдержанность для короля, которому всегда сопутствовала удача в сражениях с сарацинами и которого даже отеческая любовь не смогла отвратить от его безрассудных намерений; ибо он передал сына в руки врага как заложника при заключенном между ними перемирии, и тот, если бы пожелал, вполне мог бы его убить, чтобы отомстить за попранную веру. Но жалко было видеть и слышать, как тулузцы оплакивали своих погибших, ибо не было ни одного дома, в котором некого было бы оплакивать, или где не думали бы, будто кто-то из родных убит или, по крайней мере, взят в

плен. Причина всех этих бед была в том, что люди, утратив разум от чрезмерной дерзости, взялись за оружие, объятые единой яростью и полагаясь на человеческие силы, а не на небесное покровительство, тогда как их противника, исполненного веры в Бога, сама его малочисленность хранила от подобного самомнения; и, благоговейно отпраздновав Воздвижение Креста Господня, они в этот день этим самым крестом победили врага, как достойные поборники Христа, коими они и были. Вернувшись с победой в свой лагерь, они возблагодарили Господа нашего Иисуса Христа за то, что он помог им победить, несмотря на малое их число, столь превосходящего их врага.

(Гильом де Пюилоран, «История альбигойской войны»,
Документы, связанные с историей Франции
и опубликованные Франсуа Гизо;
Guillaume de Puylaurens, *Histoire de la guerre des albigeois*,
Mémoires relatifs à l'histoire de France publiés par François
Guizot, tome 15, J — L. Brière, 1824, pp. 242—248.)

ПЕСНЬ О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ

Король встал первым, ведь с людьми он говорить умел.
«Сеньоры, — людям рек король, — граф де Монфор посмел
Наш вызов рыцарский принять, войти в Мюре рискнул.
Так примем меры, чтобы враг от нас не ускользнул!
Еще до ночи грянет бой. Мир злее сеч не знал!
Так бейте ж грозного врага, валите наповал,
Дабы в бою и ваш отряд от вас не отставал,
И час победы над врагом быстрее наставал».
И так сказал Тулузский граф, когда черед настал:
«О сир! Коль вы хотите знать, что скажет Ваш вассал,
То вот что я бы в этот час исполнить приказал.
Не нужно долго говорить, коль враг свиреп и зол,
Давайте вокруг своих шатров поставим частокол,

Когда бы недруг одолеть преграду захотел,
То стали б воины врага добычей наших стрел
И мы бы гнали остальных по грудам мертвых тел».
«О граф! — воскликнул дон Мигель. — Да кто Вам право дал
Столь сомневаться в короле? Коль скоро миг предстал
Сойтись с врагом лицом к лицу, Господь бы не простил,
Когда б из трусости король победу упустил».
«Что я могу еще сказать? — вновь граф заговорил. —
Когда мы грянем на врага, являя ратный пыл,
Весь мир увидит, кто из нас презренным трусом был!»
«К оружию!» — тут раздался крик. И всяк свой меч схватил;
Бароны шпоры в скакунов вонзили что есть сил,
Спеша в погоню за врагом, что в город уходил.
Сдается мне, что хитрый враг сию атаку ждал.
Войти в ворота за собой как будто приглашал.
И створ распахнутых ворот сраженью не мешал.
Тот бил противника копьем, тот тяжкий дрот метал;
И с той, и с этой стороны никто не уступал,
Покрылась кровью вся земля и створ ворот стал ал.
Но дело кончилось ничем, никто не победил.
Тулузцы в лагерь отошли. Враг в город отступил.
Настало время отдыхать, баронов зной томил,
Но тут тулузцев граф Монфор в ловушку заманил,
Он повелел седлать коней, к атаке дал сигнал,
И каждый рыцарь скакуна взнуздал и оседлал.
Граф недостаток сил и средств коварством возместил,
Он войско вывел из ворот и с Богом отпустил,
Однако прежде вот о чем баронам возвестил:
«Внемлите, рыцари мои. Враг нас врасплох застал.
Какой могу я дать совет? Ведь я вас всех призвал
Затем, чтоб каждый шел вперед и жизнью рисковал!
Глаз не смыкая ни на миг, я в эту ночь не спал,
О деле думал до зари, до света размышлял,
И вот, сеньоры и друзья, какой я план избрал.
Спешите к лагерю врага, пересекая дол,
Дабы тулузцы, увидав сих копий частокол,
Все разом бросились на вас, ища себе похвал,

И будь что будет, а не то для нас весь край пропал». «Бароны, надо рисковать, — граф Бодуэн сказал, — Не тот плох рыцарь, кто в бою на землю мертвым пал, А тот, что век свой в нищете позорно прозябал!» Епископ рыцарей Креста на бой благословил, На три отряда граф де Бар баронов разделил, Оруженосцев и пажей сеньорам ставя в тыл. И по тропинке через топь враг тайно поспешил К палаткам и шатрам.

Враги к палаткам и шатрам пошли по хлябям блат, Свои знамена развернув, сверкая сталью лат, И был отделкой золотой украшен каждый щит, И так сияли те мечи, будто заря горит. Король, кого за доброту я здесь восславить рад, Увидев рыцарей Креста, скажу не наугад, Сам поспешил навстречу им, взяв небольшой отряд. Толпой валил за королем и весь тулузский люд, Безумцам детскою игрой казался ратный труд, Никто не слушался старшин, не знал, что делать тут. Когда в делах порядка нет, то плох и результат. Король воскликнул: «Все ко мне!» — но был сметен и смят, И не нашелся ни один сеньор или солдат, Кем бы услышан был король и под защиту взят. Уж ранен доблестный король, уж он в крови лежит, Та кровь струится по земле и, как ручей, бежит. У тех, кто видел ту резню, померк от горя взгляд, Народ решил, что тут виной измена и разлад, Все в страхе бросились бежать куда глаза глядят, Никто себя не защищал и не глядел назад, Бегущих в спину враг разил тем больше во сто крат, Вплоть до Ривеля шла резня, как люди говорят. Далмат спасенье от меча искал средь бурных вод. Он крикнул: «Горе и беда, спасайте свой живот: Погиб наш доблестный король, опора и оплот, И пало Рыцарство во прах, как перегнивший плод, И тех, кого оставил Бог, сегодня гибель ждет».

Когда же реку пересек отважный рыцарь тот,
Тулузцы, рыцари и знать, и весь простой народ
Всем скопом бросились к реке, ища надежный брод.
Счастливец, реку перейдя, тем самым жизнь спасет,
Но многих бурная река в могилу унесет!
Достался рыцарям Креста весь лагерь, скарб и кладь,
И весть по свету разнеслась, что арагонцев рать
Погибла, столько храбрецов, что и не сосчитать,
Досталось воронью.

(«Песнь о крестовом походе против альбигойцев»,
цит. по: Ж. Брюнель-Лабришон, К. Дюамель-Амадо.
«Повседневная жизнь во времена трубадуров.
XII—XIII века». М., «Молодая гвардия»,
«Палимпсест», 2003, сс. 383—386.
Перевод со староокситанского И. Белавина)

ПРИЛОЖЕНИЕ X

МЯТЕЖ ТРЕНКАВЕЛЯ (1240 г.)

В то время, когда легатом был епископ Турне, папа поручил братьям, принадлежавшим к доминиканскому ордену, провести дознание против еретиков, и с этой целью были направлены братья Пьер Селлани и Гильом Арно; они призвали к ответу нескольких тулузских еретиков, коих, как им казалось, они с большей легкостью могли бы убедить, и сообщили о них как о признанных еретиках; затем расследование мало-помалу добралось до некоторых более значительных людей. Из этого вышло так, что некоторые из них, люди весьма богатые, стали препятствовать действиям инквизиторов; это принесло такое зло и оказало такое действие, что братьям, равно как и епископу, пришлось покинуть город, и даже целый монастырь братьев-доминиканцев разом был изгнан; что же касается того, чему подвергли каноников церкви и их людей, об этом я лучше умолчу из уважения к городу, население коего, в целом доброе, в настоящий момент заражено небольшим количеством дурной закваски. В это же самое время епископ Турне был освобожден от бремени своих обязанностей и был заменен преподобным сеньором Иоанном, архиепископом Вьенским; об этом, если прочесть то, что его святейшество папа Григорий IX написал ему по поводу сказанного выше, можно узнать всю правду. Что же касается названного епископа, он, несмотря на недав-

шую его лихорадку, не замедлил явиться к папскому престолу и поведать папе о творящемся зле. Впрочем, многие вещи были улажены благодаря заботам нового легата, с тем, чтобы дознание могло вестись более свободно; было установлено, что тому, кто захочет чисто-сердечно рассказать всю правду о себе и о других и поклянется впредь не повторять того же, не надо будет опасаться ни за себя, ни за свое добро, и покаяние его будет принято. И даже, поскольку братьев доминиканцев опасались из-за чрезмерной их суровости, к ним присоединили монаха из францисканского ордена, который должен был своей мягкостью умерить их суровость; больше того, к этому было прибавлено, что инквизиторы будут сами разъезжать по различным городам края, и там допрашивать жителей, дабы те не могли пожаловаться на неудобства, испытываемые ими при удалении от родных мест. Все так и было сделано, и инквизиторы, прибыв в Кастельнодари, призвали к себе мужчин и женщин, живших по соседству, и почти все они оказались настолько тесно связаны между собой, что от них нельзя было добиться правды или почти ничего нельзя было вызнать. И потому, внезапно и без предупреждения, братья доминиканцы перебрались в Пюи-Лоран, где никто еще не успел сговориться, и там они получали сносные признания до тех пор, пока бумагой, неведомым образом полученной от городского управления, расследование не было надолго приостановлено.

Тем временем архиепископ Вьеннский был отрешен от своей должности, и папа послал на его место легата *a latere*¹, а именно епископа Прене, кардинала римско-католической церкви.

¹ *Légat à latere* — папский легат, избранный из ближайшего окружения.

В год от Рождества Христова 1239, в третий день июня месяца, в субботу, в шесть часов, произошло солнечное затмение; другое произошло в том же году в день святого Иакова. На этот раз солнце затмилось более, чем бывает это к вечеру, когда лучи его слабеют, однако не так, как в прошлый раз, ибо тогда наступила такая темень, что показались звезды.

В следующем году (год от Рождества Христова 1240) граф Тулузский, собрав многочисленное войско, летом вошел в Камаргу и напал на город графа Арльского близ Тренкетайля, по эту сторону Роны, и война шла почти все лето, и в ней чередовались штурмы и оборона укреплений посредством камнеметов и осадных машин и сражения на реке. На помощь графу Тулузскому пришли марсельцы, ибо он был их сеньором.

В то же время Тренкавель, сын прежнего виконта Безье, сговорившись со знатными сеньорами Оливье де Термом, Бернаром д'Орзалем, Бернаром Югом де Серлонгом, Бернаром де Вильневом, Югом де Ромегу, его племянником, и Журденом де Сессаком, захватил земли короля в диоцезах Нарбоннском и Каркассонском; и даже в его руки перешли многие замки, Монреаль, Монтолье, Сессак, Лиму, Азиллан, Лорак, в это первое время натиска и смятения он получал все, что хотел. С другой стороны, в Каркассон явились преподобные отцы архиепископ Нарбоннский и епископ Тулузский, затем бароны из этих мест и многие местные клирики со своими людьми и имуществом, считая, будто в городе, а равно и в предместье, они будут в безопасности; в самом деле, епископ Тулузский часто бывал там, проповедуя горожанам, и ободряя их, и предостерегая против измены Церкви и королю, которые, как им было известно, не стали бы долго такого терпеть. Пока произносились увещания и проповеди, город наполнялся зерном и виноградом, стены укреплялись, ставились машины и шли при-

готовления к бою. Но некоторые люди из предместья тайно снеслись с врагом, предлагая его туда впустить. И, когда граф Тулузский, возвращаясь из разоренной им Камарги, прибыл в Пеннотье близ Каркассона, к нему явился королевский сенешаль, который призывал его изгнать из края врагов названного короля. Граф ответил, что по этому поводу он созывает совет в Тулузе, и каждый вернулся восвояси.

Вскоре после того епископ Тулузский, умевший сладкими речами умиротворять ненависть, вместе с сенешалем явился в предместье, собрал горожан и народ в церкви Пресвятой Девы Марии, и там, на алтаре Пресвятой Девы, всех их связал клятвой на теле Христовом, на святых мощах и на святых Евангелиях, обязав всех, кто был в городе, стоять за Церковь и короля и защищать их. Затем, на следующий день, в праздник Рождества Пресвятой Девы Марии, получив от короля письма с тем же гонцом, коего горожане к нему отправили, прелаты и знатные сеньоры, затворившись в городе, с величайшей радостью и торжеством их показали.

Но в ту же ночь случилось так, что изменники, нарушив данные ими клятвы, впустили в предместье врагов короля и Церкви. Многие находившиеся в предместье клирики укрылись в церкви, и, несмотря на то, что от самого правителя получили скрепленное его подписью разрешение идти в Нарбонн с обещанием безопасности, по выходе были встречены этими нечестивцами и предательски зарезаны; таких было человек тридцать, и помимо того еще большее количество людей было убито у ворот. Затем, принявшись рыть землю наподобие кротов, осаждавшие попытались проникнуть в город, но наши, также под землей, вышли им навстречу и оружием, дымом и негашеной известью заставили их прекратить эти работы. Я не премину сообщить, что Бернар Арно, Гильом ле Фор и другие сеньоры из замка Пен-

нотье, несмотря на то что накануне поклялись сенешалю явиться к нему, дабы защищать город, назавтра же нарушили свое обещание и присоединились к врагу. Эти дурные люди были ослеплены собственной злобой и не видели ни того, что могла бы принести им их верность, ни того, чего могло им стоить их предательство.

Во время первого приступа осаждавшие захватили мельницу, защищенную старым и слабым палисадом, и перебили находившихся там юношей. Все время осады бой шел очень близко, и опасность была тем больше, что дома предместья почти примыкали к городу, так что враги могли, оставаясь под прикрытием, причинить ему немало вреда при помощи своих баллист и делать подкопы так, что никто бы не заметил. Впрочем, и с ними обошлись так же, осыпав их камнями из боевых машин.

Так противники сражались около месяца; после чего из Франции прибыло подкрепление, но враг не посмел его дожидаться, поджег во многих местах предместье и оставил его французам, а сам немедленно отступил в Монреаль, где был в свою очередь осажден преследовавшими его войсками. Туда, после битвы, длившейся немало дней, наконец прибыли графы Тулузский и Фуа с предложениями мира, и осажденные, выехав из замка верхом и в доспехах, покинули его вместе с его обитателями. Погода стояла уже такая суровая, что войску опасно было бы там зимовать.

(Гильом де Пюилоран, «История альбигойской войны»,
Документы, связанные с историей Франции
и опубликованные Франсуа Гизо;
Guillaume de Puylaurens, *Histoire de la guerre des albigeois*,
Mémoires relatifs à l'histoire de France publiés par François
Guizot, tome 15, J — L. Brière, 1824, pp. 255—299.)

ПРИЛОЖЕНИЕ XI

ПАДЕНИЕ МОНСЕГЮРА (1244 г.)

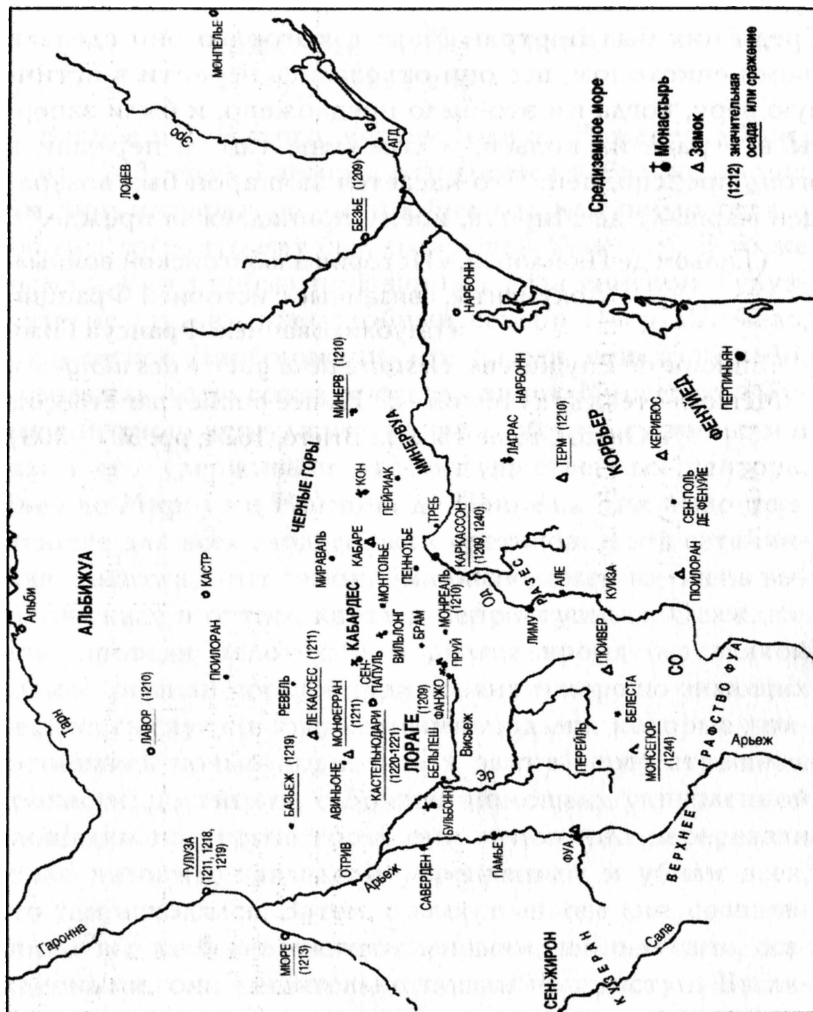
Вскоре после этого, весной года от Рождества Христова 1243, граф Раймонд отправился в Рим ко двору; там, при императоре, он пробыл год или около года и добился того, что ему был возвращен Венессен. В то же время в Рим прибыл призванный туда епископ Тулузский; между тем преподобный сеньор Пьер д'Амель, архиепископ Нарбоннский, дон Дюран, епископ Альби, и сенешаль Каркассона осаждали замок Монсегюр в Тулузском диоцезе, куда незаконно и обманом проникли и давно его удерживали два могущественных сеньора, Пьер де Мирпуа и Раймонд де Пейрель. Там было пристанище для всех злодеев, всех еретиков, и эта сатанинская синагога, этот замок, был расположен на очень высокой скале и оттого казался неприступным. Осаждавшие, проведя рядом с ним долгое время без всякой пользы, решили послать туда ловких и хорошо знающих местность слуг с вооруженными людьми, которые приготовились ночью подняться к замку через страшные пропасти; достигнув, с Божией помощью, укрепленной площадки на уступе горы, они мгновенно перерезали горло часовым, завладели укреплением и убили всех, кто там находился. Затем, с наступлением дня, сравнившись с все же более многочисленными, чем они сами, осажденными, они решительно пошли на приступ. Взглянув на ужасный путь, которым прошли в темноте, они

поняли, что при свете дня никогда бы на такое не отважились; но, поскольку враг оказался запертым наверху, войску нетрудно было подниматься дальше; неверным ни днем, ни ночью не давали передышки, и вскоре, не в силах противостоять натиску верных, они отдали осаждавшим, в обмен на сохранение жизни, замок со всеми находившимися в нем совершенными еретиками, коих, мужчин и женщин, числом было двести или около того. Среди них был Бертран Марти, которого они сделали своим епископом; все они отказались перейти в истинную веру, когда им это было предложено, и были заперты в ограде из кольев, и сожжены там, и перешли в огонь преисподней. Что касается замка, он был возвращен маршалу де Мирпуа, коему принадлежал прежде.

(Гильом де Пюилоран, «История альбигойской войны»,
Документы, связанные с историей Франции
и опубликованные Франсуа Гизо;
Guillome de Puylaurens, *Histoire de la guerre des albigeois*,
Mémoires relatifs à l'histoire de France publiés par François
Guizot, tome 15, J-L. Brière, 1824, pp. 307—308)

ПРИЛОЖЕНИЕ XII

ОСНОВНЫЕ МЕСТА, СВЯЗАННЫЕ С КРЕСТОВЫМ ПОХОДОМ ПРОТИВ АЛЬБИГОВЦЕВ

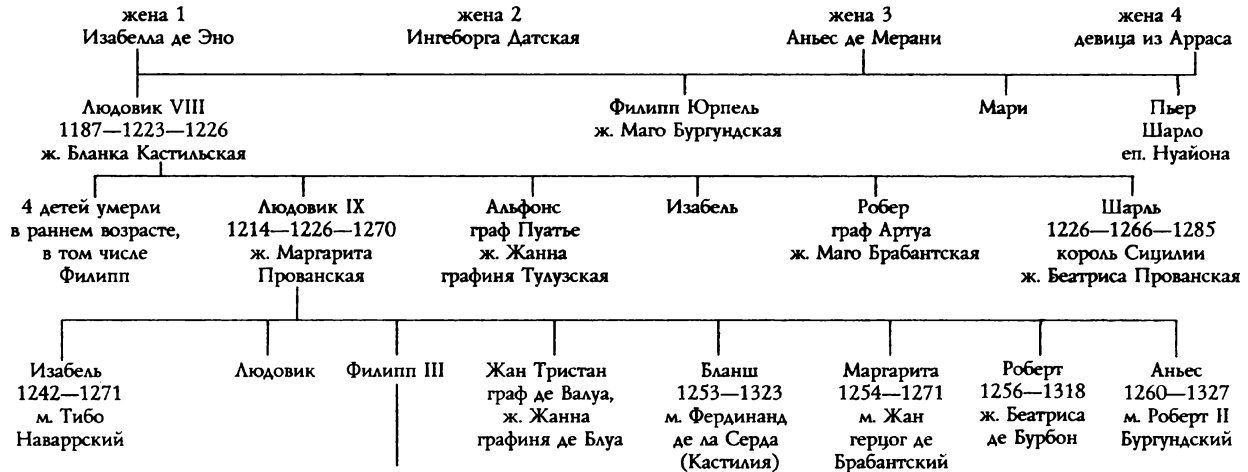

ПРИЛОЖЕНИЕ XIII

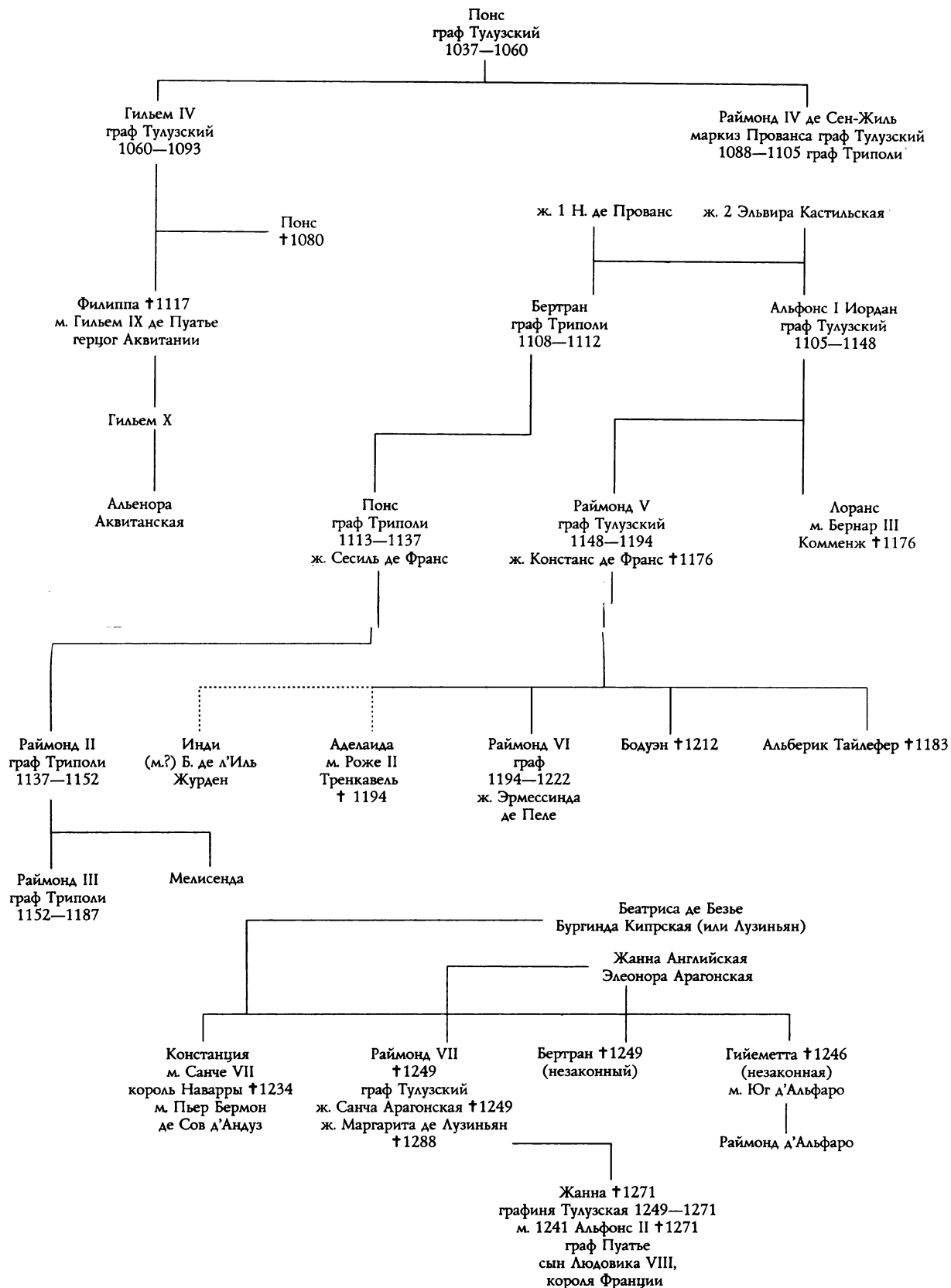
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

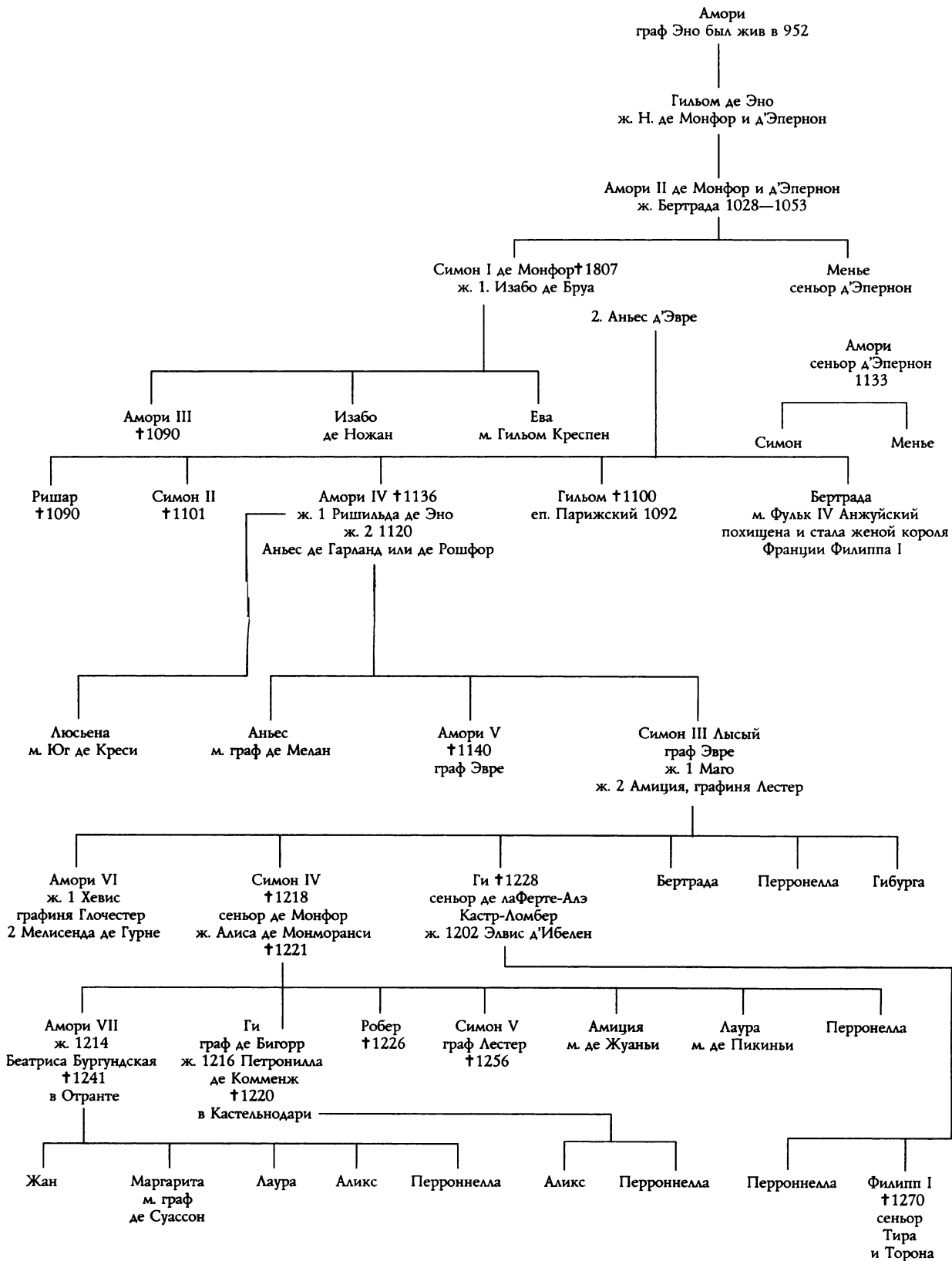
ПОТОМКИ ФИЛИППА АВГУСТА

Филипп Август
1165—1180—1223

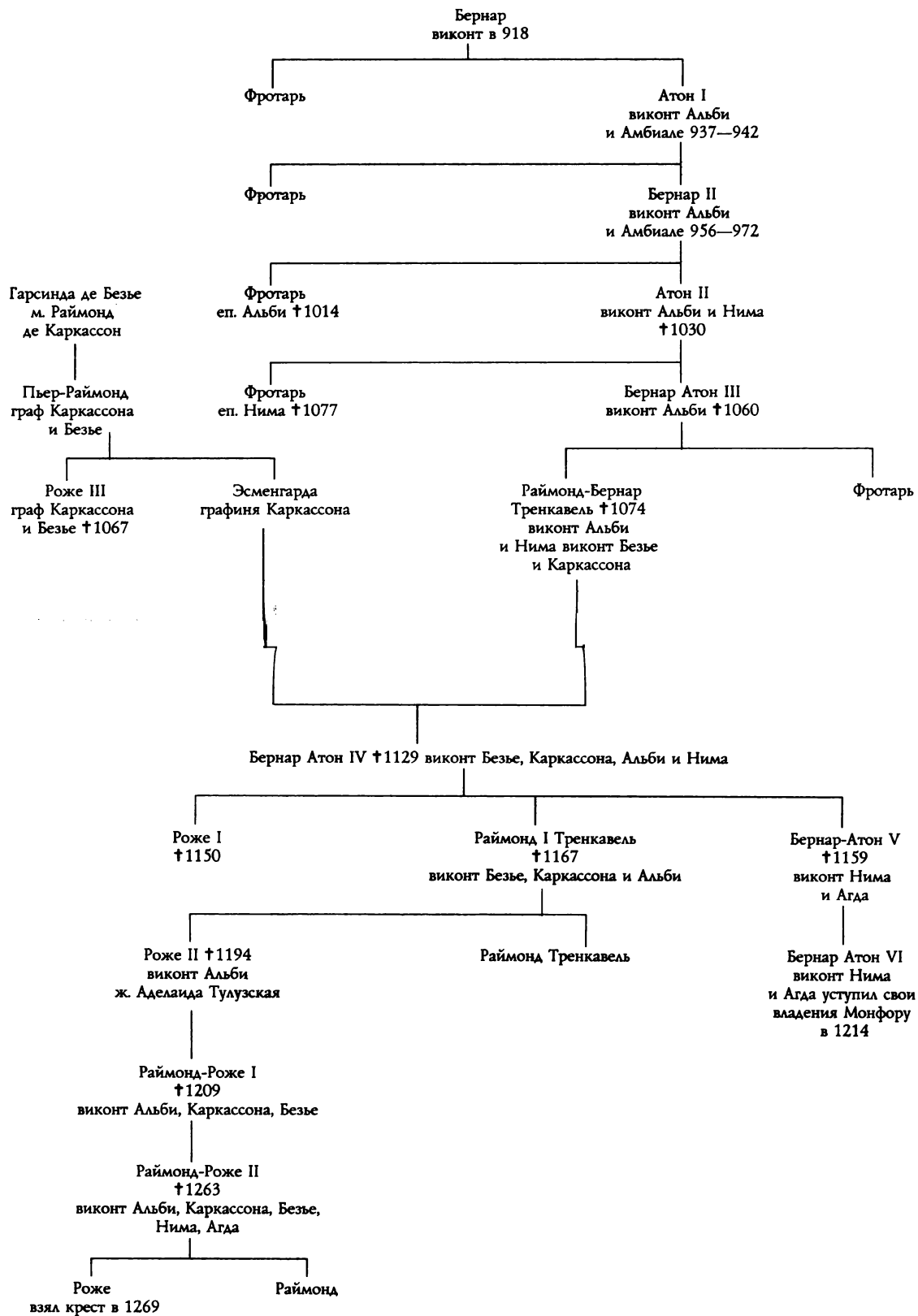

ГРАФЫ ТУЛУЗСКИЕ

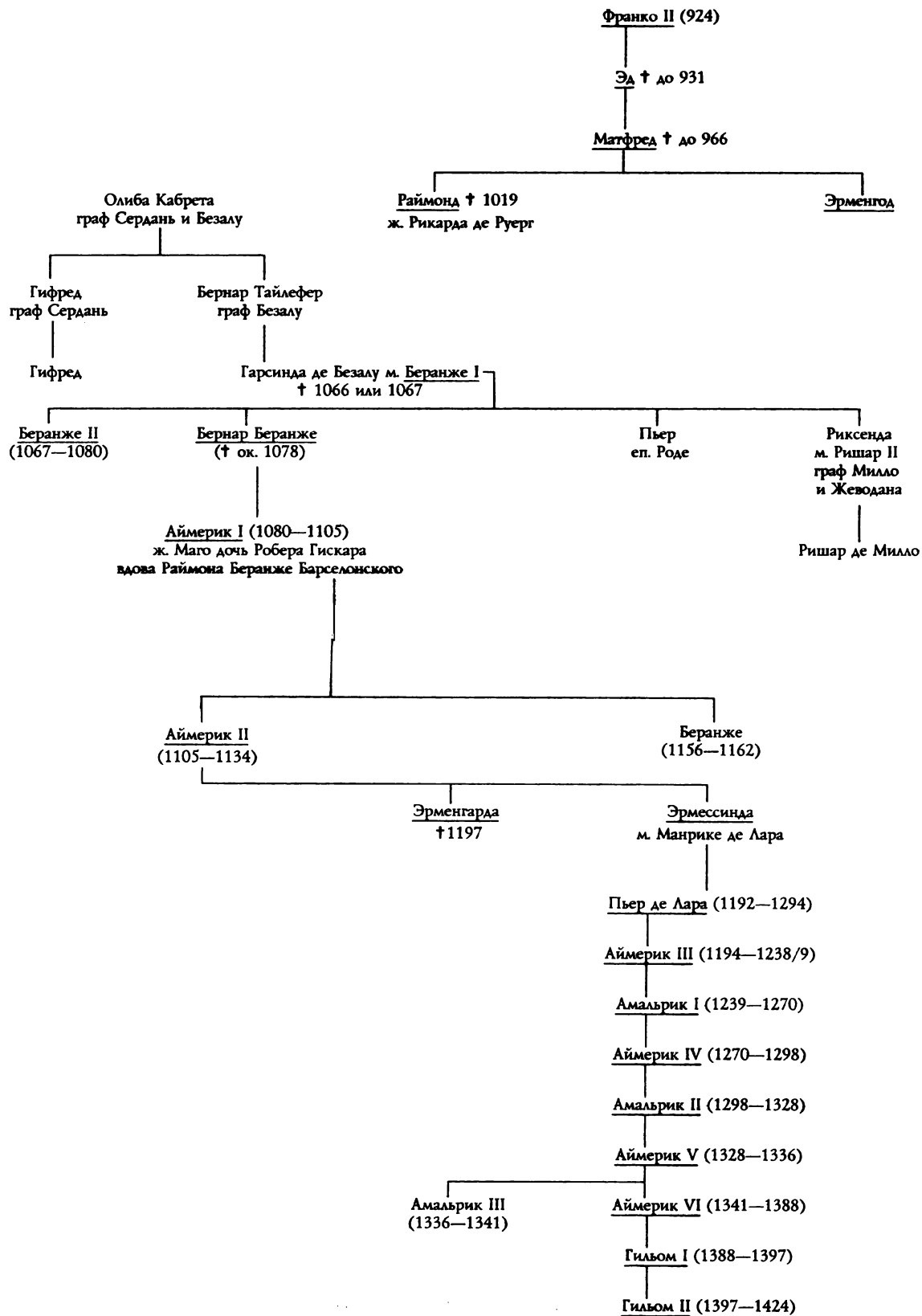

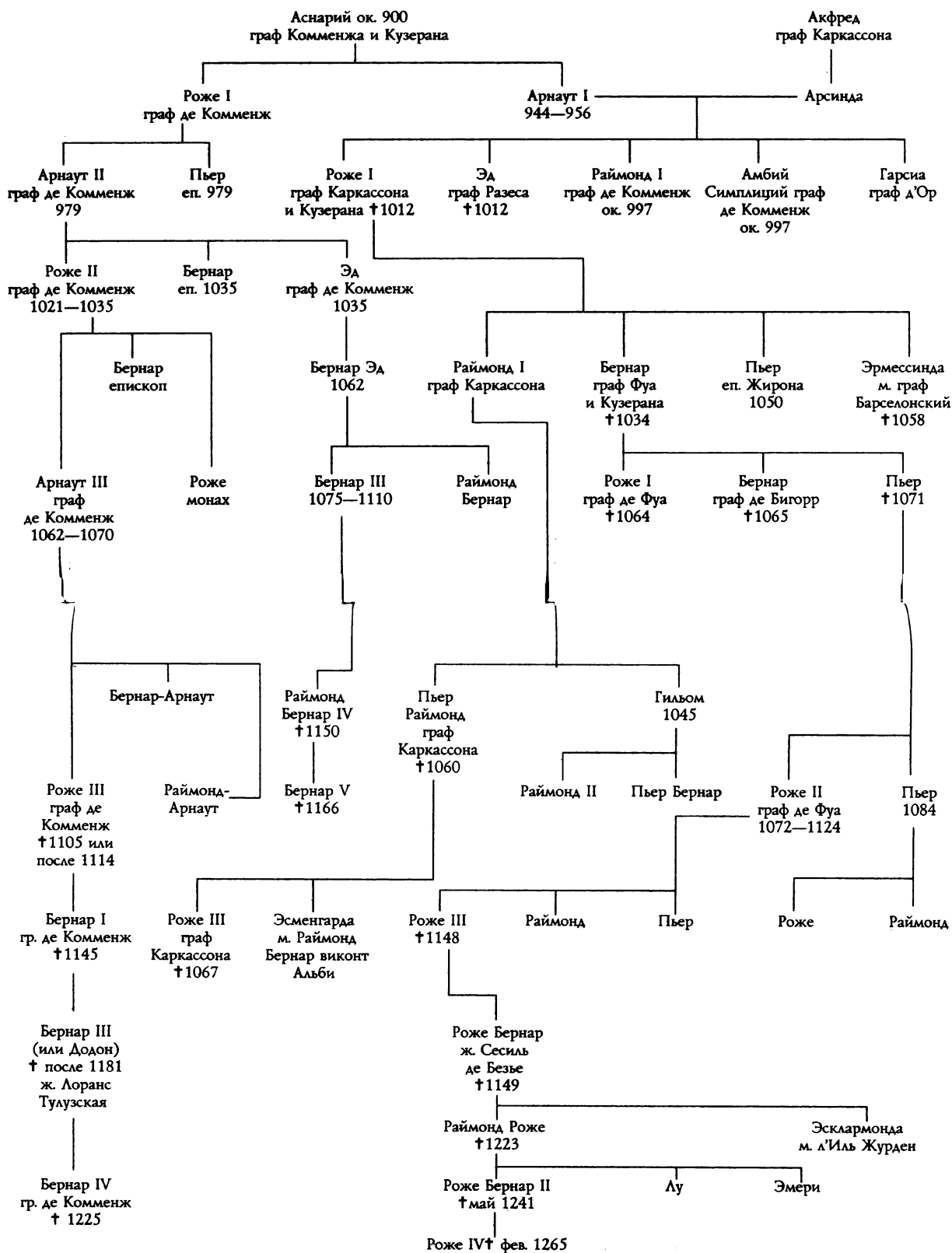
ТРЕНКАВЕЛИ

ВИКОНТЫ НАРБОННСКИЕ

СЕМЬЯ ФУА, КОММЕНЖ И КАРКАССОН (I РОД)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
1. Зарождение катарской ереси (II век по Р.Х. — 1179 год).	15
2. Учение катаров	29
3. Отношение римско-католической церкви к катарской ереси (1049—1209)	53
4. Кровавое лето 1209 года и окончательное завоевание альбигойского края (1209—1210). . .	76
5. От Кастра до Памье: путь Симона де Монфора (1209—1212)	110
6. Вступление в битву короля Педро II Арагонского (начало января 1213 г. — 12 сентября 1213 г.) .	167
7. Собор в Монпелье и Латеранский собор (январь 1215 г. — январь 1216 г.)	192
8. Феодалная война: первые жертвы, Прованс и Тулуза (февраль 1216 г. — сентябрь 1217 г.) .	209
9. Битва за Тулузу (октябрь 1217 г. — 25 июня 1218 г.)	241
10. Крестовый поход короля Людовика (1218—1249 гг.).	281
11. Монсегюр (1240—1244 гг.).	301

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение I. КАТАРСКИЕ ТЕКСТЫ</i>	323
<i>Приложение II. УЧЕНИЕ ЕРЕТИКОВ ИЗ ТУЛУЗСКОГО ГРАФСТВА</i>	342

Приложение III. ГИЛЬЯБЕРТ ДЕ КАСТР, КАТАРСКИЙ ЕПИСКОП	346
Приложение IV. ОБЩАЯ ХРОНОЛОГИЯ	348
Приложение V. НИЩЕНСТВУЮЩИЕ ОРДЕНА В ЛАНГЕДОКЕ В XIII ВЕКЕ	356
Приложение VI. ПЛАН ТУЛУЗЫ В НАЧАЛЕ XIII ВЕКА	358
Приложение VII. ОКСИТАНО-КАТАЛОНСКОЕ ГОСУДАРСТВО, СОЗДАННОЕ ПЕДРО II АРАГОНСКИМ В ЯНВАРЕ 1213 ГОДА	359
Приложение VIII. ПЕРЕПИСКА АРАГОНСКОГО КОРОЛЯ С ПРЕЛАТАМИ, УЧАСТНИКАМИ ЛАВОРСКОГО СОБОРА	360
Приложение IX. МЮРЕ: ДВА ВЗГЛЯДА НА СРАЖЕНИЕ (сентябрь 1213 г.).	368
Приложение X. МЯТЕЖ ТРЕНКАВЕЛЯ (1240 г.) . . .	377
Приложение XI. ПАДЕНИЕ МОНСЕГЮРА (1244 г.) .	382
Приложение XII. ОСНОВНЫЕ МЕСТА, СВЯЗАННЫЕ С КРЕСТОВЫМ ПОХОДОМ ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ.	384
Приложение XIII. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ. .	385

Научно-популярное издание

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Роже Каратини

КАТАРЫ

Ответственный редактор *В. Краснощекова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Л. Никифорова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 03.03.2010.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура «NewJournal».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,0.
Тираж 3000 экз. Заказ № 2105.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-40585-5

9 785699 405855 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanс@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanс-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Катарская ересь, распространившаяся во Франции в Средние века, едва не стала причиной самого драматичного раскола христианской церкви. Альбигойский крестовый поход, предпринятый католиками против Окситании, по территории которой победоносно шествовало учение катаров, стал самой масштабной и кровопролитной междоусобицей в средневековой Европе.

- ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ КАТАРСКОЙ ЕРЕСИ
- ПРИЧИНЫ АЛЬБИГОЙСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА
- МИФЫ И АНТИМИФЫ О КАТАРАХ
- ВЕЛИЧАЙШИЕ БИТВЫ АЛЬБИГОЙСКОГО ПОХОДА
- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТРИГИ
- ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ
- КОСТЕР МОНСЕГЮРА

Огонь, зажженный палачом и его подручными, понемногу занялся, первые языки пламени потянулись кверху, и двести человек – мужчин, женщин и детей – под вопли и плач вспыхнули факелами. Три или четыре часа спустя на плато Монсегюра остались лишь груды обуглившейся, дымящейся и окровавленной плоти. По всей долине распространился чудовищный запах смерти, а монахи и католические епископы, присутствовавшие на этом зловещем торжестве, распевали гимны или читали Pater Noster.

ISBN 978-5-699-40585-5

9 785699 405855 >

Роже Каратини